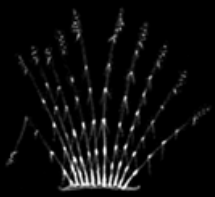
Джон Рональд Руэл Толкиен

Дом Проигранной Игры

Сказки Средиземья



УДК 821.111-313.2
ББК 84 (4Вел)-44
Т52

Толкиен, Джон Рональд Руэл.

Дом Проигранной Игры. Сказки Средиземья: Сборник произведений / Пер. с англ. – 2025. – 472 с.

Эпическое фэнтези одного из основоположников жанра, Дж. Р. Р. Толкиена, полюбилось читателям благодаря знакомству с приключениями хоббитов Бильбо и Фродо Бэггинсов. Однако помимо повести «Хоббит, или Туда и Обратно» и романа «Властелин Колец», профессор Толкиен написал немало других разноформатных произведений, связанных с тем же сказочным миром Средиземья. Представленная читателю книга объединяет сказки и легенды из нескольких различных прижизненных и посмертных источников.

© J.R.R. Tolkien, The Tolkien Trust
© Перевод с английского, оформление: Curumo
© Иллюстрации на обложке: Дж.Р.Р. Толкиен

Содержание

Предисловие переводчика 4

ПЕРРИ ВИНКЛЬ И ОДИНОКИЙ ТРОЛЛЬ 6

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ТОМА БОМБАДИЛА 10

- Прогулка Тома Бомбадила 10
- Том Бомбадил отправляется в плаванье 16
- Однажды, давным-давно 23

ВЕРНЫЙ КАМЕНЬ 25

ЖАЛОБА ГНОМА МИМА 29

ДОМ ПРОИГРАННОЙ ИГРЫ 34

- Эльфвинэ-мореход 34
- Заповедный остров 52
- Песня освобождения 153
- Победитель судьбы 241
- Падение Гондолина 343
- Ожерелье Гномов 424
- Вечер в Тавробэле 461

КОШКИ КОРОЛЕВЫ БЕРУТИЭЛЬ 464

ПОСЛЕДНИЙ КОРАБЛЬ 466

Приложение: Карты Средиземья 470

Предисловие переводчика

Английский писатель и филолог профессор Джон Рональд Руэл Толкиен известен нам в первую очередь благодаря сказке «Хоббит, или Туда и Обратно» и ее эпическому продолжению «Властелин Колец». Возможно, некоторые читатели задавались вопросом: а есть ли другие сказки профессора Толкиена, посвященные той же вселенной Средиземья? В «Хоббите» и «Властелине Колец» упоминаются разорение Гондолина и кошки королевы Берутиэль, древние герои Берен и Турин и другие отголоски старинных преданий; там же мы знакомимся с весельчаком Томом Бомбадилом, отважным эльфом Глорфинделом и скрытными лесовиками-друаданами. Можно ли узнать о них больше? Безусловно. Множество интересных и оригинальных сказочных сюжетов можно обнаружить среди черновиков, летописей, записок, стихотворений и баллад Профессора Толкиена: большая часть их кропотливо собрана и опубликована сыном писателя, Кристофером Толкиеном, в многотомной серии «История Средиземья» и других изданиях.

В данном сборнике вниманию читателя предлагаются сказки Дж. Р. Р. Толкиена из нескольких разных источников. «Перри Винкль и одинокий тролль», «Приключения Тома Бомбадила» и «Последний корабль» переведены по книге «J.R.R. Tolkien. The Adventures of Tom Bombadil and Other Verses from the Red Book» 2014 года издания. «Верный камень» и «Кошки королевы Берутиэль» переведены из «Unfinished Tales of Numenor and Middle-earth», изданной в 1980 г., и интервью Толкиена Дафне Кастелл 1966 г. «Жалоба гнома Мима» была опубликована в «The Collected Poems of J.R.R. Tolkien», 2024, оттуда же взяты фрагменты, дополнившие другие истории, изложенные здесь.

Наиболее сложна история перевода «Дома Проигранной Игры» («The Cottage of Lost Play») – так была озаглавлена в далеком 1917 году первая тетрадь сказок тогда еще весьма молодого Толкиена, посвященных фэнтези-вселенной, столь полюбившейся многим впоследствии. Многие десятилетия Дж. Р. Р. Толкиен развивал, дописывал и переписывал легенды морехода Эльфвинэ, нашего проводника в древние эпохи Средиземья, но мы так никогда и не узнаем, в какой окончательной форме он хотел увидеть его историю. Часть этих легенд была пересказана Кристофером в сжатой и лаконичной форме в книге «Сильмариллион», однако позже он опубликовал и оригинальные тексты Профессора, живые и яркие, достойные пера признанного мастера жанра фэнтези.

Основой представленного здесь перевода «Дома Проигранной Игры» стали сказки и баллады, отобранные из I-III томов «Истории Средиземья», однако был также учтен ряд более поздних исправлений и дополнений Профессора, приведенных в V, VII, X и прочих томах той же серии. Соответственно, в силу различий в стиле и времени написания тексты скомпилированы с некоторыми сокращениями и минимальной редактурой. Также использованы материалы из сборника «Unfinished Tales of Numenor and Middle-earth» и некоторых других источников (в частности, история Веланда-кузнеца и некоторые другие подробности переведены из журнала серии «Parma Eldalamberon», том XV).

Если вам понравился «Хоббит» и вы хотите подойти к чтению «Властелина Колец», имея более широкое представление о мире Средиземья и его легендах, возможно, эта книга – для вас. Приятного чтения!

Curumo

ПЕРРИ ВИНКЛЬ И ОДИНОКИЙ ТРОЛЛЬ

Жил да был в Дальних холмах одинокий Тролль. Присел он как-то на камень и загрустил:

– Отчего, ох отчего же суждено мне обитать в одиночестве в этом холмистом захолустье? Мой народ ушел неведомо куда и думать обо мне забыл, и вот теперь я остался один, последний тролль в землях от Заверти до Моря. Я не охоч до чужого злата, мяса не ем вовсе никакого, и даже пива не пью – а люди все равно боятся и запирают двери, когда почуют мои шаги. О, как бы мне хотелось, чтобы они были повежливее, и чтоб мои руки были не так грубы… А и все же: я добр сердцем, красен улыбкой и весьма неплох в готовке. Так что хватит ныть! Пойду-ка и отыщу себе друга, пусть даже придется пройти всю Хоббитанию из конца в конец.

Тролль надел ботинки, подбитые мехом (чтобы не так сильно топать!), спустился с холмов и отправился в путь. Так он шел да шел всю ночь, и с рассветом прибыл в Делвинг, столицу Хоббитании. Хоббиты только-только проснулись; Тролль оглянулся вокруг и заприметил старушку миссис Банс – она шествовала по улице со своим зонтиком и корзинкой. Он тут же обратился к ней с самой вежливой улыбкой:

– Доброго утра вам, мадам, и хорошего дня! Надеюсь, я застал вас в добром здравии?

Однако же, завидев Тролля, почтенная мадам уронила зонтик и корзинку и испустила ужасный

крик. Там же недалеко проходил старый Потт, мэр города: заслышав этот жуткий звук, он моментально стал пунцовым от страха и быстренько скрылся под землей.

Одинокий Тролль безмерно огорчился. Он мягко, как мог, попросил:

– Не уходите!

Но миссис Банс стремглав понеслась домой и спряталась под кровать. Тогда Тролль отправился на рынок и заглянул сверху на прилавки. Увидев лицо Тролля, все овцы немедленно в ужасе разбежались, а гуси – разлетелись. Старый фермер Хогг пролил свой эль, мясник Билл метнул нож, а Хват, пес Билла, пустился наутек, поджав хвост. Тролль грустно присел у входа в Тюрьмоноры и (верьте-не верьте) заплакал.

Вдруг откуда ни возьмись появился Перри Винкль – и как ни в чем ни бывало хлопнул старого Тролля по макушке:

– Чего расстроился, увалень? Поверь, тут лучше уж снаружи, чем внутри!

Он отвесил Троллю дружеский тумак и рассмеялся, увидев троллев оскал.

– Перри Винкль, мальчик мой! – воскликнул Тролль. – Сразу видно, свой парень! Не хочешь прокатиться ко мне домой? Чайком угощу!

Перри вскочил на загривок Тролля, ухватился покрепче и крикнул:

– Поехали!

Той же ночью Тролль закатил Винклю настоящий пир: чего там только не было – и оладьи, и тосты с маслом, и варенье, и сливки, и кексы!

Винкль восседал на колене Тролля и уплетал все подряд, нисколько не боясь, что пуговицы на его жилете могут ведь и разлететься. На ярком огне стоял огромный бурый котел и пел чайник. Винкль выпил столько чая, что казалось, он в нем утонет. Наевшись до отвала, они отдыхали молча, а потом Тролль сказал:

– А теперь я научу тебя тонкому искусству кулинарии. Мы будем печь прехрусткие хлебцы и поджаристые лепешки, а потом можешь отоспаться вот здесь – на постели из вереска и подушках из совиного пуха.

Когда Перри вернулся, хоббиты бросились донимать его расспросами:

– Где ты был, юный Винкль?

– На чаек дивный заглянул, да и подпитался прекрасно прехрустким хлебцом, – ответствовал Перри.

– Но где же так славно кормят? Это в Хоббитании или аж в Брие?

– А вот и не скажу! – важно ответил Винкль.

– А я знаю, я знаю! – вмешался Подгляда Джек. – Я видел, как он ехал верхом на тролле в Дальние холмы.

Тогда весь народ решительно направился в холмы – кто на пони, кто на повозке, а кто и на ослике. Они завидели дымок, что вился из каминной трубы, явились к дому Тролля и начали барабанить в дверь:

– Испеки и нам такие прехрусткие хлебцы! Ну хоть один! А лучше два! А лучше побольше! Ну испеки!

– Подите прочь! – ответил старый Тролль. – Я вас вовсе не приглашал! Хлеб свой я пеку только по четвергам, и отнюдь не для всех и каждого. А теперь топайте восвояси. Мой дом слишком мал для вас всех, да и нет у меня нынче ни оладьев, ни сливок, ни пирогов: Винкль уплел все до единого! А вас, Джек, Хогг, Потт и старушка Банс, я вообще больше видеть не хочу. Двигайте-ка отсюда все: я дружу только и исключительно с Винклем.

Со временем Перри Винкль изрядно поправился на прехрустких хлебцах – да так, что жилет однажды таки треснул на нем, и даже шляпа не налезала ему на голову. Каждый четверг он являлся к Троллю на чай и располагался на кухне; и по мере того, как он делался все толще и толще, сам Тролль казался все меньше и меньше. Так Винкль стал знаменитым пекарем, воспетым в песнях, и слава о его разнообразных изысках разлетелась от Брия до самого Моря. Но хлебцы с густым маслом, что готовил Тролль для их четверговых чаепитий, были все равно вкуснее.

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ТОМА БОМБАДИЛА

Прогулка Тома Бомбадила

тарина Том Бомбадил, что жил под Холмом у Ветлянки, был известный весельчак. Его дом был как раз там, где река выбиралась из укрытого травой источника и убегала вниз, в лощину. Он носил синий жилет и желтые ботинки, пояс его был зеленым, штаны – кожаными, а в высокой шляпе торчало лебединое перо.

Летними деньками Том любил прогуляться в лугах. Он то бродил, собирая лютики, то вовсю гонялся за тенями и щекотал шмелей, жужжащих в цветах, а иногда и просто сиживал у реки час за часом. Так и сидел он однажды, опустив глубоко в воду свою длинную бороду, когда подкралась снизу Златеника, дочь Хозяйки Реки, да как дернет Тома за волосы! Он тут же бултыхнулся в реку и забарахтался под кувшинками, пуская пузыри.

– Куда это ты собрался, Том Бомбадил? – вопросила красавица Златеника. – Напустил тут пузырей, распугал всю рыбу и ондатр, птиц переполошил, да и шляпу свою с пером того и гляди утопишь!

– Вот и верни ее назад, красотка! – ответствовал Том. – Надо оно мне, воду тут еще баламутить. Плыви к себе на глубину, малышка-водяная, в тенистые пруды под корнями ивы, да засыпай спокойно.

Так юная Златеника и уплыла, вернулась в дом

своей матушки в самом глубоком бочаге. Том не поплыл за ней, но остался сидеть на переплетенных ивовых корнях, обсушивая на солнышке свои желтые сапоги и размякшее перо. Тем временем проснулся Старик-Ива и немедля завел свою сонную песню. Вскоре заснул Том под колыхание его ветвей, и тут же втянул его Старик-Ива в свое тесное дупло – всего целиком, вместе с жилетом, шляпой и пером, и захлопнул дупло с треском и скрежетом.

– Ага, Том Бомбадил! Что ты себе думаешь, а? Уставился тут в мое деревянное жилище, воду пить мешаешь, пером щекочешь, сырости сверху напустил!

– Отпусти меня сейчас же, Старик-Ива! Тесно мне здесь, ни подушки, ничего, одни жесткие корни. Пей себе свою воду из реки, да почивай, вот как дева-водяная. *Корни в реку опускай, заклинаю – засыпай.*

Заслышав голос Тома, Старик-Ива тотчас выпустил его и захлопнул накрепко свой деревянный дом, ворча, шепча и скрипя там, внутри. А Том отправился в путь из ивовой долины – вдоль по речке Ветлянке. На опушке леса он опять присел, заслушавшись пением и свиристением птиц на сучьях и засмотревшись на бабочек, что порхали и мельтешили над его головой туда-сюда. Тем временем небо заволокли серые тучи, а солнце уже клонилось к вечеру. Том заторопился. Начался дождь, рассыпая по реке круги; подул ветер, сдувая с листьев холодные капли. Том вприпрыжку бросился укрыться в норе. Не успел устроиться, тут же явился вреднюга-барсук – шерсть на лбу белоснежная, зато темные глазки так и моргают. Это ведь он раскопал

тот холм, да не один, а с женушкой и множеством сыновей. Схватили они Тома за куртку, да и уволокли вглубь своих туннелей, в свое тайное обиталище. Там уселись вокруг, и бормочут:

– Хо, Том Бомбадил! Зачем вломился к нам на крыльцо? Знаешь ли сам, куда попал? Попал к нам, барсукам, теперь вовек не найдешь выхода обратно!

– А теперь послушай меня, барсук-барсучище! Вот сам сейчас мне выход и покажешь – мне пора идти. Не хочешь обратно – веди к задней двери, да-да, той самой, под шиповником. Затем вымоете свои грязные лапы, вытрете носы от земли и отправитесь спать на ваши соломенные подушки – ровно как краса-Златеника и Старик-Ива.

– Прощенья просим! – сказали тогда барсуки хором. Они вывели Тома в свой тернистый сад, а сами вернулись и спрятались, дрожа и поеживаясь, все двери закрыли на замок, и землю за собой разровняли.

Дождь тем временем совсем прошел. Небо было ясным, и старый Том, посмеиваясь в летних сумерках, вернулся домой, открыл дверь и отворил ставни. На кухонную лампу тотчас налетела мошкара; в окне показались первые звезды, и тоненький молодой месяц покатился к западу.

Над Холмом сгустилась тьма. Том зажег свечу и направился вверх по скрипящей лестнице. Только повернул он дверную ручку, как раздался из-за двери ледяной голос:

– Уууу, Том Бомбадил! Посмотри-ка, кто пришел в ночи. Вот он я, за твоей дверью. Попался наконец! Позабыл уже, небось, могильное умертвие,

что обитает в кургане – там, на вершине холма, где круг древних камней. А я тут как тут, снова на свободе. Утащу тебя под землю, бедняжка Том, быть тебе отныне бледной и холодной нежитью!

– *Прочь ступай, ночная жуть, заклинаю – сном уснуть*! Закрой дверь и не возвращайся больше. Нечего тут сверкать глазами и хохотать попусту. Ступай немедля в свой травянистый курган, к зарытому злату и забытому горю, опусти свой череп на холодный камень и усни, ровно как юная Златеника, Старик-Ива и барсуки под землей.

С тем и пришлось могильному духу отправиться восвояси – вынесся в окно, прошелестел через двор, тенью перемахнул стену и побрел на свой курган, увенчанный кругом камней, в свою одинокую могилу, стеная в ночи и позвякивая кольцами на костях. А старина Том улегся на свою подушку и захрапел, словно кузнечные мехи – и спалось ему слаще, чем Златенике, спокойнее, чем Старику-Иве, и уютнее, чем всем барсукам и умертвиям на свете.

Проснулся Том рано утром и тут же засвистел скворцом, напевая свое «эх, дол, добрый дол, добрый дол, славный дол». Так он надел ботинки, куртку и побитую жизнью шляпу, не забыв прицепить перо, и широко растворил окно навстречу солнечным лучам.

Мудрым и опытным парнем был Бомбадил, несмотря на свою ярко-синюю жилетку и желтые ботинки. Никому и никогда не удавалось захватить его врасплох – ни в долине, ни на холме, ни на лесных тропках, ни у речки-Ветлянки и ее заводей с водяными лилиями. Но настало время и самому

Тому стать ловцом, а не добычей. Понравилась ему дочь Реки, что напевала птицам водяные песни в камышах: наряд ее был зеленым, а волосы струились, как вода. Он поймал Златенику в объятия, и держал крепко, и сердечко ее забилось, а в тростнике закричали цапли и зашипели ондатры. Том и говорит:

– Вот она, моя красавица! Пойдем домой со мной. Стол уже накрыт: там желтые сливки, и мед, и белый хлеб с маслом, и розы на подоконнике, а еще больше – в саду. Будешь жить со мной под Холмом, и не слушай свою матушку: в ее глубоком заросшем пруду тебе не найти жениха!

Так Том Бомбадил сыграл веселую свадьбу, и на нем была корона из лютиков вместо шляпы с пером, а невеста была в серебристо-зеленом, и в венке из незабудок и ирисов. Он пел, как скворец, и гудел, как шмель, и прыгал под музыку скрипки, обняв свою деву-водяную за тонкую талию. В доме горели светильники, и постель была бела, а на медовый месяц притопал с холма потанцевать весь барсучий народ. Когда же Том с женой засыпали на своих белых подушках, Старик-Ива все скребся да скребся в окно, а на берегу в тростниках вздыхала Хозяйка Реки, и древнее умертвие завывало в своей могиле.

Но Тому Бомбадилу нипочем были ни стуки, ни голоса, ни танцующие лапки, ни прочие звуки и шорохи ночи. Он спал спокойно до рассвета, а потом вставал и знай себе пел, как и раньше: «Эх, дол, добрый дол, добрый дол, славный дол», сидя на крылечке и обстругивая ивовые прутики, пока

Златеника расчесывала свои прекрасные льняные кудри.

Том Бомбадил отправляется в плаванье

Старый год шел на убыль, окрасив леса бурым; западные ветра звали за собой в дальние края. Том поймал опавший буковый лист и задумался вслух:

– Ну что же, может, это счастливый денек принесло мне ветром? Чего ждать нового года? Нет времени лучше, чем «сейчас». Починю-ка я лодку и поплыву странствовать – на запад, по речке-Ветлянке, а там – куда глаза глядят!

Тут птичка-весничка приземлилась рядом на ветку:

– А я, между прочим, все слышу! Приветик, Том. Знаем мы, куда твои глаза глядят! А не слетать ли мне, не слетать ли, да не сообщить ему – пусть готовит встречу?

– Никаких имен, летунья-болтунья! Нечего тут все рассказывать всем и каждому. Не твоего это ума дело. Дойдет до Старика-Ивы – так и знай, поджарю тебя на ужин на ивовом прутике.

– Да ты поймай меня сначала! – пропела малютка, задрав хвостик. – Никаких имен и не нужно, расскажу ему прямо на ушко – «плывет вниз по реке до Митьи, жди к закату и готовь пиво», уж не отвертится. А ты поспеши, пьянчуга!

С тем и улетела. А Том усмехнулся сам себе:

– А почему бы и нет? Ну что ж, так тому и быть. Много вокруг путей-дорожек, но сегодня сплаваю именно туда.

Решив так, Том обстругал весла, залатал старую лодку и вырулил из своей тайной заводи сквозь тростники и ракитники. Проплыл под низко склонившейся ольхой и направил курс вниз по реке, напевая под нос: «до свиданья, ивы, мели и проливы...» Тут завидел его синий зимородок:

– Ничего себе, сам Том Бомбадил! Куда это ты собрался в такой лодчонке?

– Может, на Брендивин по Ветлянке, а может, к друзьям на огонек в Приоградье. Там живет малый народец, вечером не прочь угостить странника. Навещаю их иногда.

– Так передай весточку и моим родичам, и мне вестей привези! В каких прудах ныряют, где нынче рыба прячется?

– Нет уж! – отвечал Том. – Я тут по речке путешествую, гребу в свое удовольствие, а в почтальоны не нанимался.

– Чик-чирик! Вот и зануда же ты, Том. Смотри не опрокинь свое корыто. Напорешься на ивовую корягу, то-то я посмеюсь!

– Меньше слов, старина Зимородок! Придержи свои пророчества. Лети лучше и причеши свои перышки рыбьей костью. А то сидишь тут красавчиком с алой грудкой, а на самом деле неряха и дома не убрано. Когда рыбаки болтают клювом на ветру, аки флюгеры, никакой рыбалки не будет!

Зимородок захлопнул клюв и подмигнул Тому, когда тот, напевая, проплывал под его веткой. Затем упорхнул синей молнией, уронив сверкающее ярко-бирюзовое перо. Том подобрал его и залюбовался: искрится на солнце, что твой самоцвет. Выбросил

из шляпы старое перо и вставил взамен зимородков подарок: «оттенок приятный и прослужит долго».

Поплыл Том дальше, как вдруг появились круги рядом с лодкой, и пузыри пошли из глубины. Том возьми да и шлепни веслом по тени на воде. Из реки откликнулась усатая морда:

– Эй, полегче, Том Бомбадил. Давненько не виделись. Веслами погрести вздумалось, надо же. А не опрокинуть ли мне тебя в воду?

– Да на здоровье, приятель Выдра. Вот на тебе и поплыву по реке, то-то пощекочу загривок!

– Фу таким быть. Поплыву да расскажу своей матушке, да и прочей родне, папе, сестре и братику: Том Бомбадил совсем тронулся, гребет-телепается вниз по Ветлянке в старом тазу.

– Отдам твою шкурку умертвиям, Выдра, то-то они ее выдубят. А что останется, свяжут золотыми кольцами – и усика не останется, мама родная не узнает! Так что не дразни старого Тома, пока толком плавать не научишься.

– У-ух! – крикнул пловец Выдра, да как окатит Тома водой с головы до ног! Даже шляпу намочил. А сам нырнул под лодку, раскачав ее на волнах, и устроился под бережком, наблюдая, как Том и его веселая песня исчезают вдали.

Величавый Лебедь с острова Элвет гордо проплыл мимо лодки Тома, смерил его мрачным взглядом и звучно фыркнул. Том рассмеялся:

– Что, старый шипун, скучаешь по своему перу? Поделился бы лучше новым, а то старое износилось вконец. Нашлось бы у тебя доброе словцо, так и подружились бы: шея длинная, осанка гордая,

да только и знаешь, что шипеть и фырчать. Вот вернется Король, возьмет тебя на службу и поставит печать на клюв: тогда уж не загордишься!

Лебедь взъерошил крылья, зашипел снова и поплыл быстрее – и Том поспешил вслед за ним. Так и приплыл он к Ветлянской запруде. Вода шумно и пенно текла здесь через слив, и лодочка Тома пронеслась сквозь перекат в брызгах и пузырях, подпрыгивая, как пробка, и крутясь, как опавший лист. Долго ли, коротко ли, добрался он по нижней Ветле к пристани Гриндволла, где охранительная изгородь уходила глубоко в речную воду. Тотчас всполошился малый народец в Приоградье и Бредедоне:

– Эй, здесь Том-лесовик, старый бородач! – смеялись хоббиты. – Берегись, Том! Враз утыкаем стрелами из луков: нечего тут плавать ни лешим, ни умертвиям. Не пропустим через Брендивин, так и знай: ни на лодке, ни на пароме.

– Тю, пончики, ишь развеселились! Да вы ведь даже от козы или барсука по норам попрячетесь, а то и от тени собственной. Вот напущу на вас орков, мигом разбежитесь!

– Зови своих орков, Том, пока борода не отвалится! Вот тебе стрелу в шляпу, и еще одну, и третью, – ничего не боимся. И вообще, куда ты собрался? Если за пивом, то на тебя во всем Бредедоне бочек не напасешься.

– Собирался через Брендивин и до Широструи, но что-то больно разгулялась нынче река для моего кораблика. Засим рассчитываю на паром малого народа, да будет их вечер бодрым, а утро –

добрым!

Заходящее солнце окрасило воды широкого Брендивина алым, словно зажгло пламя на бегущих волнах – а потом светило ушло за горизонт, и пламя обратилось в серый пепел. На Лестнице Митьи не было ни души.

– Веселенькая встреча! – промолвил Том, ступив с парома на пустой причал. Вокруг темнело, и он валко потопал по дороге вверх, пока вдалеке на засветились деревенские фонари в Руши.

– Тпрру! Стой, кто идет! – раздался голос впереди, и колеса телеги со скрежетом остановились. Том прошагал мимо, не обернувшись.

– Ну надо же! Что за бродяга нынче ходит в Марях? Что забыл здесь? Шляпа вся в стрелах – видать, предупреждали, да не послушал. Говори тотчас, за чем крадешься? За хоббитанским элем, верное дело, а в кармане небось ни пенни? Поеду-ка оповещу всех, чтоб позакрывали двери – ни капли не получишь!

– Так-так, мохноногий. Мало того, что на Митье не встретил, так еще и бурчишь теперь? Тоже мне, фермер-толстяга, сам на телеге катается, уже и ходить от одышки разучился, а все на прохожих ворчит. Эх ты, Мэггот, пузан-крохобор! Не узнал старого друга в темноте – теперь с тебя кружка. Давай руку, помоги взобраться. Нам, бродягам, выбирать не приходится – а то поехал бы один, тебе же хуже!

Так, смеясь, они и поехали дальше. В Руши задерживаться не стали, хотя корчма была открыта и вкусно тянуло солодом. Свернули на Мэгготов

проезд, а телега жалобно скрипела и подскакивала – Тома угораздило прямо в ней пуститься в пляс. Звезды высыпали в небе над Бамфурлонгом, и в доме Мэггота ярко горели фонари, а на кухне к радости запоздавших ночных путников был разожжен камин. Сыновья Мэггота отвесили поклон у входа, дочери сделали реверанс, а жена фермера вынесла жаждущим по кружке пива.

Поужинав, друзья принялись петь песни и рассказывать сказки, и конечно же танцевали – Мэггот скакал вовсю, подтянув пояс, Том танцевал джигу, осушая залпом кружку за кружкой, дочки фермера прыгали хороводом, а почтенной женушке оставалось лишь смеяться. Когда же наконец семейство разошлось спать на своих подушках из перьев и папоротника, Том и мохноногий фермер устроились у камина поговорить. Обменялись вестями обо всем, что происходит вокруг – от Могильных холмов до Башенных, кто приехал и кто уехал, и о посевах, и о жатве, и как уродились пшеница и ячмень. Обсудили дивные истории из Брия, и из кузниц, и с мельниц, и с торговищ, и слухи в шепоте дерев-лиственниц, что принес южный ветер. Были помянуты и высокие стражи у Сарнского брода, и мрачные Тени на границах. Так фермер Мэггот и заснул наконец в своем кресле, у догорающих углей.

Том же исчез еще до рассвета, будто полузабытое видение, какие иногда приходят во сне: то веселые, то грустные, то остерегающие. Никто не слышал, как открылась и закрылась дверь, и проливной дождь утром смыл все следы. Ничего не

видели на Митье; ни шагов, ни песен не слышали в Приоградье. Три дня стояла его лодка у пристани Гриндволла, пока однажды утром не уплыла обратно, вверх по Ветлянке. Хоббиты сказывали, что это выдры ночью отвязали ее и протащили через слив запруды, а потом Лебедь с острова Элвет повел ее вверх по течению, ухватив клювом фалинь, пока выдры направляли суденышко мимо скрюченных корней Старика-Ивы. На носу лодки восседал Зимородок, а на скамье распевала птичка-весничка – так и довезли вместе лодку домой, в Томову заводь. Тут и говорит пловец Выдра:

– Ну и ну! Что за бродяга без сапог, что за рыба без плавников! Весла-то мы и забыли.

Так и лежали те весла у пристани Гриндволла, и нескоро довелось Тому дойти, найти и забрать их назад.

Однажды, давным-давно

Случилось это одним прекрасным днем в лугах эльфийской страны, где майские цветы встречали лето, ослепительные, как свежевыпавший снег. Высокие лютики светились золотым маревом в зеленой траве, а белые цветы-звездовики широко открывали в поднебесных полях свои яркие глазки, наблюдая, как солнце восходит в зенит и клонится к закату. Там бродила Златеника в короне из цветов шиповника – гуляла среди цветущего лугового сердечника, сдувала пушистые одуванчики со стеблей и водила рукой в прудах с кувшинками, любуясь, как прохладная зеленая вода поблескивает вокруг тонкой ладони.

Наступила ночь, и трава казалась серой в сумеречном свете, но роса светилась белесым отблеском. Свет солнца совсем угас, и протянулись глубокие тени. Цветы-звездовики закрылись, и лишь звезды в вышине сияли ярко и помигивали друг другу, ожидая восхода луны. Наконец она взошла, и бледные лучи рассыпались по листьям и траве мерцающим хрусталем – казалось, живое серебро стекает по стеблям вниз, туда, где среди цветов блуждали линтипы, собирая росу. Заросли травы были лесом для этих малюток, и Том не замечал их, выходя в луга босиком искупать в лунных лучах свои большие бурые пальцы.

Но вот однажды, в канун июня, линтипы вы-

шли за росой раньше обычного. Том остановился, прислушался и присел пониже:

– Ага! Привет, малыши! Так это ваш запах я чуял, мышатки? Ну что ж, роса нынче сладка – пейте вволю, да только смотрите не попадитесь мне под ноги!

Линтипы лишь рассмеялись – и тут же исчезли, а старый Том вздохнул:

– Нет чтобы остаться. Они единственные из всего живого никогда не говорят со мной – не скажут, ни кто они есть, ни зачем приходят. Интересно, в чем их тайна? Может, спускаются с луны, а то и с самих мигающих звезд? Вовек не дано мне узнать.

Так случилось однажды, и было это давным-давно.

ВЕРНЫЙ КАМЕНЬ

Жил-был однажды друадан по имени Агхан, известный лекарь. Он был большим другом Бараха, что держал хутор в лесу, в паре миль от ближайшей деревни. Жилище семейства Агхана было неподалеку, и он часто проводил время с Барахом и его женой, а их дети очень любили его. Друаданы – лесной народ, невысоки, хоть и не родня хоббитам, и знают отменно все, что растет и живет в лесах. Они были отличными следопытами с тонким чутьем, владели мастерством резьбы по дереву и камню, а помимо того – как считалось – еще и странными магическими силами.

Настали беспокойные времена: дерзкие орки прокрались в окрестные леса, разделились по двое или по трое и подстерегали одиноких путников, а по ночам нападали на дома и фермы на отшибе. Семья Бараха не боялась врагов, ведь Агхан оставался с ними на ночь и нес вахту снаружи. Но однажды утром он пришел к Бараху и сказал:

– Друг мой, до меня дошли плохие вести из моего клана. Боюсь, мне придется оставить вас на время: мой брат ранен, он лежит больной и зовет меня, ведь я умею лечить орочьи раны. Я вернусь к вам, как только смогу.

Барах встревожился, а его жена и дети заплакали, но Агхан утешил их:

– Я сделаю, что смогу. Смотри, я принес

охранный камень и поставил его у твоего дома.

Барах вышел с Агханом и увидел охранный камень – крупный, тяжелый силуэт, вырезанный наподобие самого друадана, что восседал под кустом недалеко от входных дверей. Агхан возложил на него ладонь, помолчал немного и сказал:

– Я оставил в нем часть своей силы. Да сохранит он вас от беды!

С тем Агхан и отправился в путь, и две ночи после этого ничего особенного не случалось. Но на третью ночь Барах услышал звонкий предостерегающий клич друаданов – а может, это лишь почудилось ему во сне, ведь никто больше в доме не проснулся. Поднявшись с постели, он схватил свой лук и стрелы со стены и подошел к узкому окну – и тотчас увидел двух орков, что разложили горючее вокруг его дома и готовились его поджечь. Страх охватил его – он знал, что орки-мародеры носят с собой серу или еще какое дьявольское снадобье, что быстро возгоралось и не тушилось водой.

Взяв себя в руки, Барах натянул лук – но в тот самый момент, лишь вспыхнул огонь, фигура друадана появилась за спинами орков. Одного он свалил ударом кулака, а другой немедля сбежал; друадан же разбросал горючее и босыми ногами затоптал орочье пламя. Барах метнулся к дверям, но пока он успел снять засов и выбежать наружу, друадан исчез. Орков тоже не было видно, и огонь угас, оставив только дым и запах гари.

Барах вернулся домой и успокоил семью, которая проснулась от шума и зловонного дыма. Днем он снова обошел свой хутор и осмотрел все вокруг.

Охранного камня не было на месте – но Барах решил не говорить семье. «Сегодня ночью подежурю сам», решил он, однако в тот же день Агхан вернулся назад – и как же рады были его видеть! На нем были высокие шнурованные ботинки, что друаданы носят иногда, когда путешествуют по скалам и колючкам. Вид он имел усталый, но довольный, и сказал:

– У меня добрые вести: мой брат поправляется, и смерть больше не грозит ему – я пришел как раз вовремя, чтобы остановить действие яда. А теперь я узнал, что мародеры были биты и разбежались. Как вы тут сами?

– Живы пока, – ответил Барах. – Но пойдем со мной, покажу и расскажу все подробно.

Он привел Агхана на место пожарища и поведал о ночном нападении.

– Охранный камень пропал – дело рук орков, не иначе. Что скажешь?

– Скажу, когда все рассмотрю и обдумаю, – молвил Агхан. Он прошелся тут и там, разглядывая землю, и Барах следовал за ним. Наконец Агхан привел его к кустам, что росли у опушки леса на краю хуторской делянки. Там-то и нашелся охранный камень: он сидел на мертвом орке, и ноги его были обожжены и потрескались, а одна ступня и вовсе отвалилась и лежала рядом. Агхан, казалось, расстроился, но сказал так:

– Ну что же, он сделал все, что смог. Лучше уж его ногам топтать орочье пламя, а не моим.

Затем он присел и расшнуровал ботинки: Барах увидел, что ноги его были забинтованы. Агхан

снял повязки.

– Уже заживают, – пояснил он. – Я сидел с моим братом две ночи, а в последнюю ночь заснул. Проснулся под утро от того, что ногам было больно, и увидел на них волдыри. Тогда-то я и понял, что произошло. Увы! Когда вкладываешь силу в свое творение, тебе приходится и разделить его боль.

ЖАЛОБА ГНОМА МИМА

Как-то ночью Мим выбрался из своей берлоги – то была пещера, уходящая под высокий холм в диком глухоманье. Пол ее устилал песок, а рядом бежал ручей из глубокого родника. Мим стоял у входа, сутулый седобородый гном двухсот лет от роду, и вспоминал долгий путь, что привел его сюда, замерзшего и бесприютного.

Множество сокровищ сотворил он неустанным трудом, не покладая резца и штихеля, – но разбойники забрали их все до единого. Лишь немного инструмента осталось гному, и его собственная жизнь, да еще длинный отравленный кинжал в ножнах, укрытый под потертым плащом. Он поморгал помутневшими глазами, до сих пор красными от дыма: обидчики подожгли его чертог, заложив выходы вереском и можжевельником, и он едва выбрался наружу, задыхаясь до тошноты. Наконец Мим сплюнул на песок и заговорил:

«Тук-тук-стук, динь-динь-дон… нет времени есть, нет времени пить, нет времени спать, о нет – я не тратил время зря. Спешил-торопился, и днем, и ночью – молоточком по золоту и серебру, все отковано в формах, да-да. И еще камушки – твердые малютки, сверкающие и холодные, зеленые и желтые, белые и синие. Как они звенели под моими руками – динь-динь, динь-дон, и вот уже вырастают длинные листья и цветы, и звери и птицы с алыми

глазами посреди ветвей и соцветий…

Я ведь видел всю эту красоту своими глазами, когда они были еще ясны, когда я сам был молод и в мире царил мир. Как же я старался сохранить все это дольше, чем сможет удержать память! И они рождались в моем сердце и обретали форму под моими руками, податливо сплетались в странные и прекрасные узоры – вечно растущие и переменчивые, но укорененные прочно в памяти мира и в моей любви к ним.

Помню, как-то я остановился на минутку, поднял голову, дал рукам отдохнуть на каменном верстаке. И я взглянул на свои творения: они рождены Мимом, но они уже больше не Мим, такое чудо. Драгоценные камни сияли в свете маленькой кузни – и вот они уже лежат в моей бурой ладони, пусть старой, но до сих пор умелой и гибкой. И я подумал: а ведь Мим – мастер. Мим потрудился на славу. В Миме горело пламя, ярче, чем в его собственном горне, но теперь он влил его почти целиком в эти сверкающие вещицы. Они – часть Мима, ведь что останется от него без них? Считай, ничего.

Я долго размышлял, как сохранить их получше, как разместить в кладовой, чтобы цепкая память смогла отыскать их снова. Они ведь были просто рассыпаны на полу, или валялись грудами по углам, а еще много висело на гвоздиках по стенам – как будто листы старинной книги гномьих историй, потрепанные и обветренные временем.

И вот – тук-стук, шух-вжух! Пришло время для дерева и кости. Один, всегда один, нет места ни отдыху, ни болтовне. Не терять времени – и закипе-

ла работа: вычертить, распилить, вырезать, отрихтовать, отполировать… Так я и смастерил мой огромный сундук, со множеством разных отделов и потайных ящичков. С крышки скалились драконы-хранители, переплетаясь и извиваясь вверх от когтистых лап. Петли прятались меж острых драконьих зубов, а тяжелую застежку обрамляли древние гномы-прародители с топорами. Тук-стук, клац-клац! Молот и гвозди, динь-дон, а вот и ключ откован и оплетен заклятьями. Бум! Огромная крышка наконец захлопнулась, а с ней и мои усталые глаза. Я спал долго, и сундук с драгоценностями был мне вместо подушки, сокровищница моей памяти об ушедших годах.

Я спал долго… да долго ли? Даже и сам не знаю. Огонь в кузне давно погас, но внезапно едкий дым разбудил меня. Явились люди и принялись грабить все, что было моим: и руду, которую я добывал в горах долгие годы, и пригоршни самоцветов… и они унесли мой сундук! Они выкурили меня, как крысу, подожгли вереск кругом, а потом из притворной жалости заставили бежать прочь из моего собственного жилища, как дикого зверя. Они хохотали в голос, когда я ступал по горячему пеплу, а ветер унес прочь мои проклятия, и мои воспаленные глаза не могли различить дороги. Все, что удалось спасти: мешок с небольшими инструментами да старый порванный плащ, а под ним в черных ножнах – кинжал с ядовитыми рунами на клинке. О, сколько я точил его и плевал на лезвие, пока оно не просияло под жестокими звездами в мрачных пустошах…

Так они лишили Мима всего, чем он дорожил, всех воплощенных моментов его радости и вдохновения – чтобы вставить их, как побрякушки, в рукояти мечей, в кольца на алчных пальцах, в безвкусные безделицы, что лягут звездами и лунами на грудь их высокомерных дам. Они променяли их на мелкие жалкие королевства и предательские союзы, они жаждали их и убивали за них, оскверняя золото кровью родичей. Пламя горит в памяти древних гномов, а в их искусных руках таится сила, что сводит людей с ума – а они и не заметят того.

Но сейчас горька моя старость – в этих диких горах мне придется начать все заново, ухватить эхо моей памяти, пока она не угасла совсем. Эх… Моя работа до сих пор хороша, но тень лежит на ней отныне. Нет уже былой яркости – все, что я пытаюсь огранить, как будто скрыто завесой, лишь очертания и огоньки растворяются за туманом слез. Удается вспомнить лишь вещи, что я сам сотворил когда-то, но не то, что видели глаза.

Они говорят, я опасен – старый Мим из рода малых гномов, полный ненависти и злобы. Ну да – если кто посмеет тронуть меня, укушу черными зубами или всажу кинжал во тьме, и ничто не исцелит раны от моего клинка. Но они не отваживаются подходить близко – только пускают стрелы издалека, стоит мне выйти наружу взглянуть на солнце. Нет в этом ничего хорошего, ведь не так оно было раньше. Мои узоры стали кривы и уродливы, словно глумятся над миром, и мерзкие твари выползают из тьмы.

Страх, а не радость, прорастает теперь под мо-

ими руками. Если бы я только мог простить… Может, еще и получилось бы сотворить лист или цветок, укрытый росой, как те, что сверкали когда-то у озера Тарн Аэлуин? Я был так юн тогда, и впервые осознал, насколько искусны мои пальцы. Но Мим не может простить – гнев до сих пор бурлит в его сердце. Динь-дон, тук-стук… Нет времени думать!»

ДОМ ПРОИГРАННОЙ ИГРЫ

Эльфвинэ-мореход

Город, где родился Эриол, был весьма стар по меркам людей, но куда более древним его знали эльфы, и на их языке он звался Миндон Гвар. В позабытые времена пришли сюда предки его предков и поселились среди фруктовых садов, речных лугов и высоких равнинных трав. Много лет для них зажигались огненные ирисы среди трепещущего тростника, а море весенних цветов дарило золотыми плодами в садах, укрытых стенами. Весной между стройными рядами деревьев распускались нарциссы, кланяясь усердным работникам, и те запевали веселые песни, а порой и вовсе задорные – после осушенной кружки! Над домами и цветущими садами кружились сонные рои пчел, и жизнь обитателей города в те солнечные дни текла спокойно и благополучно.

Городом правил могучий князь, и башня его замка на холме Гвар была самой высокой из всех, что стояли в людских землях. Он часто обозревал окрестности с вершины той башни над рекой, но даже оттуда не мог разглядеть границ своих обширных владений – разве что далеко на востоке поднимались синие тени величественных гор. Князь любил песни и был вполне расположен к эльфам, что еще обитали в тех краях. А их немало жило

тогда окрест – фаэри, что еще не уплыли за море, и волшебство их таилось в той земле, какого не ведали в других странах.

Так случилось, что ко двору князя пришел после долгих странствий в зачарованных лесах Запада менестрель Деор – он ведь был другом эльфов и везде стремился отыскать этот исчезающий народ. Светлы и радостны были дни Деора в Миндон Гваре, и он рассказывал своему сыну, Эриолу, множество сказок о фаэри. Неудивительно, что тот полюбил волшебный народ с детства – и потому его прозвали Эльфвинэ, «друг эльфов». А еще Деор рассказывал Эриолу старинные истории о море, которые его отец поведал ему самому когда-то – он ведь был с побережья, и море, которого юный Эриол не видел ни разу, навсегда поселилось в его мечтах.

Увы, давно прошли те времена – стена города обращена в руины, и никто больше не поет в нем, и не сеет, и не собирает урожай. Войны великих владык прокатились по всему Средиземью, и мечи ударили о мечи, а копья воителей были бессчетны, как колосья пшеницы в поле. Военные флоты вышли в моря, а нивы и города сгорали огнем вослед марширующим армиям. Цитадели и сокровищницы обратились в пылающие руины, и смерть и разорение воцарилось повсюду. Так пали могучие короли и их народ, и их жены, и нежные девы, и тишина поселилась в их дворах. Обрушились высокие башни, и не угадать уже, какими они были когда-то; и никому больше не суждено пройти под сводами их разбитых врат.

Морские пираты с Севера в крылатых шлемах, которых фаэри называли *фородвэйт*, выступили против Гвара в те дни и разорили все земли окрест. Народ то был жестокий и беспощадный, а об эльфах они и знать не знали. Стены не спасли город, и не устояли его высокие башни, хотя осада была долгой и трудной. Деор пал перед стенами города в отчаянной вылазке, возжигая сердца защитников песней о древней доблести и отваге. Его жена погибла от голода, и Эриол, что был тогда еще мальчиком, остался сиротой. Город был взят и разграблен с небывалой жестокостью, и лишь слух и шепот остался о его былой славе. Эльфы бежали из окрестных земель или сокрылись на долгие годы. Ни эльфа, ни человека не осталось в старинных чертогах, и некому было оплакать падение благородного князя Гвара.

Так юный Эриол был обращен в рабство жестокими вождями фородвэйт, и тяжкими были дни его юности. Однако голос моря – хотя он и не видел его никогда – каким-то странным чудом звучал глубоко в его сердце, и журчащие волны слышались ему где-то между сном и явью, как неумолкающий зов. Такова была магия его мамы, девы Запада, – ведь такая же неутолимая тоска по морю не оставляла ее все то время, когда она жила вдали от берегов, под спокойными вязами Миндон Гвара. Море звало ее и тогда, когда родился ее сын Эриол, а морские эльфы с побережий, ее старые знакомые, отправили к ней посланцев в день его рождения. Но теперь она ушла за грань мира, а ее прекрасное тело истлело непогребенным в руинах города, и арфа Деора замолкла

навсегда. Самому же Эриолу пришлось трудиться в рабстве, мечтая безнадежно о далеком море, пока он не возмужал, и лишь изредка удавалось ему поговорить с таящимися эльфами.

Шло время, и тоска по морю стала настолько невыносимой, что Эриол придумал, как разбить свои оковы – и ухитрился бежать из плена. Долго скитался он и немало опасностей претерпел, ища приют в чужих городах и диких пустошах, куда не добирались фородвэйт – далеко от его отчего дома в Миндон Гваре. Но со временем пути-дорожки повели странника на юг и на запад, словно ноги его сами шли непрошенно в том направлении.

Надо заметить, что Эриол владел в известной мере даром «эльфийского зрения» – а ведь отнюдь не всем людям было оно доступно в те годы увядания эльфов, и уж совсем немногие обладают им сейчас. Так и вышло, что он замечал в своих скитаниях немало компаний этого дивного народа: иные еще обитали в тех землях и танцевали в лесах и у белых берегов, как встарь, но большинство уже оставили обжитые места и постепенно уходили на запад. Печальным было их странствие – ведь все земли за ними были охвачены горем и пламенем людских войн. Племена людей из разных пределов света жаждали той земли и отбирали ее друг у друга из-за красоты ее и очарования ушедших эпох, что дарили ей эльфы. Оттого немало попутчиков – видимых или почти невидимых – было у Эриола на его пути на запад.

Наконец дорога привела Эриола в гавань Белериона: он опустил свои измученные стопы в серые

воды Великого моря, и глубокий гул волн переполнил слух утомленного странника. Многие корабли под белоснежными эльфийскими парусами отплывали из Белериона в те времена, уходили навсегда от черствых сердец и жестоких клинков – на запад, за горизонт людского знания. Они поднимали якоря на закате, и зелень листвы становилась тусклее с каждой ушедшей ладьей, и их светлые и печальные песни навсегда исчезали в волнах. Серые тени кораблей проходили мимо Эриола в сумерках, и многие кричали ему слова прощания с бортов. Но не суждено было ему взойти на эти призрачные ладьи – даже другу эльфов не позволено было отправиться с ними за край запада и узнать, что лежит за великим и безграничным морем.

В землях вокруг Белериона жили тогда тут и там рыбаки из числа людей, и Эриол надолго поселился с ними. Здесь его природная склонность взяла свое, и он изучил досконально все, что касается искусства постройки кораблей и морских странствий. Он не особо дорожил своей жизнью – и оттого его пути в океане пролегали все дальше и дальше. Большинство его сородичей не решались плыть в те удаленные воды севера и запада, хоть и были они отменными моряками. Оттого все меньше спутников рисковали отправляться в плаванье с Эриолом – и только Эльфхеах, такой же сирота, разделял с ним все тяготы моря вплоть до его последнего путешествия.

Однажды далеко в открытом море корабль Эриола попал в штиль, и густой туман окутал его. После поднялся могучий ветер с востока и понес

беспомощное судно вдаль. Вдруг далеко в закатном свете Эриол заметил некие острова – но ему не удалось добраться до них, ибо ветер поменялся и унес его корабль прочь. Судьба спасла тогда моряка и привела вновь к черным берегам родины, но мало радовался он тому: сердце звало его вновь попытать счастья в море. Он мечтал проплыть еще дальше на запад, поскольку мнилось ему по незнанию, что он видел издалека те самые Зачарованные острова, о которых пелись людские песни и о которых мама рассказывала ему в детстве. Мало кто решился бы разделить с ним такое приключение – отнюдь не многие желали плыть вослед закатному солнцу или бросать вызов опасным морям ради неведомых тайн.

В конце концов Эриолу удалось набрать семь моряков в свою команду. То были великие мореходы, но Ульмо, Владыка Вод, забрал их в свое царство, и имена их позабыты ныне – кроме самого Эльфвинэ. Они отправились в плаванье весной и долго скитались среди островов запада. Много странных рассказов слышали они в пути – о Зачарованных островах, пройти кои суждено немногим; о нехоженых морях за их пределами, где ветер почти всегда дует с запада; и о далеком острове на границе сумерек и его мерцающей гавани. Наконец они узрели те берега, что видел ранее Эриол – но тотчас грозный шторм обрушился на их корабль, могучие волны захлестнули палубу и унесли капитана с собой.

***

Когда Эриол пришел в себя, его товарищей не было рядом, как не было и самого корабля. Он лежал на песке в глубине залива, а вокруг вздымались высокие скалы. Остров оказался мрачным и совсем пустым – лишь темные деревья шептали что-то на ветру. Тогда и осознал моряк, что это вовсе не один из тех Зачарованных островов, о которых он слышал столько легенд. Он долго бродил по острову, и немало обломков могучих старинных кораблей нашел на его длинных тусклых побережьях, а в некоторых из них виднелись сундуки с сокровищами. На самом дальнем берегу Эриол обнаружил одинокую хижину – она была построена из перевернутого остова небольшого судна и обращена на запад. Там, как оказалось, обитал отшельником древний старик-мореход. Он сидел у небольшого костра из морского плавника, и Эриол устрашился его: глаза старика были глубоки, как необъятное море, а его длинная борода была иссиня-серой. Он носил каменные башмаки и был весьма велик статью, но одеждой ему служили перепутанные лохмотья.

В этой странной хижине на краю пустынного моря Эриол поселился надолго: на острове не было другого пристанища, да и другой компании – а свой корабль и спутников он считал утонувшими. Древний старец мало-помалу стал добрее к нему, и задавал немало вопросов о его путешествиях и о том, куда он намеревался плыть до того, как шторм принес его на остров. Сам старик также рассказал

Эриолу множество дивных историй долгими вечерами у дымного костра – о кораблях, унесенных ветрами в края без гаваней, и о беспощадных бурях в запретных водах. Тогда и узнал Эриол, что еще долгий путь предстоит от их прибежища до Зачарованных островов, что несут тайную угрюмую стражу на краю Земли. За ними воды Великого моря становятся спокойнее, и там в сумерках последних дней Волшебной страны фаэри лежит Тол Эрессэа, Одинокий остров.

К востоку от Эрессэа лежит Зачарованный архипелаг, а на западе сквозь тени просвечивают издалека Внешние земли и королевство богов – древний Залив Фаэри, чья слава ныне померкла. За ним круто вздымаются горы Валинора, где обитают боги, а еще дальше – Стена Ночи на границе бездны, в которой сияют звезды. Но Одинокий остров не принадлежит ни Средиземью, ни Внешним землям, и никаких других островов нет рядом с ним.

А еще рассказал Морской Странник (так старец называл себя) о своем последнем путешествии, которое и закончилось крушением на этом берегу – но перед тем, как западный ветер подхватил и унес его, он сумел разглядеть в далеком далеке мерцающие фонарики Одинокого острова. Быстрее тогда забилось сердце Эриола, но он лишь ответил старику:

– Увы, нет мне больше надежды обрести мой корабль и отважных товарищей!

Морской Странник на это молвил так:

– Слушай же, мы сейчас на одном из Островов-без-Гаваней – они влекут все корабли к своим ко-

варным скалам и зыбучим пескам. Это кольцо островов поставлено здесь во время Сокрытия Валинора, чтобы людские моряки не смогли переплыть Великое море и узреть то, что не предназначено для их глаз. Ты понимаешь сам – деревьев, годных для постройки корабля или даже плота, здесь почти не растет. Но я все же, думаю, смогу помочь тебе в твоем желании отплыть с этих алчных берегов.

Как-то днем отправился Эриол бродить по восточному берегу, разглядывая многочисленные обломки кораблекрушений, что лежали там. Он надеялся, как и много раз до этого, увидеть – буде выпадет шанс – хоть что-нибудь со своего доброго корабля из Белериона. Той ночью как раз случился шторм, жуткий и грозный, – и надо же! – разрушенных кораблей на берегу стало на один больше. То был массивный и ладно скроенный корабль с изящными обводами, какие обычно строили тогда фородвэйт. Его забросило далеко на берег, на коварные пески, но его высокий форштевень, вырезанный в виде головы дракона, невредимым взирал на остров.

На долгие ровные отмели начал медленно надвигаться прилив, и тогда вперед выступил Морской Странник. Он шагал, как будто и не было ему нужды бояться ни прилива, ни зыбучих песков, а в руке его был деревянный посох размером с молодое деревце. Он зашел так далеко, что только его плечи были видны над прибывающей желтой водой, а от корабля осталась на виду лишь резная фигура на форштевне. Эриол с изумлением наблюдал издалека, как одной только силой своих рук старец вырвал целый огромный корабль из цепкой хватки зыбуче-

го песка – а ведь казалось, нос его совсем уже было ушел в глубину.

Ладья встала на воду, и древний моряк поплыл, рассекая воду могучими взмахами и толкая судно перед собой на глубину. При этом зрелище благоговейный страх перед Морским Странником вернулся к Эриолу, и он задумался, из какого же народа происходит это загадочное создание. Корабль тем временем был надежно уложен на твердой земле, а грозный пловец вышел на берег – его длинная борода была теперь вся увита водорослями.

Когда прилив отступил с зыбучих песков, старец позвал Эриола взглянуть на новоприбывший корабль. Подойдя, он увидел, что ладья осталась невредимой, но внутри лежали девять моряков, что еще недавно были живы. Они лежали на дне, устремив взгляды в небеса, и один из них, судя по виду и одеянию, был вождем среди людей. Старость высеребрила его волосы, а смерть выбелила лицо – но и сейчас было ясно, что человек то был гордый и жестокий.

– Это фородвэйт, люди с Севера, – заметил Морской Странник. – Голод и жажда забрали их жизни, и корабль их выбросило вчерашним штормом на голодные пески. Там бы его и затянуло, но судьба решила иначе.

– Верно ты говоришь, – ответил Эриол. – А этого беловолосого я знаю даже слишком хорошо: именно он убил моего отца, и его рабом я был долгие годы. Орм было его имя, ненавистное мне.

– Ну что ж, зато теперь его корабль увезет тебя с этого острова, – молвил старец. – Ибо это славная

ладья, и отважные моряки построили ее. Мало у кого хватает нынче храбрости пускаться в путь по морям, как эти фородвэйт – а они все плывут и плывут в туманы запада, хоть и совсем немногим удается вернуться домой с вестью об увиденном.

Так и случилось Эриолу, хоть и не надеялся он уже, уплыть с того острова – но ведь сам Морской Странник был его кормчим. Через несколько дней они прибыли к берегу, о котором мало кто знал. Странный народ обитал там, и никто не ведал, как поселились они так далеко на западе, хоть и были из числа людей. Их страна лежала на самой границе областей смертных – дальше даже в сторону заката, чем Острова-без-Гаваней, и севернее того острова, куда волны принесли Эриола.

Островитяне владели превосходными умениями в строительстве кораблей и лодок всевозможных видов, равно как и отличными навыками мореходства. Однако к чужим берегам они плавали очень редко, и не занимались ни торговлей, ни войной. Постройка кораблей была для них радостью сама по себе, а лучшим удовольствием – рассекать в них морские волны. Бóльшая часть этого народа обитала подолгу на своих кораблях, и воды вокруг их острова что в штиль, что в шторм белели многочисленными парусами. Они часто состязались друг с другом в скорости своих ладей, будь то под парусом или на длинных веслах; а еще мерялись искусством мореходства, бросая вызов жестоким штормам. А бури и впрямь суровы вокруг того острова с железными берегами, и лишь одна прохладная гавань лежит на его северном берегу. Так доказыва-

ли островитяне свое мастерство моряков и корабельщиков, и люди называли то племя итлинги, «дети волн». У эльфов же их остров звался Энеадур, а его народ – энеатрим, «корабелы Запада».

Итлинги устроили теплую встречу Эриолу и его кормчему на многолюдных пристанях их северной гавани. Казалось, Морской Странник был им знаком, более того – они относились к нему с величайшим почтением и выполняли все его просьбы, словно то были приказы короля. А еще больше удивился Эриол, когда заметил в толпе встречающих двух своих спутников, которых почитал потерянными в море. Так он узнал, что все семь моряков, с которыми он вышел в путь, живы и нашли приют на том острове, но корабль их разбился на его черных южных утесах вскоре после того, как Эриола унесло за борт.

По просьбе Морского Странника жители острова споро соорудили новый корабль для Эриола и его команды: он больше не желал плавать на ладье Орма. Лес для постройки по указанию морского старца был добыт из рощи чародейских дубов, что росла далеко в глубине острова на холме, где островитяне почитали богов. Сама же роща была посвящена Ульмо, и очень редко позволялось срубить деревья, что росли там.

– Даже корабль из этих древ может потерпеть крушение, – объяснил древний мореход. – Но моряки его останутся живы, хоть и вольна судьба занести их куда дальше, чем они рассчитывают.

Когда корабль был готов и снаряжен, старец призвал команду взойти на борт. С ними отправил-

ся также Биор из числа итлингов – моряк великого мастерства, которое немало пригодилось им позже. Он более всех прочих из того странного народа был склонен к плаваниям вдали от берегов Энеадура, будь то на запад, на север или на юг. В день отплытия многие Итлинги собрались на берегу вокруг корабля. Он был построен в маленькой бухте среди утесов западного берега, где стена скал с узким проливом отгородила от моря уютную спокойную заводь. Мало было таких мест на том острове, окруженном отвесными утесами.

В урочный час Морской Странник возложил свою руку на форштевень и произнес заклинания приключений и открытий, даруя кораблю силу одолеть неведомые воды, достичь недоступных берегов и отыскать те гавани, где не брошен якорь поныне. Два одинаковых руля было у той ладьи согласно обычаю итлингов, один справа и один слева. Старец благословил их держать курс, даже когда руки кормчих устанут, и найти потерянный путь по сокрытым звездам. Затем древний моряк пошел прочь, и толпа расступилась перед ним. Он взобрался на самую вершину утеса высоко над морем – и прыгнул оттуда далеко в огромные бушующие волны, что обрушивались в пене на исполинские скалы. Никогда больше не видел его Эриол, но в тот момент он вскричал в горе и изумлении:

– Неужто так наскучила ему жизнь? Мое сердце скорбит о его погибели!

Но Итлинги вокруг него лишь улыбнулись. Тогда Эриол спросил тех, кто стоял рядом:

– Кто был этот морской богатырь? Вы, похоже,

хорошо знаете его!

Не было ему ответа. Итлинги спустили благородную ладью на воду: солнце уже опускалось за стену гор Валинора далеко на западе, но Эриол не хотел больше ждать. Вскоре попутный ветер развернул ее белый парус вдали от берега, и заходящее светило окрасило его алым. Моряки на борту затянули старинные песни своей родины, и звуки их медленно угасали на пустынных просторах западных морей – пока наконец вовсе не утихли для тех, кто провожал корабль с берега. Затем опустилась ночь, и никогда больше не видели на Энеадуре той могучей ладьи.

***

Так началось для храбрых мореходов их долгое, удивительное и опасное странствие, полная история которого никогда не была рассказана. Немало приключений ждало их в туманных архипелагах Запада, и опасные чудеса Зачарованных островов, и неведомые моря, и коварные темные заливы, и беспредельные пространства соленых вод. Много лет скитались они в океане, пока усталость и отчаяние медленно не овладели их сердцами. Трое из их числа остались спать беспробудным сном на сумрачных берегах Зачарованных островов – их головы лежат на подушках из белого песка, укрытые морской пеной, скованные древними заклятиями забвения. Бесплодными оказались все их попытки – снова и снова изменчивые ветра отбрасывали их прочь, и ни разу не довелось им увидеть берега острова эльфов.

И вот настал день, которому они присудили быть последним – и повернуть корабль домой, если удастся им теперь хотя бы это, разве что судьба или чудо подарят им последний лучик надежды. День этот выдался серым и безрадостным: ветер почти стих, тучи висели низко над морем, и тусклый холодный дождь струился на измученных мореплавателей. Корабль шел медленно и неуверенно, и ничего было не разглядеть впереди – только длинные мертвые волны катились вокруг. Наконец Эльфхеах, что был тогда за рулевого, сказал:

– Пришел назначенный час, о Эльфвинэ! Подчинимся богам и ветру, что вершит их волю: оставим это изматывающее странствие в никуда, за сказкой в пустоте, и повернем назад, к очагам нашего дома.

И Эриол сдался. Наступил полный штиль, и на море медленно пала ночь, а ожидание казалось бесконечным. Но вот внезапно поднялся легкий ветерок, мягкое дуновение с Запада. Команда приготовилась поднять паруса и отправляться домой, как вдруг один из моряков воскликнул:

– Надо же, какой странный ветер – словно аромат каких-то воспоминаний!

Все встали молча, глубоко вдыхая свежий бриз. Туман почти развеялся, и в расходящихся облаках показался тонкий серпик луны, а вскоре и тысячи холодных звезд зажглись в темном небе.

– Ночные цветы раскрываются в стране фаэри... – прошептал Эриол.

– Смотрите, это эльфы зажигают свечи в серебряных сумерках! – возгласил Биор, и все вгляде-

лись в даль над темным штевнем корабля, куда указала его длинная рука. В немом изумлении они увидели далеко на западе синие тени в ночном мраке, а в них – множество мерцающих огоньков. Все больше и больше зажигалось их вдали – и наконец, казалось, уже десять тысяч ярких светильников засверкали, мигая и переливаясь, на дальнем горизонте, как будто сам Феанор рассыпал свои светящиеся самоцветы по океанской глади.

– Это, похоже, и есть та самая Многоцветная Гавань, о которой рассказывают в стольких сказках! – сказал Эльфхеах. – Мало прислушивались мы к ним дома.

Не говоря больше ни слова, моряки бросились к веслам, развернули корабль и принялись грести к бессмертному берегу – а ведь они почти отчаялись на пороге успеха! Однако мало толку было от той долгой гребли, хоть они и налегали на весла изо всех сил. Но долгая ночь Фаэри все не кончалась, и рогатая луна Эльфинесса плыла над странниками в небесах.

А потом появилась музыка: ее нежный звук над водой был наполнен таким невыразимым томлением, что Эриол и его спутники, склонившись над веслами, отдались тихой грусти – каждый о своем. Был в ней и плач над полузабытыми горестями, и печаль о чем-то прекрасном, но утраченном ныне; и скорбь о той жажде, которой живо каждое дитя человеческое – мечте о беспредельно чарующей красоте, которую вечно ищет сердце, но никак не найдет.

– Там звенят арфы, и поют песни о чем-то

добром, а в окнах, что выходят на море, горит яркий свет, – сказал один из моряков, а другой ответил:

– Струны их скрипок плачут о древних бедах бессмертного племени Земли, но и радость прорастает сквозь боль!

– А я слышу рога призрачных фаэри в зачарованных лесах, – вздохнул Эриол. – Такая музыка смутно угадывалась мне под вязами Миндон Гвара, много лет назад.

Увы – пока они говорили так в удивлении, луна ушла из виду, и звезды спрятались за облаками. Туманы времени занавесили берег, и ничего больше не было видно и слышно оттуда. Только шум прибоя еще доносился до них – море перекатывало гальку на далеких пляжах Одинокого острова, но скоро и этот тихий шорох унес ветер. Эриол ступил вперед, глядя в даль широко открытыми глазами и не говоря ни слова. Вдруг с отчаянным криком он прыгнул вперед в темную воду – она была теплой, и показалось ему, что это милосердная смерть принимает его в свои объятья. Другие же пробудились от его возгласа, словно бы от наваждения – но тут внезапно налетевший ветер наполнил все паруса, и никогда не видели они больше своего капитана.

Корабль уносило назад, и сердца моряков были полны тоски и сожаления. Они еще видели иногда серые эльфийские корабли, что возвращались, должно быть, домой в Многоцветную Гавань. Моряки кричали им, но лишь слабое эхо возвращалось с морских просторов, и некому было указать им путь в страну, куда они так стремились. Долго довелось им распутывать обратно тот лабиринт путей, что

завели их на Запад, пока они не бросили наконец якорь в гавани Белериона. Странствия утомили и состарили их, и пережитые чудеса виделись лишь миражом, фантазией, порожденной голодом и морским мороком – так казалось теперь всем, кроме Биора из народа корабелов Запада. В урочный час они ушли за грань мира, не нуждаясь уже для того ни в лодке, ни в парусе, но многие из их потомков тоже стали беспокойными и отважными мореходами. Однако пока моряки из той команды были живы – никогда не оставляли они морских скитаний, и тело каждого из них забрало море.

Заповедный остров

риол очнулся на широком пляже белоснежного песка, где море оставило его – был отлив, и он лежал и слушал шум волн, что доносился издалека. Кругом лежало множество удивительных раковин, а над пляжем поднимались черные и пурпурные утесы, и кое-где виднелись пещеры и маленькие укромные заводи. Выше росли березы и тростник среди душистого разнотравья. Отдохнув, Эриол пустился в путь по заросшим цветами тропам острова.

Мало-помалу дороги привели его к невысокому холму, что стоял на широкой лесистой равнине. Был вечер, и уже зажигались свечи во многих окнах. В такое время жажда новых впечатлений остывает даже у самых беспокойных искателей, и наш мореход тоже помышлял об ужине – и о вечере сказок перед сном.

Эриол остановился перед подножием холма. Дул легкий ветерок, и стая грачей пролетела над ним в прозрачном вечернем воздухе. Солнце уже скрылось за сучьями вязов, что росли кругом насколько хватало глаз, и его тускнеющие золотистые лучи проникали сквозь листья и рассыпались по полянкам, чтобы попрятаться под корнями и видеть сны до рассвета. Грачи устроили шум в ветвях над его головой, торопливо возвращаясь в

свои гнезда на верхушках самых высоких вязов на гребне холма. «Время близится к ночи», подумал Эриол, «Пусть я и не знаю даже имени этого прелестного городка под холмом, поищу-ка я тут ночлег и останусь до завтра. А если повезет, то и не только до завтра: место выглядит хорошо, и воздух на диво ароматен. Сдается мне, витает в нем дух многих старинных тайн и удивительных чудес, что сокрыты в кладовых и сокровищницах под этим холмом – и в добрых сердцах его обитателей».

Дорога шла теперь напрямик вдоль большой стены из серого камня. На ее кромке росло множество цветов, а сверху нависали высокие темные тисы. Подымаясь на холм, Эриол заметил сквозь их ветви первые звезды, что зажигались в небе впереди – придет время, и он споет про них в песне, посвященной этому городу.

Так он добрался до вершины холма, застроенной домами, и свернул, словно повинуясь случаю, в извилистый переулок на западном склоне. Там его взгляду предстал уютный домик со множеством маленьких окошек – и казалось, счастливые обитатели живут в нем. Окна закрывали занавески, но ровно настолько, чтобы теплый и ласковый свет изнутри мог пробиться наружу. В этот момент сердцу скитальца так захотелось тепла и общения, что жажда странствий отпустила его – повинуясь внезапному порыву, он подошел и постучался в дверь.

Когда ему отворили, Эриол спросил:

– Как называется этот дом и кто живет здесь?

– Это Мар Ванва Тьялиэва, или «Дом Проиг-

ранной Игры», – был ему ответ. Весьма удивился странник такому названию, а отворивший рассказал ему, что хозяева дома – Линдо и Вайрэ, которые и построили его много лет назад, и с ними живет немало их детей, друзей и домочадцев. Эриол удивился еще больше – домик казался совсем небольшим снаружи. Однако тем более захотелось ему побывать в нем, и он взмолился, не могли бы Вайрэ и Линдо приютить его на ночлег. Его пригласили войти, и странник шагнул внутрь.

Подумать только! – внутри дом оказался большим, просторным и удивительно приятным. Хозяин дома Линдо и его жена Вайрэ вышли встретить путника, и душа его наполнилась радостью, как никогда раньше в его странствиях – хотя и с самого момента высадки на Одиноком острове он уже был более чем счастлив. Вайрэ приветствовала его, а Линдо спросил:

– Кто и откуда ты, путник, и куда путь держишь?

– Я всего лишь странник, – ответил гость. – Прибыл я из Средиземья, а путь держу куда глаза глядят.

В большом зале накрыли стол для ужина, и Эриола пригласили к трапезе. Хоть и стояло лето, в зале горели три больших очага – один в дальнем конце, и по одному с каждого края стола. Когда Эриол вошел, остальные уголки зала терялись в теплых сумерках. Однако тотчас появилось множество эльфов, которые несли свечи всевозможных размеров и форм, и в подсвечниках странного вида: иные из резного дерева, а другие из кованного

металла. Их установили в канделябры в центре стола и по обеим сторонам. В этот момент мелодично прозвенел большой гонг где-то в глубине дома, и вслед ему послышался смех на многие голоса и топот маленьких ножек.

– Это звук Томбо, гонга для детей, – объяснила Вайрэ, заметив удивление Эриола. – Он стоит снаружи Зала Отыгранной Игры. Один удар созывает их в этот зал, когда готова еда и питье, а три удара – в Каминный зал, где рассказывают сказки.

А Линдо добавил:

– Даже от одного удара столько смеха и топота в коридорах, а представь, как трясутся стены от их веселья после трех ударов вечером! Три удара – самый радостный момент всего дня для Хранителя Гонга, хоть и немало веселья, как он сам говорит, выпало на его долю в былые деньки. А ведь годы его воистину бессчетны, даже и не скажешь по этой жизнерадостной натуре – мы зовем его Ильверин, или «Сердечко». Он был в команде «Вингилота», когда Эарендил отправился в свое последнее путешествие на поиски Тириона. Звон этого самого гонга на Тенистых морях разбудил Спящего в Жемчужной Башне, что стоит далеко на западе Полусветных островов.

Душа Эриола встрепенулась от этих слов, словно ему открылся новый удивительный мир. Задумавшись, он не слышал ничего вокруг, пока Вайрэ не пригласила его сесть за стол. Тогда он поднял глаза – и надо же, весь зал и все скамьи и стулья вокруг были полны детей самой многообразной внешности, вида и размера, а между ними

сидели и взрослые эльфы, столь же непохожие друг на друга. Одно только было у них всех общее – счастливое ожидание некой грядущей радости на их лицах, освещенных мягким светом свечей. Свет переливался на их ярких распущенных волосах и отблескивал на темных прядях, а кое-где зажигал бледные огоньки на кудрях, тронутых сединой.

Пока Эриол оглядывался вокруг, все встали и в один голос запели Песнь Внесения Жаркого. В зал внесли еду и разместили ее перед всеми сидящими, а потом и те, кто принес кушанья, и те, кто расставлял, присоединились к гостям за столом. Линдо благословил снедь и собравшуюся компанию, а потом и взрослые, и дети сели и приступили к трапезе.

Пока они ели, Эриол завел беседу с Линдо и его женой и рассказал им о своих прежних странствиях и о тех приключениях, что выпали на его долю на пути сюда, на Одинокий остров. Сам же он расспрашивал хозяев об их прекрасной земле, и в особенности о том дивном городе, куда привела его ныне дорога. На это Линдо сказал:

– Знай же, что сегодня – или уже скорее вчера – ты вошел в границы области, которую мы называем Аламинорэ, что значит «Страна Вязов», а нолдоры зовут ее Гар Лоссион, «Обитель Цветов». Она находится в центре острова и считается самой красивой его частью, а более всех городов и деревень его прекрасен Кортирион, в котором ты сейчас и находишься. Он стоит в самом сердце острова, а высокую башню его мы зовем Цитадель. И дело тут даже не только в любви и красоте – весь остров

обращается сюда в поисках мудрости и руководства, баллад и древних знаний: именно здесь в великом *корине* вязов обитает Мериль-и-Туринкви. *Корин* – это широкий круг, огражденный камнями, терновником или деревьями, а посередине – зеленая лужайка.

Мериль происходит из рода Ингвэ, короля эльфов во времена их обитания в Валиноре: а это было еще до того, как Ингвэ откликнулся на плач и горести мира и повел свой народ в поход в земли людей. Но об этих великих и скорбных деяниях и о том, как эльфы поселились на этом одиноком и живописном острове я, быть может, расскажу в другой раз. Скажу лишь, что много дней спустя Ингил, сын Ингвэ, собрал здесь немало мудрых и прекрасных эльфов. С ними был мой отец Вальвэ, который тоже участвовал в походе на выручку нолдорам, и отец моей жены Вайрэ – он был из помощников Ауле, но долго жил с эльфами-флейтистами на побережьях. Ингил и построил эту великую башню, а город назвали в честь эльфов-изгнанников из Тириона.

Тем временем трапеза подошла к концу, и тогда Линдо наполнил свою чашу, а вслед за ним и Вайрэ и все сидящие в зале. Линдо объяснил Эриолу:

– Напиток, что разлит сейчас в наши чаши, называется *лимпэ*, то питье для эльфов молодых и старых. Мы пьем его, чтобы наши сердца оставались юными, а уста зажигались песней. Но этим напитком мне не дозволено угостить тебя: только Туринкви вправе оделить им тех, кто не из эльфийской

расы. Те же, кто отведают его, должны навеки остаться с эльфами на этом острове – до той поры, когда мы выступим в поход на поиски утраченных родов нашего племени.

С этими словами он наполнил чашу Эриола золотистым вином из древнего бочонка нолдоров. Затем все встали и подняли тост:

– За Последний Поход и возрождение Волшебного солнца!

Тут трижды прозвонил Гонг Детей, и зал наполнился радостным шумом. Открыли массивные дубовые двери с той стороны зала, где не было очага. Кто-то подхватил свечи в высоких деревянных подсвечниках, подняли их вверх и выстроились посреди смеющейся и говорливой толпы. Тогда Линдо, Вайрэ и Эриол прошли в отворенные двери, и вся компания последовала за ними.

Они вступили в короткий широкий коридор, стены которого на пол-высоты были завешаны гобеленами. На них было вышито много разных сюжетов, смысла которых Эриол еще не знал в то время. Выше гобеленов на стенах просматривались росписи, но он не мог различить деталей в темноте – те, кто нес свечи, шли позади, а впереди единственным источником света был алый отблеск большого огня через открытые двери.

– Там, – объяснила Вайрэ, – пламенеет Камин Сказок в Дровяном Чертоге. Он горит там круглый год, и это волшебный огонь: он немало помогает рассказчику сказок. Туда мы сейчас и идем.

– А мне ничего иного и не нужно, – улыбнулся Эриол.

Вся компания, так же смеясь и болтая, вошла в комнату, из которой исходило алое сияние. Отблески огня танцевали на стенах и низком потолке, а в углах и закоулках прятались глубокие тени. Вокруг огромного очага было расстелено множество мягких ковров и разложены уютные подушки, а немного сбоку стояло глубокое кресло с резными ножками и подлокотниками. В тот момент – как и во все последующие вечера – Эриол ощутил, что сколько бы взрослых и детей ни входило в комнату в час сказок, она всегда оказывалась достаточно просторной, но не слишком пустой, и одновременно достаточно маленькой, но при этом не слишком тесной.

Все собравшиеся расселись, где хотели, Линдо занял глубокое кресло, а Вайрэ уселась на подушку у его ног. Эриол же удобно устроился прямо у каминной плиты и наслаждался алым пламенем, хоть и стояло лето. Тогда Линдо спросил:

– О чем будем рассказывать истории сегодня? О Средиземье и обиталищах людей, или о валарах и Валиноре? О тайнах Запада, о великолепии Востока, о нехоженых лесах Юга, или о грозном могуществе Севера? А может, об этом острове и его народе, или о древних днях Тириона, где мы жили когда-то? Ибо сегодня ночью с нами достойный гость, человек много где побывавший и немало искушенный в путешествиях на морских ветрах.

На это одни стали предлагать одно, а другие – другое, пока сам Эриол не предложил так:

– Прошу вас, если никто не возражает, поведать мне на сей раз о самом этом острове, а в особенности о вашем замечательном доме и всей той

дивной компании, что собралась здесь – ибо более славного дома и приятного собрания не доводилось мне видеть раньше!

И Вайрэ начала рассказ:

«В стародавние времена был в Валиноре край прекрасных садов – на берегу серебристого моря и в то же время недалеко от Тириона, и отблески Древа Солнца дарили садам неяркий свет, словно в летний вечер. А когда наступали сумерки, на холме зажигали серебряные фонари, и маленькие белые огоньки пускались танцевать на тропинках и гоняться за черными пятнами теней под деревьями. Тогда наступал час веселья для детей – обычно именно в это время приходили к ним новые друзья по тропе, что звалась Олорэ Маллэ, или Дорога Сна. Говорили мне, хоть и не знаю, правда или нет, – путями извилистыми и чародейскими вела эта тропа до самых домов человеческих. Но не для нас была эта дорога, когда сам наш народ вышел в поход в Средиземье.

Крутые откосы окаймляли дорогу и высокие изгороди склонялись над ней, а за ними стоял лес высоких деревьев. Вечный шепот обитал в том лесу, а иногда огромные светящиеся гусеницы выбирались на его травянистые опушки. Дорога Сна вела к высоким решетчатым воротам: в сумерках они переливались золотистым светом. От ворот же вились петляющие тропинки к самому изысканному из всех садов, а посреди его стоял маленький белый домик. Никто не знал, да и сейчас не знает, из чего он был построен, но стены его светились бледным жемчужным светом, а соломенная крыша отливала

золотом.

По одну сторону домика рос куст белой сирени, а по другую – могучий тис: из его побегов дети мастерили луки, а по ветвям взбирались на самую крышу дома. А к кусту сирени слетались певчие птицы всех видов, что были или есть, и выводили в его ветвях дивные трели. Стены домика изгибались под тяжестью лет, и в них виднелось множество решетчатых окошек причудливой формы. Никто не жил в том домике, но эльфы стерегли его неустанно и незаметно: так что дети могли играть там привольно и спокойно, не стесненные опекой взрослых. Это место называлось «Домик для Игр во Сне», а не Проигранной Игры, как по ошибке поется в людских песнях – ведь Игра еще не была проиграна в те дни. А настоящий Дом Проигранной Игры – это, увы, и есть тот дом, где мы собрались сейчас.

Самые первые дети человеческие приходили сюда по Дороге Сна – сыновья и дочери древних людей, и эльфы направляли всех пришедших к домику и саду, чтобы они не свернули в Тирион и не подпали под чары Валинора. Ибо иначе они остались бы там навсегда, на горе своим родителям; а если бы и выбрались назад, то томились бы вечно несбыточной мечтой и сделались бы дикими и странными в мире людей.

Иные из детей уходили к морским скалам на краю Эльдамара и блуждали там, зачарованные чудными ракушками и разноцветными рыбками в синих заводях и серебристой пене: таких эльфы тоже провожали в домик, уводя их с берега ароматом бессчетных цветов. И все равно некоторые

успевали услышать издалека нежную музыку телэри на морском пляже – такие больше не играли с другими детьми, но забирались к самым верхним окнам и смотрели вдаль, надеясь разглядеть за деревьями и сумраком теней отсвет моря и волшебные берега.

Большинство детей редко стремились попасть внутрь дома – обычно они танцевали и играли в саду, собирали цветы или гонялись за золотыми пчелами и бабочками с разноцветными крылышками, которых эльфы поселили там для их игр. Кто-то строил домики на деревьях или заводил свою делянку: там растили мальву и флоксы, незабудки и красные маргаритки; кто-то копался в песке и разыскивал жемчужины; другие спорили о чем-то или гуляли, взявшись за руки, а кто-то просто мурлыкал песенки сам по себе.

Многие дети подружились в тех играх, а после встретились снова в землях людей – и стали товарищами или полюбили друг друга. Но были и те, кто внимал издали свирелям телэри, или выбирался из сада и слышал песни ваньяров на холме, а иные добирались и до самого Тириона – и их умы и сердца даже дома полнились чудом. Немало странных легенд произошло от этих туманных воспоминаний, обрывков сказок и удивительных песен: ведь те, кто принес их домой, стали поэтами в Средиземье.

Когда же эльфы покинули Тирион, эта тропа была закрыта навсегда: непроходимые скалы заслонили путь, а дом и сад стоят пусты и безлюдны с тех давних пор. Такими они и останутся до Последнего

Похода, когда в конце времен сыновья и дочери человеческие войдут в Валинор. Но пока, поскольку дети перестали приходить играть в тот сад, печаль и серая тоска распространились среди людей. Они почти перестали верить в красоту эльфов и славу валаров – пока один из них не явился из Средиземья с просьбой избавить их от тьмы: Эарендил, что держал речь перед эльфами и валарами, и – единственный из людей – смог заглянуть за вечноснежную вершину Таниквэтиль, а ныне вечно плывет в поднебесной выси.

Увы, нет сейчас безопасного пути в этот край, но Мериль-и-Туринкви прислушалась к просьбе посланца и поручила моему мужу, Линдо, измыслить некий план. Так и случилось, что мы с ним взяли на себя опеку и заботу о тех детях, что нашли Тирион и остались с эльфами навсегда. Добрым волшебством построили мы здесь этот Дом Проигранной Игры и собрали здесь старые сказки, древние песни и музыку эльфов. И время от времени наши дети отправляются в путь, на поиски Средиземья, и рассказывают там сказки одиноким мальчикам и девочкам, что засыпают в сумерках при свете свечей, или утешают тех, кто плачет и грустит. Иногда, как мне говорят, они выслушивают обиды тех, кого наказали или поругали, сочувствуют и словно бы встают на их сторону – забавная и достойная затея, как мне кажется.

Жаль только, что не все из этих детей возвращаются назад. Это печалит нас – ведь не по злому умыслу удерживали эльфы детей человеческих от посещения Тириона, но только из заботы об их

семьях и домах. Однако и в Средиземье, как ты и сам знаешь, есть немало мест чудных и соблазнительных – только по важным делам посылаем мы туда детей, что живут с нами. Все же большинство из них возвращается к нам обратно и приносит вести из своих скитаний, хоть и недобрыми бывают их истории. Ну что ж – вот, пожалуй, и вся история нашего Дома Проигранной Игры».

Тогда Эриол ответил, вспоминая:

– До чего же грустная и прекрасная история! Помню, когда я был еще мальчиком, отец поведал мне о давней традиции в нашей семье: когда-то давным-давно наш далекий предок рассказывал об удивительном доме и колдовских садах, и о диковинном городе, и о музыке, исполненной немыслимой тоски и красоты. Все это он увидел и услышал ребенком, и никогда не узнал, как это случилось с ним и где. Но потом вся его жизнь была полна беспокойства и стремления к неизведанным вещам – и говорят, что он погиб на морских скалах в штормовую ночь на каком-то одиноком берегу. Однако и дети его, и потом их дети в большинстве своем тоже унаследовали этот беспокойный дух – и теперь, мне кажется, я докопался до истинной причины.

– Наверно, так и есть, – согласилась Вайрэ. – Похоже, твой древний пращур добрался когда-то до скалистых берегов Эльдамара.

– Однако, – продолжил Эриол, – многое пока остается непонятным мне. Например, любопытно, кто же такие валары? Это и есть боги?

– Ну что ж, пусть будет «боги», – начал Линдо. – Хотя среди людского племени много ходит о них

странных и искаженных историй, которые очень далеки от истины, и разными именами зовут их...

– Подожди, Линдо, – вмешалась Вайрэ, – хватит уже рассказов на сегодня! Настало время отдыха, а при всем своем любопытстве наш гость ведь устал с дороги. Пусть принесут теперь Свечи Сна, а завтра будет еще время сказок для сердца и историй для ума.

А Эриолу она сказала так:

– Не думай, что тебе придется уходить завтра – путник волен оставаться здесь, пока остаются нерассказанные сказки, которые он еще желает услышать.

– Жажда странствий отпустила мое сердце, – ответил Эриол. – Остаться и погостить здесь – все, о чем я мечтаю.

Тогда внесли Свечи Сна, и каждый из собравшихся взял себе одну. Двое из обитателей дома пригласили Эриола следовать за ними. Один из них был тот самый привратник, что открыл ему дверь – он был стар на вид и сед, как мало кто в том доме. Лицо второго было обветрено, но синие глаза лучились внутренним весельем. Он был мал ростом и строен, и нельзя было сказать по виду, пятьдесят ему лет или десять тысяч: это и был Ильверин, Хранитель Гонга. Они вдвоем проводили Эриола по коридору, расписанному разноцветными сюжетами, к широкой дубовой лестнице и повели его наверх. Лестница вилась кругом, пока не вывела их в проход, освещенный висячими лампами из цветного стекла. Они покачивались, разбрызгивая яркие разноцветные лучики по полу и портьерам. Внезапно провожатые свернули за незаметный угол, про-

шли несколько темных ступеней вниз и открыли перед путником дверь. Они с поклоном пожелали Эриолу добрых снов, а Ильверин добавил:

– Пусть тебе приснятся попутные ветра и славные путешествия в океане!

На этом провожатые откланялись, и Эриол обнаружил, что комната, отведенная ему, невелика, но кровать укрыта изящным бельем, а возле окна разместились глубокие подушки. Ночь была теплой и полной ароматов, хотя он только что грелся у огня Камина Сказок. Вся мебель была из темного дерева, а мягкое сияние его большой свечи наполнило комнату сонной магией: Эриолу показалось, что сон есть наивысшее из удовольствий, а эта комната подходит для него лучше всех прочих. Перед тем, как лечь спать, Эриол открыл окно: благоухание цветов проникло в комнату, а далеко внизу под окном виднелся заросший деревьями сад. Луна исчертила его серебристыми проблесками на лужайках и черными тенями между деревьями, а в ветвях ближайшего из них вдруг запел соловей.

Эриол заснул, и сквозь его сновидения проникала музыка, какой он никогда не слышал раньше – высокая и чистая, полная светлой тоски, как будто серебряные свирели и стройные изящные флейты выводили под луной хрустальные ноты и тончайшие гармонии, и скиталец мечтал во сне, сам не зная о чем.

***

Когда Эриол проснулся, солнце уже взошло, и единственной музыкой было щебетание множества

птиц за окном. Свет пробивался сквозь оконные стекла и рассыпался веселыми вспышками, и комната с ее ароматом и славными занавесками казалась даже милее, чем прежде. Эриол встал и оделся – для него приготовили чистую одежду, чтобы он мог сменить свой пыльный дорожный убор, – а затем отправился бродить по коридорам дома, пока не наткнулся на маленькую лестницу. Спустившись по ней, он обнаружил крыльцо, выходящее на залитый солнцем дворик. Там была решетчатая калитка – она оказалась открытой и вывела гостя в тот самый сад, лужайки которого он рассматривал из своего окна. Эриол вышел прогуляться по его дорожкам и подышать свежим воздухом. Вдруг он заметил перед собой пожилого привратника, шагающего вдоль зарослей орешника: голова его склонилась к земле, и он что-то быстро бормотал себе под нос.

– Доброго утра вам! – поздоровался Эриол, и старик встрепенулся:

– Ах, извините, сударь! Не приметил вас – слушал, видите ли, пение птиц. Настроение, скажу я вам, сегодня прескверное: завелся тут один черно-крылый прохвост, на редкость надутый наглец – осмелился петь песни, неизвестные мне, да еще и на таком странном языке! Возмутительно, сударь, просто-таки возмутительно – а ведь я-то думал, что знаю все птичьи языки. Решительно необходимо, думаю я, упечь его в Мандос за подобную дерзость!

Эриол рассмеялся от всей души, слушая эту тираду, а привратник продолжил:

– Нет, сударь, пусть лучше достанется он Тевильдо, Князю Котов, за то, что посмел заявиться в

саду, вверенном попечению Румила! То был огромный черный котище, скажу я вам, – раскосые глаза горят красным и зеленым, серые усы остры, как иголки, и все коты повиновались ему: они были охотниками в свите Мелькора и доставляли добычу к его пирам, поэтому эльфы до сих пор ненавидят кошек. Так вот – нолдоры, знаете ли, стареют на редкость медленно, и все равно я поседел за изучением языков эльфов и валаров. Даже в плену у Мелькора, когда не пал еще Гондолин, я скрашивал свои дни изучением наречий всевозможных чудищ и гоблинов. Да что там, даже писк мышей и жужжание жуков я освоил в те времена – а уж сколько корпел над языками людей, Мелькор их побери! Они ведь постоянно меняются то так, то сяк, не успеешь выучить какой язык – а он уже пригоден лишь для древних баллад и легенд. И вот представьте: слушаю я сейчас этих пташек, различаю каждый до боли знакомый голосок; чувствую себя, признаюсь, как Омар из народа валаров, что ведает все языки; и на тебе – чик-чирик, прилетает этот мелькоровский бесенок... Впрочем, я, наверно, утомил вас этой болтовней про языки и песни?

– Ну что вы, вовсе нет! – отозвался Эриол. – Но я прошу вас, не расстраивайтесь так из-за этого пузатого пройдохи-дрозда. Если мои глаза не подводят меня, вы ухаживаете за этим садом уже много лет? Тогда, должно быть, вы знаете достаточно песен и наречий, чтобы утолить сердца величайших мудрецов – раз уж это первый голос, который вы затруднились перевести. Разве не правда, что птицы каждой области, да чуть ли не каждого гнезда, поют

по-своему?

– Так оно и есть, – ответствовал Румил. – И любую из песен Эрессэа можно иногда услышать в этом саду.

– Весьма повезло мне, – сказал Эриол, – владеть языком, на котором говорят эльфы этого славного острова. Но мне показалось, вы говорили, что эльфийских языков на самом деле много – так ли это?

– Все верно, – подтвердил Румил. – Нолдоры все еще цепляются за свой язык, и сам Ильверин Хранитель Гонга говорил когда-то: «мне хватит и речи нолдоров, раз ее хватало Эарендилу и Туору», зато теперь болтает на языке королевы Мериль не хуже ее самой, храни ее Манвэ. На самом деле многие наречия слились воедино в языке этого острова, а потерянные племена, что блуждают до сих пор в Средиземье, говорят сейчас, наверно, совсем по-другому. А еще есть тайный язык, на котором беседуют валары на своих высоких советах, и мало кто из эльфов знает его – а вот я кое-чему научился в Тирионе, по милости Ауле. Да, многие знания обрел я там, весьма премногие!

– Тогда, быть может, вы поведаете мне то, что я горю узнать еще со вчерашнего вечера сказок? – спросил Эриол. – Кто такие валары – Манвэ, Ауле и другие, о которых вы говорили, и как случилось, что вы, эльфы, покинули свой дом в блаженстве Валинора?

Тем временем любопытный гость и старый эльф подошли к увитой зеленью беседке. Солнце уже поднялось высоко, и птицы заливались друж-

ным звоном в теплых лучах, а лужайки сверкали золотом. Румил устроился в заросшем мхом кресле из резного камня и произнес:

– Ты спрашиваешь о великих вещах, и истинные ответы скрыты глубоко в бездне времени – а то и за гранью его. Даже старый нолдор вроде меня не знает их все, но истории валаров и эльфов переплелись так тесно – прикоснись к одной, поневоле придется распутывать и другую.

– Расскажите же мне, Румил, – взмолился Эриол, – хотя бы самое начало начал? Так я по крайней мере начну понимать, о чем мне пытаются поведать легенды этого острова.

– В начале был Эру Илуватар, – ответил эльф. – А что было еще раньше, не знают ни люди, ни эльфы, ни валары.

– Кто же такой Илуватар? Еще один из богов?

– Нет, но он тот, кто сотворил самих богов. Он Владыка Вечности, что обитает вне мира: он сотворил и его тоже, хотя сам и не принадлежит ему; но он любит мир.

– Никогда не слышал о нем, – задумался Эриол.

– Неудивительно, – заметил Румил. – Мир людей еще совсем молод, да и о Музыке айнуров вообще говорят нечасто.

– Очень интересно! Расскажите, что есть Музыка айнуров?

– Тогда слушай.

«Илуватар был один, и прежде всех творений он спел в бытие айнуров, чья сила и слава превыше остальных его созданий. Он построил для них чертоги посреди пустоты и жил среди них, и научил

их многим вещам, а в особенности – музыке. В песнях и гимнах он открывал им свои великие и дивные замыслы, а музыка их голосов развивала его темы перед его троном. Настало время, когда он предложил им тему, красоте и величию которой не было равных прежде, и потрясенные айнуры застыли в безмолвии. А Илуватар сказал:

– Эта тема – всего лишь набросок того, что сбудется, в котором я оставил много пустых мест и не открыл всего, что я задумал. Но неспроста я учил вас и так ярко зажег в вас Тайный Пламень: теперь вы споете мне великую Музыку, и каждый из вас украсит мою тему согласно своим идеям и замыслам. А я буду слушать и радоваться, что через вас безмерная красота пробудится в песне.

Тогда бесчисленные хоры айнуров начали воплощать тему Илуватара в величественную Музыку, и голоса их были подобны звукам арф и лютней, флейт и органов, и множество прекрасных мелодий сплеталось и переливалось звучными гармониями, наполняя эхом темные бездны вокруг. Долгое время все шло хорошо, но затем Мелькору захотелось добавить к теме Илуватара свое собственное воображение.

Мелькору были даны великие силы и знания, как мало кому из айнуров, и горячее желание дать бытие собственным творениям владело им. Оттого он часто бродил одиноко во тьме, ища Тайный Пламень – но не нашел его, потому что он был у Илуватара. Зато теперь Мелькор вплел в Музыку свои хитроумные замыслы, что родились во внешней тьме, и тотчас начался в ней раздор и диссо-

нанс: кто-то из тех, что пел рядом с ним, запутался и притих, а кто-то перестроился на его музыку вместо той великой темы, с которой они начали.

Илуватар сидел и внимал, пока музыка вокруг не обрушилась вовсе в глубины мрачной тоски. Печально улыбнувшись, он поднял левую руку – и новая тема, могучая и дивная, возникла среди хаоса, похожая и непохожая на прежнюю. Но шумный разлад Мелькора заспорил с ней, и вскоре ничего было не разобрать в этом гаме и грохоте. Улыбка Илуватара сменилась скорбью, и он поднял правую руку – и третья тема выросла посреди борьбы звуков, совсем не такая, как раньше.

В конце концов словно бы две разных музыки боролись перед троном Илуватара: одна была глубока и прекрасна, но исполнена неизбывной печали, а вторая, звучная, дерзкая и пустая, тщилась утопить первую в своем шуме, но лишь дополняла и украшала ее гармонию. Тогда Илуватар поднял обе руки, и единым аккордом, пронзительным и могучим, как свет его глаз, Музыка оборвалась. Илуватар встал и вышел из своих чертогов во тьму, и айнуры последовали за ним. Вдруг они увидели свет в пустоте – живое огненное сердце посреди далекой туманности, а Илуватар сказал:

– Эа! Музыке вашей я даю бытие, Тайный Пламень, что дарует жизнь и реальность. Это – новый мир, и его история начинается и развивается, как моя тема в вашем исполнении. Каждый из вас вложил свою часть в это творение, и каждый найдет там то, о чем пел. Ты же, Мелькор, знай: никто не в силах изменить музыку мне назло. Ужас, горе и зло

войдут через тебя в мир, но от этого моя тема будет лишь более достойна того, чтобы быть услышанной, жизнь – достойна быть прожитой, а мир – настолько более чудесным и удивительным, что из всех деяний Илуватара это будет названо самым могучим и прекрасным».

Румил умолк, и оба собеседника долго сидели в тишине. Потом Эриол сказал:

– Все это вещи новые для меня и очень странные, но все же это дела вне пределов мира. Пусть теперь я знаю, откуда взялись в нем жизнь и бытие, но что насчет деяний валаров в его древние дни? Как появились Солнце, Луна и звезды, и материки мира, и Зачарованные острова? Еще о появлении эльфов и людей я послушал бы, ибо истории твои полны мудростью и чудесами.

– Надо же, твои вопросы так же длинны, как и мои предания! – ответил Румил. – Этак жажда твоего любопытства выпьет весь колодец моей мудрости, дай тебе волю: ты ведь и не знаешь, насколько длинны и затейливы те истории, о которых ты спрашиваешь. Однако вот что: солнце уже высоко над крышами, так что сейчас не время для рассказов, а самое время подкрепиться.

С этим словами Румил поднялся и быстро направился в дом, по-прежнему глядя лишь на носки своих туфель – обратно вдоль аллеи орешника и через солнечную полянку. Эриол же остался сидеть в беседке, размышляя об услышанном, и множество вопросов роилось в его голове – так что он напрочь забыл, что и сам до сих пор не завтракал. Однако тут появился Ильверин и еще один

эльф – они несли скатерти и салфетки:

– Румил сообщил нам, что ты умираешь от голода в Беседке Дроздов по милости его длинного языка: по опыту знаем, что это вполне вероятно, поэтому мы принесем еды.

Эриол поблагодарил их и, позавтракав, провел остаток солнечного дня в тенистых тихих аллеях сада, погруженный в свои думы. В саду, однако, было отнюдь не скучно: хоть он и был огорожен высокой каменной стеной, кругом были фруктовые деревья и много уютных закоулков, а сама стена была укрыта вьющимися лианами с красными и золотыми цветами, что ярко светились под солнцем. Там были заросли и лужайки, затененные дорожки и бесконечные цветочные поляны, и за каждым поворотом находилось что-то новое на радость любопытному исследователю. Тем не менее Эриол обрадовался пуще прежнего, когда вечером снова подняли тост за возрождение Волшебного солнца, зажгли свечи, и вся компания вновь собралась у огня Камина Сказок.

***

– Чем займемся сегодня? – спросил Линдо. – Сказки и легенды, как обычно, или устроим вечер музыки и песен?

Большинство высказалось за музыку и песни, и тогда те, кто владел этим искусством, встали и запели старинные мелодии, воскрешая в неверном танце отсветов огня древние творения менестрелей Валинора. Некоторые еще рассказывали поэмы о делах Тириона и Эльдамара, что сохранились со

старинных времен; но постепенно баллады и музыка утихли, и все долго сидели молча, вспоминая Волшебное солнце и ушедшую навеки красоту.

Наконец Эриол обратился к Линдо:

– Сегодня утром Румил-привратник, великий мудрец, как мне показалось, рассказал мне в саду о начале мира и пришествии валаров. Могу ли я теперь услышать о Валиноре?

Сам Румил сидел на невысокой скамейке в глубоко затененном углу, но он откликнулся на просьбу:

– Тогда с позволения Линдо и Вайрэ я начну этот рассказ, а то ты так и будешь спрашивать до скончания века. Да простят меня остальные, если слышали они эти древние истории раньше.

– Старинные легенды отнюдь не наскучили слуху эльфов, – ответила Вайрэ, и Румил продолжил:

«Посреди бесконечных пространств и глубин времен была создана Земля, которой было суждено стать домом для Детей Илуватара: бессмертных эльфов и людей, чьи души покидают мир навсегда. Оттого многие из айнуров направились сюда из далеких областей Небес – они известны нам как «валары Арды», Стихии мира. Первым из валаров был Мелькор, и он объявил Землю, еще юную и полную огня, своим королевством. Манвэ же был братом Мелькора и главным инструментом, который развивал тему Илуватара вопреки диссонансу. Он призвал к себе прочих своих братьев и многих духов великих и малых, и сказал им:

– Отправимся в Чертоги Анара, где зажглось

Солнце Малого Мира, и присмотрим, чтобы Мелькор не погубил там все.

И они прибыли туда, Манвэ, Ульмо и Ауле, и другие, о которых ты еще услышишь, Эльфвинэ, и вот! Мелькор был там раньше их. С ним было немного последователей – лишь несколько из тех младших духов, что настроили свою музыку на его тему, и он бродил один; и Земля была в пламени. Мелькор был не рад приходу валаров, ибо он желал не друзей, но слуг, и он сказал:

– Это мое царство, я объявляю его своим!

– Ты не захватишь этот мир для себя одного, – ответил Манвэ, – ведь многие другие трудились над ним не меньше тебя.

Так началась борьба между валарами и Мелькором; и на какое-то время он ушел и удалился за пределы стрел солнца, и вынашивал свои желания. Духи же спустились в мир, очарованные его красотой, и приняли в тот час форму и облик; и поскольку именно любовь к Детям Илуватара привела их на Землю, облик их был сходен с тем, что был открыт им в Видении Илуватара, но сообразен их величию и благородству, ибо они могучи и святы. Так они стали в нем «богами», как зовут их люди, согласно их темам в Музыке: Манвэ – владыка ветров и защитник людей и эльфов, друг его Ульмо – хозяин океанов и родников, Ауле – мастер-кузнец, и с ними многие другие. Спутницей Манвэ была Варда Элберет, Прекраснейшая, что воспела в Музыке серебряный свет и сияние звезд. На могучих крыльях прилетели эти двое сквозь три неба, а с ними те духи, что играли в Музыке в гармонии с ними – сильфы

воздуха и ветров.

С Ауле пришла Йаванна Палуриен, чья радость и забота – все, что живет и плодоносит на земле. Их спутниками было великое множество духов деревьев и лесов, долин и гор, тех, что поют в траве поутру и в высоких колосьях вечером – домовые, феи, лепреконы и много кто еще. Однако не стоит путать их с эльфами: все эти духи рождены раньше мира и пришли извне, и не прочь посмеяться над ним – ведь не они создали его, и мир для них нередко просто игра. Эльфы же – часть мира и любят его страстно, оттого в любой их радости есть оттенок грусти.

Молчаливый Ульмо живет одиноко в глубинах океана. С ним пришел Салмар, который сотворил для него звучные рога из морских раковин: кто хоть раз услышит их, не забудет вовек. Вассалы Ульмо – Оссэ, чья стихия – бури, волны и острова, и Уйнен, его супруга; а с ними явились длинноволосые русалки, духи прибоя и пены морской. Оссэ подчиняется Ульмо из страха и почтения, но отнюдь не любит его. В начале Арды Мелькор сманил его в свое подданство, посулив ему владения Ульмо, и его великие штормы разрушали берега и земли. По просьбе Ауле Уйнен смирила Оссэ и привела его обратно, но буйный нрав так никогда и не оставил его.

После них пришли братья Феантури – Ирмо, владыка сновидений и грез, и Намо, судья мертвых, и с ними Ниенна, богиня скорби и слез, что обращает боль в исцеление, а печаль – в мудрость. Многими именами называют ее – Нури «вздыхаю-

щая», Хескиль «приносящая зиму», и Кальмэ-Тари, госпожа смерти, перед которой обречен склониться каждый. Супруга же Оромэ-охотника – Вана, королева цветов, богиня молодости, радости и красоты, приносящая весну, и все восхваляют ее как Тари-Лайси, владычицу жизни.

Ариен была духом огня, и сияние ее было грозным и прекрасным – но ее, в отличие от многих ее собратьев, Мелькору не удалось заманить себе на службу. Варда поручила ей обитать на Солнце, чтобы дарило оно Земле тепло и утешение, и отдала ей толику чистого Света, который она принесла из-за пределов Эа как прощальный дар Илуватара. Но сам Мелькор тогда еще носил обличье ослепительно яркое, и он не мог стерпеть, что где-то есть свет, неподвластный ему. Он отправился на Солнце и сказал Ариен так:

– Я избрал тебя: ты будешь моей супругой, и вся власть и слава мира будут наши! Тогда я стану королем Арды на деле, а не только по праву, а ты разделишь со мной мое владычество.

– Не говори о праве, ведь ты давно забыл о нем! – упрекнула его Ариен. – Не тобой одним и не для тебя создан мир, и не быть тебе его королем. Берегись: свет, что живет внутри Солнца, не будет служить тебе. Ты можешь разрушить его, но он обожжет тебя, и твое сияние станет тьмой.

– Я возьму сокрытый дар себе! – вскричал Мелькор в гневе и набросился на Ариен, чтобы обесчестить ее и унизить, забрав ее силу. В боли и ярости вырвался тогда ее огненный дух и навсегда покинул Эа: так Солнце лишилось предвечного

света Варды, и волшебство ушло из него, ведь оно было осквернено злобой Мелькора. Долго после этого оно, не управляемое никем, то разгоралось слишком ярко, то остывало без меры, и так нарушилось устройство мира. Однако сбылось и пророчество Ариен: свет обжег Мелькора дочерна, и всегда причинял ему боль с тех пор, так что тьма стала отныне его оружием.

Валары тем временем ходили по Земле в видимых обличьях мира, прекрасные и блаженные, и Земля была садом для них, ибо ее смятение было укрощено. Тогда увидел Мелькор все содеянное и преисполнился великой зависти, и сотворил себе также видимое обличье, но из-за мрачной злобы его был тот облик темным и ужасным. И он сошел на Землю в мощи и величии большем, нежели у любого из валаров, словно гора, что блуждает в море и чья вершина превыше облаков, закована в лед и коронована пламенем; и свет его глаз испепелял жаром и пронзал смертельным холодом, и он повелевал всем необузданным, диким и жестоким в мире.

О войне валаров и Мелькора за владычество над Ардой нам известно немногое: валары стремились управлять Землей вопреки Мелькору и приготовить ее к приходу Детей, и они создавали земли, но Мелькор разрушал их, выкапывали долины – Мелькор вздымал их ввысь, возводили горы – Мелькор низвергал их, создавали моря – Мелькор опустошал их, и не было нигде ни покоя, ни места для роста. Как только валары начинали некое творение, Мелькор искажал или разрушал его, и леса стали зловонны и ядовиты, и звери превратились в жесто-

ких чудовищ с рогами и клыками, и они сражались, окропляя землю кровью.

Посреди войны дух великой силы и отваги пришел валарам на подмогу, прослышав в дальних Небесах о битве в Малом Мире. Он явился, как буря смеха и громкой песни, и земля звенела под его мощными золотыми стопами. Так пришел Тулкас Могучий и Радостный, чей гнев подобен грозному ветру, что гонит тучи и тьму. Мелькор содрогнулся от смеха и ярости Тулкаса и бежал с Земли – но затем собрал всю свою мощь и ненависть, и решил так:

– Я разорву Землю на части и сокрушу ее – да не достанется она никому!

Но Мелькор не мог вовсе разрушить Землю, ибо не такова была ее судьба. Однако он оторвал часть ее, и захватил в свое владение, и сделал маленькую землю лично для себя, и она кружилась по небу, следуя за большой Землей. Теперь Мелькор мог наблюдать за всем, что происходило там, и сотрясать воды и земли своей злобой. И есть слух среди эльфов о войне, в которой валары напали на твердыню Мелькора и изгнали его, и отодвинули ее подальше от Земли, и она остается в небесах – Итиль, которую люди зовут Луной. Там ослепляющая жара и нестерпимый холод, как и во всяком творении Мелькора; но теперь по крайней мере она чиста, хоть и опустошена совершенно; и ничто не живет там, и никогда не жило, и никогда не будет. И в этом сбылись вновь слова Илуватара: Итиль стала зеркалом для большой Земли, отражая ей свет Солнца, когда оно невидимо; так из-за злобы Мель-

кора лунный свет родился от солнечного, а Земля в своем страдании и потере обогатилась паче прежнего.

Так и было построено жилище для Детей Илуватара посреди бесчисленных звезд, и именно здесь валары, Стихии мира, сражаются за эту драгоценность Илуватара. Но об этих делах другие расскажут тебе, Эльфвинэ, – ведь ты лишь в начале большого пути».

Рассказчик ненадолго умолк, и Эриол тут же спросил снова:

– Ты говоришь, валары мало рассказывают эльфам о том, что было до их появления. Но, может быть, мудрые среди вас знают больше об этих древних войнах?

– Я записал то, что я знаю, и ты сможешь сам прочитать это, когда выучишь получше язык и письмена нолдоров. Терпения смертных не хватит, чтобы выслушать все эти истории. Но раз ты просишь, расскажу еще немного.

***

«Зимней ночью Мелькор тайно вернулся на север мира, и его власть снова начала распространяться по Земле. Тогда валары собрались в стране на крайнем западе, за Великим морем, и назвали ее «Валинор», а вокруг нее воздвигли могучие горы Пелори. Мелькор же выстроил себе грозную крепость на севере и выкопал глубочайшие подземелья, неприступные для любого нападения, а имя это твердыне зла было Утумно. Он стал теперь повелителем чудовищ и предводителем множества злых

духов: видя его величие, они охотно шли к нему на службу, а самым могучим из них был Саурон, искусный мастер из народа Ауле. Еще одну крепость, Ангбанд, Мелькор воздвиг недалеко от берегов моря на северо-западе, чтобы отразить возможную атаку из Валинора, и Саурон был назначен ее наместником.

Тьма Мелькора застила небеса, но у Варды еще оставалось немного Предвечного Света, который она воспела когда-то в Музыке айнуров. Боги собрались вместе и сидели молча на своих тронах в Круге Рока, пока Йаванна пела песню силы на холме Эзеллохар посреди равнины Валинора – глубинное колдовство жизни и роста, распускания листьев и созревания плодов. Затем Вана спела на холме песню весны и завела вокруг него танец, поливая его светом золотистым и серебряным.

Песня закончилась, и наступило долгое безмолвие, и равнина Валинора была темна. Но вдруг яркий золотой луч пронзил окружающий сумрак, и валары и их свита откликнулись возгласом радости. Из земли взметнулся ввысь тонкий росток, и кора его источала бледное золотое свечение: на седьмой час он уже вырос исполинским деревом, так что все валары и их духи могли поместиться под его ветвями. Дивной формы и могучей стати было то древо, распростершее широкие ветви во все стороны света, и золотые почки налились на всех его веточках и побегах, а их них развернулись ярко-зеленые листья со светящимися краями. Валары взирали в изумлении, как на каждой ветви расцвели длинные и роскошные гирлянды золотых цветов, словно мириады

качающихся фонариков, полных пламени, и свет струился с кончиков лепестков на землю, как сладко журчащая капель. Тогда боги возгласили хвалу Ване и Палуриен, и наслаждались светом, и сказали им:

– Столь прекрасное дерево должно иметь свое собственное имя!

И Йаванна ответила:

– Пусть оно зовется Лаурелин, за яркость его света и музыку льющихся капель.

Двенадцать часов прошло с момента, как проросло древо Лаурелин, и в тот час серебряный просверк пронзил золотое свечение, и второй побег потянулся вверх вслед за первым. Его кора была мягко-белой и светилась, как перламутр, и пока он рос, сияние Лаурелина почти угасло, словно погрузилось в сон. Второе древо тем временем выросло таким же высоким, как и первое, но было более стройным, и кора его была мягкой, как шелк, а его ветви густо переплетались в вышине, покрываясь длинными, как наконечники копий, иссиня-зелеными листьями. Валары дивились, а Палуриен сказала:

– Оно еще не завершило свой рост.

И правда, древо начало цвести, но его цветы не свисали гроздьями, а росли отдельно на длинных тонких стебельках, как цветы вишни, и качались в такт, как серебристые жемчужины. Они светились белым светом, как мерцающие звездочки, и казалось, что внутри древа бьется живое сияющее сердце, то разгораясь, то угасая. Этот живой ритм рождал вечно меняющийся узор резких черных теней промеж озер серебряного света – Ирмо не мог

сдержать радости, наблюдая за ними, и даже Намо улыбнулся. И Ирмо сказал так:

– Теперь я дам этому древу имя, и назову его Тельперион.

Так его и звали с тех пор, а Палуриен добавила:

– Соберите теперь тот свет, что стекает с древ, и поливайте им каждое из них в час, когда другое угаснет. Раз в двенадцать часов будет их сияние сменять друг друга, и куда больше отдадут они сияния, чем впитают их корни: свет есть сок этих древ, и их роса обратится светом!

***

По цветению Тельпериона и Лаурелина валары начали вести отсчет Лет Дерев, а у Ауле теперь было достаточно света для работы: с помощью Тулкаса он развернул свои великие труды. На Таниквэтиль, высочайшей вершине мира, посреди снегов был выстроен дворец Манвэ из голубого и белого мрамора и сторожевая башня. Духи в обличье орлов и ястребов постоянно влетают и вылетают из его чертогов, принося владыке богов вести о том, что творится в мире. На равнине под светом Дерев боги возвели славный город Валмар: крыши там были из золота, полы из серебра, а двери из полированной бронзы; и камни тех домов скреплены чарами. Двор Ауле и Йаванны наполнен волшебными кружевами из тончайших нитей разных металлов, и там растут все деревья, что есть на Земле, а плоды их день напролет падают в мягкую траву. Оссэ и Уйнен же принесли для постройки своего дворца тысячи жемчужин, и пол там – соле-

ная вода, и гобелены – как серебряная рыбья чешуя, а крыша – пена морская. Ульмо жил во внешних морях, и три огромные рыбы, что светились в темноте, всюду сопровождали его; а когда он все же появлялся изредка в Валиноре, то оставался погостить у Манвэ.

Дворец Ирмо далеко на юге был соткан из туманов Тенистых морей, и там царит вечный полумрак, а его просторные сады протянулись причудливыми лабиринтами из кедров и тисов к самым корням Тельпериона. Сосны в тех садах источают сонные ароматы, что висят в сумерках над глубокими прудами, а по краям водоемов ползают светящиеся гусеницы. Там поют соловьи, и распускаются ночные цветы, и тускло алеют маки – Ирмо часто использует их для своих заговоров. Советником Ирмо был мудрый Олорин, тайный враг тайных козней Мелькора: его яркие видения гонят прочь наваждения тьмы.

Совсем не таков нрав Тулкаса, чей дом стоит посреди Валмара. Он вечно юн и полон силы, жизни и веселья, но все чудовища, огры и великаны боятся его закованного в броню кулака. Его чертог вздымается ввысь на много этажей, и при нем башня из бронзы и широкая галерея с арками и медными колоннами, а внутри не утихают игры, поединки, состязания и застольные песни. Жена его, Несса, разносит бойцам кубки с вином, а иногда уходит потанцевать на зеленые лужайки Оромэ под сиянием Лаурелина.

Владения Оромэ – рощи и луга, где пасутся спокойно олени, зубры и лошади, но в древние дни

он часто ездил поохотиться в обширные леса Средиземья. На темных холмах и равнинах он загонял и разил насмерть чудовищ Утумно, а его могучий рог Валарома гремел, отдаваясь эхом в горах, – и Мелькор содрогался в своей твердыне, предвидя грядущий гнев. Чертоги Оромэ широки, но невысоки, и в них всюду развешаны рога и прочие охотничьи трофеи, а рядом – копья, луки и кинжалы. На полах расстелены без счету роскошные шкуры, а в центре каждого покоя стоит живое дерево, поддерживая крышу. Там Оромэ пирует со своими соратниками, одетыми в зеленое и коричневое, но его жена Вана обычно старается ускользнуть оттуда в свои сады – их дорожки укрыты розами и белоснежным шиповником, и над ними поют жаворонки и трудятся пчелы. Ауле установил там золотой котел, наполненный сиянием Древа Солнца, и фонтан, что бьет из него, дарит всему саду чистый и целительный свет.

Слишком ярким был свет Дерев для Намо и Ниенны – они отправились на север, где Ауле сотворил огромный чертог под ледяными отрогами гор, наполненный тьмой и гулким эхом. Он освещен единственной лампадой с несколькими каплями сока Тельпериона, а кругом струятся темные испарения среди колонн из черного агата. Имя тому чертогу Мандос, и самого Намо стали называть так с тех пор. Туда стекаются все души умерших, чтобы услышать свой приговор и ожидать в темноте, вспоминая былые деяния. Ниенна же ткет свою паутину скорби и слез в замке из темного базальта: крыша его – из крыльев летучих мышей, а окна

смотрят за пределы мира. Перед ее черным креслом горит жаровня с единственным мерцающим угольком, а у входа в замок растет в изобилии гибельный паслен белладонна.

Так был построен Валинор, и боги жили там в мире и радости – до поры до времени. Три дороги построили они в свое царство из внешнего мира. Одна из них – Олорэ Маллэ, Дорога Сна: ее стройные арки над морями и проливами сплел Ирмо своей тонкой магией из серого туманного шелка, что светится под луной жемчужной дымкой. Она вьется по всем просторам Средиземья длиннейшим из всех путей, но не устанет на ней никто из идущих. Много прекрасного и удивительного открывается на ней взору, и оттого немногие достигают конца – а ведет она по аллее шепчущих вязов мимо Домика для Игр во Сне к берегам Эльфинесса. Вторая дорога сплетена искусством Оромэ из золотой пряди волос Ваны и сияния Кулуллина, и она сияет в небесах под солнцем и дождем всеми цветами и оттенками – люди зовут ее Радугой. Любой из добрых валаров может прийти но ней в Средиземье, но мало кто из эльфов осмелится ступить на этот путь, и вовсе никто из людей. Третья дорога – сурова, но быстрее и короче всех остальных. Мандос и Ниенна сотворили ее, и ведет она только в их чертоги и никуда больше: души людей и эльфов приходят туда по Дороге Смерти».

Румил умолк, а одна девочка из тех, что наиболее вдохновенно внимали всем сказкам и балладам, воскликнула:

– Вот если бы Мелькор так и не появился там,

тогда я смогла бы увидеть эту землю такой же прекрасной, какой Ауле обустроил ее!

Она уже слышала эту историю от Румила раньше, и потому особенно переживала. Но для большинства собравшихся все это было так же внове, как и для Эриола, и они сидели тихо, впечатленные. Эриол сказал:

– Воистину велики и славны валары, и я бы с удовольствием послушал еще о тех древних днях, однако вижу – уже несут Свечи Сна.

Другое дитя отозвалось с подушки возле кресла Линдо:

– А я бы с удовольствием побывал в чертоге вечной битвы! Вот бы мне меч или кинжал... А еще было бы здорово погостить у Оромэ.

– Да уж, действительно здорово, – рассмеялся Линдо, поднимаясь. И на этом вечер сказок был закончен.

***

Во сне Эриолу снова слышалась та же музыка, что так тронула его предыдущей ночью, и рано с утра он опять направился прогуляться в садах. Там он встретил Вайрэ и рассказал ей о музыке во сне.

– Эта мелодия вовсе не приснилась тебе, – объяснила она. – Скорее всего это флейта Тимпинена, которого эти нолдоры, Румил и Ильверин, и прочие живущие в моем доме называют Тинфанг. Дети зовут его Тинфанг Трель, и он любит плясать и наигрывать мелодии в летние вечера под первыми звездами, и с каждой новой нотой зажигается еще одна звезда. Нолдоры говорят, что они загораются

даже раньше положенного, когда Тинфанг играет, но они любят его, а дети часто следят из окон, не крадется ли он невидимкой по полянкам в сумерках. Он ведь стеснительней любого фавна: стоит хрустнуть сучком, моментально прячется и исчезает, и только его флейта дразнит издалека.

– Дивная магия скрыта в его игре, – предположил Эриол, – если, конечно, это та музыка, что я слышал здесь в последние две ночи.

– Никто не может сравниться с ним в игре, даже свирельщики телэри, хотя они-то как раз считают его своим родичем, – ответила Вайрэ. – Говорят, что это странное создание в родстве как с валарами, так и с эльфами: наполовину дух лесов из свиты Палуриен, а наполовину нолдор или телэр с побережья, поэтому существо он мудрое и удивительное. Он пришел сюда с эльфами давным-давно, шагая впереди всех и выводя без отдыха свои необычайные мелодии, а иногда сидя поодаль в одиночестве. Так с тех пор Тимпинен и играет в садах острова, но край Аламинорэ он любит больше всего, а наш сад в особенности. Иногда он исчезает на много месяцев, и тогда у нас говорят, что Тинфанг Трель направился в Средиземье, и многие сердца встрепенутся в далеких краях при звуках его музыки в сумерках. А потом вновь заиграет он здесь, лишь настанет вечер – а то и поздно ночью, при свете луны, и тогда блеск синих звезд становится ярче.

– Да, – вздохнул Эриол, – сердца тех, кто слышит его, действительно бьются быстрее. Мне казалось, я вот-вот открою окно и выпрыгну наружу – я не мог напиться этого душистого воздуха снаружи, и

при этих звуках мне хотелось бежать неведомо за кем и неведомо куда, повинуясь магии мира под звездами.

– Ну тогда точно сам Тимпинен играл тебе, – улыбнулась Вайрэ. – Это немалая честь, ведь много ночей не было слышно в саду его музыки. Однако таковы чары этого духа: теперь навсегда ты полюбишь летние вечера и звездные ночи, и их магия будет неутолимо терзать твое сердце.

– Но разве все вы, кто живет здесь, не слышали его игру много раз? Что-то не замечаю я в вас неизбывной тоски и несбыточных желаний!

– Нет, – ответила она. – У нас ведь есть *лимпэ*, и только он один может исцелить печаль и научить сердце постичь смысл любой музыки и песни.

– Как бы мне хотелось осушить кубок этого дивного питья! – произнес Эриол, но Вайрэ напомнила:

– Такое во власти только королевы Мериль.

После этой беседы с Вайрэ на ясной солнечной лужайке не было Эриолу покоя: не раз еще играл ему Тинфанг Трель под звездным светом и лунным, и сердце его было переполнено стремлением и тоской. Через несколько дней он отправился в путь, и Ильверин согласился быть его проводником к дому Мериль-и-Туринкви в ее *корине* вязов.

Корин, надо сказать, располагался в том же самом городе Кортирионе. У подножия высокой башни раскинулась роща самых древних и великолепных вязов из всех, что росли в том краю. Они вздымались к небу тремя этажами яркой листвы, а через их прохладный полог проникал золотисто-

зеленый солнечный свет. Посреди рощи таился просторный луг мягкой зеленой травы, словно тканое покрывало в кругу дерев. Их тени были глубоки на опушках, но посередине было ярко и солнечно весь день напролет. Там и был выстроен удивительный домик королевы: стены его сияли белизной, но вся крыша заросла зеленым мхом, молодилом, причудливыми плющами и прочими всевозможными лианами – так что материал собственно кровли было не различить за этим переплетенным лабиринтом золотых и алых соцветий. На карнизах и венцах крыши щебетали бесчисленные птицы, а по краям *корина* кружились голуби, иногда спускаясь вниз погреться на солнышке.

Сам дом тоже утопал в цветах: метелки и зонтики, язычки и колосья, переплетенные стебли и широкие бутоны, обращенные к солнцу, наполняли воздух тонкими чарующими ароматами. Растения разрастались привольно, повинуясь лишь безмятежному счастью роста и радуя глаз хаотичной мозаикой оттенков и расцветок. День напролет висело над цветущей порослью неумолчное жужжание пчел: они вились над крышами, гудели над ложбинками и дорожками и залетали даже на прохладное крыльцо дома.

Когда Ильверин и Эриол поднялись на холм, день уже клонился к вечеру, и солнце отливало бронзой на западной стене башни Ингила. Вдалеке за стенами и причудливыми крышами города синела кромка леса. Да и сам город был полон деревьев: дубы и клены, шелестящие тополя и раскидистые тисы дарили ему прохладную тень, а могучие вязы

пели на теплых ветрах, как мачты заросших листьями галеонов, гордо плывущих по бескрайнему океану лета.

Вскоре путники подошли к могучей стене, построенной из высеченных каменных блоков: она клонилась наружу, а поверху росла трава, колокольчики и желтые маргаритки. В стене обнаружилась калитка, а за ней – просторная поляна под вязами, через которую вела тропинка. С одной ее стороны разросся кустарник, а с другой среди бурой листвы бежал ручеек. Так они добрались до края лужайки, и Ильверин указал на белый домик впереди:

– Смотри, это и есть жилище Мериль-и-Туринкви. У меня самого сейчас нет должного повода, чтобы беспокоить досточтимую госпожу, так что отправлюсь-ка я домой.

***

Оставшись один, Эриол пересек лужайку и подошел к дому, и высокие травы возле крыльца были ему по плечи. Вдруг послышалась музыка, и навстречу ему вышла, улыбаясь, прекрасная дама со свитой фрейлин:

– Привет тебе, о странник многих морей! Отчего ищет покоя моих тихих садов и жужжания пчел тот, кому больше пристал соленый бриз, ветер в парусах и качка палубы под ногами?

Какое-то время мореход не мог ответить ничего: у него словно отнялся язык при виде красоты королевы и цветущей радости ее усадьбы. Наконец он прошептал:

– Я долго странствовал в океане, но красотой

вашей страны можно наслаждаться вечно...

– О нет, – ответила она. – Настанет осень, и подуют ветра, и случайная чайка закричит в вышине – и вот ты уже снова готов в дорогу, и черные скалы родных берегов позовут тебя в путь.

– Все не так, о леди Мериль, – заявил Эриол уверенно и страстно, – вовсе нет: тот дух, что играет на флейте на ночных лугах, наполнил музыкой мое сердце – и как бы мне теперь хотелось испить глоток *лимпэ*!

Тотчас улыбка на лице королевы померкла. Она отослала своих спутниц и пригласила Эриола последовать за ней. Они пришли на полянку недалеко от дома: там росла невысокая прохладная трава, а вокруг стояли фруктовые деревья. Среди корней одного из них, древней и кряжистой яблони, было устроено широкое сиденье из земли, заросшей травой. Мериль села, смерила Эриола внимательным взглядом и спросила:

– Знаешь ли ты сам, о чем просишь?

– Я знаю только, что мечта моя – постичь душу всех песен и музыки, и жить вечно в дружбе и родстве с эльфами этого дивного острова, – ответил гость. – И обрести свободу от этой вековечной тоски – до Последнего Похода и конца времен!

– Дружба – может быть, – ответила она, – но не родство: человек есть человек, а эльф есть эльф; то, что Илуватар сотворил разным, не станет одним, пока стоит этот мир. Ты хочешь жить здесь до конца времен и избегнуть смерти благодаря целебным свойствам *лимпэ* – но смерть суждена каждому из людей, как суждено и тебе покинуть нас. И не

думай, Эриол, что *лимпэ* избавит тебя от неутолимой тоски: ты просто поменяешь одни желания на другие, еще глубже и острее, ибо сердца эльфов исполнены видением красоты непревзойденной.

– И все же позвольте мне, о королева эльфов, хотя бы отведать этого напитка: навеки буду я другом вашему народу, как счастливые дети в Доме Проигранной Игры!

– Пока не могу я дать позволение. Одно дело дать *лимпэ* ребенку, который не жил еще толком и ничего не знает, и куда более серьезное – позволить испить его взрослому, который прожил уже жизнь в мире людей. И даже детям мы даем это «вино песен» отнюдь не сразу, но сперва посвящаем их в наши искусства и испытываем их души и сердца. Поэтому придется тебе набраться терпения и узнать сперва больше о нашем острове. В конце концов, что ты знаешь о мире, или о древних днях человечества, и о корнях настоящего глубоко в прошлом, и об эльфах и их мудрости, чтобы взыскать чашу нашей юности и поэзии?

– Я знаю язык Эрессэа, и слышал о валарах, – отвечал Эриол, и сердцу его было горько от отказа королевы. – И о начале мира, и о возведении Валинора, и я слышал музыку и поэзию эльфов и знаю, что она истинна и прекрасна. Мое сердце чувствует это, и оно говорит мне, что эта любовь останется в нем навсегда, и иначе не будет отныне.

– Но ничего не знаешь ты о появлении эльфов, и о судьбе, что ведет их, ни об их природе, уготованной Илуватаром. Неведомо тебе о величии их чертогов в Эльдамаре на холме Тирион, как и о горе

расставания с ним. Что знаешь ты о тяготах нашего народа на темных дорогах мира, и о боли и горестях, что постигли нас по воле Мелькора и из-за злобы людей? А ведь до сих пор эта злоба и ужас омрачают наши надежды! Море слез отделяет наше пристанище на Эрессэа от той радости, что знали мы в Валиноре. Ты хочешь разделить нашу судьбу, дитя человеческое, но знаешь ли ты о нашей мечте, и о том, что грядет? Если суждено тебе испить эту чашу, все это должен ты разделить и принять прежде: быть одним из нас, даже если в Последнем Походе грянет война между эльфами и людьми. Сможешь ли ты встать против твоих родичей, и никогда не увидеть свой дом, хотя тоска по нему будет сжигать тебя дотла? Ибо немыслима пытка желаний для взрослого из числа людей, что изопьет *лимпэ* – знал ли ты это, придя сюда с такой просьбой?

– Увы, я ничего не знал об этом, – удрученно сказал Эриол, – хотя и спрашивал немало.

– Ну что же, – молвила Мериль. – Я расскажу тебе кое-что, пока не падут сумерки. Но потом тебе придется запастись терпением – и, быть может, вернуться сюда снова.

Эриол склонил голову, и королева начала рассказ.

***

«Светел и прекрасен был Валинор, но в остальном мире царила мгла, и лишь проблески молний освещали ее, да вулканы Мелькора извергали пламя в темные небеса. Но Йаванна приходила

туда из своих фруктовых садов и заводила песни глубокого чародейства, и Оромэ будил серые скалы могучим гудением своего рога. Тогда пошли в рост мхи и лишайники в сырых и укромных местах, обращая в пыль поверхность скал, и плесень расцвела кругом; и папоротники развернули листья в тишине. А за ними выросли и смолистые сосны, и ели, и кедры с тисами – могучие вековые леса, полные теней и шорохов.

Многие странные создания пришли поселиться в мире в те времена, ведь появилось теперь для них много уютных уголков, темных и тихих. Одни пришли из Мандоса – древние духи из-за пределов мира, мрачные и скрытные. Иные – из твердынь Мелькора на Севере: исполненные зла и порчи, они принесли в мир ужас, соблазны и тревогу, наполняя тьму страхом, какого не было в ней прежде. Но были и другие, что танцевали изящно в вечернем благоухании – эти пришли из садов Ирмо. До сих пор они живут в тенистых глубинах первобытных чащ и горных пещер, перекликаясь тайным зовом под звездными просторами, и оттого неспокойно в сосновых лесах и эльфу, и человеку.

А тогда Мелькор наблюдал, что творится в мире, и преисполнялся злобы – он-то считал, что боги оставили Землю ему в полное владение. Наконец, выждав момент, он устроил великое землетрясение – лава из расплавленных гор потекла в моря, и берега их были разрушены, и громовые штормы и смерчи прокатились по земле. Тогда Манвэ и Варда поднялись на борьбу и могучим ветром разорвали завесу тьмы, что Мелькор соткал над Средиземьем. Звезды

Валакирки, «Серпа Богов», просияли над Севером мира – ослепительно яркие после долгой ночи, и они были первым, что увидели в кромешной тьме пробудившиеся в тот час эльфы.

Оромэ обнаружил их во время охоты на просторах Средиземья и принес в Валинор вести о приходе первых Детей Илуватара, и боги держали великий совет меж Двух Дерев в час смешения света. Оромэ рассказал, что темные тени собрались вокруг Куивиэнен, Вод Пробуждения, и многие из эльфов потерялись и сгинули в темноте. Говорят, в темницах Утумно медленной пыткой и злыми чарами вывел Мелькор из этих несчастных пленников расу злобных и чудовищных орков, и вечно были они с тех пор врагами эльфов.

– Неужели суждено Детям Эру блуждать во тьме, когда у нас есть свет? – взывала Йаванна к своим собратьям. – Неужто будут они звать властелином Мелькора, когда Манвэ восседает на священной вершине Таниквэтиль?

– Не бывать тому! Начнем же войну скорее! – воскликнул Тулкас. – Разве не достаточно мы отдохнули от борьбы, разве не восстановились наши силы? Доколе один будет противостоять многим?

Так Манвэ решился выступить в поход, чтобы защитить эльфов от зла – хоть и предвидел, что многие раны нанесет эта война Арде. Ауле сковал в своей кузне могучую цепь Ангайнор и нерушимые оковы, а остальные боги и весь их народ вооружились и облачились в доспехи. Манвэ ехал на голубой колеснице, запряженной тремя белоснежными конями, а в руке у него был большой белый лук, что

мог послать стрелу подобно вихрю через самое широкое море. Оромэ оседлал гнедого коня и вооружился копьем, а Тулкас шагал рядом с его стременем в кожаной тунике с бронзовым поясом, но из оружия у него была лишь железная латная рукавица.

Братья Феантури ехали вместе в черной колеснице: со стороны Намо была вороная лошадь, а со стороны Ирмо – пегая в яблоках. За ними прытко бежали Салмар и Омар, а Ауле поспешал позади всех, прихватив свой молот Мальтар с длинной рукоятью, и четверо его слуг несли тяжелую цепь. На огромном плоту Оссэ переправил их через Тенистые моря, а Ульмо впереди гневно трубил в рог из большой витой раковины. Пройдя Хитлум, воинство богов направилось на север, в край ледяных гор. Волей Мелькора земля сотрясалась под ними и вечно-снежные вершины извергали пламя, но все его вассалы оказались бессильны остановить их грозный марш.

Осада Утумно была долгой и трудной, и много битв прогремело перед ее воротами, о которых только слух дошел до эльфов – лишь земля тряслась и дрожала под их ногами, да сполохи исполинских огней плясали на дальнем Севере. Весь тот край был разрушен и опустошен навеки, ведь безмерно глубоко под ним простирались туннели Утумно, наполненные пламенем и ратями слуг Мелькора. Наконец врата твердыни были сокрушены, и крыши сорваны с ее чертогов, а сам Мелькор укрылся в глубочайшей из шахт. Оттуда он внезапно выслал войско балрогов, демонов огня, последних из его

верных слуг. Балроги окружили штандарт Манвэ, как пылающий прилив, но и они были погашены ветром его гнева и сражены молнией его меча. Поскольку Мелькор остался теперь один против многих, Тулкас вышел вперед, как витязь валаров, и он бился с Мелькором в поединке и поверг его ниц.

Боги вернулись в Валинор, и Мелькор, скованный цепью, был приведен пленником в Круг Рока. Там ему присудили три эпохи мира пребывать в темнице Мандоса, прежде чем будет ему дозволено молить о пощаде. Постепенно угасли его вулканы, и успокоились моря, и растаяли ледяные реки – и тогда Йаванна вернулась в Средиземье. Паслен и переступень разрослись в те дни под остролистым падубом, и плющ увил суровые утесы. Йаванна поделилась с Ульмо заклинаниями, и в морях появились длинные водоросли и множество рыб и прочей диковинной живности – но крабы и устрицы уже обитали в безмолвных водах с незапамятных времен, и ни валары, ни эльфы не знали, откуда они взялись. Совы и нетопыри прилетели из Мандоса, у тихих озер запели соловьи из садов Ирмо, а в темные закоулки приползли бесшумные змеи из Утумно. Где-то закричал козодой, и лягушки заквакали у прудов.

Затем Оромэ вернулся к Водам Пробуждения и говорил с эльфами, и трое смелых из их числа вызвались быть их посланцами. Их имена были Ингвэ, Финвэ и Эльвэ, и они после стали вождями трех народов эльфов. А пока Оромэ отвез их в Валинор, и они предстали перед богами в час смешения света, когда Тельперион угасал, а Лаурелин

возгорался все ярче. Эльфы были потрясены и изумлены красотой их сияния, а величие богов и их города на равнине наполнило их трепетом. Видя, что эльфы желают обитать в свете Древ, Йаванна зашепталась с Ваной, что сидела рядом, а потом сказала вслух:

– Сумерки Земли, где бродят темные духи, – не место для таких прекрасных созданий. Пусть эльфы живут среди нас, пусть их смех звучит в чертогах Валмара: тогда колодцы нашей радости наполнятся из новых источников, что никогда не пересохнут!

Шум и спор поднялся среди богов: большинство поддерживало Вану и Палуриэн, но иные – и Ульмо в их числе – говорили, что Валмар построен для валаров, а эльфов лучше оставить вольно бродить под звездами. Наконец, Манвэ вынес свое суждение и обратился к трем эльфам:

– Возвращайтесь и передайте своим родичам послание Манвэ Сулимо: валары приглашают их поселиться в Валиноре и жить в сиянии Двух Древ, и познать блаженство богов.

Оромэ отвез посланцев обратно к озеру Куивиэнен, и Ингвэ с высокой скалы огласил приглашение богов. Многие из эльфов вняли призыву, и те, кто решились отправиться в путь, с тех пор назывались «эльдары» – так назвал их Оромэ, которых и вел их на запад темными лесами Средиземья. Они шли неспешно, разделившись на три больших отряда – ваньяры, нолдоры и телэри, и все новые края казались им в диковинку. Когда через несколько лет пути они достигли великой реки Андуин и увидели острые пики гор впереди, телэри устраши-

лись, и многие из них остались жить в лесах по обоим берегам реки. Остальных же только настойчивость их вождя Эльвэ заставила снова двинуться в путь – он стремился вновь увидеть свет Валинора, но не такова была его судьба.

Так после долгого похода племена эльдаров достигли берегов Великого моря на западе мира. Там Ульмо и его слуги приготовили для них плавучий остров и запрягли в упряжь Уина, древнейшего и величайшего из китов, и много других больших рыб. На этом острове они и переправили эльфов в Валинор, но сам остров Оссэ потом опутал кораллами и полипами и приковал ко дну залива Фаэри, и здесь он и стоит с тех пор – ты знаешь его как Одинокий остров, Тол Эрессэа. Оссэ подружился с народом телэри и научил их музыке моря и строительству кораблей, а некоторых он и вовсе убедил остаться на берегах Средиземья, и их вождем стал Кирдан Корабел.

Так эльфы обрели свою страну, Эльдамар, и построили белостенный город Тирион на холме у моря, и серебряный огонь был зажжен там на высокой башне Миндон Эльдалиэва. Дома Тириона были возведены из мрамора и ракушек, расплавленных в росе Тельпериона, а крыши и шпили их были из янтаря и яркого хрусталя. Все окна этих домов были обращены к морю, а вдоль улиц и изящных лестниц росли тенистые деревья. На белоснежных террасах били стройные фонтаны и росли густые фруктовые сады. А еще Йаванна подарила эльфам дерево Галатилион, побег самого Тельпериона, и оно расцвело у подножия Миндона, а после от него

произошло Белое Древо Эрессэа.

Златокудрые ваньяры, народ Ингвэ, более всех желали света, и они вскоре ушли в Валинор жить вместе с подданными Манвэ, а Омар научил их искусству песен и поэзии. Темноволосые нолдоры, подданные Финвэ, остались в Тирионе, и без счета дивных творений они создали там: Ауле и его слуги преподали им многие навыки и ремесла, но вскоре они превзошли учителей. Румил из числа нолдоров изобрел в те дни первый алфавит, но первым мастером среди них стал Феанор, старший сын Финвэ.

Телэри же долго жили на острове Эрессэа, где Оссэ поселил множество птиц – лебедей и чаек, бакланов и буревестников, и играли на свирелях из раковин на радость Уйнен и ее русалкам. Их вождь Эльвэ потерялся в лесах Белерианда во время похода, и его брат Ольвэ стал теперь их королем. Но свет, струящийся из-за моря, продолжал звать их, и они построили флот белых кораблей, и лебединые стаи привели их наконец к берегам Эльдамара. С помощью нолдоров телэри возвели там жемчужный город Альквалондэ, «Лебединую гавань», и они могли теперь видеть свет Дерев воочию и гулять по золотым улицам Валмара или хрустальным лестницам Тириона. Но больше всего они любили плавать на своих кораблях в водах залива или бродить в волнах прибоя, где их длинные белые волосы светились, как морская пена в лучах далекого света».

***

– Прискорбным деянием было освобождать Мелькора от оков, – отозвался Эриол. – Пусть и

казалось это милосердным и справедливым. Но как же случилось, что боги пошли на такое?

И Мериль продолжила:

«Мир и благоденствие царили в Валиноре, и все живое буйно расцвело в Средиземье и морях вокруг. Так прошел назначенный Мелькору срок, и его вновь привели на совет богов и на суд Манвэ. И он просил о милосердии, смиренно клянясь повиноваться Манвэ, пусть даже достанется ему место последнего в Валиноре; и всем, чем может, помогать валарам и эльфам; и исцелить зло, причиненное им ранее миру. Ниенна поддержала его мольбу, но Намо молчал, и сердце Ульмо было полно недобрых предчувствий.

Так Манвэ даровал Мелькору свободу – сам свободный от зла, он не умел различить его в других. Сперва он обитал под надзором в скромном домике в Валмаре, но все его слова и дела казались добрыми в то время, и он принял прекрасное обличье, как и его собратья валары – и вскоре ему разрешили ходить свободно и делать, что вздумается. Однако радость покидала Тулкаса каждый раз, когда его враг проходил рядом, и он сжимал кулаки так, что ногти впивались в ладони.

Нолдоры тем временем сделались искусными изобретателями и строителями, и они гранили самоцветы необычайной красоты и делились ими щедро, так что весь Валинор стал краше их трудами, и свет Деревьев искрился и переливался на бесчисленных разноцветных кристаллах. Манвэ они подарили сапфиры для украшения его мантии, Оромэ достался пояс из изумрудов, Ауле больше всего полюбил

алмазы и аметисты, а Йаванне нравились все драгоценности без исключения. Только Мелькору не досталось ни камушка, так как он еще не искупил свои многочисленные грехи – но он притворялся, что они и не нужны ему, а металлы важнее самоцветов. Он искал дружбы эльфов, предлагая свою помощь во всех их делах и затеях, но в сердце своем затаил ненависть – он ведь помнил, что это из-за них валары пошли на него войной. Ваньяры сторонились его, а телэри он считал слишком слабыми – но многие из нолдоров в своей жажде знаний прислушивались к нему и научились вещам странным и удивительным.

Так постепенно скрипки нолдоров утихли на холме Тириона: по мере того, как их знания проникали в суть вещей все глубже, их сердца становились старше, а желания – обширнее. Их книги мудрости умножались, как листья в лесу, и даже на стенах Тириона они высекли изысканными рунами множество темных и вычурных историй. Эарендил прочитал их много лет спустя, да и посейчас, быть может, их можно отыскать там – если только они не рассыпались в прах.

Величайшим и самым прославленным из творений эльфов были три драгоценных камня, что создал в те дни Феанор: несокрушимые кристаллы, в которых он поселил свет Двух Дерев – он живет там и поныне, хоть самих Древ больше нет. Они сияли в самой непроглядной тьме множеством прекрасных цветов и оттенков, как яркие живые звезды, а имя им было Сильмариллы. Весь Валинор дивился их красоте, а Мандос предсказал, что судьбы Арды

заключены в них: земли, воды и воздуха. Варда благословила Сильмариллы, так что ни смертная плоть, ни злые руки не смели коснуться их, но Мелькор желал их света так, что одна лишь мысль о них сжигала его сердце».

На этом Мериль закончила свое долгое повествование, и Эриол долго сидел молча, глядя на заходящее солнце за яблонями и мечтая о стране Фаэри. Наконец Мериль сказала:

– Тебе пора домой: день давно прошел, а старинные предания разбередили тоску в моем сердце – да и в твоем тоже. Будь терпелив, прежде чем снова желать разделить печальный удел эльфов Эрессэа.

– Но я ведь так и не узнал, как все это блаженство подошло к концу, – откликнулся Эриол. – Остается только гадать, что заставило эльфов покинуть Эльдамар!

– Нет уж, я и так слишком увлеклась рассказом о тех старинных днях. Много всего произошло после сотворения самоцветов, прежде чем мы вернулись на Эрессэа. Но эти вещи известны многим: Линдо или Румил из Мар Ванва Тьялиэва расскажут о них подробнее, чем я.

На этом Эриол и королева вернулись в дом цветов, где Эриол откланялся и направился обратно – ведь западный фасад башни Ингила уже накрыли серые сумерки.

***

По возвращении в Дом Проигранной Игры интерес путешественника ко всему окружающему и

желание понимать его истоки стали только глубже. Постоянно стремился он узнать все больше и больше из истории эльфов, и никогда не упускал случая послушать вечерние истории у Камина Сказок. И вот однажды, когда он уже немало времени пробыл гостем Линдо и Вайрэ, Линдо начал по его просьбе рассказ из своего глубокого кресла у камина:

«Пришло время поведать тебе, Эриол, как случилось, что блаженство Валинора угасло, а эльфы покинули берега Эльдамара. Ты уже знаешь, что Мелькора выпустили из заточения и немало полезного сделал он для валаров и эльфов, так что многие нолдоры искали у него тайного знания. Малопомалу он начал сеять среди них ложь и недомолвки, пробуждая зависть, ревность и раздоры.

– Вы всего лишь рабы здесь, – говорил он. – Или дети, если угодно: играетесь в свои игрушки, но для валаров ваше искусство и красота – просто украшение их царства. Не верите? Потребуйте себе то, что ваше по праву, что предназначил вам Илуватар: весь огромный мир с его нехоженными тропами, тайнами и сокровищами. Там вам будут подвластны свершения, каким вовек не бывать в этих тесных садах между горами и неодолимым морем.

Так постепенно беспокойство и своеволие охватило нолдоров, а Мелькор все подливал масла в огонь их скрытых желаний. Он рассказал им о расе смертных людей, которым лишь предстояло появиться, о чем валары не говорили им прежде:

– Для этой слабой расы приберегают боги все царства Средиземья, ведь управлять ими будет куда

проще, чем эльфами: а вас они лишат наследия Илуватара.

В тот час полдень Валинора сменился вечером, и мир его был отравлен: гордыня и ревность взыграли среди принцев нолдоров, и пуще всего – в Феаноре, и он клялся во всеуслышание увести нолдоров из рабства валаров, а Мелькор смеялся втихомолку. Затем Мелькор распустил слух о том, что брат Феанора, Финголфин, замышляет захватить власть по воле валаров, ибо они недовольны, что Сильмариллы не отданы им во владение. Так началась смута среди эльфов Тириона: в тайных кузнях ковалось оружие, а встревоженный Финвэ созвал своих сыновей и князей на совет. Но Финголфин поспешил в его дворец первым и сказал, встав перед троном:

– Отец мой и король, отчего не усмиришь ты Феанора, почему он говорит за всех нас? Ведь это ты убедил нас принять приглашение валаров, ты привел нас опасными тропами через все Средиземье к свету Эльдамара! Если ты сам еще не раскаялся в этом, то у тебя остались еще два сына, что уважают твой выбор.

Но тут в палату вошел сам Феанор, высокий и грозный, и глаза его зажглись гневом:

– Так я и думал – мой братец не хочет дождаться совета и говорить открыто перед всеми, он наговаривает на меня тайно! Убирайся, я не потерплю этого!

Финголфин молча поклонился отцу и пошел к выходу, не удостоив Феанора ни словом, ни взглядом. Но тот нагнал брата у дверей, остановил его и

направил свой сверкающий меч ему в грудь:

– Это поострее твоего языка. Еще раз попробуешь занять мое место подле отца, и мой меч, быть может, избавит нолдоров о того, кто готов быть повелителем рабов.

Дворец Финвэ был на большой площади у подножия Миндона, так что эти слова слышали многие. Непокой нолдоров не был тайной для валаров, но истоки его были сокрыты во тьме; теперь же Манвэ призвал Феанора ответить за свои слова и дела. Стоя в Круге Рока, он свидетельствовал перед Намо, уверенный в своей правоте, но были призваны и другие, кому было что поведать об этом деле. Когда все было сказано, лиходейский замысел Мелькора стал очевиден, и Тулкаса немедленно послали взять его снова под стражу. Но и Феанор не был сочтен невиновным, поскольку он обнажил оружие в гневе и угрожал жизни родича.

– Ты говоришь о рабстве, – сказал ему Мандос. – Но если так, то ты не избегнешь его: ведь Манвэ – король всей Арды, а не только Валинора. А за твое дерзкое деяние приговор будет таков: на двенадцать лет ты будешь изгнан из Тириона. Посоветуйся сам с собой и вспомни, кто ты и что ты есть. Когда пройдет этот срок, твоя вина будет избыта, если другие простят тебя.

– Я прощу своего брата, – встав, произнес Финголфин.

Феанор долго стоял перед валарами молча, а потом повернулся и ушел из Валмара. Собрав свои сокровища и оружие, он и его семеро сыновей покинули Тирион и отправились на север. В холмах

недалеко от чертогов Мандоса они возвели крепость Форменос, и с ними поселился Финвэ, что не желал оставить сына, будь он виновен или нет. Сильмариллы они хранили там взаперти в железной палате, ибо прочно прикипело к ним сердце Феанора. Финголфин же остался править нолдорами, и так ложь Мелькора стала явью.

Сам Мелькор, узнав, что его планы раскрыты, скрылся от Тулкаса и передвигался с места на место, как облачко в горах, и свет Валинора потускнел, а все тени удлинились и потемнели. За время заточения в Мандосе он обзавелся друзьями из числа тамошних мрачных духов, и теперь его невидимые шпионы доставляли ему все новости. Два года никто не видел лукавого духа и не слышал о нем, пока наконец он сам втайне не отыскал Феанора. Он появился перед дверьми Форменоса, притворившись странником, ищущим ночлега, и напомнил Феанору о старой мечте:

– Разве не правду говорил я? Посмотри, как несправедливо ты изгнан теперь. Но если сердце твое так же непоколебимо, как когда-то в Тирионе, то я помогу тебе и унесу далеко от этой тесной страны. Разве я сам не валар? Валар, и не меньший, чем те, что восседают здесь в своей гордыне. Я всегда был другом нолдорам и ценил их по достоинству, как самый отважный и талантливый народ Арды!

Сердце Феанора еще горело после унижения, понесенного от Мандоса, и минуту он смотрел на Мелькора молча, размышляя, можно ли доверять ему хотя бы как сообщнику при побеге. Но тут Мелькор перехитрил сам себя – зная, что Сильма-

риллы дороги Феанору превыше всего, он добавил:

– Твоя цитадель сильна и надежна, но не надейся, что Сильмариллы будут в безопасности где-либо в царстве валаров!

Тогда очи Феанора вспыхнули пламенем, и его взор проник сквозь прекрасное обличье Мелькора в темные глубины его разума – и узрел там его алчную страсть к Сильмариллам. Ненависть его пересилила страх, и он крикнул:

– Убирайся прочь от моих дверей, проходимец, тюремная крыса Мандоса! – и с этими словами захлопнул двери своего дома перед самым могучим из живущих в Эа.

Так Мелькор ушел с позором – опасность грозила ему самому, и время мести еще не пришло, но сердце его было черно от гнева. Громовой тучей унесся он прочь из Валинора, и на время свет Двух Древ вновь воссиял ярче, но холодная тень сомнений и предчувствий грядущего зла омрачала теперь радость обитателей блаженного края. Когда вести об этом дошли до Манвэ, он рассудил, что Мелькор попытается вернуться в свои древние твердыни на севере Средиземья – и немедля Оромэ и Тулкас со своими воинами бросились в погоню. Но они не нашли ни следа, ни слуха о нем в безлюдных пустошах у границ вечного льда, и даже птицы не могли подсказать ничего, так что после долгих поисков они вернулись обратно.

***

Стража была удвоена на северных границах Валинора, но Мелькор именно этого и ждал. Он все

еще мог, пусть и с трудом, менять обличье по своему желанию или ходить невидимым, как его братья-валары – хотя скоро эта способность покинет его навеки. Поэтому еще до того, как валары пустились в погоню за ним, он отправился на юг, в узкий забытый край между горами Пелори и морем. Тени там были глубже и непрогляднее, чем где-либо еще во всем мире, и в них в обличье огромного паука обитала древняя Унголиант. Даже валары не знали, откуда она взялась: быть может, родилась от туманов и тьмы на берегах Тенистых морей еще до появления Древ, но скорее всего она была всегда. В начале Арды Мелькор склонил ее себе на службу, но потом она оставила его, желая сама быть хозяйкой своих желаний. В свою паутину она ловила весь свет и свивала его в темные сети мрака, и оттого теперь свет больше не попадал в ее логово, и она голодала.

Там Мелькор и отыскал ее, и принял вновь обличье, что носил тираном в Утумно – Темного Властелина, высокого и ужасного. В нем он и остался с тех пор навсегда. Унголиант отползла подальше в свое логово и попыталась укрыться завесой тьмы – она знала, как он ненавидит всех, кто пытался сбежать от него. Но та дымка, что она сумела соткать сейчас, измучившись от голода, не могла защитить от глаз Мелькора, владыки Утумно и Ангбанда.

– Покажись! – велел он ей. – Трижды глупа ты: что оставила меня когда-то; что прозябаешь здесь, рядом с несметным пиршеством; и что прячешься сейчас от меня, Приносящего Дары, от твоей единственной надежды! Выходи и посмотри сама – вот задаток в счет будущей добычи.

Унголиант не ответила и только глубже забилась в расщелину скалы. Мелькор разозлился: он спешил, поскольку рассчитал время до мелочей.

– Выходи оттуда! – вскричал он. – Ты мне нужна и не посмеешь отказать. Или сослужишь мне службу, или я завалю тебя здесь под черными камнями, и ты иссохнешь в ничто!

Вдруг в его руках появились два светящихся зеленых самоцвета, и жуткий огонь его глаз отразился в них в этом бессветном укрывище, как будто хищный зверь вышел на свою охоту. Так великий вор заманивал меньшего: Унголиант медленно выползла наружу.

– Ээ, нет уж, – сказал он, убирая камни. – Я принес эти эльфийские игрушки не из любви и жалости: они напитают тебя, только если согласишься выполнить мою волю.

– Какова твоя воля, Повелитель? – произнесла она, пожирая глазами самоцветы.

Так в черной мгле, невидимые даже Манвэ в его высоком чертоге, они замыслили свою месть. Но когда Унголиант осознала план Мелькора, она разрывалась между великим ужасом и алчным вожделением: она не хотела испытывать судьбу в Валиноре, поскольку очи Манвэ и Варды страшили ее даже больше, чем гнев Мелькора. Тогда он сказал ей так:

– Делай, как я говорю, и если ты все еще будешь голодна, когда мы встретимся снова, клянусь, я отдам тебе все, что пожелаешь. Отдам, обеими руками!

Он клялся легко, как и всегда, не особо разду-

мывая об исполнении, и смеялся в душе: ведь если она выполнит его замысел, то ему, как он думал, уже не будет нужды уступать ей ни в чем, да и никому другому в Арде.

– Пойдем же. Вот твой задаток! – с этими словами Мелькор отдал ей два зеленых камня, а за ними и множество других самоцветов, что он украл в Валиноре. Немедленно Унголиант начала расти, обретая новые силы. Первым делом она соткала кокон тьмы вокруг себя: непроглядное бессветие, в котором, казалось, исчезало все сущее, ибо то была пустота. А потом она принялась плести паутину: нить за нитью, от расщелины к расщелине, от скалы к утесу, все вверх и вверх, пока не забралась на самую вершину горы Хьярментир, далеко на юге от великой Таниквэтиль. Там паучиха отдохнула от усилий, разглядывая мерцание звезд Варды и сияние куполов Валмара вдалеке. Медленно ее глаза пробуждались и разгорались огнем, пока наконец алчность не одолела страх. Тогда начала она тайно спускаться в блаженный край.

Мелькор же все еще стоял позади, в темных глубинах, размышляя, взвешивая надежды и сомнения и оценивая шансы, пока время позволяло. Потом он развернулся и спустился к берегу.

– Слизь Ульмо! – проклял он безбрежное море. – Я еще покорю тебя, обращу в зловонную грязь. Скоро, скоро Ульмо и Оссэ исчахнут, а Уйнен будет ползать у моих ног, как червяк в болоте!

Сказав так, он внезапно поднялся и пошел творить задуманное.

В Валиноре как раз наступило время праздника

урожая. В этот день все валары и эльфы собирались на зеленых склонах Таниквэтиль, чтобы восславить Илуватара музыкой и радостной песней, и Мелькор отлично знал об этом. Длинные процессии эльфов шествовали с гимнами и танцами от западных ворот Тириона до башен внушительной арки, что открывалась навстречу Двум Древам в северной стене Валмара. Для них была выстроена дорога из белого мрамора, которая пересекала равнинные ручьи множеством невысоких изящных мостиков с перламутровыми балюстрадами. В медленных струях цвели роскошные водяные лилии, а по берегам росли ирисы, при этом все ручьи соединялись искусно спланированными протоками, так что вдоль всей дороги постоянно журчала прохладная вода. Тут и там вокруг дороги росли могучие деревья и били высоко в воздух волшебные фонтаны, из которых все желающие могли утолить жажду.

Первыми шествовали ваньяры, все в белом, играя на благозвучных арфах. За ними шли нолдоры со скрипками, а в конце – мореходы-телэри с побережий, и их флейты навевали воспоминания о шорохе волн и криках морских чаек. У ворот Валмара по знаку Ингвэ все они в унисон запевали Песню Света, написанную в честь их долгого похода через тьму мира к свету Двух Дерев. Врата отворялись, Варда вместе со всеми богами приветствовала эльфов, и во всех великих чертогах начинались пиры и торжества.

На этот раз Манвэ решил устроить праздник, каких не бывало раньше, надеясь объединить всех своих подданных и помочь им позабыть раздоры и

ложь Врага. Оттого он послал гонца в Форменос с такими словами:

– Феанор, сын Финвэ, приди и не отринь моего приглашения! Ты остаешься в моей милости и будешь принят с почетом в моем чертоге.

И Феанор пришел, поскольку воспринял приглашение Манвэ как приказ, но отец его Финвэ и сыновья остались в Форменосе, и Финвэ сказал:

– Пока изгнание лежит на моем сыне, я считаю себя лишенным трона и не буду встречаться с моим народом.

Сам же Феанор явился в простой, непраздничной одежде, а Сильмариллы он оставил дома в железной палате. Тем не менее он встретился с Финголфином перед троном Манвэ, и они примирились – на словах. В этот момент наступило смешение света: оба Древа лучились вместе, озаряя тихий город Валмар сиянием серебряным и золотым.

Но Унголиант уже не кралась, а неслась стремительно по равнинам Валинора, как голодная черная тень на ветру. Вот она приблизилась к зеленому холму Эзеллохар, и ее бессветие поднялось к самым корням Древ. Вот черные жвалы паучихи пронзили кору, и сок полился наружу из глубоких ран. Она жадно выпила его весь, а после впилась вновь в сами стволы и высосала их досуха. Так ее смертельный яд проник в Древа и отравил их целиком – от корней до ветвей и листьев, и они погибли. Но жажда Унголиант все не унималась: она подошла к прудам Варды, где хранилась сияющая роса Древ, и выпила их полностью. Пока она пила,

густой черный пар исходил из нее, и сама она раздулась в обличье настолько огромное и ужасное, о каком она не смела помыслить даже в самых алчных мечтаниях.

Мелькор ждал снаружи, пока по угасанию света не убедился, что паучиха сделала свое дело. Тогда он вновь вступил в Валинор, Владыка Утумно, черная тень ненависти, и вернулся к местам своего унижения. Все вокруг быстро погружалось в ночь сквозь серые сумерки, когда он встал в Круге Рока и проклял его, и осквернил престол правосудия Манвэ, и обрушил наземь троны валаров. Затем он направился к своей второй цели – он надеялся сохранить ее в тайне, но Унголиант заметила его и перехватила на дороге. Даже он был потрясен, увидев, насколько чудовищно могучей сделалась она, но время не ждало. Она обернула его в свое незримое бессветие, и они отправились вместе в то единственное место в стране валаров, которое он хотел скрыть от нее – а на Валинор пала великая тьма.

Тьма эта была не просто отсутствием света – нет, она обрела теперь собственное бытие, а с ним власть пронзать сердце и разум и сковывать волю живых. Варда взглянула вниз: там тень поднималась над равниной необъятным морем подступающей ночи, и вскоре лишь Таниквэтиль стояла, как последний остров утонувшего мира. Все песни умолкли, и только телэри стенали далеко на побережье, как морские чайки – ледяной ветер дул теперь с востока, и тени накатывались с моря огромными валами. Тогда очи Манвэ пронзили ночь, но в

сердце ее клубилась Тьма, неподвластная даже его взору, и она быстро удалялась на север. Так он понял, что Мелькор был здесь и ушел, и тотчас валары зажгли факелы и бросились в погоню.

Но стоило богам достичь тени Унголиант, все они ослепли и растерялись, и их войско рассеялось в тумане, и они лишь бродили кругами, как блуждающие огоньки, сами не зная куда. Напрасно Оромэ дул в свой рог – тот задохнулся и не издал ни звука, а Тулкас с ревом наносил бессильные удары в воздух, словно запутавшись в черных сетях. Издевательский смех Мелькора звучал вокруг него то слева, то справа, то совсем рядом, то издалека – но когда туча рассеялась, было уже поздно: Мелькор ушел, куда хотел, и месть его была свершена.

***

Валары вернулись в Круг Рока и уселись на землю, поскольку троны их были осквернены, и множество народа стояло вокруг, едва различимые во тьме. Ветра Манвэ отогнали прочь испарения смерти, и звезды Варды сияли в вышине сквозь прозрачный воздух. Йаванна возложила руки на Древа, но они были мертвы и черны, и каждая веточка, к которой она прикасалась, ломалась и безжизненно падала к ее ногам. Горестный плач раздавался повсюду, и всем казалось, что чаша зла, уготованная им Мелькором, теперь испита до дна. Но это было не так.

– Свет Деревьев погиб, но он живет еще в Камнях Феанора, – сказала Йаванна, встав перед валарами. – Провидцем оказался он. Знайте! Даже для

самых могучих есть деяния, которые они могут совершить лишь однажды. Я призвала Два Древа в бытие, и никогда не смогу сотворить подобного снова. Но если бы у меня было хоть немного этого света, я смогу исцелить Деревья, пока их корни не иссохли, и злоба Мелькора будет посрамлена.

– Слышишь ли ты, Феанор, слова Йаванны? – вопросил Манвэ. – Дашь ли то, что она просит?

Наступила долгая тишина, но Феанор не говорил ни слова.

– Говори же, нолдор, «да» или «нет»?! – не выдержал Тулкас. – Но кто посмеет отказать Йаванне? Разве не от ее древнего творения произошел свет Сильмариллов?

– Не торопись! – вмешался Ауле. – Мы просим большего, чем тебе кажется. Пусть подумает и решит спокойно.

– Истинно так! – горько воскликнул Феанор. – Для малых, как для могучих, есть деяния, которые они могут совершить лишь однажды. Может, я и смогу разбить мои кристаллы, но никогда не сотворю подобных снова; и с ними разобьется мое сердце, и я умру, первый среди Детей Эру.

– Не первый, – произнес Мандос, но никто тогда не понял, что он имел в виду. Снова повисло молчание. Феанор размышлял в темноте, и ему казалось, что он – в кольце врагов, и слова Мелькора о том, что Сильмариллы не будут в безопасности в царстве валаров, вспомнились ему. «Разве он сам не валар, разве не знает их? Вор выдает воров», подумал он, и наконец ответил вслух:

– По своей воле я не сделаю этого! А если ва-

лары заставят меня, то я увижу воочию, что они родня Мелькору.

– Ты сказал, – отозвался Мандос. Вновь наступила тишина, и всякая мысль угасла; лишь Ниенна, откинув свой серый капюшон, оплакивала жестокость мира, и ее глаза светились, как звезды сквозь дождь. Но тут послышался топот ног, и сквозь толпу вбежали сыновья Феанора с новыми вестями с севера.

– Кровь и тьма! – возгласил Маэдрос, старший из семи. – Король Финвэ убит, и Сильмариллы похищены!

Феанор рухнул ниц, как подкошенный, а Маэдрос продолжил:

– Короля мучила тоска и плохие предчувствия, он не хотел выходить из дома. Нам надоела эта тишь и безделье, и мы поехали верхом в Зеленые холмы. Вдруг мы увидели, как все кругом потускнело: свет угасал. Мы помчались назад, но огромные тени поднялись впереди над Форменосом, и черная туча объяла дом Феанора. Послышались могучие удары, а затем – вспышка огня и пронзительный крик. Лошади сбросили нас и ускакали, и туча тьмы пронеслась над нами на север. Мелькор был там, вне сомнения, но с ним был кто-то еще! Некое великое лихо, что лишило нас воли и рассудка, проходя мимо. Тьма и кровь! Мы вернулись в дом, как только смогли двигаться снова. Король лежал у дверей мертвый, его голова была разбита, словно железной палицей. Все остальные разбежались, и он один встал на пути тьмы. Его меч лежал рядом, перекрученный и потерявший закалку, как от удара молнии.

Дом был разрушен и разорен – ничего не осталось. Железная палата пуста. Сильмариллов нет!

Внезапно Феанор встал, и, подняв руку, проклял Мелькора перед лицом Манвэ, назвав его Морготом, Черным Врагом мира. Также проклял он и призыв Манвэ, полагая в безумии своего горя, что, останься он в Форменосе, его сил хватило бы на что-то большее, нежели быть также убитым, как замышлял Мелькор. После он с криком отчаяния бежал в ночь, и те, кто видел его в тот час, простили ему всю горечь его слов. Но эта потеря была не одного лишь Феанора: Ниенна и Йаванна горевали тоже, ужасаясь, что последним лучам света Валинора суждено сгинуть во тьме навеки. Валары еще не осознали, что произошло, но они поняли, что Мелькор получил какую-то неведомую подмогу из-за пределов Арды.

***

Мелькор и Унголиант тем временем умчались в северные пустоши и сквозь туман и лед вернулись на север Средиземья. Они уже приближались к руинам Ангбанда, западной твердыни Мелькора под Железными горами, но он не мог избавиться от Унголиант: ее мгла все еще клубилась вокруг него, и все ее глаза следили за ним. Почувствовав его надежду, она остановила его и потребовала выполнить обещанное.

– Я исполнила твою просьбу, черное сердце, – сказала она, уже не называя его «Повелителем». – Но я все еще голодна.

– Чего же ты еще хочешь? Утянуть весь мир в

свою утробу? Я не обещал такого, я – его Властелин.

– Так много мне не нужно. Но там были сокровища, о которых ты не сказал мне – не сказал бы и сейчас, если бы я не проследила. Я заберу все. Да, и ты отдашь – обеими руками!

– Ты и так уже сожрала половину! – возмутился Мелькор. Он и вправду позволил ей вдоволь полакомиться самоцветами Феанора на развалинах Форменоса, чтобы отвлечь ее внимание от железной палаты.

– Я голодна. Я возьму и вторую половину.

Так Мелькор был вынужден уступить ей драгоценные камни, которые он унес с собой. Неохотно, по одному, он отдавал самоцветы, а паучиха пожирала их один за другим, и их красота навсегда покидала мир. Теперь ее силы восстановились, но алчность не умерилась ничуть.

– Одной рукой даешь ты, – сказала она, – только левой. Открой теперь правую руку.

В правой руке Мелькор сжимал хрустальную шкатулку, которую он унес из железной палаты: в ней были Сильмариллы, и они уже начинали жечь его, так что его рука корчилась от боли. Но он не собирался открывать ее:

– Нет! Этих сокровищ ты не проглотишь и даже не увидишь – они мои навсегда. Ты и так получила больше заслуженного – это ведь моей силой, что я вложил в тебя, ты смогла исполнить план. Ты не нужна мне больше. Убирайся, дрянь! Не то я угощу тебя таким огнем, что будет жечь вечно!

Но Унголиант не испугалась. Она выросла огромной и могучей, а Мелькор уменьшился, так как

сила уходила из него. И теперь она восстала на него, и ее мгла сомкнулась вокруг него, и она оплела его удушающей паутиной липких плетей. Тогда Мелькор издал ужасный крик, что эхом разнесся по горам севера. Земля зашаталась, и горы дрогнули, и раскололись скалы – но глубоко в позабытых чертогах этот зов был услышан.

Под руинами Ангбанда, которые валары не обыскали в спешке своего похода, долгие века таились балроги, ожидая возвращения своего повелителя. Поднявшись теперь наверх, они крылатым огненным вихрем пронеслись через Хитлум и обрушили на паучиху свои огненные бичи. Ее паутина распалась и она бежала прочь, и пламя балрогов преследовало ее до самых Эред Вэтрин, гор Тени. В долине Нан Дунгортеб она исцелилась от ран, как сумела, а после ретировалась на дальний юг мира.

Мелькор же, освободившись от пут, вернулся в Ангбанд. Сильмариллы он вставил в железную корону и назвал себя Королем Мира и Властелином Судеб Арды, хоть руки его и были сожжены дочерна прикосновением к тем священным камням. Из темных долин и тайных укрывищ снова стеклись в Ангбанд его верные слуги, и вновь были отстроены под горами обширные глубокие чертоги, а над ними в дыму и пламени вознеслись ввысь чадящие пики Тангородрима.

***

Нолдоры тем временем в печали вернулись в Тирион. Прекрасный город лежал теперь во тьме, и

туманы наползали с Тенистых морей и клубились вокруг его башен, и лишь маяк Миндона бледно светил сквозь мрак. Внезапно в городе появился Феанор и призвал всех собраться в королевском дворе на вершине холма. Приговор изгнания еще не был снят с него, так что его приход был мятежом против валаров. Поэтому жители города быстро собрались вокруг послушать, что он скажет, и все улицы и лестницы на склонах холма осветились множеством факелов.

Феанор был отличным оратором и умел завоевать внимание и власть над слушателями, когда хотел этого. Теперь же его сердце горело, и речь, которую он произнес в ту ночь передо нолдорами, они запомнили навсегда. Лихи и жестоки были его слова, и переполнены гневом и гордостью, и они пьянили стоявших вокруг, словно пар над горячим вином:

– Почему, о мой народ, мы должны и впредь служить этим завистливым богам? Они не могут защитить от своего Врага ни нас, ни себя самих. И разве не одной он с ними крови? Месть зовет меня прочь, да и не хочу я больше жить рядом с родней убийцы моего отца, похитителя моих сокровищ. Но неужто я один окажусь смелым из целого народа отважных? Разве не все вы потеряли короля? Да и чего еще вам искать здесь, запертым между ревнивыми горами и бесплодным морем? Здесь когда-то был свет, в котором валары отказали Средиземью, но теперь тьма уравняла все. Неужели мы будем скорбеть здесь в бездействии вечно, как тени в тумане, проливая слезы в соленое безответное море?

Или мы вернемся домой? Сладки воды Куивиэнен под яркими звездами, и широкие земли ждут там – достаточно места для свободного народа. Отправимся в путь! Пусть трусы сторожат город. Но, во имя крови Финвэ, – если только трусы и останутся, то травой зарастут эти улицы, поганками и плесенью!

Долго говорил Феанор, убеждая нолдоров последовать за ним и своим собственным мастерством и отвагой завоевать свободу и великие царства на Востоке. Но в словах его прорастала и ложь Мелькора о том, что валары заманили эльфов в плен, чтобы люди правили Средиземьем – и в тот час многие из эльфов впервые услышали о Пришедших Следом.

– Долгой и трудной будет дорога, но прекрасен ее конец! – гремел он. – Распрощайтесь с путами и оковами! Но распрощайтесь и со слабостью и ленью. Мы пойдем налегке. Оставьте сокровища – мы сотворим новые. Но возьмите с собой мечи – мы никогда не оставим погони. За Морготом – до края земли! А когда мы отвоюем Сильмариллы, мы одни станем владыками чистого предвечного Света, и всего блаженства и красоты Арды. Никакая другая раса не свергнет нас!

В этот момент Феанор и произнес свою грозную клятву. Его семеро сыновей тотчас встали рядом с ним и повторили ее, и их обнаженные клинки светились кроваво-алым в свете факелов:

– Будь то враг или друг, светлый или нечистый, выродок Моргота или валар в ярком сиянии, эльф или дух, или же нерожденный еще человек, что

придет следом за нами: ни закон, ни любовь, ни союз мечей, ни ужас, ни опасность, ни сама Судьба не защитят их от Феанора и его рода, буде они утают от нас, схоронят или возьмут в свои руки Сильмарилл. Клянемся: смертью мы будем мстить ему, пока ни иссякнут дни, до самого конца света. Услышь нас, Всеотец Эру! Пусть вековечная Тьма будет нашим уделом, если не исполним мы клятвы. Манвэ и Варда на священной горе, вас призываем в свидетели!

Многие содрогнулись, услышав такое, ибо подобная клятва не может быть нарушена и не отпустит давшего ее до конца времен. Тогда Финголфин и его сын Тургон возвысили голос против Феанора, и началась ссора, и гнев прилил к остриям клинков. Но Финрод, что умел смягчить сердца словом, заговорил спокойно, увещевая не спешить и все обдумать, пока не поздно. Его сестра Галадриэль была единственной девой, что стояла тогда среди спорящих принцев, и она тоже хотела уйти. Она не давала клятвы, но слова Феанора о Средиземье зажгли ее сердце, и она мечтала о нехоженых тропах и о царстве, чтобы править там по своей воле. В конце концов Феанор одолел соперников в споре, и большинство нолдоров тоже загорелись жаждой новых открытий и далеких стран.

– Отправляемся в путь, за местью и победой! В путь, прочь отсюда! – раздавались голоса кругом, и Феанор с сыновьями тотчас начали готовиться к походу. Они боялись, что желание уходить скоро остынет, к тому же многие не хотели признавать королем Феанора, предпочитая видеть вождем

Финголфина – оттого нолдоры составили два отдельных отряда. Прогремели трубы, и войско вышло в поход из врат города. Но тут явился гонец с посланием от Манвэ:

– На опрометчивость Феанора я отвечу только советом: не уходите в этот недобрый час. Ваша дорога ведет вас к горестям, каких вам не дано предвидеть. Валары не помогут вам, но и не будут мешать: по своей воле вы пришли, и так же вольны уйти отсюда. Но ты, Феанор, своей клятвой изгнал себя сам. Ты поверил лжи Мелькора, и горьким будет твое пробуждение. Он валар, ты говоришь, – но никого из валаров не одолеть тебе в чертогах Эа, пусть даже Илуватар, которым ты клялся, сделает тебя втрое сильнее, чем ты есть.

Но Феанор, рассмеявшись, обратился не к гонцу, а к нолдорам вокруг:

– Нам предрекают горести? Но ведь именно в Валиноре мы потеряли радость и познали горе. А теперь будет наоборот: сквозь несчастья мы придем к радости, или по меньшей мере – к свободе.

Потом он повернулся к посланцу и сказал так:

– Передай это Манвэ Сулимо, высокому королю Арды: быть может, Эру зажег во мне больший огонь, чем ты думаешь. Я не буду медлить в безделии и горе, но нанесу Врагу такой удар, что даже могучие в Кольце Рока удивятся этому. Придет время, и они последуют за мной. Прощай!

Такова была в тот час сила и мощь его голоса, что даже посланец валаров поклонился, как будто получил достойный ответ. А нолдоры, окончательно убежденные, продолжили свой поход.

***

Феанор понимал, что без кораблей им не переправиться через бескрайнее море, и он решил убедить телэри помочь нолдорам в их предприятии. Однако телэри, хоть и горевали об уходе друзей, не хотели ни отдавать свои корабли, ни помогать в их постройке против воли валаров. Они не желали иного дома, чем берега Эльдамара, и верили, что Ульмо и другие валары исцелят вред Мелькора, а на смену ночи еще придет новый рассвет.

– Вы отрекаетесь от нашей дружбы в час нужды! – гневно сказал тогда Феанор. – Разве не мы помогли вам, когда вы пришли на эти берега, как нищие бродяги, разве не мы построили вашу гавань и стены крепости?

– Долг друга – отговорить друзей от глупости, – отвечал Ольвэ, король телэри. – Другие речи вели вы, встречая нас здесь: «навеки вместе будем мы жить в этой стране, как братья». А наши белые корабли мы построили своими руками, и их белые паруса соткали наши жены и дочери. Они для нас, как самоцветы для нолдоров: творения наших сердец, и не сотворим мы подобных снова.

На этом Феанор оставил его и сидел под стенами гавани Альквалондэ, предаваясь мрачным раздумьям, пока его войско не собралось вокруг. Рассудив, что сил достаточно, он вступил в гавань, и его воины начали занимать корабли, что стояли там на якоре. Но телэри встали твердо, и многие нолдоры были сброшены в море. Тогда обнажились мечи, и жестокая битва разразилась на пирсах и причалах при свете фонарей, и даже на высокой арке над

входом в залив. Сперва воинов Феанора отбросили назад, но тут подошли отряды Фингона, старшего сына Финголфина, и, не разобравшись, бросились в бой: они решили, что телэри пытаются задержать их исход по приказу валаров.

Так наконец телэри были побеждены, и большинство их моряков – беспощадно убиты: нолдоры стали жестоки и отчаянны, и они были сильнее; а у телэри из оружия были только легкие луки. Фонари были разбиты, и гавань лежала во тьме, и только тихий плач нарушал тишину. Нолдоры же отправились на север, частью по суше, а частью морем: воины Феанора сели на весла и повели белые корабли вдоль долгого берега к холодным северным пустошам и жуткому проливу Хелкараксэ. Никогда бы им не одолеть его, но еще сильны были изгнанники пищей и питьем богов, хоть и не было у них *лимпэ* – его даровали эльфам лишь много позже, во время Похода Освобождения, когда зло мира, отравленного Мелькором, тяжко легло на их тела и души».

– Простите, что прерываю рассказ, – встрепенулся Эриол, – но что такое «жуткий пролив Хелкараксэ»?

– Знай же, – ответил Линдо, – далеко на севере берега Эльдамара и Средиземья сближались так, что только узкий пролив разделял их тогда. Там царили туманы смертного холода, и кружили быстрые опасные течения и водовороты, и огромные глыбы плавучего льда сталкивались и крошились друг о друга с ужасающим треском. Верно ли я говорю, Румил?

– Все верно, – отозвался Румил. – Но ты забыл упомянуть, что прежде, чем достигнуть Хелкараксэ, нолдоры увидели темный силуэт на высокой скале. Он приказал им остановиться и внимать, и из конца в конец раскатилось над их воинством пророчество – Рок Мандоса:

« – Поверните назад и просите прощения валаров, иначе проклятие их падет на вас. Слезы бессчетные прольете вы и многие беды постигнут вас, а валары затворят от вас Валинор – и даже эхо вашего плача не донесется через высокие горы. Вы пролили кровь родичей – и заплатите кровью за кровь, и в тени Смерти будете обитать отныне. Гнев богов лежит на Доме Феанора от запада до самого дальнего востока, как ляжет он на всех, кто последует за ними. Внемлите! Клятва будет вести их и предавать их, и лишит их того самого сокровища, за которым они стремятся. Предательство и страх предательства обратят все их деяния во зло, и обездоленными будут они навеки. Хоть и не назначил вам Эру умирать в пределах Эа, но вы можете быть сражены, и сражены будете – болезнью и оружием, пыткой и горем, и ваши души придут в Мандос. Там будете вы тосковать по своим телам, но не надейтесь на жалость, пусть даже все убитые вами будут молить за вас. А те, кто останутся в Средиземье, истают от бремени мира и обратятся в печальные тени в глазах юной расы, что придет после. Валары сказали свое слово.

Тогда многие устрашились, но Феанор, собрав свою решимость, ответил:

– Мы поклялись не шутя, и мы сдержим Клятву.

Нас пугают многими бедами, и предательством среди прочих – но только про трусость не сказали ни слова, ибо трусов нет среди нас. Мы пойдем вперед, а к пророчеству валаров я добавлю свое: о деяниях наших будут петь песни до самого конца Арды.

***

Обоим пророчествам было суждено сбыться. После долгого похода нолдоры пришли на далекий север, где жестокий холод и пронизывающая туманная сырость настигли их. Кораблей было слишком мало, чтобы перевезти всех сразу, но никто не соглашался остаться – страх предательства уже овладел их умами. Многие начали роптать против Феанора, обвиняя его во всех своих бедах, и он держал совет с сыновьями. На веслах со времен резни в гавани сидели верные им воины, и они решили уплыть тайком, оставив отряд Финголфина позади. План удался: как раз вовремя подул ветер с северо-запада, и флот без потерь пересек узкое море, и так Феанор первым из нолдоров ступил вновь на берег Средиземья. Когда все сошли на берег, Маэдрос спросил его:

– Кому из наших ты велишь отправиться с кораблями и перевезти остальных, и кого забрать первым? Фингона Отважного?

– Никому и никого! – отвечал Феанор с безумным смехом. – Те, кого я оставил, – не потеря, а только бремя в пути. Они проклинали мое имя – так пусть клянут его и впредь, пусть возвращаются в оковы валаров. Пусть горят корабли!

Маэдрос отошел и один стоял в стороне –

Фингон был его другом, пока ложь Мелькора не пролегла между ними. Феанор и остальные сыновья тем временем подожгли белые корабли, прекраснейшие из всех, что плавали когда-либо по морям. Так ярок был этот пожар, что Финголфин и его воины увидели его отсвет под тучами на другом берегу моря – и поняли, что их предали.

Горько было на сердце у Финголфина: перед ним лежал выбор, сгинуть от холода или возвращаться с повинной назад. Но теперь он, как никогда раньше, тоже хотел достигнуть Средиземья, чтобы снова встретиться с Феанором лицом к лицу. Эльфы были стойки и упорны, и ярким пламенем еще горели их сердца, а теперь само возвращение Мелькора помогло их стремлению: зима развернула свои стяги и медленно подступала с севера, остужая все на своем пути копьями инея и ледяным градом. Дождавшись, пока мороз скует плавучие льды, эльфы вступили на беспощадные торосы Хелкараксэ, и мало какие из подвигов нолдоров сравнятся с этим отчаянным переходом.

Пламя горящих кораблей, однако же, заметили не только покинутые родичи, но и соглядатаи Мелькора. Воинство Феанора направилось от берега моря в Хитлум – и едва они встали лагерем у озера Митрим, как на них напала армия орков и волколаков, просочившись через перевалы гор. Но свет Валинора еще не угас в глазах нолдоров, и они были скоры и смертоносны в гневе, а клинки их – длинны и грозны. Победа была быстрой, и орки бежали перед ними, а Феанор гнал их с мечом в руках. Поглощенный жаром своей ненависти, он

далеко опередил своих соратников, надеясь побыстрее добраться и до самого Мелькора.

Внезапно враги повернулись и дали бой, и им на подмогу вышли балроги из Ангбанда. Так Феанор был окружен, но продолжал сражаться, смеясь, как одержимый, хоть он и был уже объят пламенем и ранен многократно. Наконец Готмог, предводитель балрогов, поверг его наземь – но тут Маэдрос и трое других сыновей подоспели на помощь с войском, и балроги отступили в Ангбанд.

Сыновья понесли отца назад, но на перевале Феанор остановил их – его раны были смертельны, и он знал, что его час пробил. Издалека он увидел пики Тангородрима, высочайшие вершины Средиземья, и в последнем прозрении понял, что вовек нолдорам не одолеть этой твердыни. Но он проклял имя Моргота, и возложил на сыновей долг исполнить клятву и отомстить за отца. Так умер Феанор, но нет у него ни могилы, ни гробницы: столь горяч был его огненный дух, что его бездыханное тело рассыпалось пеплом, и никогда не суждено было ему покинуть чертоги Мандоса.

Удивившись нежданной доблести нолдоров, Мелькор предложил переговоры. Маэдрос притворно согласился, но обе стороны нарушили уговор, приведя на встречу войска. Однако враги привели больше, и там были балроги. Так Маэдрос был побежден и захвачен в плен, и Мелькор подвесил его за правое запястье на западном пике Тангородрима, приковав стальным кольцом на не доступной никому высоте».

– Велико же могущество Мелькора во зле, – за-

думался Эриол, – если и вправду он смог разрушить своим коварством счастье и блаженство богов и эльфов, затемнив свет их сердец не меньше, чем свет их царства, и сведя всю их дружбу на нет! Не иначе, это зло – худшее из всего им содеянного.

– Худшее из содеянного в Валиноре, это так, – отозвался Линдо, – но творил он и большие злодеяния в Средиземье, и семя его порчи взошло и выросло с тех пор неимоверно.

– О нет, – сказал Эриол, – не может мое сердце даже помыслить о чем-то более горестном, чем убийство тех прекрасных Древ и погружение мира во тьму.

***

Вскоре после этого вечера сказок на острове Эрессэа стали готовиться к приближению зимы. Жажда странствий, казалось, совсем оставила Эриола, и ни разу за эти несколько месяцев он не покидал пределов серых стен Кортириона, поросших гиацинтами и колокольчиками. Древняя память таилась под его старинными вратами, а с башен замка можно было разглядеть ручьи, что текли через просторные луга и убегали журчащими водопадами к западному морю. По тенистым извилистым аллеям под высокими шпилями города важно бродили павлины, и как же прекрасен был их изумрудно-сапфировый убор! Там же гуляли эльфы, напевая сами себе мечтательно-грустные песни о том, что было и что еще будет, и их волосы сияли на солнце, как золотые цветы асфоделя.

По ночам в неподвижном воздухе вокруг шпи-

лей кружились призрачные мотыльки, а с полян еще поднимались ароматы цветов и щавеля, но прохладный задумчивый октябрь уже одел росу на ветвях дрока в золотистую осеннюю паутинку. Роскошные вязы Аламинорэ сбросили свои листья, и они носились над туманными прудами, как стаи янтарных птиц. Площади и улицы опустели – лишь изредка эльфы надевали в хрустальных сумерках свои серые и багряные капюшоны с серебряной вышивкой и выходили потанцевать лунной ночью.

Эриол тем временем частенько гостил в чертогах разных эльфийских кланов ваньяров и телэри, и так немало приумножил свои познания в их языках и обычаях, равно как и песнях и легендах. Однажды он спросил Румила:

– У нас рассказывают о славном кузнеце по имени Веланд. Он был когда-то захвачен в плен Низхадом, королем гномов; а у короля была дочь Бодхильда, прекрасная дева. Трудясь в кузне короля, Веланд смастерил два крыла; затем он сразил сынов Низхада и, найдя Бодхильду в саду, овладел ею и унес ее на своих крыльях. Пролетая над лесом, он выронил ее и не смог отыскать – о том сложен «Плач Веланда о Бодхильде». Бодхильда однако же простила Веланда и, несмотря на гнев Низхада, получила благословение для своего сына. Так не является ли тот, кого мы зовем Веландом, на самом деле самим Ауле?

– Это не так, – ответил Румил, рассмеявшись. – Фаэри Велиндо был один из духов народа Ауле, и однажды Ауле послал его во внешний мир – доставить для его нужд доброго и увесистого червонного

золота, что выплавляют гномы. Веланд не был злым, но он был весьма тщеславен. Люди и гномы Средиземья чрезвычайно дивились его мастерству, и оттого гордыня его взыграла безмерно. Поэтому Велиндо так с тех пор и не вернулся к Ауле, но открыл собственное дело – и был славен и знаменит во многих краях, пока с увяданием фаэри его могущество также не угасло.

***

Не стоит, однако же, думать, что после рассказов о злоключениях эльфов желание отведать *лимпэ* угасло в душе Эриола. Напротив – среди всех слушателей в Каминном зале он задавал вопросы едва ли не больше всех, желая узнать всю историю этого народа вплоть до того времени, когда эльфы поселились на Одиноком острове. Он теперь знал об их дивном древнем доме и блаженстве богов, но тем любопытнее была ему судьба эльфов в Средиземье, и история их знакомства с людьми, и как удалось Мелькору поссорить тех и других. И вот в один из вечеров он спросил, устроившись у камина:

– Что насчет нынешних путей Солнца и Луны и их восхода на востоке, о Линдо? И потом, я ведь пока слышал только о гибели Двух Деревьев, но о приходе людей и деяниях эльфов после ухода из Валинора никто не поведал мне.

Так случилось, что в тот вечер еще один гость посетил их вечерний пир и остался на Ночь Сказок. Его звали Гильфанон, а прибыл он из той части острова, где стоит башня Тавробэль у слияния рек. Там еще жил отдельно народ нолдоров, и Гильфа-

нон, конечно, считал те места лучшими на всем острове, хоть и жил он в свое время в Хитлуме и водил дружбу и с темными эльфами, и с людьми – и оттого знал немало легенд разных племен. Так что Линдо дал Эриолу такой совет:

– Смотри, Гильфанон может рассказать куда лучше об этих делах, и я бы на твоем месте не упустил возможность составить ему компанию в Тавробэле. Не бойся так, – рассмеялся он, заметив недоумение на лице Эриола, – никто не гонит тебя прочь. Но, сказать по правде, всякому взыскующему глотка *лимпэ* стоило бы погостить у Гильфанона: его древнее жилище, Дом Ста Каминов, стоит у моста Тавробэля, и немало интересного можно там услышать о вещах прошлых и будущих. А сад его знаменит могучей сосной Белаурин – она выросла из семечка, подаренного Йаванной в позабытые времена, до далеких верхних небес, а то и до самых звезд.

– Сдается мне, Линдо хочет избавиться от двух гостей за раз, – обратился Гильфанон к Эриолу, – но не бывать тому! Я намерен остаться в Кортирионе еще на недельку и побаловать себя славными кушаньями его стола – и отдохнуть у Камина Сказок, конечно. Потом можем поехать вместе, и ты увидишь всю красоту острова фаэри. А пока пусть Линдо расскажет нам еще о деяниях богов и сокрытии Валинора – ведь эта тема не утомит его никогда.

На это Линдо откликнулся с удовольствием – он и вправду особенно любил такие сказания, и никогда не упускал повода завести рассказ.

– Тогда я расскажу сперва о Солнце и Луне, –

ответил он, – и пусть Эриол слушает на здоровье.

– Рассказывай, дорогой Линдо, но не удлиняй сказку без нужды! – ответил Гильфанон. – Мне кажется, она растянется на много вечеров, и пока ты закончишь ее, я давно уже буду дома в Тавробэле.

– Никоим образом! – пообещал Линдо. – Я не займу много времени, а следующий вечер будет целиком твой.

Гильфанон лишь вздохнул, но Эриол застыл в предвкушении, и Линдо начал рассказ:

«В стародавние времена Мелькор нарушил порядок и пути небесных тел, так что Земля то приближалась к Солнцу, то отдалялась от него слишком далеко. Беспросветной тенью тьмы окутал он Землю, и лишь в Валиноре горел до поры свет Двух Древ. Но теперь в ночи Валинора валары не сидели без дела, как обвинял их Феанор, но собрали совет, чтобы направить пути Солнца и Луны.

– Тьма пала на нас, и думается мне, что на то была воля Эру, – молвил Манвэ. – Ведь боги совсем позабыли про мир за пределами Валинора, куда должны прийти люди, младшие Дети Илуватара. Древа дарили красоту нашей стране и радость нашим сердцам, но теперь их больше нет, и мы должны подумать, как дать свет всей Земле, а не только Валинору.

Вдруг, откуда ни возьмись, появились перед ними три старца и приветствовали Манвэ. Очень странным был вид этих пришельцев – невообразимо древние, но исполненные неукротимой силой. Тот, что стоял слева, был невысок и с маленькой бородкой, вставший посредине был среднего роста

и умеренно бородат, а тот, что справа, – очень высок и с бородой, подметавшей землю.

– Кто вы? – спросил их Манвэ. – Вижу я, что вы не из народа Валмара или садов богов, и удивительно, как вы смогли проникнуть в нашу страну без чьей-либо помощи.

– Мы – братья-умельцы небывалого мастерства, – ответил меньший из гостей.

– Зовут нас Дануин, Рануин и Фануин, – отозвался средний. – Сам я Рануин, а Дануин говорил первым.

– Наше искусство поможет вам в вашем затруднении, – добавил третий, Фануин. – Но кто мы и откуда, расскажем после – если примете нашу помощь, и когда выполним задуманное.

Боги засовещались. Некоторые подозревали ловушку Мелькора, но большинство решило согласиться: слишком уж сложной была задача. Три пришельца потребовали место для работы, и Ауле уступил им один из чертогов в своем дворце. Дважды двенадцать часов чужестранцы ткали и пряли в тайне от всех, а потом Дануин вышел и обратился к Манвэ:

– Узри мое мастерство!

Сначала никто не понял, о чем говорил мастер – ведь руки его были пусты. Но вот он словно бы завязал на Солнце невидимый узел – и надо же, Ульмо больше не мог сдвинуть его с места, хоть и старался изо всех сил. Манвэ и Ульмо забеспокоились, как и все вокруг, но Дануин отпустил Солнце и исчез неведомо куда, и никто не мог отыскать его. Через двадцать ночей и еще восемь вышел из тай-

ной комнаты Рануин и произнес:

– Узрите и мое мастерство!

Точно так же никто не мог разглядеть ничего в его вытянутых руках. Но когда он провел руками вокруг хрустального пика на Луне, никто уже не мог сдвинуть ее против его воли. Затем Рануин отпустил Луну, но сам пропал бесследно. Долго боги удивлялись, что бы это значило, но ничего не происходило больше, и тринадцать раз Луна росла и убывала с тех пор. Тогда вышел наконец Фануин и сказал:

– Помогите мне – я сотворил для вас нечто очень тяжелое и хотел бы показать вам, но не смогу вынести это наружу без вашей помощи.

Тогда семеро сильнейших из чертогов Тулкаса вошли с ним в комнату – и не увидели ничего. Но Фануин попросил их нагнуться, и они нащупали словно бы толстую невидимую веревку, и с трудом взвалили ее себе на плечи. Собрав Солнце и Луну вместе, Фануин привязал веревку к ним обоим и заявил, вернувшись к Манвэ:

– О Сулимо, Владыка богов, дело сделано. Этот швартов движет и Солнцем, и Луной, и задает отсчет Лет Солнца. Светила связаны отныне нерушимыми путами времени, и ни ты, ни они сами никогда не смогут разорвать их. Путы эти невидимы для всех созданий Илуватара, но нет в мире ничего прочнее их».

– Подожди, добрый сударь, – смеясь, отозвался Гильфанон. – Ну и затянул же ты эту сказку! Мы знаем, что ты любишь истории о подвигах богов, но этак наш гость может и не дожить до того, чтобы услышать, что случилось на просторах мира после.

На самом деле Эриол заслушался легендой, поскольку Линдо был отличным рассказчиком, да и Гильфанону за его показной ворчливостью она понравилась не меньше, чем остальным.

– Я прибыл сюда так недавно, – вступил Эриол, – может показаться, и день не прошел по эльфийскому счету, но теперь совсем не тороплюсь снова пускаться в путь, и ни одной сказки Линдо не назову затянутой – все они радуют мое сердце.

– Нет, нет! – сказал Линдо. – У меня, конечно, еще есть о чем рассказать, но и истории Гильфанона тоже стоит послушать: ведь ни я, ни кто-либо иной здесь никогда не слышал подробностей о тех далеких событиях. Поэтому я вскоре завершу свой рассказ, когда будет уместно, но через три ночи мы устроим еще один вечер сказок, с музыкой и всеми причитающимися церемониями. Соберем здесь всех детей Дома Проигранной Игры, а Гильфанон расскажет о бедствиях эльфов и приходе людей.

Эриол и Гильфанон были вполне довольны таким поворотом, да и многие другие вокруг. А Линдо продолжил рассказ:

«Устрашились боги, поняв, что теперь даже им не избежать старости и угасания в урочный час, пока в Конце Времен Эру не призовет их обратно. Внезапно Дануин и Рануин появились рядом с Фануином, и каждый из них отдал свою нить в руки Манвэ, а Фануин добавил:

– Теперь светила и Земля будут кружиться в согласии до Конца Времен, и все боги, эльфы и люди на ней отныне связаны оковами времени. Такова Музыка Айнуров: мы День, Месяц и Год, дети Алуи-

на, старейшего из айнуров, а он есть само Время. Он пребывает вовне, в чертогах Илуватара – оттуда мы пришли и туда теперь вернемся.

Так эти трое исчезли из Валинора, а Солнце и Луна двигались с тех пор по своим назначенным путям: всходили на востоке и заходили на западе. Мелькор был в ярости и замешательстве от нежданного деяния валаров, но не посмел приблизиться к Солнцу – на это у него не было больше сил, ведь он постоянно расточал их на сотворение зла и на подчинение своих жутких чудовищ. Вот и все, что имею я поведать о тех делах».

***

– Но позволь, – встрепенулся Эриол, – ты же собирался в начале сказки рассказать и о сокрытии Валинора: и уж я-то, если остальные не возражают, не намерен освобождать тебя от этого обещания!

– Не помню я такого обещания! – рассмеялся Линдо. – Наверно, я дал его слишком поспешно, ибо эти вещи быстро не расскажешь. Да и многое, что касается тех дней в Валиноре, известно только самим валарам. И вообще, мне уже хочется и самому побыть слушателем: может ты, Вайрэ, продолжишь рассказ?

Все обрадовались, и дети захлопали в ладошки: они любили, когда Вайрэ бывала рассказчиком. Вайрэ откликнулась:

«Что же, слушайте предание старинных дней. Уязвимость Валинора перед внешним миром продолжала тревожить эльфов, особенно телэри, потерявших родичей в резне в Альквалондэ. И многие

валары были на их стороне: они хотели вернуть мир и свое древнее блаженство, и не желали ни слышать о бесчинствах Мелькора, ни видеть снова мятежных нолдоров. Ульмо взывал о жалости и прощении для изгнанников, но большинство валаров решили укрепить Валинор заново, чтобы охранить его от всякого лиха.

Стену гор они подняли до немыслимой высоты, а внешние их склоны были теперь темны и гладки, как стекло, и ни карниза, ни уступа не было на них до самых вершин из белоснежного льда. Снаружи гор боги разместили непроницаемые сети липкой тьмы, которыми Унголиант заполнила Валинор, и они распростерлись вширь и вдаль до самых Тенистых морей. Только перевал Калакирья, где стоит покинутый Тирион, не закрыли боги – ради тех эльфов, что остались верными, ведь даже ваньярам нужно иногда дышать воздухом мира, откуда они пришли.

– Теперь Валинор сам по себе, и к нам снова вернулся мир, – заключил Ирмо.

Но телэри смотрели на море из своих древних жилищ и не могли успокоиться: им казалось, беда может прийти оттуда. Они пришли к Ульмо, но он укорил их:

– Не могли вы слышать такой горечи и обиды в моей музыке, это идет от шепотов проклятого Мелькора!

Некоторые устыдились, но другие обратились к Оссэ, и он назло Ульмо помог им с удовольствием. На Тенистых морях были поставлены Толли Курувар, Зачарованные острова, а все воды между

ними наполнены сумраком и чародейством. Мало какому кораблю удалось с тех пор проплыть на запад к Эрессэа через эту цепь: вечно вздыхали там волны в опасных туманных заливах, скрывая темные скалы, и кружились водовороты неодолимой силы, а Оссэ поселил там духов внезапных штормов и непроглядной хмари. В этих сумерках великая усталость и ненависть к морю одолевали моряков. Но те, кто ступил на землю островов, обречены навсегда остаться в сетях волос Уйнен и спать вечным сном, который Ирмо навел на эти берега, а их корабли гниют в водорослях и колдовском песке.

Тем временем эльфы Финголфина добрались наконец на крайний север Средиземья, и приветствовали звуком труб первый восход луны, и тени их были длинны и черны в ее ярком свете. Немало уменьшилось их войско во время похода через льды, но теперь они развернули свои синие и серебряные знамена и ударили в ворота Ангбанда. Финголфин числил сынов Феанора сообщниками отца, но сын его, Фингон, решился исцелить эту междоусобную рознь. В одиночку, под покровом сотканной самим же Мелькором тьмы, он разыскал Маэдроса, висящего на скале, но никак не мог дотянуться до него.

Однако тут на помощь Фингону пришел король орлов Торондор: ему и его подданным Манвэ поручил поселиться на пиках Тангородрима и следить оттуда за всеми деяниями Врага. Орел поднял Фингона вверх и тот освободил Маэдроса из плена, хоть и пришлось для этого отсечь прикованную руку. Так дружба между Домами нолдоров была восстановлена, а Маэдрос отныне носил меч в левой

руке – и он разил врагов ничуть не хуже, чем раньше.

Нолдоры поставили стражу вокруг твердыни Врага, а южнее основали свои крепости и королевства. Финголфин и Фингон правили в Хитлуме, а сыновья Феанора ушли на восток. Маэдрос построил могучую цитадель на холме Химринг, а его братья защищали земли от ущелья Аглон и леса Дориата до Синих гор: Карантир обосновался у самого их подножия и немало обогатился на торговле с тамошними гномами. Финрод обнаружил пещеры на берегу реки Нарог и выстроил там крепость Нарготронд, и с тех пор его звали Фелагунд, «Владыка пещер». Ородрет, его младший брат, держал сторожевую башню на острове Тол Сирион. Тургон же сперва обитал в Нэврасте у моря, а после ушел со своим народом неведомо куда, чтобы воздвигнуть тайный город Гондолин.

Желая оставить позади старые раздоры, нолдоры всех Домов устроили Праздник Воссоединения в цветущем краю Тазаринан, и там были посланцы из Дориата, и из гаваней Кирдана, и множество лесных эльфов из Оссириандa. Сердца нолдоров полнились надеждой, и им казалось, что Феанор был прав, когда звал их строить прекрасные и свободные царства в Средиземье. Врата Ада были закрыты, и даже камни на их пороге поросли зеленой травой, и века Осады Ангбанда были временем мира, радости и процветания».

Так Вайрэ закончила свой рассказ, и долгая тишина повисла в комнате.

***

В эту ночь не было больше рассказов и бесед, разве что Линдо попытался уговорить Гильфанона устроить его Вечер Сказок так скоро, как только возможно. Гильфанону, однако же, требовалось отбыть по важным делам в отдаленную деревню, поэтому договорились собраться через неделю.

– Это будет подходящий день – Турухальмэ, День Заготовки Дров, – объяснил Линдо, пока зажигали Свечи Сна. – Утром можно будет поиграть и поразмяться в снегу, а потом принести дрова из леса. Ну а там уже будет время попеть песни и поднять кубки в честь праздника Йоль, и в подходящем настроении послушать старинные сказки у камина.

Наконец день Турухальмэ настал, и вся компания из Дома Проигранной Игры направилась в заснеженные леса, чтобы привезти на санях дрова для камина. Никогда не допускалось огню сказок угаснуть совсем и обратиться в серый пепел, но в канун Турухальмэ он утихал до самого маленького язычка пламени. А затем в Каминный зал вносили огромные бревна, Линдо благословлял огонь древней магией, и пламя вновь разгоралось вовсю и гулко рокотало в очаге. Вайрэ благословляла двери зала и вручала ключ Румилу, назначая его вновь Стражем Дверей, а Ильверину снова вручали молот его гонга. Линдо возвестил, как он делал каждый год в этот день:

– Возвысьте голос, о флейтисты побережий, и вы, эльфы Тириона, пойте погромче. Время танца и песни для всех нолдоров и тайных фаэри мира,

песни и танца для маленьких детей человеческих, и да наполнится Дом Памяти вашими голосами!

И эльфы запели древнюю песню, сотворенную, когда они еще жили под крылами Манвэ, – ту самую, что пелась когда-то на великом тракте от Тириона до града богов. Шесть месяцев уже прошло с того дня, как Эриол посетил Мериль-и-Туринкви, взыскуя глотка *лимпэ*, и желание на время угасло в нем. Но в эту ночь он взмолился вновь:

– Ах, если бы я мог испить с вами вместе!

– Не стоит нарушать границы, установленные Илуватаром, – напомнил Линдо. – Однако же Мериль и не отказала еще тебе навсегда.

– Никогда не суждено мне отведать вкус *лимпэ* и узнать блаженство эльфов... – печально вздохнул Эриол.

Гильфанон тем временем начал свой рассказ.

«Многое из древних знаний Земли забыто ныне и утрачено во тьме. Быть может, не всем здесь известно: когда три племени эльдаров последовали за Оромэ, отнюдь не вся раса эльфов покинула Палисор. Тех, кто остался – потерянных фаэри мира – называют «темные эльфы», поскольку они никогда не видели света Валинора. Долгие эпохи мира проносились над ними, пока они жили в сосновых лесах Палисора и смотрели в безмолвии, как отражаются звезды в светлых и тихих Водах Пробуждения. Постепенно явление посланца валаров стало для них лишь отдаленной легендой, а про своих собратьев они говорили, что те ушли на освещенные огнями острова на западе – но многие из них даже никогда не видели волн Великого моря.

Однажды появился среди темных эльфов некий чародей – звали его Туво, и он был наиболее искусен в колдовстве из всех фаэри, что жили вне пределов Валинора. Даже с Мелькором встречался он во время его пленения в Мандосе, и тот научил его многому из черной магии. После бегства Мелькора и гибели Древ Туво ушел странствовать по миру, пока не нашел эльфов, и тогда он остался с ними и научил их многим глубоким тайнам.

Надо заметить, что места вокруг Куивиэнен весьма холмисты и каменисты. Озеро окружено там могучими скалами, и ручей, что питает его, падает из глубокой расселины прозрачным и тонким водопадом. Вода затем утекает из темного озера в бесконечные подземные пещеры, что уходят все глубже и глубже к самому сердцу мира. Там, в немыслимых пустотах глубин, и поселился чародей Туво – но давно запечатаны двери тех чертогов, и никто уже не знает, где вход. Вечно мерцал там бледный свет, синий и серебряный, и многие странные духи сновали туда и сюда среди эльфов.

Один из эльфов по имени Нуин, сметливый и остроглазый, особенно любил странствовать по дальним краям. Однажды в своих скитаниях он добрался до удивительной страны у самого восточного моря, подобных которой он никогда не видел раньше. Стена гор встала перед ним, и пришлось долго искать перевал. Наконец, путь нашелся, темный и опасный, – он проходил насквозь гигантский утес и петлями змеился вниз. С великой осторожностью двинулся Нуин по этой узкой тропе, пока внезапно горные стены не оборвались слева и

справа и ему не открылась обширная долина, словно чаша в кольце высоких нерушимых скал. Границ той чаши он не мог разглядеть в полумраке, но вдруг до эльфа донесся изумительно душистый аромат, каких не бывает и в садах Валинора, и он остановился и дышал им, наслаждаясь. К благоуханию вечерних цветов добавился глубокий смолистый запах многочисленных сосен, наполнивший полуночный воздух.

Далеко в темных лесах на дне чаши вдруг запел соловей, и другие еле слышно ответили издалека. Нуин был переполнен тихим очарованием этой страны грез: открылось ему, что он пересек границу Мурменальды, «Долины Сна», где вечно царит тихий древний сумрак под юными звездами, и никогда не дует ветер. Он спустился глубже в долину, ступая осторожно, завороженный неким странным трепетом. И надо же! – под деревьями в теплых сумерках лежало множество спящих, иные обнявшись, а кто-то в одиночку, и Нуин стоял и дивился, едва дыша.

Вдруг его охватил внезапный страх: он повернулся и бежал из этой священной рощи, возвратился к перевалу и поспешил назад к чертогу Туво. Представ перед древнейшим из магов, он рассказал, что вернулся с востока, и Туво был вовсе не рад таким новостям, а уж тем более завершению рассказа:

– Кажется мне, – заключил Нуин, – что спящие эти были детьми, но статью они были выше эльфов.

Тогда Туво преисполнился страха перед Манвэ, да что там – перед самим Илуватаром, Владыкой

Сущего, и ответил Нуину:

– Истинно, спящие, которых ты нашел, суть новые Дети Илуватара, и они ожидают света. Не должно никому из эльфов будить их или посещать тот дол, да минует нас гнев Илуватара!

Несмотря на запрет, Нуин возвращался в долину снова и снова, и наблюдал за спящими, сидя на камне. Однажды он споткнулся об одного из них – тот пошевелился, но не проснулся. В конце концов, снедаемый любопытством, Нуин разбудил первых из людей, и имена им Эрмон и Эльмир; а когда солнце впервые взошло на востоке, проснулись и остальные, и вышли из Мурменальды, как сонмище сонных детей. Они не умели говорить и были очень напуганы, но Нуин научил их своему языку, и так люди подружились с темными эльфами и стали спутниками и учениками этого древнего народа. Но ни один из богов не явился к людям, чтобы направить их или призвать в Валинор, и оттого они боялись и не доверяли Стихиям, и не понимали голоса Ульмо в ручьях и потоках, и вечно борются с тех пор с миром, в котором живут.

***

Когда боги в древней войне сокрушили твердыню Утумно на севере, они не смогли отыскать все ее подземелья, и многие темные духи укрылись там до времени. Разными путями они выбирались после на поверхность, чтобы тревожить мир: сквозь трещины в скалах на берегах, или подземными реками, что текут невидимо многие лиги, или через голубые арки у края ледников Мелькора. Так Туво стал

защитником эльфов и людей от чудовищ, орков и злых фаэри, но вскоре сила его угасла под лучами солнца, и он навеки укрылся в бездонных пещерах.

Шпионы донесли Мелькору о пробуждении людей, и это показалось ему делом чрезвычайной важности. Под покровом тени он сам лично отправился в Средиземье, передоверив ведение войны Саурону. Эльфы не знали о цели его затеи, но некая тень легла с тех пор на сердца людей, и эльдары видят ее даже в тех, кого числят своими друзьями. Однако Мелькор не довел свой замысел до конца: получив вести о союзе эльдаров и их растущей силе, он был вынужден вернуться в Ангбанд, оставив в Средиземье только несколько приспешников, да и то не самых хитрых и могущественных.

Но слуга Мелькора по имени Фангли со своими гоблинами и гномами все бродил среди людей, пока не посеял в них отчуждение и недоверие к эльфам. Так разразилась Битва Палисора, в которой многие из людей встали на сторону гоблинов и предательски напали на своих учителей, и лишь народ Эрмона бился в ней плечом к плечу с Нуином. Наконец сам Нуин пал от рук гоблинов, а от людей-отступников пошли дикие и свирепые племена в восточных пустынях и южных джунглях, что поклоняются Фангли и Мелькору.

Триста лет долгого мира прошло со времени прихода нолдоров, когда первые люди добрались в Белерианд. Их обнаружил Финрод, который как раз выехал поохотиться в восточные края вместе с сынами Феанора. Устав от погони, он пересек реку Гелион по Каменистому Броду и отправился блуж-

дать в одиночку в долине у подножия Синих гор. Там, на севере Оссирианда, он и услышал однажды вечером песню неизвестного народа и увидел огни костров.

Дождавшись, пока все уснут, король эльфов сел у костра посреди палаток, взял арфу, оставленную вождем племени, и заиграл мелодию, какая никогда прежде не касалась слуха смертных. Люди проснулись и внимали, и каждому казалось, что он очутился в каком-то волшебном сне – видения начала Арды и блаженства страны за морем, о которых пел Финрод, ярко вставали перед их взором. Малопомалу их товарищи присоединялись к ним, но ни один не проронил ни слова, пока не закончилась дивная песня.

Фелагунд остался жить с людьми на время и научил их премудростям эльфов, и они привязались к нему и всегда с тех пор были верны Дому Финрода. Но когда он стал расспрашивать их вождя, Беора, об их появлении на свет и странствиях в мире, тот сказал лишь одно:

– Тьма лежит за нами. Но мы отреклись от нее и не хотим возвращаться к ней даже в мыслях. Наши сердца зовут нас на Запад, и мы верим, что там найдем Свет. Есть и другие, что идут вслед за нами.

Так в Белериand явились три племени людей, которых эльфы назвали «аданы» – они стали союзниками эльфов в их войне и попали в сети рока нолдоров, но память об их подвигах живет среди эльфов до сих пор. Народ Беора, присягнувший в верности Финроду, поселился в холмах Дортониона, на северных рубежах. Люди Хадора Златоволо-

сого стали вассалами Дома Финголфина и получили в дар земли Дор-Ломина в Хитлуме, а народ Халет, знаменитой девы-воительницы, обосновался в лесах Бретиля у реки Сирион и не служил никому».

Когда Гильфанон закончил свою повесть, уже настало время зажигать свечи на ночь, и так первый день Турухальмэ подошел к концу.

Песня освобождения

Зимние холода сковали Одинокий остров, и его сады и лужайки замело сверкающим снежным покрывалом. Все фонтаны утихли, и все деревья застыли в молчании, растеряв свою листву. Далекое солнце бледно просвечивало сквозь туманы, отражаясь от длинных намерзших сосулек. Эриол любовался ледяной луной в морозных небесах над Домом Проигранной Игры, решительно не собираясь пускаться в какие бы то ни было путешествия. Когда над крышами зажигались синие звезды, он навострял слух, однако ни звука флейт Тимпинена не было слышно теперь: ведь тот дух был дыханием лета, и как только подкрадывалась прохладная осень, он садился в свою волшебную серую ладью и ласточки уносили его в далекие дали.

Но даже такому беспокойному прежде страннику, как Эриол, хватало в эти холодные дни и смеха, и радости, и музыки с песнями в домах Кортириона. Пусть снаружи было серо и пасмурно – под крышей был огонь в очаге, и тепло, и танцы, и веселые голоса детей, с которыми Эриол затевал долгие игры в Зале Отыгранной Игры. Однажды, устав от веселья, они устроились на коврах перед камином, и одна маленькая девочка попросила:

– Расскажи мне сказку, Эриол!

– О чем же тебе рассказать, Веаннэ? – спросил

он, и девочка, забравшись ему на колени, предложила:

– Расскажи о людях, и о Средиземье, о твоем доме. У тебя был такой же сад, как и у нас? С цветущими маками и фиалками, как в моем уголке около Беседки Дроздов?

– Это был старинный город людей, и там был замок с высокой башней над рекой – казалось, даже луне непросто забраться так высоко.

– Такой же высокой, как наша башня Ингила? – перебила Веаннэ.

– Не возьмусь гадать, – ответил Эриол. – Много лет уже прошло с тех пор, как я в последний раз видел тот замок, еще мальчиком. Стена нашего города обветшала и потрескалась, ведь обитатели его так долго жили в мире и благополучии. Война пришла внезапно, и наш сонный мир разлетелся вдребезги. Мои папа и мама погибли во время осады, а мне удалось бежать к западному морю, и на его берегах я жил с тех давних дней.

Дети загрустили, слушая о горестях, постигших Средиземье, о войнах и смерти. Веаннэ обняла Эриола:

– Никогда не ходи на войну, слышишь! Или ты уже воевал раньше?

– Да, и навоевался достаточно, – ответил он. – Но не в великих и жестоких войнах королей и могучих держав, что обращают в ничто цветущие земли, и все сотворенное во время мира, и прекрасных дам, и даже таких милых девочек, как ты. Мы сражались маленькими отрядами, нанося быстрые и смелые удары врагу. Но подожди, малышка, а поче-

му мы вообще говорим о таких вещах? Не хочешь вместо этого послушать про мои приключения в морских походах?

Все дети застыли в предвкушении, и Эриол рассказал им о гаванях западных берегов, и о верных товарищах, и о далеких плаваньях, и о хижине древнего моряка:

– Много чародейских тайн открыл он мне о потаенных морях и темных водах, иначе вовек не нашел бы я дороги сюда. Долго и трудно я скитался с тех пор среди западных островов, пока не добрался милостью богов на Эрессэа, – где и рассказываю сейчас тебе, Веаннэ, всю эту историю.

– Расскажи нам еще о море и кораблях! – попросил мальчик по имени Аусир. – Да, а знаешь ли ты, что тот древний моряк в одинокой хижине у моря – не кто иной, как сам Ульмо, владыка морей? Иногда он показывается так мореходам, которые ему по нраву. Тот, кому выпало говорить с ним, наверняка найдет, чем удивить даже жителей Кортириона.

– Неужели? – недоверчиво усмехнулся Эриол. – Поведайте теперь лучше вы мне историю из тех, что слышали сами. Есть еще время, пока Ильверин не позвонит в гонг и не позовет на ужин.

Тотчас Веаннэ приподнялась и захлопала в ладоши:

– Я расскажу тебе сказку о Тинувиэль!

– Кто такая Тинувиэль? – поинтересовался Эриол.

– Разве ты не знаешь? – удивился Аусир. – Лютиэн Тинувиэль – это дочь Эльвэ.

– Дочь Тингола, – поправила Веаннэ.

– Это одно и то же: Вайрэ говорит, что его настоящее имя Эльвэ, так его звали, пока он не потерялся в лесах.

– Не мешай, Аусир! – возмутилась Веаннэ. – Это моя сказка, и я сама расскажу ее. Разве я не видела Мелиан и Тинувиэль своими глазами, когда пускалась в путь по Дороге Сна давным-давно?

– Какой она была, королева Мелиан, раз ты сама видела ее? – спросил Аусир.

– Стройная, а волосы чернее черного, – ответила Веаннэ. – Кожа очень белая, а глаза глубокие и полны сияния. Платье тонкое, черное как ночь, усыпано блестками и оторочено серебром. А когда она пела или танцевала, дрема и сон накрывали тебя с головой. Она ведь была дух из садов Ирмо, что бежала в мир еще до возведения Тириона, и бродила в лесах, и соловьи пели вокруг нее. Эльвэ Тингол вел свое племя эльфов из Палисора вслед за Оромэ, когда услышал музыку ее соловьев. Он ступил под темные деревья, – на минутку, как он думал, – чтобы отыскать источник этих дивных трелей.

Так Тингол увидел Мелиан – она лежала на листьях, любуясь звездами в небе и слушая птиц. Он подкрался и склонился над ней, и сказал себе – «Это создание прекраснее любой из моего народа!» И то была правда – ведь она не эльф или человек, но из народа богов. Тингол попытался коснуться пряди ее волос, но тут сучок хрустнул под его ногой. Она тотчас ускользнула, только тихий смех слышался поодаль. А потом она пела, а иногда танцевала, казалось, прямо перед ним, пока не сморил его аромат чародейского сна. Тингол упал лицом вниз,

прямо под деревья, и спал так долгие годы. А когда он проснулся, единственное, о чем он мог думать – она, королева сумерек. Так они стали мужем и женой и правили с тех пор всеми потерянными эльфами, что не видели света Валинора.

***

Чертог Тингола, Менегрот, был выстроен в огромной пещере со множеством колонн посреди великого леса Дориата. Перед входом во дворец текла река Эсгалдуин, и никто не мог проникнуть в королевские залы иначе как через узкий и тщательно охраняемый мост. Все тропы в Дориат Мелиан укрыла от враждебных глаз и помыслов паутиной волшебных заклинаний, и пророчество гласило, что только измена изнутри сможет погубить королевство. Немало добра скопил король Тингол в своих подземельях: опалы, бериллы и жемчуга, а также щиты, секиры и сверкающие копья, – но превыше всех сокровищ дорожил он своей дочерью Лютиэн.

Не было и не будет девы прекраснее от востока до заката – быстроногой, как птица, и стройной, как ива и тростник. Она носила платье синее, как само небо, вышитое чудесными лилиями; глаза ее были серыми, как вечер, а волосы – темными, как ночь. Ее смех был как сама весна, а красота – как цветущий луг, журчание ручьев и свет на листьях деревьев. Еще Лютиэн любила танцевать в долинах и на травяных полянках под пение зябликов и дроздов, а менестрель Даэрон играл для нее дивные мелодии на своих тонких серебряных флейтах. Он был одним из трех лучших музыкантов, которых знавал

когда-либо Эльфинесс: остальные двое были Тинфанг Трель, что завораживает луну июньскими ночами, и Маглор, сын Феанора, что поет на берегах моря под звуки арфы.

Бессчетные годы Белерианда текли незаметно в эльфийском царстве Тингола, короля буков, дубов и вязов: утра были полны света, а вечера – покоя, и в достатке было радости, веселья и звонких песен, и цветы *элланора* и *нифредила* не увядали в высокой траве. Никто еще не посягал непрошеным на границы леса и не ступал на зачарованные тропы, но уже приближалось время рока, о котором до сих пор поют эльфийские менестрели.

Однажды безлунной зимней ночью огненные струи и удушающий дым внезапно вырвались из Железных гор: так началась Дагор Браголлах, Битва Внезапного Пламени. Перед стеной огня шествовал Глаурунг, отец драконов, и его дыхание было дымный пламень, а чешуя – как полированная бронза. За ним шли балроги, а позади их – черные армии орков в таком множестве, какого никто не видывал раньше. Так была прорвана осада Ангбанда, и враги Мелькора были рассеяны и отрезаны друг от друга. В этой битве Ородрет был изгнан Сауроном из своей башни, а король Финрод Фелагунд был окружен орками у верховьев Сириона. Неминуемая гибель или плен грозили ему, если бы не помощь людей Барахира из Дома Беора: они пробились к королю и ощетинились стеной копий, и он смог пробиться из боя и вернуться в свою крепость Нарготронд.

Слух о прорыве Осады, о войнах и богатствах

Белерианда широко разошелся по Земле, и другие племена людей тоже потянулись на запад – вастаки, смуглые и черноволосые. Менестрели Мелькора в фальшивых эльфийских обличьях (таких называли «каукарэльдар») ходили среди людей и эльфов, вербуя шпионов и сея обман и недоверие. Они распускали слухи об алчности и измене каждого против каждого, и из-за пророчества Мандоса многие нолдоры верили услышанному. Так сыновья Феанора, опасаясь предательства родичей и боясь растущей мощи Врага, заключили с вастаками союз, и Враг был рад этому – все шло по его плану.

С тех пор тень Мелькора тучей расползалась по всему Северу, и его легионы под черными знаменами несли войну, смерть и рабство каждому, кто смел упорствовать. Но в холодных дебрях Дортониона еще держался вопреки судьбе Барахир и его двенадцать товарищей, и среди них – Берен, сын Барахира. Они вернулись с битвы в свой северный край и продолжали сражаться без страха и надежды, преследуемые неусыпной ненавистью Врага, и снискали такую славу, что за голову каждого была назначена королевская награда. Мелькор посылал и солдат, и волков, и диких кабанов, одурманенных заклятиями безумия – но никто не мог найти их тайное убежище.

***

Высоко над темными сосновыми борами, где бурые и бесплодные всхолмья поднимались к заснеженным ветреным вершинам, лежало тихое горное озеро Тарн Аэлуин. Днем синее, а ночью –

как зеркало из черного стекла, оно было окружено шепчущим кольцом стройных серебристых берез, а вокруг простирались болота, где острые скалы реяли над вереском и колючим дроком, словно древние кости Земли. Когда-то это озеро считалось священным, и до сих пор злые твари не появлялись окрест – и именно там, под серыми валунами, изгнанный князь и его верная дружина соорудили себе жилище.

Из всех воинов Барахира самым яростным и безудержным был Горлим Злосчастный. Перед самой войной он женился на светлой деве Эйлинэль и любил ее нежно, но, вернувшись с войны, обнаружил, что его поля и хозяйство сожжены, а дом – пуст и разорен. Черная тяжесть поселилась с того дня у Горлима на сердце: он не знал, какая судьба постигла Эйлинэль – смерть ли, или рабство в далеких краях. В сомнениях он бродил по пустошам и не мог заснуть ночью: может быть, она успела бежать в леса? Может, она жива, и вернется отыскать его, – и не найдя, решит, что он погиб? Оттого иногда, презрев опасность, он по ночам покидал убежище и тайно в одиночку возвращался к своему старому дому. Тот стоял без крыши, разрушенный и холодный, и ни огонька не было видно внутри, и только еще больше горя приносили Горлиму эти напрасные вылазки. И не просто напрасные: у Врага было много шпионов, чьи глаза видели в непроглядной тьме.

В один дождливый осенний день Горлим вновь выбрался навестить дом, притаившись у заросшей сорняками дороги и слушая в сумерках плач холодного ветра. И надо же – посреди ночной темени в

окне забрезжил огонек! Разрываясь между робкой надеждой и накатившим страхом, он подобрался поближе и заглянул в окно. Это была Эйлинель! Она изменилась, конечно, но Горлим узнал бы ее из тысячи. Изможденная горем и голодом, в изорванном платье, а волосы висят спутанными клубками – она плакала и тихонько шептала:

– Горлим, Горлим… Неужели ты бросил меня? Убит, наверняка ты убит, а как же иначе. И теперь я одна, замерзшая, никем не любимая…

Он закричал – и тут же свет погас, и волки взвыли в ночи, а на его плечи легли хваткие лапы исчадий ада. Слуги Врага быстро и жестоко связали его по рукам и ногам и немедля доставили к своему предводителю, Саурону. Владыка волколаков и призраков, могучий некромант и самый жестокий из всех подданных трона Мелькора, он обитал тогда на острове Тол-ин-Гаурхот, но сейчас по приказу хозяина отправился изловить мятежника Барахира. Таким ужасом и лихим чародейством наполнил он окрестные леса, что они назывались с тех пор Таурну-Фуин, «Лес Ночной Тени». Горлима приволокли в мрачный лагерь Саурона, привязали к столбу и подвергли мучительной пытке, стремясь сломить его волю и склонить к предательству. Однако палачи старались напрасно – он не произнес ни слова о Барахире, верный своему обету. Но вот истязания прекратились, и некто в черном вкрадчиво подошел и склонился к пленнику:

– А стоит ли вот так, ни за грош, отдавать свою жизнь, когда всего несколько слов возвратят свободу и тебе, и твоей жене, Эйлинель? Мы отпустим вас

обоих с миром, и вы сможете быть вдвоем, вдали от войны, как друзья Короля. Чего же тебе еще желать?

И Горлим, измученный бесконечной болью и томимый желанием снова увидеть любимую, дрогнул. Тогда его, терзаемого сомнениями, привели к каменному трону, где восседал сам Саурон, – и вот он стоит, один-одинешенек, перед этим темным и жутким ликом.

– Итак, ничтожный смертный, – заговорил Саурон. – Что я слышу? Ты не прочь поторговаться со мной? Ну что же, говори. Назови свою цену.

Горлим низко склонил голову и медленно заговорил – о, как же мучительно давалось ему каждое слово:

– Желаю обрести свободу и воссоединиться с моей женой, светлой Эйлинель, и не участвовать больше в войне против Короля. Больше мне ничего не нужно.

– Ах ты, жалкий раб! – улыбнулся Саурон. – Такая малая плата за такое чудное и позорное предательство. Конечно, ты получишь все, что просишь. Теперь говори, я жду. Всю правду, да поживее!

Горлим отпрянул назад, снова заколебавшись – но грозный взгляд Саурона уже не отпускал его, и он не посмел солгать. Начав, он не мог больше остановиться и рассказал все начистоту о своем князе и его братстве, а закончив, рухнул ничком на землю.

– Вот ведь подлый, пресмыкающийся червяк! – захохотал Саурон в голос. – А теперь встань и послушай меня, и выпей ту сладкую чашу, что я

уготовил тебе. Глупец! Ты видел всего лишь призрака – это я, Саурон, сотворил его, чтобы приманить тебя, одурманенного любовью дурачка. Холодна, знаешь ли, любовь Сауроновых привидений! А твоя Эйлинель давным-давно мертва, мертва и сожрана червями, которые, кстати, куда достойнее тебя. Но ты все же получишь свою плату – отправишься прямиком к Эйлинель в ее постельку, не ведая больше ни войны, ни мужества. Вот твоя награда!

Горлима увели прочь и жестоко казнили, и последним вздохом он проклял сам себя – а тело его бросили в сырую яму, где давно уже покоилась Эйлинель, убитая палачами в сожженном лесу. Так предательство разрушило древнюю благодать, что хранила в тайне Тарн Аэлуин, и все сокрытые тропы и потаенный приют были теперь известны Врагу.

***

Тем временем у озера осенние ветра вовсю завывали в вереске над серой и печальной гладью, пригнав с севера черные тучи. Барахир обратился к сыну:

– Берен, сын мой, ты знаешь о том, что против нас выслан отряд с Гаурхота, а еда почти закончилась. По нашему обычаю, сегодня твой жребий отправляться и добыть припасы и новости у тех немногих, кто еще помогает нам. Пусть удача пребудет с тобой, и возвращайся скорее! Нашему братству нужен каждый воин – теперь, когда Горлим потерялся в лесу или погиб. В добрый путь!

Берен отправился в путь через трясины и топи, но напутствие отзывалось в его сердце мрачным

предчувствием – то были последние слова, что он слышал от отца. Пробираясь через чащу, он видел огни Сауронова лагеря и слышал кличи орков-охотников и рыскающих волков, а на обратном пути заночевал в лесу, забравшись в барсучью нору. Во сне ему грезилось, что снаружи доносится поступь легиона, марширующего к каменному взгорью, и лязганье кольчуг и щитов, а потом он провалился куда-то в глубокую тьму. Задыхаясь, он рванулся вверх сквозь воду – и поднялся из слизи угрюмого пруда под мертвыми деревьями. Их сучья дрожали на холодном ветру, а на них трепетали черные листья. Вдруг каждый лист обернулся каркающей черной птицей, и с каждого клюва падали капли крови. Берен содрогнулся, пытаясь выползти из переплетенных водорослей, но тут вдалеке показалась прозрачно-серая тень – она медленно приближалась, скользя над тусклой поверхностью воды.

– Я был Горлимом, – тихо заговорил призрак. – Преданный предатель, вероломный и сломленный. Уходи, не медли здесь! Проснись и поспеши! Пальцы Моргота вот-вот сомкнутся на горле твоего отца, ведь он знает все ваши тайны. Прости меня…

Призрак, причитая, растворился во тьме – а Берен проснулся, как будто ужаленный огнем и гневом. Схватив меч и лук, он бросился бегом по камням и вереску, и мчался от рассвета до заката – но было поздно. На западе алое солнце опускалось в пламени за горизонт, но воды Аэлуин и скалы вокруг него были красны от крови, и кровь пропитала истоптанную грязь. На ветвях берез сидели рядами черные вороны и стервятники, и темные

капли падали с кусков мяса в их цепких когтях.

– Ха-ха! Опоздал! – прокаркал один.

– Ха-ха-ха! Опоздал! – отозвались остальные.

Берен сложил кости отца под пирамидой камней, и ни руны, ни слова не начертал на ней – но трижды ударил в верхний камень, и трижды прокричал имя Барахира.

– Я отомщу! – поклялся он. – Пусть даже судьба приведет меня к самым вратам Ангбанда.

Затем он повернулся и ушел в ночь один, холодный, как камень, и даже сил не было заплакать: слишком черно было на его сердце, слишком тяжела потеря.

Опытный и бывалый охотник, Берен без труда понял, куда направились враги. А орки, гордые победой, особо и не скрывались: они беспечно маршировали на север, оглашая окрестности ревом бронзовых рогов во славу своего господина. Берен следовал за ними уверенно, но осмотрительно, как быстрая гончая, взявшая след. Наконец уже в сумерках он нашел их у тенистого родника – оттуда вытекала речка и устремлялась с нагорья вниз, в заросшие осокой низины. Укрывшись на склоне холма, он пересчитал врагов: меньше, чем он опасался, но больше, чем он сможет одолеть в одиночку. Осторожно, как змея в вереске, он подобрался поближе.

Многие орки уже спали, уставшие от дневного марша. Но их вожаки, расположившись на траве, еще вовсю пьянствовали и менялись добычей, снятой с убитых воинов. Вот один из них поднял вверх кольцо и заявил с усмешкой:

– Смотрите, братцы, это – мое! Никому не отдам, хоть и мало таких найдется в этих краях. Ведь я снял его с руки того самого разбойника Барахира, когда прикончил его. Если верить басням, он получил его за службу от какого-то эльфийского царька, но толку-то ему с того – все равно помер. Говорят, эльфийские кольца опасны, но я все же оставлю его – золото есть золото, будет мне скромная прибавка к жалованью. Старик Саурон требовал, чтобы я принес кольцо ему, но у него, сдается мне, хватает в казне сокровищ и получше: чем вождь сильнее, тем он и жаднее! Так что зарубите себе на носу: на руке Барахира ничего не было.

Вдруг из-за дерева за его спиной просвистела стрела, и орк замертво рухнул вперед с наконечником, торчащим в горле, подавившись наглой ухмылкой. Берен прыгнул вперед, как суровый волкодав: двоих сразу снес мечом, схватил кольцо, тут же зарубил еще одного, посмевшего вцепиться, – и немедля бросился прочь, растворившись в тенях. С яростными криками орки ринулись в погоню, ругаясь, завывая и скрежеща зубами. Они ломились сквозь вересковые заросли и пускали стрелу за стрелой куда попало, в каждую неверную тень и дрожащий лист, но все зря: Берену нипочем были ни дротики, ни рев рогов, да к тому же на нем была гномья кольчуга, скованная мастерами Ногрода.

***

Берен и до этого слыл бесстрашным бойцом, достойным своих отважных предков: он был скор, как никто из людей, преодолевал без устали и

скалы, и болота, а леса знал не хуже любого эльфа. Но теперь горе наполнило его душу жестоким отчаянием – одиночка без любви и друзей, он дрался без надежды на радость и новую жизнь, но только ради мести, стремясь побольнее ужалить Врага своим разящим клинком. Он искал опасности и не страшился смерти, боясь только плена и рабства – но избежал и того, и другого, а его подвиги разбудили надежду во многих остывших сердцах.

Люди шептали имя Берена – и начинали точить спрятанные мечи, а по вечерам у тайных очагов пели баллады о его луке и мече Дагморе: как Берен прокрался в лагерь и убил вожака орков; как был пойман в своем убежище – но спасся вопреки всему; как появлялся то тут, то там, туманной ночью под луной или при свете дня, убивая тех, кто охотился за ним. Пели о том, как он сразил палача Горгола, как устроил засаду в Ладросе и пожар в Друне, как убил тридцатерых в одиночку в одном бою, а матерые волки бежали от него, как скулящие щенки – да что там, сам Саурон был ранен в руку! Страхом и смертью теперь полнился Дортонион для вражьих солдат благодаря одинокому воину – друзьями ему были лишь буки и березы, да еще глазастые звери и птицы, что выручали его в дикой глухомани.

Но жизнь изгоя тяжела, а Мелькор был королем сильнее всех прочих, что правили в мире после. Все темнее и дальше простиралась его тень, после каждой неудачи следовал новый удар, а на место каждого убитого врага вставали двое. Так надежда вновь умерла, и все повстанцы сгинули в боях, и их очаги погасли, а песни – умолкли. Леса пали под

топорами, вереск и папоротник выгорели пожарами, и только черные легионы орков маршировали через пустоши. Все теснее смыкалось вокруг Берена стальное кольцо, и шпионы Врага шныряли по пятам, и неоткуда больше было ждать подмоги. Нужно было уходить, оставить любимую родину и могилу отца у озерных камышей – или погибать. И вот посреди зимней ночи он пустился в путь, как тень на снегу, проскользнув сквозь кольцо бдительных врагов и оставив позади северные звезды – «Горящий Вереск», как называли старики тот серебряный серп.

Тропа вела Берена на юг, и все ближе нависали грозные пики Горгорат – никто из людей не проходил еще этот жуткий горный хребет. Черная магия таилась там посреди острых скал и отвесных утесов, в долинах, где лежали обманные тени и текли ядовитые ручьи – но с вершин, где парили орлы, можно было разглядеть на пределе людского взора, в серой дымке, как мираж под звездами, эльфийский край Белерианд.

Одинокий, голодный и измученный, Берен спустился по отвесным южным склонам, оставляя кровавые следы на жестоких скалах – но впереди его ждала Нан Дунгортеб, страна призрачного ужаса. В ее тусклом тумане скрывались мрачные лабиринты и храмы древних безымянных богов, что старше самого Мелькора и золотых владык Запада. В темных ущельях обитали огромные мерзостные пауки – порождения Унголиант, старые и могучие, чьи морды подобны птичьим клювам, а глаза сочатся гибельным светом. Душный воздух застыл, как в

ловушке, в их широких паутинах, наполненных черным отчаянием, а на сырых камнях повсюду белели высосанные досуха кости.

С поросших соснами вершин гулко стекали морозные седые водопады – Берен пил их горько-сладкую воду, и она наполнила его безумием. Не было конца этим скитаниям в забытьи по лихим тропам, что жгли его ноги: за каждым новым синим хребтом открывался новый горизонт, а в каждой долине ждали лишь новые битвы с созданиями мрака и бессонные ночи на деревьях, пока злобные многоглазые тени шныряли и вынюхивали внизу.

***

Власть трона Севера тем временем росла и ширилась, и все больше людей и эльфов срывались с насиженных мест или становились рабами, а их твердыни падали одна за другой. Но в Дориат, хранимый магией Мелиан, не было дороги злу, и иные из нолдоров нашли прибежище там, поступив на службу к Тинголу. В лесном царстве по-прежнему зеленела трава и звенел смех, и листья переливались под солнцем; а когда зажигались звезды, дочь бессмертной королевы выходила танцевать под луной в шелковом платье и серебряных туфельках. Тотчас неподалеку пробуждалась невидимая свирель: устроившись среди дубовых ветвей или в листве бука, Даэрон в короне из папоротника наигрывал чарующие мелодии, и какое сердце устоит перед ними?

Был летний вечер, и каштаны роняли вниз свои красно-белые свечи-соцветия, когда Лютиэн

вышла, как бывало, на лужайку в последних лучах заходящего солнца. Кругом стояли темные молчаливые вязы, а в их тени мерцающим туманом светились зонтики болиголова. Луна еще не взошла из-за холма, и малышки-совушки сидели тихо-тихо, а мыши-полевки выбрались из своих нор – тоже послушать, что происходит. Легкая, как перышко на ветру, Лютиэн танцевала под музыку свирели, и ее руки сверкали, как слоновая кость, а длинные волосы струились темным облаком. Быстрый танец нес ее по туманным лабиринтам в сумерках, а внизу переливались светлячки, и шустрые ночные мотыльки беззвучно носились туда-сюда над ее головой на бледных крыльях, сверкая крошечными огненными глазками.

Наконец меж ветвей показалась полная луна, яркая и неспешная. Внезапным восторгом пронзила ночь звонкая песня: Лютиэн научилась ей от соловьев, а ее эльфийская магия превратила их чистые трели в такое завораживающее чудо, что даже луна неподвижно замерла на небе. Недвижно стоял и Берен: он видел и слышал ее, зачарованный до немоты, но исполненный такого восхищения и желания, что вконец помрачили его смертный рассудок. Скованный ее магией, он без сил прислонился к дереву, изможденный, больной и поседевший до срока в тяжком пути. Но теперь новая жизнь исцелила его сердце – и новая боль поселилась в нем. Он все смотрел и смотрел, как лунные лучи запутывались в облаке волос, а свет дрожащих звезд отражался в ее глазах, и ему казалось, что все его одинокие странствия, и голод, и суровые горы – не

слишком высокая цена за то, чтобы очутиться теперь в ночи Эльфинесса перед этой дивной красотой.

Забыв все на свете, Берен шагнул к мерцающей лужайке: любовь и изумление властно вели его вперед, а в душе разгоралась музыка и тысячи неспетых песен на непридуманные темы. Он вышел из тени, сам как тень в ярком свете луны, – и тотчас флейта умолкла, как жаворонок перед крутым виражом, как кузнечик в траве, что заслышал тяжелые шаги.

– Беги, Лютиэн! – крикнул Даэрон из своего укрытия. – Чужак бродит в наших лесах, беги!

Лютиэн, удивленная, не спешила: она ведь никогда и ничего не боялась прежде. Но теперь внезапный испуг охватил ее при виде темной фигуры со спутанными космами и длинной тенью позади – и она бросилась прочь, скрылась под высокими стеблями болиголова, и лишь отражение белого шиповника в ее волосах задержалось лунным инеем на глади пруда. Берен все взирал, сраженный немотой, на опустевший луг в кольце безмолвных деревьев, а потом вслепую двинулся сквозь тени на опушке. Она всмотрелась сквозь завесу темных листьев – вдруг неожиданно он дотронулся до ее нежной руки, и она вспорхнула, как потревоженный мотылек, и юркнула в темные заросли, кружась хитрым узором вокруг стволов, как умеют только эльфийские танцовщицы. Зачарованный и сбитый с толку, Берен остался далеко позади, спотыкаясь и собирая синяки и царапины. Много позже он вышел к берегу реки – и понял, что остался один:

– Вот и разлучила нас темная вода. Это ли конец моих троп? Голод, одиночество и безжалостный колдовской ручей…

***

Лето прошло, и засияла яркая осень, а Берен так и бродил в лесах, дикий и осторожный, как фавн, скрываясь от солнца, но подмечая все, что живет и движется вокруг. Жужжание крыльев, клики птиц, стук капель дождя по листьям наверху, шорохи ветра и скрип сучьев – ничто не ускользало от его слуха, но никак не находил он той, что искал, и ее соловьиной песни в лунном сиянии.

Наступила зима, и буки устлали землю алыми листьями, а сырые туманы дни напролет оседали серыми каплями на кончиках ветвей. Берен продолжал искать – на рассвете и на закате, ночью и днем, но ни звука не было в студеных логовинах, кроме его собственных шагов по жухлой листве. Вот ледяной ветер зимы разогнал туманы и стих, оставив морозные купола небес строгим чистым звездам. И надо же – светлая искра показалась среди мрачных деревьев, пронзительно яркий проблеск: это была Она! И она танцевала, одна-одинешенька, на голом каменистом пригорке, словно холодное зимнее пламя в синем плаще.

Не прекращая танца, дева спустилась вниз и прошлась перед его молчаливым взором, как просверк звездного огня, и снежинки взлетали из-под ее ног. Где-то закричала поздняя птица, а замерзший родник проснулся и весело зажурчал, но Берен все стоял, скованный волшебством, наблюдая, как ее

сияние растворяется в ночи. Вновь послышалась свирель Даэрона, и дева ответила еле уловимой песней – той самой, что и прежде. Он подкрался поближе, таясь за деревьями, пока в сердце его боль сплеталась с наслаждением.

А потом настала последняя зимняя ночь, и Лютиэн вновь пела в одиночестве, в ликующем танце – до самого восхода весны. Вот она завела странный колдовской распев, волнующе дикий, – и оковы немоты спали с Берена, сменившись радостной и отчаянной смелостью. Он тоже вышел плясать, раскинув руки, сам не зная как, пока зачарованные ноги несли его к ней, туда, на зеленый холм. Он распахнул объятия – но они остались пусты, она ускользнула вновь на легких белых ножках, и тогда он позвал ее, позвал именем соловья на эльфийском наречии:

– Тинувиэль! Тинувиэль!

Его звонкий голос раскатился, как эхо колокола, по окрестным лесам – и такая любовь и мечта были в нем, что она задержалась на мгновение, позабыв страх. Всего на мгновение – но он уже был рядом, как скорое пламя, обнял эльфийскую деву и поцеловал ее. Звездный свет задрожал в ее глазах, когда внезапное чувство настигло ее – о, что за безумие для прекраснейшей девы Эльфинесса! Уже занимался день, и она высвободилась из объятий и бежала прочь.

Берен остался лежать на прошлогодних листьях, в забытьи блаженства и чар эльфийского поцелуя, а перед его гаснущим взором все еще сиял свет красоты, что не погасит никакая тьма, пусть даже

весь мир обратится пеплом. Он провалился в туманные бездны сна – тень любимой и чудный аромат были и растаяли, и радость сменилась горем разлуки. Дневной свет разбудил его, замерзшего и одинокого, и он позвал:

– Где же ты? Тинувиэль, о милая дева, заплутавшая звездочка! День без тебя лишен смысла, и свет солнца черен, и нет тепла в воздухе. Цветок страны эльфов, слишком нежный для смертного сердца… Леса пусты без тебя! Весна умерла, не успев родиться!

Он блуждал по тропам леса и глубинам собственной души, как будто ослепнув, пытаясь нащупать дрожащими руками тайный огонь в непроглядном мраке – так началась его расплата болью за бессмертную любовь Лютиэн, за великий рок, что связал их отныне воедино нерушимой цепью. Вопреки надежде, она вернулась под вечер, когда костры звезд снова разгорелись в небесах, и они снова отражались в ее глазах, и зарницы сумерек плясали на ее лице, а волосы пахли цветами эльфийских долин. Он звал – и она пришла, и он взял ее тонкую руку в свою, а потом она обняла его и убаюкала усталую голову на своей груди. Вечер за вечером она находила его, и не хотела уходить, но кружилась перед ним до самого серого рассвета, и дразнила, смеясь:

– Потанцуй со мной, Берен! Покажи, что твои ноги не только для походов в поднебесных горах, давай же!

Так Берен выучился новому искусству под буками и вязами при свете луны, а его глаза зажглись

новым чародейским светом, и они танцевали вместе в такт, уверенно и беззаботно, смеясь и распевая песни на заросших цветами полянах. Весна сменилась летом, и время пролетало незаметно для двух влюбленных, пока однажды ночью их не увидел Даэрон – две сплетенные тени там, где прежде танцевала одна. Горящими глазами он наблюдал за их нежным танцем, укрывшись в сумраке под густыми ветвями:

– Как ты жестока, лесная страна! Страх и молчание – отныне твой удел. Не играть больше моей флейте, не быть больше радости и веселью среди деревьев.

***

Молчание опустилось на замершие рощи и долины, и эльфы в недоумении перешептывались между собой:

– Кто сплел это заклятье тишины? Что случилось с музыкой Даэрона? Птицы поют вполголоса, и река совсем не журчит, и ветра не слышно в листьях, и даже пчелы летают беззвучно!

Вести об этом дошли и до короля, и он призвал Даэрона к себе. Травяной престол Тингола стоял у серых корней Хирилорна, величайшего в мире бука с тремя стволами, что рос на берегу реки у ворот в его подземную твердыню. Даэрон явился на зов и молча встал посреди лесного народа.

– О славный Даэрон, волшебное сердце и владыка музыки, что означает эта тишина? – осведомился король. – Уж не Оромэ ли, бог леса, грядет вновь со своими рогами и охотниками из заморских

чертогов? Давно не видали здесь его коня с золотыми копытами, а было бы очень кстати…

– Увы, нет. Но иной гость появился здесь, и леса застыли в молчании, дивясь тому, что не бывало раньше, что неведомо королям – но открыто, быть может, девам и королевам.

– Что за загадки? – осерчал король. – Говори яснее! Кто этот иноземец, как смеет он бродить здесь, чужой моим дубам и букам?

Но Даэрон взглянул на Лютиэн и не проронил больше ни звука, хоть лицо короля и потемнело от гнева. Тогда Лютиэн сама шагнула вперед:

– За горами севера, отец мой, лежит страна, что стонет ныне под рукой короля Мелькора. Оттуда пришел к нам путник, измученный войной и дорогой, последний из потомков Беора, непокорное сердце и несломленный меч. Не бойся его и не думай плохого – это Берен, сын Барахира из рода князей, не какой-нибудь раб! Пообещай не причинять ему вреда, и я приведу его в твой чертог.

Долго смотрел на нее король Тингол, и никто вокруг не смел пошевелиться или сказать хоть слово. Наконец он произнес:

– Ни клинок, ни цепи не грозят ему, в том клянусь. Он пришел из дальних краев, может, и для меня у него найдутся новости. А может, и у меня для него найдется словечко-другое.

На этом король велел всем разойтись, но Даэрона подозвал к себе:

– Что за чародейство принес нам этот непрошеный чужак с туманного Севера?.. Слушай меня. Ты ведь знаешь Дориат вдоль и поперек. Сегодня

ночью тайно присмотришь за моей дочерью, Лютиэн, – какое Мелькорово безумие опутало ее? Проследишь, чтобы она не уговорила этого Берена бежать восвояси. Я хочу видеть его! Возьми с собой лучших лучников, и будьте начеку.

С тяжелым сердцем Даэрон подчинился и расставил тайную стражу в лесах вокруг. Но напрасно: той же ночью Лютиэн привела Берена под золотым светильником луны прямиком к мосту над рекой, что вел в чертог ее отца. Врата зияли темнотой в ожидании, но она взяла его за руку и повела по резным коридорам все дальше вниз.

На каждом повороте туннелей висели фонари или факелы в оправах в виде драконов, выточенных из камня и украшенных самоцветами и костяными клыками. Вдруг глубоко под землей тишину нарушили серебристые трели, и казалось, сами скалы звенят им в ответ: это запели птицы Мелиан. Своды подземелья раздались вширь, и изумленному Берену открылся лес каменных стволов, сплетающихся под потолком ажурным узором ветвей из зеленых самоцветов. Бессмертный свет просвечивал оттуда, плененный посреди неисчислимых листьев на золотых черенках. Обширный высокий свод украшали созвездия, выложенные серебром и драгоценными камнями. Из каменного пола били фонтаны, а в светящихся альковах из неувядающих цветов над головой королевы пели соловьи.

Рядом с Мелиан на троне, сработанном из слоновой кости, сидел Тингол. На нем был зеленосеребристый венец, а кругом стояла стража в сверкающих доспехах. Берен взглянул на короля и

остановился, потрясенный; тут же кольцо стражников сомкнулось вокруг. Берен опустил глаза, не в силах вынести взгляда королевы, а король вопросил неспешно и величаво:

– Кто ты, пришелец? Знаешь ли, что никто не приходит к моему трону непрошенным, а если и придет, то уже вовек не покинет эти каменные чертоги?

Берен молчал, скованный благоговением, но Лютиэн ответила за него:

– Узри, отец, это Берен, сын Барахира! Ненависть преследовала его, как пламя, врага наших врагов, который не преклонил колена перед Мелькором. Отчего же бояться ему твоего гнева?

– Пусть Берен говорит! – велел Тингол. – Отвечай, что ищешь здесь, смертный бродяга? Как посмел тайно, незваным, проникнуть в этот лес, как сумел одурачить мою дочь? Надеюсь, причина достаточно весома, иначе не видать тебе больше света дня!

Берен взглянул в глаза Лютиэн – там плескалась глубина звездных небес, и медленно перевел взгляд на Мелиан. Вдруг бесстрашная древняя гордость проснулась в нем, сокрушая лабиринт немого трепета, а в глазах засветился ледяной гнев:

– Судьба привела меня, о король, кровавой тропой через горы, и я нашел здесь то, чего и не искал: любовь связала меня незримыми узами. Я желаю получить твое величайшее сокровище – твою дочь, Лютиэн, что прекраснее всех дочерей человеческих; и ни каменные стены, ни сталь, ни пламя Моргота, ни все могущество Эльфинесса не

укроют от меня этот драгоценный дар.

В зале воцарилась такая тишина, что казалось, все присутствующие обратились в каменные статуи. Лишь одна из них уставила очи долу, и один горько рассмеялся – Даэрон, побледнев и обхватив хрупкими пальцами замолкшую флейту, прислонился к колонне, и глаза его заволокла тьма, а сердце жгло огнем.

– Смерть ты заслужил себе в дар! – не выдержал король. – Подлый смертный, что выучился в царстве Мелькора шнырять и шпионить, подобно лиходейским оркам!

– Смерть… – откликнулся эхом Даэрон, тихо и яростно, а Лютиэн, дрожа, потрясенно выдохнула.

– И смерти бы ты отведал, – продолжил Тингол, – не поклянись я поспешно не причинять тебе вреда клинком и цепью. Ну что же, цепей и не понадобится: вовеки бродить тебе отныне, связанному магией, в темном лабиринте глубин. Там и познаешь ты могущество Эльфинесса!..

– Не бывать тому! – холодно прервал короля Берен. – Что есть лабиринт, как не цепь для слепого пленника? Не играй своей клятвой, король эльфов, как бесчестный Моргот. Клянусь этим кольцом – даром Фелагунда Барахиру за спасение его жизни в битве Севера – незаслуженной казнью ты можешь казнить меня, но я не потерплю таких слов: «подлый», «шпион», «раб Моргота». Разве таков обычай дворца Тингола?

Дивясь гордым речам, все обратили взоры на зеленые камни, что горели в кольце Берена. Нолдоры поместили их в глазницы змей, что сплелись под

короной из золотых цветов: одна змея защищала корону, а другая пожирала. Гнев короля поостыл, но отнюдь не унялся, и мрачные мысли овладели им. Мелиан, встревоженная, наклонилась к нему и прошептала:

– Умерь свою гордыню, повелитель! Не от твоей руки суждено пасть Берену: нить его судьбы ведет далеко от твоего чертога, но все же связана с твоей. Прошу, послушай мой совет!

Но Тингол смотрел лишь на Лютиэн: неужели жалкому мимолетному смертному из рода мелких князьков суждено любить прекраснейшую из эльфов? Не может быть, что она тоже любит его – здесь не обошлось без неких лихих чар, не иначе. Наконец он заговорил:

– Я вижу твое кольцо, о богатырь среди людей. Но чтобы получить дочь Мелиан, недостаточно отцовских подвигов и заносчивых речей, хоть я и впечатлен ими. Есть и у меня драгоценность, которой я желаю – но каменные стены, сталь и пламя Моргота охраняют ее от могучих Эльфинесса. А теперь я слышу, такие преграды не страшат тебя? Что ж, отправляйся в путь и принеси мне сияющий Сильмарилл из короны Моргота, и тогда получишь руку Лютиэн, буде она того пожелает.

Воины Тингола расхохотались, посчитав слова короля шуткой: все знали славу Сильмариллов Феанора, что сияли теперь в железной короне в адских подземельях Ангбанда. Превыше всех сокровищ берегли их бессчетные врата, прочные затворы и легионы орков с алыми ятаганами. И Берен рассмеялся тоже, горько и громко:

– Дешево же продают дочерей эльфийские короли – за золото и побрякушки… Если такова твоя воля, я исполню ее: когда я вернусь, Сильмарилл будет в моей руке. Прощай, Лютиэн, звездная дева, цветок под небесами! Зима не успеет пройти, как я вернусь за тобой.

Поклонившись королю и Мелиан, он повернулся, раздвинул кольцо стражи и ушел прочь, и шаги его все тише раздавались в гулких коридорах, пока совсем не умолкли.

– Какое вероломство, отец! Как же твоя клятва? Мечу и оковам ты обрек его в подземельях Мелькора! – вскричала Лютиэн, и слезы дождем полились из ее глаз, а сердце зашлось от ужаса. Все отвернулись, навсегда запомнив этот тяжкий день: ведь Лютиэн никогда не пела больше с тех пор. Наконец холодный чистый голос Мелиан нарушил молчание:

– Сколь хитроумный замысел, о король! Но если мои глаза не обманывают меня, провал Берена ты почтешь за благо? Благо для тебя, быть может. Но жестокий рок ждет твою дочь, горе и скитания в глуши.

– Я не продам любимую дочь никому из смертных, – отрезал король. – Если он еще раз заявится живьем в мой дворец, никогда больше ему не выйти наружу.

Мелиан улыбнулась, но в глазах ее притаилась грусть предвидения, горькая участь мудрых.

***

Берен направился вниз по течению Эсгалдуи-

на, пробираясь через сырой зябкий лес. В болотистых тростниковых заводях Полусветного Озерья лесная река встречала широкий седой Сирион, чьи бледно-серебристые воды величаво катились к морю. За пеленой дождя одинокий странник различил на дальнем берегу цепь безлесных холмов, открытых западным ветрам: он знал, что там за водопадами скрывается извилистый путь в Нарготронд, тайное королевство Финрода. Берен помнил и о бессонной нолдорской страже на башнях над холмами, и о лучниках в лесу, что разили без промаха непрошенных гостей, но упрямо двигался вперед. На руке его ярко сияло заветное кольцо, и он кричал время от времени:

– Я не орк-бродяга и не шпион! Я Берен, сын Барахира, что был другом Фелагунду!

Вдруг вокруг него сомкнулось кольцо лучников в зеленом. Увидев кольцо, они поклонились чужеземцу, хоть его одежда и была бедной и поношенной, и повели его в ночи на север. Пещерная твердыня Фелагунда располагалась прямо на высоком дальнем берегу, но здесь через Нарог не было ни моста, ни брода, поэтому переправляться пришлось севернее, где поток был еще не так глубок и широк. Оттуда Берен и стражники направились прямиком к террасам и исполинским дворцам Нарготронда. При свете тонкого месяца они подошли к могучим темным вратам в тени высоких деревьев, в арке из тяжелого камня и дерева. Створы отворились, и Берена сразу провели к трону, где сидел король. Фелагунд встретил его приветливо: двери зала закрыли, и они долго сидели вдвоем, вспоминая

былые войны и походы. Берен рассказал королю о Дориате, и о красе Лютиэн, и о тяжкой задаче, что в насмешку возложил на него Тингол. Финрод слушал в изумлении, а в конце заметил:

– Похоже, Тингол хочет твоей погибели. Негасимое пламя зачарованных камней проклято вечной клятвой – только сынам Феанора по праву принадлежат они. Тингол не может надеяться удержать самоцвет, да он и не король всего Эльфинесса. И все же ты говоришь, что ничто меньшее не купит тебе возвращения в Дориат? Даже не считая Моргота, ненависть сынов Феанора будет преследовать тебя повсюду – они убьют тебя раньше, чем ты успеешь положить камень к ногам Тингола и исполнить свою мечту. Двое из них, Келегорм и Куруфин, обитают сейчас здесь, в самом моем царстве, и хоть я и король, множество их собственных воинов послушны только им. Они были мне друзьями во всем, но если они услышат про твою миссию, не жди от них сочувствия!

Финрод оказался прав. Когда он собрал своих подданных и поведал им о своей клятве Барахиру и участи Берена, сердца многих вновь зажглись жаждой битвы. Но вот посреди толпы поднялся некто с горящими глазами, сверкающими волосами, суровым ликом и ярким мечом: сам гордый Келегорм. Он потребовал слова, и все, умолкнув, обратились в слух.

– Будь то враг или друг, демон ли, эльф или человек: ни закон, ни любовь, ни чары, ни сила Ада, ни могущество богов не защитят от сынов Феанора того, кто утаит от нас, схоронит или возьмет в свои

руки Сильмарилл. Они наши по праву, наши и ничьи больше, эти трижды зачарованные камни!

Келегорм говорил долго и страшно, как и его отец когда-то в Тирионе. Но если Феанор своей речью зажег сердца огнем, то сын его поселил в нолдорах темный ужас: он предрекал войну друга против друга, и алые реки крови, что прольются в Нарготронде, и разрушение Дориата, если достанется Тинголу роковой дар. Такова была мощь его слов, что даже самые преданные теперь гневно роптали и упрекали Финрода за его клятву, а мысль о походе в логово Мелькора наполняла их страхом и отчаянием. Келегорм умолк, но брат его Куруфин продолжил, и столь искусно было его красноречие, что никогда больше до самых дней Турина не выходили эльфы Нарготронда на открытую битву, но лишь чарами и отравленными дротиками разили чужаков из тайных засад под покровом ночи.

Видя, что подданные больше не подвластны ему, Финрод снял свою серебряную корону и бросил ее к ногам:

– Вы отрекаетесь от своей клятвы, но я буду верен своей, пусть даже это стоит мне королевства. Если найдутся еще здесь храбрые сердцем, то они пойдут со мной, чтобы не ушел я один, как нищий, отвергнутый своим народом, лишенный города, страны и короны!

При этих словах рядом с Финродом встали десятеро: закаленные рыцари из королевского Дома, что сражались прежде под его знаменами. Один из них наклонился, поднял корону и ответил:

– Мы оставим наш город, раз так велит судьба,

но не оставляй его без законного государя. Назначь себе наместника своей волей!

Тогда Финрод возложил корону на голову Ородрета и провозгласил:

– Брат мой, она твоя до моего возвращения.

– Твоя затея напрасна, – настаивал Келегорм. – Даже если ты достигнешь цели, мы не потерпим, чтобы ты или этот смертный владели Сильмариллом. Все братья поднимутся и скорее убьют тебя, чем допустят это. А если он достанется Тинголу, то мы сожжем Дориат дотла, пусть даже ценой нашей жизни. Ибо мы дали Клятву.

– Я тоже дал клятву и исполню ее, – ответил Фелагунд. – И вот что я скажу тебе, Келегорм жестокий: предвидение открылось мне в этот час. Клятва поглотит вас, но ни ты, ни один из сынов Феанора не получит Сильмариллов до самого конца света.

Келегорм вышел вон, не сказав больше ни слова, а Куруфин лишь с улыбкой отвернулся.

***

Так двенадцать храбрых вышли из Нарготронда тайной тропой на Север. Кольчуги их были зачернены, а серые шлемы укрыты темными капюшонами, и ни трубы, ни песни не провожали их в угасающий день. Они шагали вверх по течению порожистого Нарога, пока не добрались до самого истока – кристально-чистого водопада, что вытекал из озера Иврин, в глади которого грозно и безрадостно отражались горы Тени.

Много ночей странники таились в предгорных чащобах, где ветры осени уже шелестели в сучьях и

листья, опадая, кружились бурыми шуршащими вихрями. Наконец они услышали в темноте далекие голоса и скрипучий смех, а потом донесся и барабанный топот уродливых лап. Вот уже рядом показались багровые фонари: качаясь, они отражались на копьях и гоблинских ятаганах, освещая мерзкие смуглые рожи. Над отрядом орков вились летучие мыши, а в ветвях наверху слышалось призрачное уханье совы.

Осторожно, как крадущиеся лисы, Берен и эльфы следовали за ватагой, пока орки не остановились на привал. В отблесках костра они насчитали тридцать врагов и бесшумно, один за другим, рассредоточились за деревьями вокруг поляны. Каждый медленно натянул тетиву и наложил стрелу, а потом – рраз! – Финрод подал сигнал, луки пропели, и двенадцать орков свалились замертво. Теперь луки отброшены прочь, а орки, вопя и хрипя, все падают и падают под быстрыми ударами мечей.

Битва под деревьями закончилась быстро, и из орков не ушел ни один: не осквернять им больше измученную землю разбоем и убийством. Но эльфы не пели победных песен: опасность грозила им, ведь такие маленькие шайки никогда не отправлялись воевать в одиночку. Они быстро сорвали с поверженных врагов одежду и сбросили тела в яму. Таков был отчаянный план Фелагунда: он велел своим спутникам одеться в гнусную орочью форму и взять их отравленные копья, рога и кривые ятаганы. Руки и лица они намазали темной краской, а волосы искусно спрятали под черными гоблинскими космами, срезанными с вражьих черепов. И вот уже они

стоят, с ужасом глядя друг на друга, а Финрод заводит протяжное заклятье превращения: уши их сделались уродливыми, рты превратились в разинутые пасти, а зубы – в острые клыки. Спрятав нолдорскую одежду, они снова устремились на север, след в след за жутким гоблином, что еще недавно был эльфийским королем.

Другие орки встречались им по пути и приветствовали их, как своих, и уверенность эльфов крепла с каждой пройденной милей. Долгий путь привел их к долине у границ Белерианда, где беспокойные серебряные струи Сириона разделялись и смыкались вокруг каменного острова. Он возвышался одиноко посреди долины, словно валун, что скатился с далеких гор в незапамятные времена, потревоженный поступью великанов, а быстрое течение выточило пещеры в его крутых берегах.

На острове, который прежде назывался Тол Сирион, издревле стояла эльфийская сторожевая цитадель – она была и осталась прекрасной, но зловещая угроза исходила теперь от нее. Из ее южных окон открывался вид на туманный Белерианд, а из северных – на мрачные земли по ту сторону долины. Там простирались пыльные дюны иссохшей пустыни, а вдалеке над горизонтом клубились тучи, окутывая грозные вершины Тангородрима. На много миль вокруг не было другого пути на север – до самого ущелья Аглон на востоке, которое защищали сыны Феанора. А в башне на острове обитало ныне бессонное зло: Саурон собственной персоной. Лихое и черное чародейство творил он там, подчиняя своей власти привидения и

бродячих духов, и сонмы изуродованных магией чудовищ готовы были вершить волю некроманта. Тол-ин-Гаурхот, или остров Оборотней, – так называлось теперь это место, и волчий вой неумолчным эхом катился оттуда по окрестным холмам.

Берен и эльфы осторожно двинулись по опушке леса под раскидистыми низкими ветвями, но огненные очи Саурона заметили их издалека. Он наблюдал за ними из окна башни, и задумчивое подозрение росло и крепло в нем.

– Приведите-ка мне этих орков-пройдох! – кликнул он своих волков. – Странно они ведут себя: крадутся мимо, как будто боясь чего-то, вместо того, чтобы явиться прямо ко мне с докладом, как заведено.

Стая волколаков окружила путников, и недобрые предчувствия заполонили их. Вот они идут, медленно и угрюмо, по каменному мосту – на чародейский остров, к трону цвета запекшейся крови.

– Где были, слуги Мелькора? Что видели? – осведомился Саурон.

– Были в Эльфинессе: кровь там льется, и пламя полыхает, и плачем земля полнится. Тридцать врагов мы убили, а тела бросили в яму на потеху сычам и стервятникам.

– Так доложите мне, что творится в Эльфинессе. Что насчет Нарготронда, были там? Кто сейчас там правит?

– Были, но только на границах. Король Фелагунд правит там.

– Как, разве вы не слыхали? Фелагунд ушел, и

Келегорм нынче сидит на троне.

– Это неправда! Если Фелагунд ушел, то Ородрет сидит на троне!

– Острые же у вас ушки: в стране не были, а все новости знаете. Кто вы, храбрецы-копьеносцы, кто ваш командир? Назовите ваши имена.

– Нас зовут Нереб и Дунгалеф, и с нами десять бойцов, идем со срочным заданием. Предводитель Болдог ожидает нас в обители пламени…

– Болдог? – удивился чародей. – Так он же убит недавно, насколько я знаю, на границах Дориата, где бандюга Тингол шныряет в лесу со своей разбойной шайкой. Слышали вы про эту миленькую фею, про Лютиэн? Белое тельце, сама краса-раскрасавица – Мелькор хотел ее для себя лично. Послал Болдога, а тот взял и погиб: странно, что вас при нем не было. А что это Нереб так насупился, глядит мрачно? Неужто из-за малышки Лютиэн? Его не радует мысль о том, как его повелитель получит деву в свою сокровищницу, как осквернит ее чистоту, как станет мраком то, что было светом?

Ответа не было, и Саурон повысил голос:

– Кому вы служите, Свету или Тьме? Кто царь земных царей, даритель золота и колец, величайший творец и властелин Земли? Кто украл блаженство у жадных богов? Смотреть прямо, орки Мелькора, повторяйте вашу присягу! Смерть свету и солнцу, проклятие луне и звездам! Древняя тьма, что ожидает вовне, – да сокрушит холодом Манвэ и Варду!

Конечно, ни один свободный эльф или человек не повторит подобного святотатства, и Берен

процедил:

– Да кто такой Саурон, чтобы задерживать нас? Мы не ему служим, не перед ним и ответ держим. Нам пора идти!

– Терпение! – рассмеялся чародей. – Недолго вам осталось. Но сперва я спою вам песню, слушайте внимательно.

Он уставил на них свои пламенеющие глаза, и тотчас непроглядная тьма сомкнулась вокруг. Саурон запел чародейское песнопение, пронзающее и срывающее все покровы, песнь дознания и предательства – все их чувства задохнулись и утонули в водовороте мрака, и только огненные очи колдуна видели они сквозь мглистую пелену. Но Фелагунд, пошатнувшись, ответил: его песня звала стоять твердо и бороться, хранить тайны и верность друзьям, и в словах ее сплетались сила и свобода, избавление и перемена обличья, разбитые ловушки, распахнутые тюрьмы и разорванные цепи.

Ударами и ответами звенели их песни, то вздымаясь, то умолкая, но голос Саурона все нарастал и крепчал. Финрод не сдавался, и вся мощь и магия Эльфинесса звучала теперь в его словах. Казалось, в них слышались чудные трели птиц Нарготронда, и дыхание далекого моря, и шепот волн – там, за пределами Запада, на жемчужном песке Эльдамара. Но вот тьма сгустилась над Валинором, и красная кровь потекла у моря, пролитая нолдорами ради белых кораблей под белыми парусами. Взревел ветер, и завыли волки, и стервятники поднялись в воздух, и лед заскрежетал в морских заливах. В Ангбанде зарыдали несчастные рабы,

прогремел гром, и полыхнуло дымное пламя – и Финрод рухнул наземь без чувств.

В тот же миг Берен и эльфы обрели свой прежний облик, светлый и ясноглазый, и оказались теперь в полной власти колдуна. Исполненных горького отчаяния, их отвели в подземелье и сковали цепями и путами, разъедающими плоть. Однако и заклинания Фелагунда были спеты не зря: Саурон так и не узнал ни их имен, ни цели путешествия. Долго он размышлял над этой загадкой и допрашивал их, угрожая жестокой смертью всем, если хоть один не выдаст тайны. Но никто не произнес ни слова.

Тогда чародей решил так: волки-оборотни будут приходить в темницу и пожирать пленников одного за другим, на глазах у всех остальных, а последнего подвесят на дыбу и медленной пыткой будут выворачивать ему руки и ноги, пока не заговорит. И стало по слову его: время от времени в темноте зажигались два глаза, и узники слышали жуткие крики, а потом звук рвущейся плоти, чавканье на полу и запах свежей крови. Но ни один не сказал ни слова.

***

В Дориате тем временем дела шли своим чередом. Проклятье тишины покинуло леса, но ни флейты Даэрона, ни песен Лютиэн больше не звучало в них. Дни напролет она сидела одиноко у глубоких быстрых вод реки, где Берен остановился когда-то, и шептала в тоске:

– Все бежит и бежит темная вода… Это ли ко-

нец моей любви? Горе, одиночество и безжалостный колдовской ручей…

Закончилось лето. Капли дождей застучали по листьям в кронах, и ветви заскрипели на ветру, а Лютиэн все вспоминала, как он звал ее когда-то – «Тинувиэль!», и древнее имя соловьев далеким колоколом отзывалось в памяти. Но ни зов, ни эхо не тревожили больше лесную тишь. Наконец она обратилась к Мелиан:

– Поворожи мне, мама, расскажи хоть что-нибудь. Что видят твои глаза, что подскажут чары? Жив ли он, где странствует, каких врагов борет? Под солнцем или под дождем, в горах ли, в пустыне?

– Увы, дитя мое, боюсь, что тюрьма ныне – его удел, цепи и жестокие заклятия Повелителя Волков. Берен пойман, и скован, и только твоя песня снится ему.

– Тогда я пойду к нему. Одна. Что мне ужас черных подземелий? Ведь никто больше во всем мире не подумает о нем, не спасет его.

Мелиан промолчала, и Лютиэн заплакала вновь, эльфийская дева, что не знала доныне ничего, кроме радости и песен – но и то, и другое давно оставили ее. Она побежала в леса, как загнанный олень, и страх бился в ее глазах. Даэрон сидел там молчаливо, в венке из папоротника, на бурых буковых листьях. Она рухнула на землю рядом с ним:

– Ах, Даэрон, Даэрон, вспомни наши былые дни, сыграй мне что-нибудь, развей отчаянье, успокой сердце! Ни света, ни счастья нет больше в этом мире…

– Где взять ноты для погибшей музыки? – ответил он, стиснув пальцы. Но все же поднял флейту и попытался сыграть. Все вокруг замерло, забыв свои дела, забыв всякий покой и радость, когда мелодия горькой тоски, дрожа, полилась в воздухе – а у Лютиэн даже не осталось слез.

– Друг мой, мне нужны друзья, как никогда, – молвила она, когда он перестал играть, и рассказала ему о словах Мелиан. – Я пройду и горы, и огонь, и все пустоши царства Севера, где правит злое чародейство. Но я не знаю дороги. Ты не поможешь мне? Покажи хотя бы путь, а может, отправимся вместе?

– Отчего же Даэрону отправляться в опаснейший путь на Земле ради того, кто украл его счастье? Что мне с того, что Берен, сын Барахира, заточен в подземельях? Родной лес стал теперь оковами для меня, темными и тяжелыми. Но я спасу тебя от опасностей и превратностей дальних скитаний, это я обещаю.

Лютиэн грустно поблагодарила, не разгадав смысла его слов, и оставила его. Она взобралась на высокое дерево и карабкалась вверх, пока ветер, что гулял над вершинами леса, не разметал ее черные волосы. Там она вгляделась изо всех сил в призрачный горизонт: посреди туч едва виднелись скалистые вершины гор Тени, серые и холодные, а под ними распахнулись бескрайние далекие просторы.

Даэрон же отправился прямиком к королю и рассказал ему все о замыслах его дочери, о сумасбродстве, которое наверняка приведет к погибели. В гневе и изумлении воззрился на него Тингол:

– Я ценю твою верность, отныне и навсегда! Быть тебе князем буков и вязов, пока стоит Дориат.

Затем он послал за Лютиэн и сказал ей так:

– Что это ты задумала, милая моя? Какое отчаянное безумство гонит тебя из Дориата блуждать по пустошам на свою беду, без моего позволения?

– Мудрость, а не безумство, отец. И я не откажусь от своего замысла и не смирюсь, хоть бы и против твоей воли. Одно могу пообещать: никого из твоих подданных я не попрошу больше о помощи. Нет у меня друзей, и если суждено мне уйти, то я уйду одна.

Исполнившись гнева, любви и страха, Тингол задумался, как же сохранить свое любимое сокровище. Запереть в лабиринте пещер? Не пойдет – без воздуха и света она увянет и зачахнет. Мысли его обратились к Хирилорну, королю буков, что рос от начала мира у его травянистого трона. Ни единого сучка не было на его трех стволах – они тянулись ввысь, серые и стройные, гладкие, как шелк, а далеко наверху раскинулись обширной ветвистой кроной, зеленым шелестящим облаком над берегами реки. Он велел принести длинные лестницы, и высоко посреди ветвей закипела работа: там между стволов соорудили маленький треугольный домик с милыми окошками, и в нем суждено было поселиться Лютиэн, пока безумные помыслы не оставят ее.

Не проронив ни слова, она забралась вверх по лестнице в свое новое жилище в обители листьев и птиц и затворила за собой дверь. Лестницу убрали, а у седых корней Хирилорна поставили стражу, что день и ночь охраняла Лютиэн в ее одинокой тюрь-

ме. Все необходимое ей доставляли по лестницам, но под страхом смерти запрещалось оставлять их без присмотра. Даэрон тоже частенько приходил к корням бука, печалясь о пленнице, и наигрывал мелодии на флейте, и Лютиэн, глядя из окна, видела его маленький силуэт далеко внизу. Она простила его предательство за музыку и искреннюю скорбь, что слышалась в ней, и только ему одному разрешала иногда переступить порог ее тюрьмы. Но обычно она просто сидела час за часом, созерцая солнечные лучи, пляшущие на буковых листьях, или звезды, что заглядывали к ней ясными ночами сквозь ветви и сучья.

***

Однажды на заре пленнице приснился сон: голос Берена звал ее через холмы и степи – «Тинувиэль!..», и ее сердце встрепенулось в ответ – «я должна отыскать его, ведь некому больше!» Проснувшись, Лютиэн потянулась – свет луны, просочившись сквозь тонкую листву, задрожал на ее руках, и она поникла головой, мечтая о бегстве и свободе. Но в эту ночь у нее появился план. Дочь Мелиан, она смыслила в магии куда больше иных эльфийских девиц, и теперь погрузилась в глубокое раздумье, пока луна и звезды не погасли в небесах, уступая путь рассвету. Наконец лицо пленницы озарилось тайной улыбкой, и она кликнула одного из стражников внизу. Когда он забрался к порогу, Лютиэн попросила:

– Принеси мне воды из темного омута Эсгалдуин, студеной и чистой. Набери ее в самую пол-

ночь в серебряную чашу и доставь ко мне молча, без единого слова.

Потом подозвала другого и сказала так:

– Принеси мне вина в золотом кувшине, украшенном цветами. Доставь его ко мне ровно в полдень, распевая веселую песню! А пока сходи к королеве Мелиан и передай, что ее дочери скучно в этом домишке – пусть пришлет мне прялку.

Дождавшись Даэрона, Лютиэн позвала и его, сама устроившись у окна:

– Поднимайся сюда и поговори со мной, дружок. Я знаю, что не только в музыке, но и в резьбе по дереву ты умелец, и в разных инструментах знаешь толк. Смастеришь мне ткацкий станок? Я поставлю его в углу комнаты, и мои пальцы смогут отдохнуть от безделья. Буду прясть и ткать разноцветные узоры – про солнце и луну, утро и вечер, про все, что светит мне сквозь буковые листья.

Даэрон сделал все, как она велела, но поинтересовался:

– Что же ты хочешь соткать, Лютиэн?

– Чудесную нить, полную магии – и никакая сила ада и ужаса не одолеет ее.

Подивился Даэрон, но ничего не сказал Тинголу, хоть и заподозрил неладное. А Лютиэн, оставшись одна, принялась творить волшбу.

Вот она заводит чародейскую песню, неведомую людям, и смешивает воду с вином – трижды девять раз. Смешала их в золотом кувшине, распевая песню роста и пресветлого дня. Потом перелила в серебряную чашу и запела другую песню – о ночи и бескрайней тьме, о звездной выси и обретении

свободы. Она заклинала именами всего самого высокого и длинного на свете: начала с кудрей долгобородых гномов; потом спела про хвост Драуглуина, бледного волка, и тулово Глаурунга, великого змея; про высочайшие пики Тангородрим над кузнями Ангбанда и цепь Ангайнор, скованную богами на горе Мелькору; про меч Нана, великана лета, и шею Гилима, великана зимы; а под конец помянула волосы Уйнен, что струятся бесконечно через все воды под небесами.

Затем Лютиэн омыла голову и начала песню сна и дремы, глубокой и бездонной, черной, подобно волосам самой чаровницы, тонким, как паутинка закатных сумерек на стеблях травы и закрывающихся цветах. Вдруг ее волосы принялись расти все длиннее и длиннее – до самых пят, а оттуда поползли ручейками тьмы по полу. Лютиэн улеглась на постель и погрузилась в сон до самого утра.

Чаровница проснулась, когда утренний свет попытался осторожно прокрасться в комнату – но та была вся заполнена словно бы дымчатым туманом: его волокна свешивались даже из окон, развеваясь на ветру пушистым черным облачком. Лютиэн наощупь отыскала ножницы и аккуратно остригла длинные кудри прямо над ушками, прядь за прядью (они потом постепенно отросли снова и были даже еще чернее, чем раньше). Но сейчас ее работа только начиналась: долгой и медленной была пряжа, и еще дольше – даже при всем ее эльфийском мастерстве – пришлось потом ткать. Ее звали снизу, но она всем отвечала одно:

– Мне ничего не нужно, уходите! Явь – это горе

и слезы, и я хочу только спать.

Даэрон тоже пытался дозваться ее в страхе и изумлении, но Лютиэн не отвечала ничего три дня кряду. Из пушистых прядей она соткала полотно, подобное туману в безлунную ночь, а из него сшила волшебный плащ, переливчато-мглистый, как тени под огромными деревьями. Магия этого плаща была сильнее, чем даже чары Мелиан в далекие годы ее встречи с Тинголом под куполом звезд, а заключалась она в том, что на все кругом он навевал необоримую сонливость, тусклую марь и глухое забытье.

Лютиэн завернулась в плащ, тщательно укрыв свой серебристый наряд и синее платье с кристаллами и золотыми лилиями. Потом поспешно подобрала оставшиеся нити и сплела из них длинную тонкую веревку, привязав ее попрочнее к стволу Хирилорна. Закончив все приготовления, она взглянула в окно, выходящее на север. Солнце уже залило листву закатно-алым, а внизу сгущались вечерние сумерки. Она снова принялась нашептывать заговор, сперва медленно и тихо, затем все громче – и опустила вниз из окна единственную длинную прядь. Она заколыхалась над головами стражей, и их голоса враз замолкли, подчиняясь сонному заклятию. Теперь вниз отправилась веревка: чародейка соскользнула по ней ловко, как белка, и ушла легкими шагами неведомо куда, не оставив следов.

***

Неспокойно стало у границ Нарготронда: дерзкие волки Саурона появлялись тут и там, и их све-

тящиеся глаза смотрели в ночи через бурное течение Нарога, как будто их повелитель пытался вызнать все тайны и замыслы эльфийского королевства.

– Не по душе мне все это, брат, – сказал Куруфин Келегорму. – К чему бы здесь эти лихие твари? Надо покончить с их набегами, да поскорее. И вообще, мне хочется побаловать себя доброй охотой!

Затем он наклонился и прошептал негромко:

– Давно уже король ушел, а вестей все нет. Неплохо бы выяснить, жив он или мертв, да и воины твои застоялись. Охота в лесу – хороший повод, все решат, что ты печешься о благе Нарготронда. Но если этот безумец идет назад, если он добыл Сильмарилл – не мне тебе объяснять, что делать. Камень света наш по праву, твой и мой! К тому же Ородрет – бестолковый тугодум, при успехе мы без труда заберем себе и трон, мы – Дом старшей крови.

Келегорм выслушал внимательно, но не сказал ничего. Он собрал дружину, и братья оседлали коней и выехали до рассвета, с копьями и луками, взбудоражив лес дудением рожков и веселой суматохой. Спустили собак, и Хуан, вожак гончих Келегорма, прыгал от радости, заслышав знакомые звуки. Давным-давно Оромэ подарил его, юного щенка, Келегорму, своему верному спутнику на многих охотах. Единственный из всех псов Валинора, Хуан последовал в изгнание за своим хозяином и не раз спасал ему жизнь в битвах и набегах. А еще он был так быстр, что однажды догнал и цапнул даже самого Тевильдо, хоть тот и отплатил ему за это своей когтистой лапой.

Теперь же Хуан вырос в огромного серого волкодава, сурового и выносливого, а его острые глаза видели сквозь любую мглу и туманы. Его нюх чуял след добычи много месяцев спустя, будь то в болотах, лесах или песках, но больше всего Хуан любил волков: любил находить их горло и вырывать оттуда их злодейские жизни. Ни чары, ни стрелы, ни клыки, ни самый дьявольский яд не брали его, ибо судьба его была предречена: только самый могучий из всех волков на свете одолеет его.

Три дня неслась охота по холмам и перелескам, выслеживая и истребляя волков Саурона, пока не остановилась на отдых у границ Дориата. Звук рожков и собачий лай всполошили леса – а что же за тень прячется в них, уставшая и трепетная, как потревоженная птица? Вот она скользнула туманным призраком через прогалину, подальше от незнакомого шума… Но зоркие глаза Хуана было не провести: он вскочил и залаял, и тут же бросился в погоню на своих могучих лапах. Тень металась туда и сюда, как перепуганная бабочка при виде коршуна, что стремглав несется с небес – но никакая эльфийская магия не могла ни обмануть, ни остановить охотника из древней расы бессмертных псов Валинора. Наконец беглянка, выбившись из сил и задыхаясь, прислонилась к дереву, и пес настиг ее. Настиг – и тут же успокоился, увидев ее красоту и заплаканные глаза, услышав испуг в нежном голосе. Он осторожно подхватил ее и понес, дрожащую и невесомую, к своему хозяину.

– Что же ты добыл на сей раз, мой добрый Хуан? – удивился Келегорм. – Призрака, фею или деву

из числа темных эльфов? Вот уж не за этим мы вышли нынче на охоту.

– Я Лютиэн из Дориата, – молвила дева. – Но мой путь лежит далеко от солнечных лугов лесных эльфов, где не осталось уже ни смелости, ни надежды.

С этими словами она сбросила волшебный плащ и осталась стоять в своем серебристо-белом уборе, а самоцветы и лилии переливались и сверкали на ее синем платье, как утренняя роса. Долго Куруфин смотрел на нее в изумлении, да и кто упрекнет его? Аромат цветов, вплетенных в волосы, стройные ножки, прелестные эльфийские черты – все зачаровывало сердце и приковывало взгляд.

– О прекрасная принцесса, куда же направляешься ты в полном одиночестве? – поинтересовался Келегорм, тоже любуясь ее красой. – Какая беда или война приключилась в Дориате? Говори смело, ведь ты среди друзей!

В сердце своем он уже догадывался об ее истории, но она не разглядела хитрости за дружелюбной улыбкой, и спросила сама:

– Кто же вы, судари, что прибыли поохотиться в этом опасном лесу?

– Твои слуги, о дивная госпожа! – галантно отвечали они. – Князья из Нарготронда приветствуют тебя и приглашают посетить наше жилище в холмах, отдохнуть и забыть обо всех заботах. Поведай нам скорее о своих скитаниях!

И Лютиэн, не подозревая подвоха, рассказала им о Берене и его подвигах в северных землях, и о гневе Тингола, и о своем побеге в волшебном пла-

ще. Ни словом, ни жестом не выдали братья, как близко их касались ее слова, и она продолжила:

– Нужно спешить, господа, нет времени на отдых! Уже много дней прошло с тех пор, как королева Мелиан провидела, что Берен в плену. Темна и страшна тюрьма Повелителя Волков, жестоки его оковы и заклятья – смерть грозит Берену, если уже не настигла его…

С этими словами у нее перехватило дыхание от горя, а братья негромко засовещались между собой:

– Теперь мы знаем, что случилось с Фелагундом, – прошептал Куруфин, – и отчего зашевелились Сауроновы твари. Смотри, что ты предложишь…

Он продолжил шепотом свой хитроумный совет, а Келегорм, выслушав, ответил деве вслух:

– Госпожа, мы здесь всего лишь на охоте. Наша дружина велика и отважна, но ей не взять сходу чародейскую крепость на острове. Однако не думай, что мы убоялись! Мы прекращаем охоту сейчас же и возвращаемся домой, а оттуда, составив план, отправимся на выручку Берену.

Так братья повезли Лютиэн с собой в Нарготронд, но ее душу снедали беспокойство и тревога: она боялась потерять время, и каждая минута тянулась тяжким испытанием. А еще она начала понимать, что едут они совсем не так быстро, как могли бы. Хуан бежал впереди отряда и днем, и ночью, и тоже оглядывался назад в недоумении: отчего его хозяин не торопится, отчего Куруфин смотрит на Лютиэн с таким вожделением? Уж не тень ли древнего проклятия пробудилась в них?

В Нарготронде зажгли факелы и приготовили торжественный пир, но Лютиэн было не до празднеств и музыки. За ней постоянно следили, и все ее горькие мольбы оставались без ответа, а волшебный плащ спрятали с глаз долой. Казалось, никому не было дела до пленников в далекой подземной темнице, но она осознала это предательство слишком поздно.

Для эльфов Нарготронда не было тайной, что деву держат взаперти, и Ородрет понял тайную цель братьев: оставить Финрода погибать в темнице, а Тингола привязать к Дому Феанора союзом через замужество его дочери. Но никто не слушал увещеваний наместника. Его подданные, стремясь забыть свой позор, подчинялись теперь сынам Феанора и думать не думали идти походом на выручку пленному королю.

Дориат же горевал об исчезнувшей принцессе: по всему королевству шли поиски, а Даэрон ушел дальше всех – так далеко, что потерялся на просторах обманчивого мира. Говорят, его флейта и посейчас играет в лесах Палисора, где он до сих пор понапрасну ищет Лютиэн. Тем временем к королю явилось посольство от Келегорма: он сообщал, что намерен стать королем Нарготронда, и просил руки Лютиэн. Послание намекало, что домой она уже всяко не вернется, да и Сильмарилл Тинголу лучше бы оставить в покое. Разъяренный король стал готовиться к походу, но Мелиан предрекла, что не суждено ему скрестить клинки с Келегормом. Так и вышло: на границах Дориата армия короля наткнулась на войско орков. Эльфы одержали победу, а

вражьего вожака Тингол сразил лично, но рейд орков погрузил его в еще большее беспокойство – неужели Мелькор прознал о бегстве его дочери?..

Для Лютиэн день тянулся за днем, но Хуан навещал ее, подолгу оставаясь у ее ложа. Она говорила с ним приветливо и ласково:

– Ах, Хуан, быстрейший из псов, что за лихом одержимы твои хозяева, отчего не видят моих слез? А ведь Барахир когда-то ценил и любил добрых гончих, как никто другой, да и Берен в своих скитаниях на Севере завел немало друзей мохнатых и пернатых. Даже духи древних гор и пустошей помогали тогда ему, а теперь? Ни эльфу, ни человеку нет дела до того, кто всю жизнь бился с Мелькором и никогда не смирялся с его игом…

Хуан не отвечал, но никогда с тех пор не удавалось Куруфину подобраться к Лютиэн или прикоснуться к ней: Хуан ощеривал клыки, и благородный эльф отступал в страхе. Однажды промозглой предзимней ночью Хуан пропал, и Лютиэн лежала без сна в темноте, опасаясь какой-то новой беды. Перед самым рассветом, когда все умолкает и замирает, и только бесформенные ужасы терзают неспящих, на стену ее комнаты упала тень. Она вздрогнула, но тут рядом с ложем бесшумно лег ее волшебный плащ. Огромный пес подошел поближе и заговорил, и его слова были как гул колокола на далекой башне, глубокий и плавный:

– Милая госпожа, мохнатые и пернатые рады служить тебе! Теперь вставай и поспеши. Надень свой плащ, и пока не настал день, мы бежим с тобой из Нарготронда на север, ты и я.

Лютиэн слушала, ошеломленная: это был первый раз, когда Хуан говорил по-эльфийски, первый из трех, что были ему отпущены. Она обхватила его руками за шею, и дружбе их было суждено длиться до самой смерти.

***

Пленники чародейского острова по-прежнему лежали в холодной и бессветной пещере без окон и дверей, скованные и измученные, слепо уставив взоры в темноту. Но только двое были еще живы: кости остальных валялись кругом, разломанные и обглоданные, печальные свидетели верной службы.

– Жизнь моя – невелика потеря, – произнес наконец Берен. – Я расскажу все и, быть может, куплю тебе спасение из этого ада. Я освобождаю тебя от твоей старинной клятвы, ведь ты уже вытерпел за меня куда больше, чем заслужил мой род.

– Эх, Берен, ничему-то ты не научился, – ответил Фелагунд. – Как можно верить посулам слуг Моргота? Саурон не выпустит отсюда никого, узнает он наши имена или нет. Наоборот – куда горше была бы наша пытка, если бы он знал имена Финрода и сына Барахира, а тем более цель их похода.

При этих словах дьявольский смех раскатился по их темной яме:

– Истинно, истинно говорите вы! Жизнь жалкого смертного ничего не стоит, но другое дело король, бессмертный эльф. Много он вынесет, много вытерпит, что и не снилось людям. Чем же заплатит твой народ, когда узнает о твоей пытке в заточении? Золотом, самоцветами, а может, и присягой верности? Или гордый Келегорм предпочтет

оставить соперника в тюрьме, а золото и корону – себе? Чего доброго, и цель вашу еще удастся выяснить: волк голоден, пришло время кормежки. Недолго теперь Берену ждать смерти.

Снова невыносимо длинные минуты ожидания – и во мраке, как и раньше, зажглись чьи-то глаза. Берен молча напряг все силы, пытаясь разорвать оковы, но их мощь была не по силам смертному – а враг подползал все ближе. Вдруг в темноте раздался скрежет и звон железных осколков, и Фелагунд бросился вперед, не боясь ни клыка, ни яда. Так начался его долгий и беспощадный поединок с рычащей тенью в волчьем обличье: они медленно катались по полу туда и сюда, сцепившись намертво, и зубы вонзались в плоть, а пальцы – в лохматую шкуру, и только тычки и удары доставались Берену. Наконец руки эльфа сомкнулись на зверином горле, и в яме раздался последний предсмертный всхрип: волколак был мертв.

– Прощай, Берен, мой храбрый друг, – прозвучал голос в темноте. – Вся моя сила ушла, чтобы сломить оковы, и грудь моя разорвана ядовитыми клыками, а руки уже холодеют. Не жить мне больше на Земле: мой путь лежит теперь в чертоги безвременья, где пируют боги, поднимая кубки, и свет озаряет сияющее море.

Король эльфов умер, а Берен остался лежать, и ни страх, ни отчаяние не могли приглушить его горя. Он ждал шагов, голоса, исполнения неумолимого рока – но лишь тишина была кругом, глубокая и нерушимая, как гробницы забытых древних владык, упокоенные под толщей песков и чередой

бесконечных лет.

Внезапно безмолвие рассыпалось множеством серебряных осколков: негромкая песня пронзила лучом света колдовской холм и все его решетки, затворы и каменные стены. Берен почувствовал, как теплая звездная ночь распахнулась на ним, и в ней пели соловьи под луной, а тонкие пальцы танцевали на флейте или перебирали струны скрипки. И там была она – прекраснейшая на всем свете, и она тоже танцевала, одна, в сверкающем наряде, на открытом каменистом пригорке.

Явь это или сон?.. Берен ответил, громко и неистово, древней боевой песнью Севера, маршем воинов, что шагали бесстрашно навстречу неисчислимым ратям и грозным башням, а над ними серебряным огнем светили семь звезд Горящего Вереска, что сама Варда зажгла знаком надежды в темных северных небесах.

– Хуан, я слышу его песню, там, под землей! – прошептала Лютиэн. – Берен пел мне ее когда-то, и как же часто я слышала ее во сне…

Она сидела на мосту, кутаясь в плащ в глухой ночи, и от ее пения звенел эхом каждый камень острова Оборотней, от вершины башни до самых глубоких подземелий. Вой волколаков ответил ей, и Хуан зарычал в своем тайном укрывище, предвкушая жестокую битву. Саурон тоже узнал эту эльфийскую песню и долго стоял в своем высоком покое, завернувшись в мантию с черным капюшоном и прислушиваясь. Наконец он улыбнулся:

– Малышка Лютиэн! Что же занесло глупенькую муху в мою паутину? Богатой будет награда

Мелькора, когда я доставлю в его сокровищницу эту драгоценность!

Он спустился вниз и выслал вперед одну из своих тварей. Крадущаяся тень появилась на мосту, и Лютиэн увидела кроваво-красный язык в ощеренной пасти – но продолжала петь, хоть ее руки дрожали, а широко распахнутые глаза подернулись туманом. Волк прыгнул, раздался внезапный хрип – и вот он уже лежит на мосту мертвым.

Оборотни выходили один за другим, и ни один не возвращался назад, чтобы рассказать о смертоносной серой тени у края моста – лишь вода реки бурлила и пенилась над бездыханными серыми телами. Но вот огромная тень медленно накрыла мост: седой Драуглуин, сильный и жестокий, матерый предводитель волков – сам Саурон выкормил его плотью людей и эльфов под своим троном. Этот поединок не остался бесшумным: вой и лай долго сотрясали ночь, прежде чем волколак приполз обратно к трону, где его кормили щенком.

– Хуан здесь… – прохрипел он и издох, а Саурон преисполнился ярости и гордыни:

– «Только самый могучий из всех волков на свете одолеет его». – вспомнил он древнее пророчество и рассудил, что знает, о ком идет речь.

Новый хищник взошел на мост: длинная шерсть сочится отравой, челюсти и лапы широки и крепки, а в глазах светится такая жуть, что и не снилась никакому волку. Смертельное дыхание исходило из ядовитой пасти, полной сверкающих острых клыков – и Лютиэн запнулась и поникла без сил в отчаянии, а ее глаза заволокло мертвящим

холодом. Перед ней был сам Саурон в обличье величайшего волка из всех, что извергал Ангбанд на погибель южным странам. Внезапно он прыгнул – и даже Хуан отпрянул прочь, а оборотень подошел и склонился над неподвижной Лютиэн. Она почувствовала его смрадный дух и на грани сознания прошептала заветное слово, взмахнув плащом перед его мордой. Волк пошатнулся, и в этот момент Хуан выскочил из засады.

Охотничий клич волков и бесстрашный лай гончих сплелись под звездами, пока два зверя кружили друг против друга, кусали и рвали, падали и вставали, бросались в притворное бегство – и снова вступали в битву. Наконец Хуан ухватил врага и швырнул его наземь, полосуя клыками горло, пытаясь выдавить призрачную жизнь. Однако бой продолжался: одна личина сменяла другую, из волка в змея, из чудища в свое собственное обличье демона – Саурон отчаянно пытался вырваться из удушающей хватки. Но ничего не помогало. И чары, и клыки, и дьявольские трюки были бессильны против пса, что загонял когда-то оленей и диких кабанов Валинора. Содрогаясь в агонии, темный дух почти уже покинул было свое телесное вместилище, но Лютиэн встала перед ним, с отвращением глядя на его корчи.

– Здесь ты и умрешь, демон тьмы, лживый и злобный. Бесплотным полетишь ты в обитель твоего владыки, навстречу его ярости и презрению. Он замурует тебя в глубинах земли, и твой обнаженный дух будет вечно стенать и причитать в какой-нибудь глухой яме. Так будет – если ты сейчас

же не отдашь мне ключи от этой черной крепости и заклинание, что связывает ее камни воедино.

Хрипя и задыхаясь, он вынужден был подчиниться. Вспышка света озарила мост, словно сами звезды спустились с небес в ослепительном биении. Лютиэн широко распахнула руки и пропела чистым голосом, похожим на звук эльфийских рогов над притихшими холмами. Над седыми вершинами гор показался рассвет, и остров задрожал до основания, а цитадель покрылась трещинами и обрушилась вниз вместе со всеми своими башнями. Мост развалился и рухнул в реку, и каменные подземелья открылись зияющими проемами. Сычи с уханьем разлетались кто куда, спеша укрыться от восходящего солнца, уцелевшие волки спасались бегством, скуля и повизгивая, а нечистые летучие мыши наполнили зябкое утро тонким писком и быстрыми черными прочерками в небе. Вот и еще одна тень с пронзительным криком взмыла с земли на широких крыльях – это Саурон в вампирском обличье улетел прочь, орошая деревья каплями черной крови. В лесу Таур-ну-Фуин он сотворил себе новое логово, а Хуану осталась лишь безжизненная волчья туша.

Из подземелий начали появляться бледные узники в лохмотьях, затравленные и ошеломленные, моргая и прикрывая от солнца ослепшие глаза, – после долгих мучений во тьме они и не чаяли уже увидеть свет. Они рыдали и благодарили спасительницу, но Лютиэн не двигалась с места: Берена все не было.

– Неужели среди мертвых нам суждено отыскать его? – молвила она наконец Хуану. – Неужели

ради этого мы страдали и боролись?

Вместе они перебрались на остров через рукав Сириона, перепрыгивая с камня на камень. Берен сидел неподвижно, в отчаянии обнимая тело Финрода, и даже не повернулся посмотреть, чьи шаги приближаются сзади. Она позвала сама:

– Берен, о Берен! Чуть не опоздала я отыскать тебя, и так горько видеть павшим достойнейшего из нолдоров… Грустная встреча, после всех наших милых свиданий!

Такая любовь и печаль была в ее голосе, что горе немного отпустило его, и он поднял взгляд:

– Лютиэн!.. Милая моя, самая чудесная, сколько же любви в тебе, добраться через все опасности до этого жуткого места…

Он любовался, как прежде, ее тонкими изящными чертами и темной копной волос с белым цветком, и сердце его снова разгоралось теплым огнем – а она упала в его объятия и уснула в счастливом забытье, хотя кругом уже вовсю начинался день.

Потом они ушли бродить по берегам Сириона, радуясь быстротечным дням и распевая песни под пасмурными морозными небесами, и цветы расцветали под ногами Лютиэн назло наступающей зиме. Кости Фелагунда остались лежать в зеленой могиле на вершине острова, а сам он смеется теперь в садах Валинора и не вернется больше в Нарготронд, в серый мир горя и войн. Зато в Нарготронд вернулись вести о его подвиге, о победе над Сауроном и падении вражьей цитадели. Их принесли бывшие пленники, многие из которых давно считались

сгинувшими во тьме, а с ними и Хуан воротился к своему разгневанному хозяину. Никакой похвалы он, конечно, не дождался, но оставался верным, хоть и без приязни. Шум и ропот наполнили чертоги Нарготронда, и тщетно силился Келегорм успокоить их: эльфы оплакивали павшего короля, с которым когда-то сами не посмели разделить дорогу.

– Дева совершила то, что не под силу сынам Феанора! – кричали они теперь. – Смерть этим бесчестным князьям-предателям!

– Теперь я здесь король, – вмешался Ородрет. – И я не потерплю пролития крови родичей. Но ни хлеба, ни убежища не получат здесь больше погубители Дома Финрода.

Братьев привели к трону. Келегорм стоял гордо и непокорно, презрительно глядя на собравшихся, и в глазах его тлела угроза, а Куруфин улыбался, как обычно, хитрой тонкой улыбкой.

– Вы изгнаны навсегда, – прозвучал им приговор. – Уходите до заката дня и не возвращайтесь. Никогда больше не бывать дружбе между Нарготрондом и сынами Феанора.

– Мы запомним это, – ответили братья. Затем они повернулись и отправились седлать коней и собирать своих воинов, но даже их собственная дружина уже не желала следовать за ними. Протрубив в рога, они без лишних слов выехали за ворота и, пылая гневом, поскакали прочь.

***

Двое скитальцев тем временем подошли к границам Дориата, и в душе у Берена проснулась

позабытая горечь:

– Увы, Тинувиэль, здесь нам пора расстаться, отсюда у каждого свой путь.

– Но почему, почему расстаться? Ведь все только начинается, как рассвет нового дня!

– Ты вернулась туда, где будешь в безопасности под властью Мелиан, среди твоих любимых лесов.

– Я рада видеть, что леса стоят и Дориат невредим, но я ушла оттуда, оставив свой дом и род, и не вернусь без тебя. Что мне листва и трава, если тебя рядом нет? Сидеть у темной воды в горе и одиночестве и петь печальные песни безжалостному колдовскому ручью?

– Но мне нет больше пути туда, даже если Тингол и позволит это. Я поклялся не возвращаться без Сильмариллa, и должен сдержать слово и доблестью заслужить свою мечту, хоть и тяжко будет опять расставаться…

– Тогда и Лютиэн нет хода домой! Буду бродить по лесам, не зная радости, назло всем опасностям. А если не возьмешь с собой, пойду по твоим следам, пока мы не встретимся снова – в этом мире или на берегу страны теней.

– О нет, Лютиэн, храбрейшая, так ведь еще труднее уйти… – ответил он, содрогнувшись, пока она плакала в его объятиях. – Ты вызволила меня из тюрьмы, но как я могу взять тебя в тот дальний край, в средоточие всей тьмы и ужаса? Никогда, никогда!

Вдруг топот копыт донесся до них, грозный и яростный, как надвигающийся шторм: это Келегорм и Куруфин во весь опор скакали на север. Они спешили отыскать дорогу между Дориатом и лесом

Таур-ну-Фуин, что вела к холму Химринг над ущельем Аглон, где обитали их братья. Увидев странников, братья издали клич и погнали коней в галоп, словно пытаясь раздавить подковами двух влюбленных и их взаимное чувство. Кони отвернули, раздувая ноздри и выгнув гордые шеи, но Куруфин успел, склонившись, сильной рукой подхватить Лютиэн. Он швырнул ее на луку седла и рассмеялся, но, как оказалось, рано: Берен прыгнул, как разъяренный лев, и с ревом сомкнул руки на шее нолдора. Конь и всадник рухнули наземь, и Лютиэн без сознания лежала в траве, пока двое мужчин дрались, не издавая ни звука. Эльф почувствовал чужие пальцы на своем горле, и вот уже его глаза вылезают из орбит, а язык судорожно свешивается изо рта.

Подъехал Келегорм, целясь копьем, и погибнуть бы тут Берену от эльфийской стали, если бы не Хуан: ощетинив загривок, он с лаем встал перед хозяином, и конь эльфа отпрянул в ужасе.

– Да будь ты проклят, подлый пес, как смеешь скалить клыки на своего хозяина! – зло выругался Келегорм, но никто не рискнул бы приблизиться к красным челюстям Хуана в его холодном гневе.

Куруфин тем временем совсем было распрощался с жизнью, но Лютиэн очнулась и воззвала к Берену, встревоженная:

– Утишь свой гнев, мой княже! Не твори орочьих дел, ведь и так хватает врагов у Эльфинесса. Мы разбудили войну и древнее проклятие, и весь мир теперь распадается прахом. Хватит, пощади его!

Берен выпустил эльфа, но забрал его коня, кольчугу и стальной кинжал без ножен. В стародав-

ние времена гномы Ногрода выковали его, распевая размеренные заклятия, – сам знаменитый мастер Тельхар, не иначе; и он резал железо, как мягкое дерево. Куруфина же Берен отшвырнул подальше, и добавил презрительно:

– Убирайся, глупец и предатель, и дай остыть своей похоти. Надеюсь, гордый сын Феанора найдет себе занятие достойнее, чем орочьи проделки!

Берен и Лютиэн двинулись своей дорогой, взявшись за руки и не оглядываясь, пока Хуан стоял настороже.

– Прощай же! – крикнул вслед Берену красавчик Келегорм. – Лучше бы тебе сгинуть в глуши от голода, чем познать гнев сынов Феанора! Ты не избегнешь его, и ни деву, ни Сильмарилл не удержишь в своей руке. Мы проклинаем тебя под тучами и небесами, проклинаем от рассвета до заката. Прощай!

С этими словами он соскочил с седла и поднял с земли брата, а затем схватил свой тисовый лук, натянул золоченую тетиву и выпустил стрелу с хитро зазубренным гномьим наконечником. Хуан, залаяв, подпрыгнул и схватил древко в полете, но вслед первой стреле быстрее мысли отправилась вторая. Берен обернулся и в прыжке успел закрыть Лютиэн своей грудью: стрела глубоко вошла в его плоть, и он рухнул на землю. Братья, смеясь, ускакали прочь, хоть и пришлось Келегорму пришпорить коня, чтобы избегнуть яростной погони Хуана. Куруфин улыбался избитым ртом, но молва о предательской стреле прокатилась по Северу, и люди запомнили ее – к вящей пользе Мелькора.

***

Лютиэн, всхлипывая, присела возле Берена и расстегнула его одежду, пытаясь остановить бьющую кровь. Она вытащила стрелу и омыла рану слезами, а Хуан принес листья *ацелас*, широкие и вечнозеленые, с белым пушком снизу, отыскав целебное растение на лесной опушке. Бывалый охотник, он знал тайны всех трав, и боль Берена действительно вскоре утихла. Лютиэн же затянула старинную песню, что останавливает кровотечение, – о, сколько раз ее пели эльфийские жены в те времена войны и лихолетья…

Настала ночь, и Серп Богов зажегся холодным светом в северных небесах над тенями мрачных гор. А на земле под звездами горел костер, и алые искры взвивались над трескучими дровами и шипящим вереском. Берен стонал и метался во сне, но эльфийка-чаровница неустанно несла рядом свою долгую вахту. Она утоляла его жажду и смачивала лоб, а сама продолжала тихонько петь колдовскую песню – куда сильнее любых рун и врачебных трактатов. Туманное утро уже сменилось днем, когда Берен очнулся ото сна и открыл глаза:

– Долго я бродил под иными небесами, в жуткой неизведанной стране, где глубоки тени и обитают мертвые. Но я слышал знакомый голос, как музыку без слов, музыку виол и арф, птиц и звонких колокольчиков – она звала меня, звала всю ночь, и вывела обратно на свет! Рана зажила, и боль прошла, и снова наступило утро. Теперь можно отправляться в путь, а ты подождешь меня под сенью дерев Дориата.

– Но ведь теперь наш враг не только Мелькор, но и древние раздоры Эльфинесса! Скорая смерть ждет и тебя, и Хуана, если ты настоишь на своем – я предвижу это. Никогда, никогда ты не положишь к ногам Тингола огненный светильник Феанора, так зачем же тогда идти? Уйдем лучше вместе навстречу солнцу и ветру, подальше от горя и войн: леса, горы и морские берега будут нашим домом.

Долго они так говорили и спорили, но ни ее эльфийские уловки, ни стройные руки, ни нежные губы, ни чарующий голос не убедили Берена отказаться от своей цели. Он не желал войти в Дориат, разве что ненадолго – вернуть Лютиэн в ее безопасный край, не хотел возвращаться в Нарготронд, чтобы не навлечь на него снова вражду и рознь, и уж совсем немыслимо ему было представить ее скитания по темным нехоженым тропам, усталой, босой и бездомной.

– Сила Моргота пробудилась, и повсюду идет охота, – убеждал он любимую. – А цель ее – ты, потерянное эльфийское дитя. Орки и привидения рыщут по горам и долам, крадутся от дерева к дереву, наполняют страхом каждую тень. Они ищут тебя, и эта мысль сжимает мне сердце и убивает надежду. Будь проклят мой обет, что выманил тебя из тайного царства, бродить по свету вслед за моим суровым роком! Поспешим же: я хочу проводить тебя в Дориат, под кроны твоих родных дубов и буков, куда не найти дороги никакому злу.

Казалось, уговоры подействовали: они перешли границу вместе и остановились на привал в глубокой логовине, поросшей мхом и надежно

укрытой от ветра, а шелковистые буки шелестели вокруг о любви, что будет всегда, пусть даже вся земля сгинет под волнами. Утром, когда Лютиэн еще спала на мягком мху, Берен осторожно поцеловал ее волосы – и не смог сдержать слез.

– Охраняй ее, добрый Хуан, – сказал он псу. – Защити ее от ветра и мороза, и от хватких жестоких рук; убереги от горьких странствий, ведь она хрупка и нежна, как цветок асфоделя и шиповника… А меня гордость и рок снова зовут в путь.

Он вскочил на коня и уехал, не оборачиваясь, хоть сердце его было тяжело, как камень, – все дальше и дальше на север.

***

Давно прошли те времена, когда эльфийские всадники в серебряных доспехах скакали на белых конях по привольной зеленой равнине и звучно трубили в горны перед вратами укрытой тучами цитадели Мелькора. Он выждал свой час: в Битве Внезапного Пламени огненные реки вырвались из адских подземелий и выжгли травяной простор дотла. Теперь только блуждающие песчаные дюны царили там, и множество костей лежало непогребенными посреди безжизненных камней. Мрачные разлапистые сосны взирали на равнину Анфауглит – таково было теперь ее имя – со скалистых северных склонов Таур-ну-Фуина, как мачты черных кораблей, медленно дрейфующих в призрачном мареве.

Туда же смотрел сейчас и Берен: далеко за переменчивыми дюнами и сухой стелющейся пылью

хмурились грозные пики Тангородрима. Голодный конь уныло стоял рядом: гордый нолдорский скакун боялся леса, а на смертоносную проклятую пустошь и вовсе не ступила бы больше никакая лошадь.

– Добрый конь скверного хозяина, – вздохнул Берен. – Здесь мы расстаемся. Выше нос! Отправляйся обратно пастись на зеленых травах, и пусть тебе приснятся старинные охоты Валинора.

Он уселся наземь, отчаянный и суровый, и затянул громкую песню, ничуть не беспокоясь, что орки или волки услышат ее:

«Прощайте, горы и поля, и листья на ветру,
Прощайте, звезды – вам светить, пусть даже я умру.
Я помню травы и ручьи, я помню дождь и снег,
Я помню свет Тинувиэль – она прекрасней всех!
Прощай, туман и облака, луна и небеса,
Прощай, любимая моя, нездешняя краса.
И если в бездну рухнет мир и все покроет мгла,
Спасибо миру все равно: в нем Лютиэн жила».

Затем Берен встал и поднял в руке обнаженный клинок, бросая вызов твердыне Мелькора и проклиная его и все его деяния от начала до конца. С тем он и отправился в путь, оставив позади и страх, и надежду. Но стоило ему сделать шаг вниз по склону, как за спиной раздался голос:

– Берен, о Берен! Чуть не опоздала я отыскать тебя. Не время еще прощаться, бесстрашный гордец: эльфийские девы не бросают вот так своих любимых. Моя любовь не уступит твоей силе, и мы

вместе бросим вызов вратам смерти. Меня не страшит ни пытка, ни могила, ни подземелья у корней мира – страшит только ожидание, бессильное и бескрылое, когда нельзя помочь тому, кого любишь!

Так Лютиэн вернулась к нему на пороге страны ужаса, на границе между лесом и пустыней. Он обнял ее и осыпал лицо поцелуями, воскликнув:

– Трижды проклята теперь моя клятва, что завела тебя сюда! Но где же Хуан, где этот пес, которому я доверил беречь и охранять тебя?!

– Вот уж чего не знаю! Но его сердце добрее и мудрее твоего, суровый княже: хоть и долго пришлось молить и упрашивать, но он привез меня по твоему следу через все леса, степи и болота. Как бы ты посмеялся, увидев нас в пути! Из Хуана вышел славный иноходец, а я ехала, как орк на волколаке. А потом мы услышали, как звонко ты пел – да-да, и про меня тоже! А ведь мало ли кто мог услышать? И он оставил меня здесь, а сам сбежал неведомо куда.

Но вскоре выяснилось, куда: Хуан появился, запыхавшись и сверкая глазами, и положил к их ногам две устрашающие шкуры с острова Оборотней. Одна была волчья, длинная и широкая, покрытая спутанной шерстью и черными заклятиями: обличье самого Драуглуина. Вторая – убор летучей мыши с длинными пальчатыми крыльями, а на каждом суставе – железные шипы. Его прежде носила Тхурингвэтиль, одна из летучих посланниц Саурона, и размах его широких крыл заслонял луну подобно черному облаку.

– Что это ты принес, добрый Хуан? – осведомился Берен. – Что ты задумал? Твоя победа над

Сауроном была славным подвигом, спору нет, но что проку нам сейчас в пустыне от этих трофеев?

Тогда пес заговорил во второй раз, и они дивились вдвоем его глубокому чистому голосу:

– Только одним из двух суждено владеть тебе: драгоценностью Моргота или сокровищем Тингола. Выбирай между любовью и клятвой! Выберешь соблюсти клятву – и Лютиэн погибнет в одиночестве, если не позволишь ей разделить твою судьбу. Твой поход безнадежен, но не отягощай его безумием, отправляясь в этом смертном обличье. Послушай совет Хуана: план Фелагунда был хорош, но можно сделать и лучше. Превратитесь в волколака и нетопыря с чародейского острова. Тяжким будет путь, но увы – я не смогу пойти дальше с вами в Ангбанд. Кто видывал пса, водящего дружбу с волком? Я чувствую: там, у оскаленных врат, ждет и моя судьба, но я встречу ее в свое время. Тьма застит всякую надежду, и моим глазам не дано увидеть, что будет дальше. Но если паче чаяния ваш путь приведет вас в Дориат, то мы еще встретимся, все трое, один последний раз.

Сказав это, Хуан повернулся и исчез в наступающей ночи. Берен и Лютиэн решились последовать его совету и, дрожа от отвращения, примерили волчью шкуру и когтистые крылья. До самой полуночи Лютиэн пела эльфийские заклинания, выстраивая и укрепляя защиту для их душ, чтобы темные обличья зла не свели их с ума во время путешествия. Затем Берен завернулся в шкуру оборотня – и вот он уже рычит на полу, высунув голодный красный язык, но какая же тоска и мука застыли в глазах! С

ужасом смотрит он, как летучая мышь ползет на коленях, волоча за собой скрипучие складчатые крылья, – а потом приветствует волчьим воем высокую луну и бросается вниз по склону на четырех быстрых мягких лапах. С камня на камень, с холма на равнину, лига за лигой, миля за милей, и неотступно реет над ним черная крылатая тень.

***

Холодный ночной ветер шевелил песок и пепел на безводных дюнах, вздыхая над безрадостной пустыней, над опаленными валунами и обломками костей. День, и ночь, и снова день – вперед и вперед, волчья шкура давно покрылась пылью, а крылатая тварь, съежившись, примостилась на загривке, моргая от тусклого солнечного света. Волк задыхался от гари и спотыкался от усталости, но не сбавлял рыси – впереди уже маячили Железные горы Севера, и скалы взмывали вверх, как оскаленные зубы, по обе стороны дороги к грозным темным вратам. Они осторожно подкрались поближе и залегли в тени поодаль от тракта, и им снились чистый воздух и пение птиц в листве Дориата.

Проснувшись на рассвете, они почувствовали, как дрожит земля – молоты в кузнях Мелькора трудились неустанно, наполняя подземелья громовым эхом, а по тракту каменной поступью маршировали орки в железных сапогах. Они шли на юг, на войну и разбой, а впереди шагали балроги-предводители. Поевшись, путники выбрались на дорогу, не медля и не скрываясь больше: теперь они слуги Тьмы, идут по делу с важным заданием.

Все выше и отвеснее поднимались утесы слева и справа, а на их вершинах сидели визгливые стервятники. У подножия скал открывались черные чадящие расщелины – из них вырывались дым и пар и ползли, извиваясь, змеи, а сверху уже тяжело нависала исполинская тень Тангородрима. Мрачные тучи клубились над головами путников, и сердца их сжимались от ужаса, но наконец дорога привела их на просторную площадь у самого подножия горы. Со всех сторон ее окружали высокие башни и форты, вздымаясь ряд за рядом поверх горных уступов, а впереди открывалась немыслимая распахнутая бездна – гигантские врата в чертог Властелина Тьмы.

У этих железных, усеянных шипами врат когда-то Финголфин, король нолдоров, вызвал на поединок самого Мелькора – и пал под ударами Гронда, молота преисподней, а Враг остался с тех пор хромым навеки. Не зная ни сна, ни отдыха, правил он теперь своими армиями и рабами с черного трона в потаенных глубинах земли, замышляя подчинить весь мир своей воле, и рассылал лазутчиков во все стороны света, а для врагов у него был уготован ядовитый настой *нэркал* – те, кто отведал его, умирали в долгих мучениях. Вести отовсюду ежедневно стекались к нему – о гордых князьях и прекрасных дамах, о тех, кто пал, и кто еще борется, кто выступил в поход, а кто копит богатства: всем было отведено место в паутине его лиходейских замыслов.

Слух о Хуане и судьбе, что напророчена ему, тоже был в свое время доложен Мелькору, и он задумался, что предпринять. Множество голодных

стай были в его распоряжении – волчьи обличья, но духи демонов внутри, и горные пещеры полнились эхом их дикого воя. Из их числа он отобрал детеныша и кормил его собственноручно плотью людей и эльфов, пока щенок не перестал помещаться в свою конуру. Тогда Мелькор поселил его прямо под своим троном, и он лежал там, тараща свирепый взгляд, и ни орку, ни балрогу не позволял прикоснуться к себе. Там пронизали его глубокие чары – адская ярость и мощь теперь обитали в нем, и адским пламенем полыхали глаза и пасть, и могильной гнилью разило дыхание. Он вырос ужаснее и сильнее любых созданий земли или преисподней, и эльфы назвали его Кархарот, «Красная Утроба».

Но еще не время было величайшему из волков нести смерть и разрушения в несчастный мир. Весть о разорении острова Саурона достигла ушей Мелькора – оказалось, его враги умеют ответить хитростью на хитрость, и в каждом из собственных орков он сам теперь подозревал шпиона. Оттого Кархарот был поставлен сторожить вход, и сейчас его бессонные багровые очи светились во мгле за высокими вратами Ангбанда, так что никто не мог прошмыгнуть мимо незамеченным в чертог его господина.

Вдруг грозный страж насторожился: что это за тень крадется там, вдалеке? То замрет, то снова подойдет поближе… Вроде волк, но какой-то усталый, потрепанный, и летучая мышь зачем-то парит над ним. Такие создания встречались ему часто, в конце концов – здесь их дом родной, но с этими двумя явно было что-то неладно. Он задумался,

наблюдая, и странное беспокойство охватило его.

– Что за ужасную тварь посадил Моргот у своих дверей? – проговорил Берен, пронзив своим взглядом волколака тьму впереди. – Но не для того мы столько прошли, чтобы теперь отступить.

Он ринулся вперед, обходя широкие черные ямы, оставшиеся от ударов молота в давнем поединке. Но у самых ворот могучая тень Кархарота накрыла их, и его рычание эхом раскатилось в надвратной арке:

– Привет тебе, Драуглуин, вожак моих родичей! Давненько тебя здесь не было. И выглядишь ты скверно: когда-то такой быстрый, такой могучий, а теперь что? Сгорбленная тень самого себя. Работа Хуана, не иначе: тяжело небось дышать, когда его клыки рвут твое горло. Так что же привело тебя сюда живехоньким – если ты и вправду Драуглуин? Ну-ка подойди сюда, рассмотрю тебя получше.

– Да кто ты такой, дерзкий щенок, чтобы преграждать мне путь? У меня срочные вести для Мелькора от Саурона из леса. Отойди с дороги, а лучше сбегай вниз и доложи, что я прибыл!

Кархарот медленно поднялся, и злоба засветилась в его глазах:

– Ну что же, Драуглуин так Драуглуин. Заходи, коли так. А кто это ползет там рядом, как будто прячется за тобой? Я знаю всех крылатых тварей, что мельтешат здесь, а вот ее не знаю. Постой, вампир, постой. Не нравишься ты мне, да и весь твой род тоже. Говори быстро, зараза летучая, что за дело у тебя к королю? Какая-нибудь ненужная ерунда, не иначе. Так почему бы мне не прихлоп-

нуть тебя, как муху на стене? Или лучше отгрызу твои крылышки, погляжу, как ты ползаешь!

Теперь и глаза Берена сверкнули огнем: он знал, что чары скрывают облик Лютиэн, но не утаят аромат вечной весны и бессмертных цветов Валинора. Если эти ноздри приблизятся к ней, они оба будут раскрыты – и он приготовился к битве и смерти на пороге Ада. Но внезапно тайная сила проснулась в Тинувиэль, некий внутренний пламень, наследие древней расы богов. Она сбросила вампирское обличье и запела, как серебряный жаворонок, как пронзительные невидимые горны рассвета. Шагнув вперед, она развернула сотканный ею плащ, как всеохватную завесу вечерних сумерек, и провела им перед жестокими глазами Кархарота. Туман сновидений и свет звезд были вплетены в него, и глаза зверя подернулись мглой.

– Спи, усни, несчастный, измученный раб! Отдохни от боли, отдохни от ненависти, от цепей и голода, хоть на час позабудь о своей беспросветной жизни!

И Кархарот рухнул, как подкошенный, бездыханно распростершись на земле, словно могучий дуб, пораженный молнией. А двое путников отправились вниз, одни, все глубже и глубже по бесконечному лабиринту гулких коридоров.

***

Сумерки за надвратной аркой позади окончательно угасли, и тьма вокруг дышала смертью и угрозой, но Берен и Лютиэн продолжали спускаться в мрачные глубины по извивающимся туннелям,

выточенным, казалось, кипящими каменными червями. Все громче доносилось эхо молотов, гремящих в кузнях, и обжигающие испарения с ревом извергались из зияющих дыр. На перекрестках туннелей молчаливо стояли исполинские фигуры троллей, высеченные из обожженного камня, как чудовищная насмешка над человечьим обликом, и их злобные черты то появлялись, то исчезали в мимолетных вспышках пламени.

Далеко внизу раздавался громкий грубый хохот и команды, похожие на скрежет камня по камню, звон цепей и стоны пленников, обреченных мучительной пытке. Иногда слышалось и пение, грубое и жестокое, пронзающее душу, как меч ужаса, а иногда раскаты хриплого смеха – казалось, смеющийся ненавидит сам себя, но отнюдь не сожалеет об этом. Из отверстых дверей падали алые отсветы огня, отражаясь на бронзовых плитах пола, а высоко наверху в дымном мареве смыкались могучие своды подземелья.

Наконец, спотыкаясь и моргая от дыма и гари, они вошли в тронный зал самого Мелькора, где на мерзостных пирах пили кровь зверей и людские жизни. Чудовищные колонны взмывали здесь в недосягаемую высь, украшенные дьявольски изощренной резьбой, какая привидится лишь в нечистых и порочных грезах. Они стояли, как деревья, чьи корни – отчаяние, чей плод – погибель, чьи ветви извиваются, как змеи, сплетенные в муках. Внизу под ними выстроились орды Мелькора – мечники и копьеносцы в черных доспехах, и пламя подземелий отливало кровью на их клинках и чеканных эмбле-

мах на щитах.

Под самой чудовищной колонной зловеще нависал трон Владыки Ада, а перед ним лежали, задыхаясь под стопами Врага, обреченные пленники войны; и там же копошились волки, обгладывая добычу. Рядом сидели его грозные вассалы – балроги с огненными гривами; руки их были красными, а из пастей торчали стальные клыки. А сверху надо всем воинством преисподней сиял холодный чистый свет Сильмариллов – камней рока в короне ненависти.

Вдруг через зияющие порталы метнулась быстрая крылатая тень, и у Берена перехватило дух – он остался один на каменном полу. Летучая мышь парила высоко меж гигантских ветвей, посреди струй дыма и пара, и во тьме чертога мало-помалу стихали голоса и замирал хохот, уступая путь сомнениям, тревоге и безотчетному трепету: словно трубы позабытых богов отозвались эхом в про́клятых сердцах. Внезапно громовой голос Мелькора нарушил многоглазую тишину:

– Спускайся вниз! Тебе не обмануть меня и не скрыться, глупое слабое создание, нетопырь снаружи, но кто же внутри? Никто не смеет прекословить мне, никто не является сюда незваным! Сейчас же вниз, пока мой гнев не сжег твои крылья!

Тень сделала круг над железной короной и медленно опустилась на пол перед чудовищным престолом из черного мрамора, маленькая, дрожащая и одинокая. Мелькор вперил в нее мрачный взор, и его самого отчего-то передернуло до холодного пота, а волки уползли под трон и спрятались за

его ногами. Тинувиэль заговорила, и ее высокий голос звонко пронзил бездонное безмолвие:

– Я здесь по важному делу, прибыла к твоему престолу из Таур-ну-Фуина, из темных владений Саурона.

– Имя, писклявая бродяга, назови свое имя! Саурон прислал достаточно вестей, и совсем недавно. Чего еще ему надо? Зачем посылать тебя?

– Я Тхурингвэтиль, что тенью рока заслоняет луну над дрожащим Белериандом.

– Ты лжешь, но тебе не провести меня. Оставь фальшивое обличье и встань передо мной, какая ты есть!

Медленная перемена прокатилась дрожью по вампирской личине, и она распалась и съежилась на полу. Лютиэн стояла посреди Ада в своем истинном виде: стройная и темноволосая, завернутая в черный плащ, в котором запутался звездный свет. Серая дрема и сны забытья растекались от него по просторному залу запахом эльфийских цветов в серебряной вечерней росе, но мрачные голодные тени подползали все ближе, принюхиваясь и приглядываясь. Тогда она подняла руки и запела песню глубокого и безмятежного покоя и блуждающих сновидений, куда сильнее тех, что пела когда-то сама Мелиан в древних сумерках.

Огни Ангбанда вспыхнули и внезапно погасли, наполнив просторный чертог неподвижной тьмой. Все звуки утихли, и только храп зверей и орков нарушал тишину. Но в недремлющих очах Мелькора еще горело пламя, и его суровый голос вновь раздался в немой пустоте:

– Ах, Лютиэн, Лютиэн, обманщица, как и все люди и эльфы! Однако же добро пожаловать в мой чертог: здесь каждому найдется свое место. Так что нового у трусишки Тингола в его норе? Что это он затеял, отпускать вот так любимое дитя? Лучше шпионов не нашел?

– Путь был долог и непрост, – ответила она, перестав петь. – Но не по воле Тингола проделала я его. Он и знать не знает, где носит его непослушную дочь. Но нынче все пути-дорожки ведут на Север, и я пришла по своей воле – с поклоном к твоему трону. Говорят, ты хотел видеть меня? У меня есть чем удивить и утешить сердца могучих королей.

– По своей воле пришла, но по моей останешься – в горе или в радости. Да, почему бы и не в горе? Боль – вот достойная участь для мятежников, воров и дерзких рабов. На что мне твои жалкие песенки и дурацкий смех? У меня и своих голосистых менестрелей хватает. С другой стороны, а почему бы и нет? Миленькая игрушка, поразвлечься на час-другой – такая чистая и светлая. Сколько таких сладких цветочков срывали в своих ленивых садах влюбленные боги, срывали и бросали, изломанных, под ноги, когда они теряли свой аромат?.. Но нам в наших тяжких трудах редко достаются такие. Так кто же откажется испытать этот медовый обман на губах, сломить бледную нежную плоть? Будь прокляты боги, будь прокляты вечные голод и жажда – хоть на мгновение я утолю их этой чудной ягодкой!

С этими словами пламя разгорелось ярче в его

глазах, и он протянул к Лютиэн свои бесстыжие руки. Но она ускользнула, как легкая тень, и пропела:

– Не так, повелитель, не так обращаются со скромными менестрелями! Кто голосист, а кто и нежен, но каждого нужно послушать, каждому дать спеть свою ноту и слово. А у меня есть чем удивить и утешить сердца могучих королей. Внимай же!

Быстрее мысли эльфийская дева подхватила свои крылья, вновь увернулась от развязных объятий Мелькора и поднялась в воздух – то она порхает перед его глазами, а то реет опять над железной короной, словно сплетая в черном просторе лабиринт крылатого танца. Внезапно она запела снова, и ее завораживающий голос полился из-под высокого купола, как водопады серебряного шепота в темные омуты сновидений. Она широко распахнула свой плащ, пропитанный сонными заклятьями, и ткала своим танцем в пустоте такой чарующе-дивный узор, что и не снился ни одному эльфу или фее – быстрее юркой ласточки, мягче летучей мыши, что вьется на закате вокруг темных домов, прекраснее воздушных сильфов, чьи крылья трепещут в унисон в небесных чертогах Варды.

Орки и балроги давно уснули внизу, а Лютиэн все пела в колдовском исступлении, кружась от стены к стене, – и вот уже брови самого Мелькора постепенно опускаются, а его глаза все медленнее ворочаются в глазницах. Их пламя понемногу угасает, и стальная воля разжимает тиски, зато Сильмариллы разгораются все ярче, наполняя подземные глубины чистым сиянием небес. Нако-

нец могучая голова склонилась вниз, и огромное туловище рухнуло с трона, как утес под горной лавиной – Мелькор распростерся на полу, а его корона покатилась в сторону с громовым звоном.

***

Все утихло и замерло, словно сердце самой Земли оцепенело в дремоте. Под пустым троном застыли окаменевшие гадюки, а кругом мертвецким сном спали волки, и точно так же рядом с ними – Берен, и ни мысли, ни мимолетному сновидению не было места в поглотившем его мраке. Но вот прохладная нежная ладонь прикоснулась к лицу:

– Проснись, проснись, вставай скорее! Пробил наш час, и хозяин Ангбанда повержен. Теперь мы одни перед этим жутким престолом.

Тихий омут сна подернулся рябью, и тут же разум Берена рванулся к поверхности. Проснувшись, он сбросил волчью шкуру и встал на ноги, осматриваясь вокруг. От мрачного безмолвия захватывало дух – казалось, он заживо заперт один в огромной гробнице. Но тут к нему прижалась Лютиэн: она потратила всю свою силу и магию и теперь дрожала, съежившись и поникнув. Берен обнял ее покрепче, изумленно разглядывая камни Феанора, что светились белым пламенем прямо у его ног. У него не хватило сил даже сдвинуть с места тяжелую железную корону, и он попытался достать пальцами один из самоцветов, ради которых они отправились в этот безнадежный поход. Тоже безуспешно – и тогда он вспомнил свой поединок с Куруфином и его гномий кинжал.

Твердый льдисто-холодный клинок без труда разрезал железные скобы, что удерживали самоцвет в короне. Берен взял Сильмарилл в руку, и его чистое сияние стало розовым, просвечивая насквозь ладонь и пальцы. Тогда Берен наклонился снова, чтобы освободить еще один кристалл Феанора – но не такова была их судьба. Лезвие, скованное коварными гномами, звонко надломилось, и острый осколок, отлетев, оцарапал Мелькору бровь. Спящий гигант отозвался загробным стоном, подобным завыванию ветра в подземных пустотах. Вздох пронесся по чертогу, орки и демоны пошевелились в неспокойном сне – а далеко сверху раздался долгий волчий вой, и его леденящие отзвуки гулко прокатились по туннелям.

Берен и Лютиэн бросились обратно, вверх от корней гор по бесчисленным коридорам, наполненным тьмой и эхом. Они бежали, как два перепуганных привидения, и их ноги подгибались от ужаса, а глаза полнились страхом от звука их собственных шагов. Наконец впереди забрезжил призрачный дневной свет – но в арке ворот их поджидало пробудившееся лихо. Кархарот издалека услышал их торопливый топот и почуял сладкий нездешний аромат. Теперь он стоял наготове, обнажив клыки, высокий и могучий, а его глаза горели тусклым жестоким огнем. Позволив беглецам подойти поближе, грозный страж прыгнул – так резко и внезапно, что никакое заклинание не успело бы смирить его снова, и его оглушительный вой наполнил привратный чертог.

Берен, оттолкнув Лютиэн в сторону, ринулся

навстречу, безоружный, но готовый защищать ее до конца. Левой рукой он вцепился в лохматое горло, а правой ударил, метя волку в глаза, – той самой правой, в которой он сжимал сияющий Сильмарилл. Клыки Кархарота сверкнули в пламени и захлопнулись, как капкан, пронзив хрупкие кости и сухожилия и откусив руку по запястье. Берена отбросило к стене, но он все еще пытался закрыть свою Тинувиэль оставшейся левой рукой. Она вскричала, видя его боль, и в ужасе опустилась на пол рядом, целуя изувеченную руку.

Кархарота же обуяло в тот час великое безумие – священный огонь кристалла Феанора безжалостно жег изнутри его нечистую утробу. От его рева скалы вокруг раскалывались и падали вниз, а орки в ужасе разбегались кто куда. Земля сотрясалась от гнева пробудившегося Мелькора, испуская струи огня и дыма, а Берен и Лютиэн лежали перед вратами преисподней, приготовившись умереть. Но тут сквозь громовые тучи спустился орел Торондор: молнии били в него, как копья, и стрелы сыпались градом с бастионов вокруг, но он подхватил двух влюбленных и унес их прочь. Они пролетели над Гондолином, и Лютиэн увидела белый город внизу, похожий на цветок лилии на равнине в кольце гор.

Торондор опустил их на землю у границ Дориата, в той самой ложбине, откуда Берен пустился в путь, оставив спящую Лютиэн. За волшебной завесой они впервые за много дней смогли вздохнуть спокойно – там пели птицы, и шелестел свежий ветерок, и лучи солнца просвечивали сквозь зеленые листья. Искусством Тинувиэли рука Берена

вскоре зажила, но его всегда называли с тех пор Берен Однорукий. А потом их отыскал Хуан, и они отправились втроем ко двору Тингола.

***

Лесные эльфы радовались, видя Лютиэн живой и невредимой, но короля путники застали в самом мрачном настроении. Лихие вести пришли с границ Дориата: великий волк в отчаянном бешенстве появился в северных лесах, сея повсюду смерть, ужас и разрушения. То ли судьба вела его, то ли невыносимая мука от пламени Сильмариллa, но завеса Мелиан не смогла удержать безумного зверя. Он носился кругом с треском и воем и все лакал и лакал воду из лесных ручьев, но ничто не могло утолить огня, что сжигал его изнутри.

Войдя в подземный чертог, Лютиэн сбросила волшебный плащ и встала перед троном в своем прежнем жемчужном наряде – и тотчас камень упал с сердца короля, а королева Мелиан запела от радости. Но потом Тингол сердито воззрился на Берена:

– И ты снова здесь, смертный. Как же твой обет? После всех бед, что ты принес в мое царство, тебе бы не стоило возвращаться с пустыми руками.

– Как тебе не стыдно, отец! – вскричала Тинувиэль, топнув ножкой, и все вокруг поразились ее новому бесстрашному настрою. – Из-за твоей жестокой шутки Берен попал в черную темницу и только милостью валаров остался жив. Он заслужил награды, а не упреков!

– Твой отец в своем праве, – вмешался Берен. – Государь, Сильмарилл сейчас в моей руке.

– Покажи мне его! – потребовал изумленный король.

Берен вытянул вперед сжатую в кулак левую руку, медленно открывая палец за пальцем – ладонь оказалась пуста.

– Увы, он в другой руке. Но ее здесь нет.

Берен повел рассказ. Тингол слушал – и поневоле дивился его смелости и достоинству, и сердце короля оттаяло, осознав, какая любовь связала его дочь с храбрейшим из людей и сподвигла ее на деяния куда более славные, чем все подвиги его лучших воинов.

– Оставайся здесь, Берен, при моем дворе, – предложил он, – и не покидай больше Лютиэн Тинувиэль.

– Я выполню наш уговор, о король, – гордо ответил Берен, – и доставлю тебе Сильмарилл, прежде чем занять место при твоем дворе. Тем более, далеко ходить не надо: волк, который разоряет твое царство, и есть тот самый Кархарот.

Тогда Тингол объявил охоту на волка, и его самые могучие воины вышли с ним – Белег Лучник и Маблунг Тяжелорукий; и Берен с Хуаном отправились тоже. Лютиэн осталась ждать их во дворце, но скверные предчувствия не давали ей покоя. Охотники выехали на рассвете, и вскоре Хуан взял след волка на берегу. Целый день они ехали вдоль ручья, видя, что его берега вытоптаны, а омуты взбаламучены неведомой тварью. Солнце село, и они остановились на ночлег, решив дежурить по очереди.

Когда Берен нес свою вахту, жуткий вой раздался вдалеке и кусты затрещали под тяжестью зверя

– Кархарот опять рвался к воде. Хуан залаял, и волк тут же свернул и бросился на охотников. С его клыков капала пена, а в горящих глазах застыл ужас пополам со злобой. Не успел он выбраться из подлеска, как Хуан напал – но огромный волк попросту перепрыгнул отважного пса. Он узнал Берена и в ярости обрушился на него, решив, что нашел причину всех своих мучений. Берен ударил вверх копьем, а Хуан ухватил волка за заднюю лапу. Адский зверь напал на него, но в тот же миг копье короля нашло его сердце. Кархарот рухнул наземь, испустив дух, но и Берен лежал под ним весь в крови. Хуан, сам смертельно раненый, бросился облизывать его лицо, а эльфы оттащили труп волка и вскрыли его живот. Ночь вдруг озарилась чудным многоцветным сиянием – это Маблунг вытащил из опаленной утробы Сильмарилл:

– Взгляни, государь!

– Я не могу принять его иначе, чем от самого Берена, – возразил король.

– Он может и не дожить до этого, если не позаботиться о нем поскорее – он серьезно ранен!

Они осторожно подняли Берена и омыли его раны, но он не открывал глаз и не говорил ни слова, только стонал. Его аккуратно уложили на носилки из ветвей и понесли обратно. Когда охотники вернулись, множество народа собралось вокруг, предлагая еду, питье и лекарственные снадобья. Носилки принесли к порогу дворца и поставили под тот самый бук, что был когда-то тюрьмой для Лютиэн. Она с плачем бросилась на грудь Берену и поцеловала его, и тогда он проснулся и узнал ее.

Маблунг отдал ему Сильмарилл, и он поднял его, дивясь его красоте, а потом медленно произнес, превозмогая боль:

– О король, вот чудесный самоцвет, которого ты так желал. Я отдаю его тебе, ведь это всего лишь камешек на дороге по сравнению с той прекрасной драгоценностью, что была у тебя. А она теперь моя.

Сказав это, Берен вложил камень в руки Тингола, но тень Мандоса уже лежала на его лице. Вскоре его дух отошел в чертоги ожидания, и все поцелуи Тинувиэль не могли вернуть его обратно.

***

На этом Веаннэ внезапно прервала свою повесть и заплакала.

– Жестокая сказка для такой маленькой рассказчицы, – грустно отозвался Эриол.

– Это еще не вся сказка, – проговорила девочка сквозь слезы. – Но это то, что я знаю наверняка.

Тут же загомонили остальные дети, и Аусир сказал:

– А я слышал, что волшебные поцелуи Тинувиэли исцелили Берена, и его дух вернулся от врат Мандоса, и они еще долго жили среди эльфов и любили друг друга.

– Все было не так, Аусир! – вмешался другой. – Послушай меня, я расскажу, как было на самом деле. Берен умер в руках Лютиэн, как и сказала Веаннэ, и он был похоронен, и Хуан тоже. Но и сама Тинувиэль не выдержала горя: не было больше ей покоя на белом свете, и она ушла вслед за любимым по той темной дороге, которую каждый должен пройти в

одиночку. А в других песнях поется, что Лютиэн одна перебралась через жестокие льды Хелкараксэ и пришла к самому чертогу Мандоса. Она омыла слезами его ноги и спела ему песню об их любви, настолько прекрасную, что даже он проникся жалостью, чего никогда не бывало раньше. Он призвал Берена и разрешил им вернуться вдвоем, но назначил свою цену: Лютиэн придется стать такой же смертной, как и ее любимый, и уйти из мира навсегда, как суждено всем смертным людям. И они вернулись вместе, рука в руке, и долго еще танцевали волшебные танцы в лесах Оссирианда.

Когда мальчик умолк, опять вступила Веаннэ:

– Да, но они не только танцевали, и ты еще услышишь рассказы об их приключениях, как-нибудь в другой раз. А пока что это все. Понравилось тебе, Эриол?

– Это поистине удивительная история, и я совсем не ожидал услышать ее от столь юной девы из Мар Ванва Тьялиэва!

– Я не сама это сочинила, – ответила Веаннэ. – Но она мне очень нравится, да и всем другим детям тоже. Поэтому я выучила ее наизусть, прочитав в огромных книгах, хоть я сама понимаю не все, что там написано.

– Я тоже, – улыбнулся Эриол, но тут Аусир закричал снова:

– А ведь Веаннэ не рассказала ничего про Хуана! Ему тоже было позволено вернуться, но он не остался в Дориате и не принял награды от Тингола. Он отправился охотиться вдвоем с Маблунгом в отдаленные края, пока не случилось ему снова

отыскать Берена из-за Наугламира, Ожерелья Гномов.

– Ну не могу же я рассказать все сразу, – возразила девочка. – Смотрите, уже время ужина, будет жаркое!

И правда, вскоре прозвенел большой гонг.

Победитель судьбы

На следующую ночь Гильфанона не было среди собравшихся, и по просьбе Линдо рассказ завел некто по имени Эльтас:

«Это история о Турине Турамбаре и драконе Глаурунге. Все рассказывают ее по-разному, но я расскажу то, что слышал еще до того, как пришел сюда тропой Олорэ Маллэ, прежде, чем пал Гондолин. Наш народ жил тогда в Дор-Ломине, в темных долинах Хитлума, далеко от берегов, между отрогами гор и дремучим лесом. Отец говорил мне, что многие из наших старших встречали злобных змеев Мелькора, и иные пали перед ними, оттого эта повесть – любимая среди людей, и ее часто рассказывали в королевствах Севера.

Слава о деяниях Берена и Лютиэн гремела на Севере, и Маэдрос понял, что Враг не так уж непобедим. Он заключил союз с Фингоном, верховным королем нолдоров, и они вместе бросили вызов твердыне Врага. Из-за клятвы Феанора и ее злых плодов Маэдрос получил меньше помощи, чем мог бы – лишь немногие эльфы явились из Нарготронда, и люди помнили стрелу Куруфина, что нанесла рану Берену.

В Дориат сыны Феанора направили послов и, следуя клятве, потребовали вернуть Сильмарилл – или стать их врагом. Мелиан советовала мужу уступить, и быть может, он и прислушался бы, но слова

посланцев были полны высокомерия и угрозы, и Тингол разгневался, помня, какой ценой был добыт камень вопреки злобе Келегорма и Куруфина. К тому же чем больше он любовался самоцветом, тем больше желал оставить его себе навсегда – такова была его сила. Оттого он отослал гонцов со словами презрения, и Келегорм с Куруфином поклялись уничтожить его и его народ.

Зато нежданная подмога пришла союзникам от Тургона из Гондолина – он решил, что настал наконец предсказанный час избавления. Хурин, князь людей Дома Хадора, тоже откликнулся на призыв Фингона и повел свой народ на войну. Своих жен и детей они оставили в Дор-Ломине, и семья Хурина тоже осталась: сыну его Турину шел девятый год, и он был еще слишком мал для битвы.

Затрубили серебряные горны, и обнаженные мечи нолдоров вспыхнули, как пожар в полях тростника, и белоснежные стяги Фингона взвились у самых стен Ангбанда. Атака эльфов была так стремительна, что Гвиндор из Нарготронда сумел даже пробиться через врата и разил орков в подземных туннелях, и Мелькор дрожал на своем троне, слыша, как ломятся в его двери. Но потом он выслал свои тайные силы – орков и волков, балрогов и драконов, и с ними был Глаурунг, чья мощь и ужас выросли неимоверно.

Множество эльфов сложили головы в той битве вместе с королем Фингоном или попали в рабство, поэтому имя ей – Битва Бессчетных Слез. Из всех эльфов лишь Тургон и его воины смогли прорубить себе путь и вернуться в Гондолин. Гномы

Белегоста сражались на стороне Маэдроса, и даже могучая броня Глаурунга крошилась под ударами их боевых секир. Но дракон сразил их короля Азагхала и прополз по нему, а вастаки предали сынов Феанора и ударили союзникам в спину. Люди Хурина бились за эльфов до конца, и никто из его войска не вернулся назад. Сам же он был захвачен в плен, связан и доставлен Готмогом живым в Железный Чертог.

– Неужто это сам Хурин Стойкий, плененный, как последний трус? – приветствовал его Мелькор. – Знаешь ли, кто я? Знаешь ли, что такое пытка балрогов, которая ждет тебя?

– Знаю, и ненавижу тебя. Поэтому и сражался с тобой без страха, и не боюсь сейчас ни тебя, ни твоих демонов.

Князь балрогов Лунгортин ударил пленника по губам, но Мелькор лишь улыбнулся:

– Еще поплачешь, когда пламя запляшет под пятками, а плетки балрогов исхлестают твою плоть. Но есть и способ облегчить твою участь. Допроси пленников-эльфов, притворись их другом, выясни, где прячется Тургон – и я отпущу тебя и сделаю военачальником над орками и балрогами. Поступай ко мне на службу, отрекись от ненависти и старой вражды – и увидишь, что я милосерден и умею отплатить добром за добро.

– Даже и не надейся, Моргот-душитель! Я не стану орудием твоих замыслов, пытка мне слаще, чем печать предателя.

– Пытка сладка, но сокровища слаще. Богатства бесчисленных эпох и самоцветы ревнивых богов

хранятся в моей сокровищнице, и я одарю тебя щедро…

– Хватит хвастаться наворованным, нечестивый Моргот! Как ты не поймешь – я ненавижу тебя и все твои посулы. Делай, что хочешь, но никогда ты не заставишь меня вершить твои злые дела, враг богов и людей!

Тогда Мелькор в гневе наложил на Хурина и весь его род жуткое проклятие валаров:

– Ну что ж, больше предлагать не буду. Но тень моего замысла лежит на всей Арде; и на всех, кто дорог тебе, я налагаю тяжелый рок тьмы и отчаяния. Куда бы они ни пошли, там вырастет зло, что бы они ни сказали, слова принесут лихо, что бы они ни сделали – все обернется против них. Они умрут без надежды, проклиная и жизнь, и смерть.

Затем он усадил Хурина в кресло на вершине Тангородрима и приковал там его накрепко своей магией, и навел на него дар видения, бессонный взор богов:

– Отсюда ты узришь все мои дела, и не двинешь ни рукой, ни ногой, чтобы помешать им. Ты осмелился дразнить меня, усомнился в могуществе Мелькора, Властелина Судеб Арды! Теперь моим взглядом ты увидишь, и моим слухом услышишь: все беды жены твоей и детей будут открыты тебе, но ты ничем не сможешь помочь. А судьбу Турина, твоего сына, эльфы и люди будут оплакивать каждый раз, когда настанет ночь сказок.

***

У жены Хурина Морвен родилась тем временем дочь Ниэнор. Вастаки поселились теперь в Хитлуме по воле Мелькора, и они грабили уцелевших аданов, уводили их скот и обращали их в рабство. Морвен они пока не трогали, считая ее ведьмой в дружбе с эльфами, но ее доля была тяжкой и голодной – воспитывать без мужа и сына, и дочь. Выручала только тайная помощь ее невестки Аэрин, которую взял в жены один из вожаков вастаков. Милостыня тяготила гордую Морвен, но она принимала ее ради детей – да и в конце концов это была часть ее же имущества, похищенного вастаками.

Осень года Бессчетных Слез шла на убыль. Хурин все не возвращался, а вастаки рыскали за оградой и следили за домом. Наконец Морвен решилась отослать Турина ко двору Тингола, чтобы он вырастил его в память о Берене и научил премудростям эльфов и фей:

– Ты должен уходить, мой сын, и уходить быстро. Не буду скрывать – дорога через горы трудна и опасна, но если ты останешься, тебя ждет худшая участь: участь раба.

– Я не оставлю тебя, мама, – заспорил Турин. – Разве не говорил мой отец, что я наследник рода Хадора? Значит, я должен остаться в его доме и защищать его!

– Таков долг наследника, но сейчас тебе нельзя оставаться. Быть может, однажды ты вернешься сюда. Приободрись! Если дела пойдут совсем худо, я последую за тобой, как только смогу.

– Но как же ты найдешь меня в глуши? – спросил Турин, и в его глазах показались слезы.

– Если будешь плакать, тебя найдет кое-кто похуже. Я знаю, куда посылаю тебя, – ко двору короля Тингола в Дориате. Кем ты хочешь быть – гостем короля или рабом?

– Не знаю. Я не знаю, что такое «раб».

– Вот я и отсылаю тебя отсюда, чтобы тебе не пришлось узнать это, – ответила Морвен, вглядываясь в глаза сына, как будто пытаясь прочитать в них какую-то тайну.

Так Турин приготовился к походу и, попрощавшись с Морвен, отправился в путь с двумя провожатыми из числа старых слуг. Когда дом матери в Дор-Ломине скрылся из вида за деревьями, он крикнул сквозь слезы:

– Мама, я скоро вернусь к тебе!

Но он еще не знал, что рок Мелькора разделил их навеки. Долгим был путь через перевал в горах и леса Бретиля, и не раз Турин и два его спутника сбивались с пути и днями блуждали бесплодно, пока волки и орки рыскали вокруг. В конце концов они нашли дорогу, и Турин возблагодарил валаров – а быть может, и вправду тропа, сплетенная Мелькором, вела его судьбу. На границах Дориата они попали в лабиринт Королевы, но их крики в лесу услышал Белег – он как раз охотился в этих краях. Он поделился с ними едой и питьем и был очень удивлен, узнав их имена:

– Что же ты хочешь от короля Тингола? – спросил он мальчика.

– Я стану одним из его рыцарей и поеду вое-

вать с Морготом, чтобы отомстить за папу! – ответил Турин.

– Наверняка так и будет, только подрасти немножко. Ты еще молод, но у тебя задатки храброго воина, достойного сына Хурина Стойкого.

Путники отдохнули в охотничьей избушке, а потом Белег провел их тайными путями через болотные заросли и могучий мост прямиком в Менегрот, подземный чертог Тингола. Помня о родстве Хурина и Берена, король принял их тепло, и посадил Турина к себе на колени – и все кругом дивились, ибо это означало, что король признает Турина своим приемным сыном. Тингол же сказал:

– Добро пожаловать в лесное царство! Как сын будешь ты мне, дитя Хурина, и узнаешь всю мудрость эльфов. Ты получишь эльфийское оружие, а придет время – может, и отвоюешь земли предков в Хитлуме.

Немало радости знал Турин в Дориате, но тоска о маме никогда не оставляла его. Посланцы Тингола по просьбе Мелиан доставили ей дары из Дориата и звали ее вернуться с ними, но гордость пока не позволяла ей оставить свой дом, да и Ниэнор была еще совсем малышкой. Однако Морвен отослала с ними шлем Хадора, фамильную реликвию их рода, скованную гномом Тельхаром из Ногрода. Он был сработан из серой стали и украшен золотом, и руны победы были высечены на нем, а лицо носителя прикрывало забрало по образу защитных масок гномов, какие они носили в своих горячих кузнях. Колдовская сила, заключенная в шлеме, защищала носителя от ран и гибели, ибо

мечи, что били в него, ломались, а стрелы отскакивали прочь. На его гребне была изображена в знак вызова золотая голова дракона Глаурунга, и когда Хадор встарь надевал его перед битвой, все кругом говорили: «дракон Дор-Ломина сильнее золотого змея Ангбанда!»

Услышав от гонцов ответ Морвен, Мелиан поняла, что злую судьбу, которую она предвидела, не так-то просто сбить с пути, а Турин убежал в лес и заплакал.

***

. Турин вырос сильным и твердым в решениях, но был молчалив и нелюдим. Белег научил его искусству лесной жизни, а еще стрельбе из лука и бою на мечах – последнее Турин полюбил больше всего. Но в других делах удача часто отворачивалась от него: вещи, что он мастерил, ломались, и желаемое оказывалось вне досягаемости, и мало кто любил его. Совсем горько стало ему, когда перестали приходить вести от Морвен из Хитлума. Прежде Тингол посылал к ней гонцов так часто, как мог, и они возвращались с весточкой для сына – он знал, что сестра Ниэнор растет красавицей, как цветок серого Севера. Но однажды гонцы не вернулись, и Тингол не посылал больше: власть Врага росла, и перевалы теперь были непроходимы, и уже границы самого Дориата полнились орками и иными злыми тварями.

После долгих и тяжких раздумий Турин пришел к королю, и Тингол взглянул на него с удивлением: вместо приемного сына он увидел, казалось,

высокого незнакомца с бледным лицом, чьи глубокие глаза смотрели на него из-под темных волос. Турин попросил кольчугу, щит и меч и заявил, что готов принять драконий шлем Дор-Ломина. Король выполнил его просьбу и сказал:

– Ты получишь место среди моих рыцарей-меченосцев, ибо меч – твое оружие, отныне и навсегда. Теперь ты можешь принять участие в войне на границах, если таково твое желание.

– Я мечтаю об атаке на Врага, а не о защите границ, – возразил Турин.

– Тогда тебе придется идти одному, – ответил Тингол. – Я сам решаю, как моему народу воевать с Ангбандом, сын Хурина, и я не готов посылать свое войско в бой, ни сейчас, ни в обозримом будущем.

– Но ты волен действовать, как считаешь нужным, сын Морвен, – добавила Мелиан, что сидела рядом с мужем под великим буком Хирилорном. – Моя завеса не остановит того, кто вошел сюда с нашего позволения.

– Может, хоть мудрый совет остановит, – сказал Тингол.

– Каков же твой совет, государь? – спросил Турин.

– Ты возмужал, но еще не достиг своей полной силы. Когда это время придет, ты вспомнишь о своем народе. Но один смертный немногого добьется против Темного Властелина – разве что помочь эльфам в их обороне, пока она еще держится.

– Берен, мой родич, добился большего, – заметил Турин.

– Берен и Лютиэн, – ответила Мелиан. – Но

дерзко с твоей стороны говорить так отцу Лютиэн. Не так высока твоя судьба. Но она связана с судьбой эльфов, я думаю, к добру или к лиху. Берегись, чтобы не обернулась к лиху, и помни мой совет: бойся как пламени, так и холода в своем сердце.

***

Так Турин начал выходить с другими воинами Тингола нести стражу на границах королевства, чтобы утишить свою печаль о матери и гнев за отца. Немало орков сразил он в тех вылазках, мстя за беды своего рода, и сам не раз был ранен их стрелами, копьями и кривыми клинками. Но рок хранил сына Хурина от смерти, и слава о его храбрости и драконьем шлеме Хадора широко разошлась по лесам. Лишь один из эльфов Дориата превосходил Турина в воинской славе: охотник Белег, непревзойденный знаток лесов и холмов. Никто, кроме самого Белега, не мог согнуть его лук Бельтрондинг из древнего черного тиса, а его верные лучники, одетые в серое и зеленое, умели разведать все замыслы и передвижения врагов. Оттого Турин, который больше доверял мечу и щиту, и его товарищи-латники могли уходить от засад и успешно атаковать там, где их не ждали.

Однако от долгой жизни в лесах и походах вид Турина сделался дик и неопрятен, и оттого один из придворных эльфов по имени Оргоф, что любил украшения и роскошные наряды, вечно донимал его насмешками. Оргоф был раньше другом Даэрона и не любил людей, удивляясь, отчего еще одному из этой несчастной расы позволили жить в Дориате.

Турин не отвечал на колкости, а его глаза под косматыми бровями смотрели вдаль, словно он видел и слышал нечто далекое и недоступное прочим. Однажды на королевском пиру Оргоф, выпив лишнего, с издевкой предложил Турину расческу. Турин опять не ответил, и Оргоф проговорил:

– Не умеешь ей пользоваться? Беги тогда к своей матери, может, она научит – разве что женщины Хитлума такие же страшные, как ты сам.

Жестокий гнев и горечь поднялись тогда в сердце Турина – он схватил тяжелую золотую чашу и, не ведая своих сил, швырнул ее в лицо обидчику:

– Это заставит твой болтливый рот замолчать, глупец!

Оргоф рухнул назад, ударившись головой о каменный пол и стащив за собой стол и все, что стояло на нем. Его лицо было разбито и болтливый рот молчал, ибо он был мертв. Наступила тишина, и все встали, а родичи Оргофа схватились за мечи. Однако никто не ударил, поскольку король не подал знака, но лишь ошеломленно смотрел на тело своего придворного. Турин же бежал в ночь, и, омыв руки в ручье, вскричал в слезах:

– Неужто какое проклятье на мне? Что я ни делаю – все выходит не так! И теперь я должен бежать из дома приемного отца, изгой, проливший кровь...

Не веря в правосудие короля, Турин поспешил прочь из его царства, за пределы Завесы Мелиан. Он направился на запад, не смея вернуться в Хитлум, чтобы не огорчать мать своим позором и не навлечь гнев эльфов на свой народ. Страх его был напрасен – хоть он и не ведал о том, Тингол про-

стил его и выплатил родичам погибшего виру за его смерть: ведь все знали, что Оргоф был остер на язык и Турин терпел его достаточно долго.

– Что мне делать, Белег? – пожаловался король. – Я любил Турина, как собственного сына, а теперь все скажут, что я изгнал его без вины!

– Я найду Турина и верну его, если получится. Мне он тоже очень дорог, – пообещал Белег и немедля отправился на поиски.

***

До Битвы Бессчетных Слез к западу от Сириона обитало немало вольного народа в разбросанных тут и там лесных хуторах – они промышляли охотой и разводили свиней, расчищая и огораживая делянки в лесу. Но теперь оставшиеся фермеры жили в страхе перед орками и разбойниками. Дезертиры с войны, беженцы из разоренных земель или просто лихие люди, изгнанные за свои злодейства, скитались кругом и сбивались в ватаги, не щадя ни орка, ни эльфа, ни человека.

Одна такая шайка из полусотни отчаянных сорвиголов бродила тогда как раз у западной границы Дориата. Их ненавидели едва ли меньше, чем орков: многие из них были жестоки и озлоблены на весь род людской. Таким, например, был Андрог – его изгнали из Дор-Ломина за убийство женщины. Оттуда же был родом старик Альгунд, дезертир с Битвы Бессчетных Слез, а Блодрин так и вовсе был эльфом, но только по крови: в детстве его похитили гномы Ногрода и воспитали в своих подземельях, и все, чего он желал – побольше добычи, и мяса, и

вина, и хмельного меда на шумных пирушках. Вожаком шайки был некто Форвег, светловолосый силач с постоянно бегающими глазками. Разбойники были очень осторожны и всегда выставляли часовых во время привала и рассылали разведчиков, когда пускались в путь, поэтому приближение Турина не осталось для них незамеченным.

Турин вышел на полянку у ручья и обнаружил, что его окружили люди с натянутыми луками и обнаженными мечами. Он остановился, но без особого испуга:

– Кто вы такие? Я думал, только орки устраивают засады на людей. Похоже, я ошибался.

– Ты пожалеешь об этой ошибке, – ответил Форвег. – Это наши угодья, и чужие здесь не ходят. А если заходят, то платят своей жизнью – разве что у них найдется, чем выкупить ее.

– От меня вы выкупа не дождетесь, – рассмеялся Турин. – Я и сам преступник и изгой. Можете обыскать меня, когда убьете, и убедитесь сами – но это обойдется вам недешево.

Тем не менее, его смерть казалась неминуемой: множество стрел было нацелено на него, но все враги стояли дальше, чем он мог дотянуться мечом. Однако Турин приметил гальку, что валялась на берегу ручья. Внезапно он нагнулся, и тут же один из разбойников, разозленный его словами, отпустил тетиву. Стрела пролетела над Турином, а он, выпрямившись, метнул камень в лучника – и тот рухнул наземь с пробитой головой.

– Я могу пригодиться тебе живым, вместо этого бедолаги, – обратился Турин к Форвегу. – Но если

ты здесь главный, не стоит позволять своим людям стрелять без команды.

– Я и не позволяю, – ответил Форвег, – но он поплатился за самоуправство достаточно быстро. Я возьму тебя вместо него, если будешь слушаться лучше.

Двое из разбойников возмущенно закричали:

– Хорошенький способ попасть в наше братство, убить одного из наших лучших людей!

– Он сам напросился, – возразил Турин. – Но давайте так: я сражусь с вами обоими сразу, с оружием или без, и мы посмотрим, достоин ли я занять место одного из ваших лучших людей.

С этими словами он двинулся на них. Один из разбойников, Ульрад, отступил – он был другом погибшего, но не рискнул драться. Второй, тот самый Андрог, бросил свой лук и смерил Турина долгим взглядом.

– Я тебе не соперник, – сказал он наконец, качая головой. – Да и никто здесь, наверно. Как по мне, так можешь присоединяться. Но в тебе есть что-то странное, я вижу – ты опасный человек. Как тебя звать?

– Зовите меня Нейтан, «без вины виноватый».

Так Турин вступил в ватагу и сумел заслужить уважение новых товарищей: он был силен и храбр, а лес знал так и вовсе лучше всех. Он ничего не рассказывал о себе, но они видели, что он когда-то занимал высокое положение, а его оружие выковано эльфийскими кузнецами. Разбойники доверяли Турину – он не был жаден или корыстолюбив, но побаивались его внезапных приступов беспричин-

ного гнева.

***

Студеной зимой хуторяне оставляли в лесу немного еды, надеясь откупиться от нападений голодной шайки. Но благодарности от разбойников не дождешься, поэтому лесовики больше полагались на своих собак и ограды: вокруг каждого хутора был ров и частокол, а между хуторами – дорожки, так что в случае беды можно было протрубить в рог и позвать на помощь. Так прошла зима, и наступила юная радостная весна. Однажды Турин увидел, что Форвега и Андрога нет в лагере, и спросил остальных, куда они подевались.

– Ушли по своим делам, – со смешком ответил Ульрад. – Скоро вернутся, и тогда двинемся в дорогу. Причем двинемся быстро, я так думаю: нам повезет, если они не приведут за собой пчел из улья.

Устав от жалкого лагеря изгоев, Турин ушел в одиночку бродить по лесу. Лучи солнца играли на зеленых листьях, и ему поневоле вспомнился Дориат: казалось, кругом звучат имена эльфийских цветов на древнем, почти забытом наречии. Вдруг раздались крики, и из кустов орешника выбежала, задыхаясь, перепуганная молодая девушка. Ее одежда была изорвана колючками, и он увидел, как она, споткнувшись, рухнула на землю. Выхватив меч, Турин бросился вперед и тотчас зарубил мужчину, который ломился ей вслед через заросли, – и только в момент удара понял, что это был Форвег. Он застыл, удивленно глядя на кровь на траве. Тут из

леса показался Андрог и тоже замер, потрясенный.

– Злое дело, Нейтан! – вскричал он, доставая меч.

Но Турин уже остыл и спросил Андрога:

– Так где же орки? Вы обогнали их, чтобы спасти ее?

– Какие орки, глупец?! И ты еще считаешь себя разбойником? Нам закон не писан, берем, что хотим. Занимайся своими делами, Нейтан, и не лезь в чужие.

– Буду иметь в виду. Но сегодня наши дорожки пересеклись. Ты оставишь эту женщину мне, или присоединишься к Форвегу.

– Раз так, будь по-твоему, – засмеялся Андрог. – Я не справлюсь с тобой в одиночку, но нашим товарищам не понравится это убийство.

Девушка тем временем поднялась на ноги и положила ладошку на руку Турина. Она посмотрела на кровь, потом снова на Турина, и в ее глазах засветилась радость.

– Убей его тоже, господин! – попросила она. – Убей и второго, и пойдем со мной. Ларнах, мой отец, будет доволен. За две разбойничьи головы награда выше!

– Далеко до ее дома? – спросил Турин Андрога.

– Миля или около того. Там хутор за оградой, но она бродила снаружи.

– Беги домой, – велел Турин, снова повернувшись к девушке, – и скажи отцу, чтобы берег тебя получше. Но я не стану рубить головы моих товарищей ни ради его милости, ни ради чьей-то еще.

Он вложил меч в ножны и обратился к Андро-

гу:

– Пошли обратно. Если хочешь похоронить вожака, занимайся этим сам: скоро поднимут тревогу. И забери его оружие.

Без лишних слов Турин ушел прочь, а Андрог смотрел ему вслед, нахмурившись, словно разгадывая какую-то загадку. Вернувшись в лагерь, Турин обнаружил разбойников в смятении и беспокойстве: они оставались здесь слишком долго, а окрестные хутора хорошо охранялись.

– Форвег рискует за наш счет, – судачили они, – а другим придется расплачиваться за его развлечения.

– Так выберите себе другого вожака! – заявил Турин, встав перед ними. – Форвег мертв и не поведет вас больше.

– Откуда ты знаешь? – спросил Ульрад. – Ты искал меда из того же улья? Пчелы зажалили его?

– Нет, – отвечал Турин. – Одного жала хватило: его убил я. Но я пощадил Андрога, и он скоро вернется.

Затем он рассказал остальным о том, что случилось, упрекая тех, кто творил такие непотребства. Тут появился и Андрог с оружием Форвега:

– Смотри, Нейтан, никакой тревоги! Наверно, она надеется, что ты еще вернешься.

– Пошути еще, и я пожалею, что оставил твою голову на плечах. Слушайте все! Я даю вам шанс. Выберите меня вождем вместо Форвега или позвольте мне уйти. Но если желаете убить меня, что ж, приступайте. Я буду биться со всеми вами, пока не паду мертвым – или не падете вы.

Некоторые схватились за оружие, но Андрог остановил их:

– Нет уж! В голове, которую он оставил на плечах, есть еще рассудок. Если затеем драку, многие падут напрасно, прежде чем мы сразим лучшего среди нас. Да, так было и раньше, когда он присоединился к нам: он убивает, чтобы расчистить себе место. Но он может повести нас к лучшей участи, чем умыкать чужих дочерей.

– Лучший среди нас… – вздохнул старый Альгунд. – Когда-то и мы сами поступили бы так же, если бы хватило смелости – а теперь мы все позабыли. Быть может, он еще приведет нас домой.

Турин задумался: и правда, а вдруг с этой небольшой шайки начнется его собственная держава? Так разбойники выбрали его вожаком, и он повел их подальше от людских жилищ.

Тем временем Белег продолжал поиски, хотя надежды оставалось все меньше. Сначала он направился на север – земля там полнилась слухами о новом вторжении орков из Таур-ну-Фуина, и он вернулся в земли лесного народа. Там он услышал странную историю о благородном воине, похожем на эльфа, который зарубил разбойника и спас дочь Ларнаха:

– Такой гордый, с ясными глазами, – рассказала Белегу спасенная девушка, – а на меня и не взглянул почти. Но он назвал разбойников своими товарищами и не убил второго, который стоял рядом. Тот знал его по имени, он назвал его «Нейтан».

– Сможешь разгадать эту загадку? – спросил Ларнах эльфа.

– Увы, да. Это тот, кого я ищу. А вам нужно спешить: сюда движутся орки, и вам не справиться с ними. Уходите в Бретиль, пока есть еще время.

На этом Белег снова пустился в погоню, высматривая знаки и расспрашивая людей и зверей. Он находил покинутые лежбища, но нагнать неуловимую ватагу все не получалось: слишком хорошо он сам научил когда-то Турина скрываться в лесах и заметать следы.

***

Случилось так, что Турин с одним из разбойников отправился наблюдать за отрядом орков, оставив Андрога за главного. Однако вражьи разведчики обнаружили их: товарищ Турина пал, пронзенный стрелами, а самого его спасла эльфийская кольчуга – но ему пришлось бежать далеко от знакомых мест. На третий день его отсутствия разбойников наконец отыскал Белег: он вышел к их костру без оружия, но они вскочили в страхе, а Андрог, подкравшись сзади, накинул аркан и стянул его руки.

– Если вы так не любите гостей, стоило бы держать стражу получше, – укорил их Белег. – Что же это за прием? Я пришел с миром, и ищу только своего друга – вы зовете его Нейтан, как я слышал.

– Его здесь нет, – отозвался Ульрад. – Но откуда ты знаешь это имя? Ты шпионил за нами?

– Шпионил, причем долго, – заключил Андрог. – Вот сейчас и выясним, зачем.

Он велел остальным накрепко привязать Белега к дереву возле пещеры и долго допрашивал его, но

эльф твердил свое:

– Я был другом Нейтану с самого детства, и несу ему добрые вести.

– Давайте убьем его и покончим с этой слежкой! – злобно потребовал Андрог: ему приглянулся длинный лук Белега, ведь он и сам был лучником. Но другие были против, и Альгунд возразил:

– Когда вождь вернется, тебе не поздоровится, если ты лишишь его и друга, и добрых вестей.

– Я не верю этому эльфу. Он лазутчик короля Дориата! Если у него есть вести, пусть расскажет нам, а мы уж решим, стоят ли они того, чтобы сохранять ему жизнь.

– Я подожду вашего вождя, – отозвался Белег.

– Тогда будешь стоять так, пока не заговоришь, – решил Андрог.

Разбойники оставили эльфа без еды и питья, а сами уселись рядом обедать. Так прошло два дня, и шайка забеспокоилась: многие хотели двигаться дальше и уже не прочь были избавиться от пленника. Ночью они собрались у пещеры, и Ульрад принес горящую ветку от костра. В этот самый момент вернулся Турин – и увидел в отблесках огня измученное лицо друга. Со слезами в глазах он бросился вперед и разрезал путы, и Белег рухнул ему на руки.

– Вы были жестоки, и безо всякой причины! – разбранил он своих соратников, гневаясь и на самого себя тоже: изгои нередко убивали случайных свидетелей, и он не возражал, да и сам частенько нелестно отзывался о короле Тинголе. – Пытать пленника, что за орочье дело! Никогда больше моя

рука не поднимется на эльфа или человека – у Ангбанда и так хватает слуг. Если другие не дадут такой же обет, я пойду дальше один.

– Не один! – молвил Белег, открыв глаза. – Теперь я расскажу свои вести: ты не изгнанник, и «Нейтан» – неподходящее имя. Твой проступок был прощен, и ты можешь с честью вернуться на службу к королю. Сила и храбрость нужны на северных рубежах: все больше орков наступает из Таур-ну-Фуина.

Помрачнев, Турин долго сидел молча, а утром расспросил Белега обо всех подробностях. Наконец он ответил так:

– Гордость живет в сердце человеческом, как говорил король эльфов. Так оно и есть, Белег. Я не хочу возвращаться в Менегрот, как нашкодивший мальчишка. Это я должен даровать прощение, а не просить о нем.

– Что же ты будешь делать? – встревоженно спросил Белег.

– Пойду путем свободных, – решил Турин. – Теперь у меня есть соратники из моего народа. Тингол не впустит их всех, но в каждом из них есть добро, и мне дороги даже худшие из них. Мы будем жить своим умом и вести войну по-своему. Оставайся с нами!

– Ты надеешься исцелить их от зла? Они подведут тебя. Я не доверяю им, особенно одному из них.

– Как может эльф судить о людях? Сам я сожалею теперь о каждом ударе, кроме тех, которые нанес Врагу людей и эльфов.

– Может судить так же, как и о деяниях любого другого, – возразил Белег, но не стал рассказывать о жестокости Андрога, опасаясь, что Турин в его нынешнем настроении скорее всего не поверит ему, а то и вовсе вернется на путь лиха. Долго пытался он переубедить старого друга, но в конце концов сдался:

– Ты суров и упрям, но буду упрям и я. Если тебе нужен мой лук, ищи меня на границах Дориата.

Так они и простились – друзьями, но в печали. Вернувшись, Белег рассказал королю и королеве о Турине и его соратниках, умолчав только об их жестоком обращении с ним.

– Что же еще мне сделать для Турина? – со вздохом спросил король.

– Дай мне позволение, государь, и я постараюсь направить и охранить его, насколько смогу. Жалко, если такой герой пропадет в глуши.

– Делай, как считаешь нужным. Я и так уже обязан тебе многим, Белег. Чем я могу отблагодарить тебя за помощь моему приемному сыну?

– Мне бы не помешал добрый меч, – ответил Белег. – Орков стало слишком много для моего лука, а мой клинок не справляется с их доспехом.

– Бери любой, кроме моего собственного, – предложил король.

Тогда Белег выбрал меч Англахел, выкованный из железа, упавшего с неба горящей звездой: его отдал Тинголу темный эльф Эол в уплату за право жить в его лесах. В кузнечном деле Эол превосходил даже нолдоров, и многие считали, что причиной тому – *моргул*, черное искусство, какому учил Мель-

кор. Англахел рассекал любое железо, добытое из недр земли, и лишь один меч в Средиземье был равен ему: брат его Ангуирел, выкованный тою же рукой и из того же металла. Ангуирел был впоследствии похищен сыном Эола Маэглином, и ему нет места в этой истории. Король протянул Англахел Белегу рукоятью вперед, но Мелиан сказала:

– Лихо обитает в этом мече, и черно было сердце его кузнеца. Недолго он прослужит тебе.

***

Дела разбойников тем временем шли неважно. Зарядили дожди, и все леса полнились орками, так что люди Турина чаще бывали добычей, чем охотниками. Многие из шайки начинали роптать: нет грабительских набегов – нет и золота, только новые раны да бессонные вахты, а ведь нужно было уже искать укрытие и готовить припасы на зиму.

Одним промозглым осенним днем соратники Турина укрылись в роще падуба рядом с открытой пустошью, усеянной валунами. Все было тихо, лишь капли дождя мерно капали с листьев. Вдруг часовой подал знак. Разбойники вскочили на ноги и увидели три фигуры в серых капюшонах, крадущиеся между камней. У каждого был тяжелый мешок, но тем не менее путники двигались бодро. Турин приказал им остановиться, и его люди бросились вперед, как гончие псы. Незнакомцы не подчинились, и двое из них вскоре скрылись в сумерках, хоть Андрог и выпустил стрелы им вслед. Но один из путников отстал – должно быть, его ноша была тяжелее прочих, и разбойники вскоре схватили его. Старик

вырывался и кусался, как зверь, но руки людей держали его крепко.

– К чему такая суровость? – упрекнул их Турин. – Он стар и мал, чем он опасен?

– Он кусается, орочье отродье, – проворчал Андрог, показывая окровавленную руку. – Убьем его!

– Судя по бороде, это всего лишь гном. Поставьте его и пусть говорит, – возразил Турин.

– Я стар и беден, – взмолился гном, упав на колени перед Турином. – Всего лишь гном, верно, и меня зовут Мим. Не убивайте меня без причины, вы же не орки!

– Ты и правда выглядишь бедно, Мим, что отнюдь не похоже на гнома. Но, видишь ли, мы сами еще беднее – ни дома, ни друзей. Если мы пощадим тебя, каков будет твой выкуп?

– Чего же ты хочешь, господин? – настороженно спросил Мим.

– Ничего особенного, – ответил Турин, уныло глядя вокруг сквозь капли дождя. – Безопасное убежище, чтобы выспаться подальше от этой сырой чащи. Наверняка у тебя есть такое.

– Есть, но я не отдам его: я слишком стар, чтобы спать без крыши над головой.

– Тебе нет нужды стареть дальше, я позабочусь об этом, – вмешался Андрог, взявшись за кинжал.

– Нет, господин! – закричал перепуганный гном. – Без меня вы не найдете мое жилище! Я не могу отдать его, но я поделюсь им с вами: там вполне достаточно места.

– Если ты отведешь нас в свой дом без подво-

ха, то твоя жизнь в безопасности, – уверил его Турин. – Никто из моих людей не покусится на нее, клянусь в этом.

– Мим будет твоим другом, господин, – пообещал гном, обхватив Турина за колени. – Сначала я решил, что ты эльф, по твоему говору. Но ты – человек, а это куда лучше. Мим не любит эльфов – они захватили наши чертоги, пещеры Нарготронда, и от них пошел упадок моей расы.

– И где же это твое убежище? – осведомился Андрог. – Оно должно быть весьма приличным, чтобы я согласился делить его с гномом. Андрог не любит гномов – на востоке, откуда мы пришли, мало хорошего говорят об этой расе.

– Суди о моем доме, когда увидишь его, – отозвался Мим. – Вам, бестолковым людям, нужно будет выйти засветло, чтобы добраться туда. Я вернусь утром и поведу вас.

– Ну уж нет! – вскинулся Андрог. – Ты же не позволишь этого, вождь? Этак мы больше никогда не увидим старого пройдоху.

– Пусть оставит нам что-нибудь в залог, – предложил Турин. – Как насчет твоего мешка и его содержимого, Мим?

– Отпустите меня! – взмолился Мим в тревоге, вновь рухнув на колени. – Если бы я не собирался возвращаться, то и старый мешок с корешками не заставит меня вернуться.

– Тогда останешься здесь вместе со своим мешком, – решил Турин. – Проведешь ночь под деревьями, может, и сам посочувствуешь нашей доле.

Разбойники привели старого гнома в свой

неказистый лагерь – всю дорогу он бормотал что-то на своем странном грубом языке, казалось, исполненном древней злобы. Но когда Миму связали ноги, он внезапно умолк. Так он и просидел всю ночь, неподвижный, как камень, и лишь его бессонные глаза поблескивали в темноте.

Перед рассветом дождь перестал, и ветер зашумел среди деревьев. Утро выдалось славное, куда ярче, чем в предыдущие дни – южный бриз развеял тучи, и на чистом небе показалось восходящее солнце. Глаза гнома были закрыты, и в утреннем свете он казался сморщенным и иссохшим от старости.

– Уже достаточно рассвело, – сказал Турин, склонившись над ним.

Мим открыл глаза и указал на свои путы. Когда их развязали, он сказал яростно:

– Слушайте, глупцы! Никогда не связывайте гнома. Он не простит этого. Я не ищу смерти, но мое сердце пылает, и я жалею о своем обещании.

– А я – нет. – ответил Турин. – Ты отведешь нас в свой дом, и до тех пор мы не будем говорить о смерти. Такова *моя* воля.

Он уставил взор в глаза гнома, и тот, не выдержав, отвел взгляд – на самом деле, мало кто мог устоять перед волей Турина, когда тот был в гневе или утвердился в некоем решении. Мим поднялся с земли и произнес:

– Следуй за мной, господин.

– Так-то лучше, – заключил Турин. – Но теперь я скажу так: я понимаю твою гордость. Жить тебе или нет, мы посмотрим, но ты никогда больше

не будешь связан.

***

Люди отвели гнома на то место, где он был пойман, и он указал на безлесную вершину, что поднималась над равниной на западе:

– Она звалась Шарбхунд на нашем языке, пока эльфы не поменяли все имена.

После долгого дня пути Мим привел их к холму на восточном краю высокого кряжа. На его склонах росли рощицы берез и рябин, а кое-где за скалы цеплялся могучий древний боярышник. Вершина холма, который по-эльфийски назывался Амон Руд, возвышалась на тысячу футов над скалистой пустошью, а серые камни на ней сплошь заросли алыми цветами *серегона*.

– Смотрите, там кровь на вершине! – крикнул Андрог.

– Еще нет, – отозвался Турин.

Гном повел их вверх мимо неверных шатких валунов, ориентируясь на какие-то тайные знаки: то тут, то там виднелись глубокие обрывы и ямы, замаскированные терном и ежевикой. Наконец они вышли к отвесной стене под ветвями старых рябин и ароматного утесника. В ней обнаружилась расщелина, укрытая нависающими сверху длинными ползучими растениями. Один за другим они ступили на сырую каменистую тропу, ведущую вверх сквозь заросли терновника. Ближе к вершине холма она вывела путников на невидимый снизу карниз, в рощицу карликовых берез вокруг чистого прозрачного озерца в каменном ложе. Его питал родничок у

подножия скалы, а дальше вода бежала белой струйкой по водостоку к западному краю карниза.

Был уже поздний вечер, и тусклые звезды отражались в водной глади среди березовых ветвей. За деревьями между двумя высокими скалами прятался, казалось, маленький грот под невысокой изломанной аркой. Но гномьи руки раскопали и углубили его за долгие годы, и он вел теперь далеко вглубь холма.

– Войдите в «Жилище Выкупа», – сказал гном с поклоном, – ибо так оно будет зваться отныне.

Турин вошел первым, и остальные, видя его бесстрашие, последовали за ним – даже Андрог, который больше всех не доверял гному. Вскоре люди очутились в полной темноте, но Мим хлопнул в ладони, и появился свет: из прохода в глубине грота выступил еще один гном с маленьким факелом.

– Так я и думал – промазал, – ухмыльнулся Андрог. Но Мим встревоженно заговорил с другим гномом на их суровом языке, а после метнулся в туннель и исчез. Теперь уже Андрог рвался в бой:

– Ударим первыми! Тут их целый улей, не иначе, но они всего лишь мелюзга.

– Думаю, их всего трое, – отозвался Турин и направился вдоль туннеля, а его соратники двинулись следом, нащупывая грубо обтесанные стены. После многих резких поворотов они вышли в небольшой, но высокий чертог, освещенный тусклыми светильниками – они свисали с потолка на тонких изящных цепях. Мим обнаружился в покое, выходящем в чертог с дальней стороны: он стоял на

коленях, и другой гном держал факел рядом, а еще один лежал на каменном ложе у стены.

– Кхим, Кхим, Кхим! – причитал старый гном, разрывая свою бороду.

– Не все твои стрелы ушли мимо, – сказал Турин Андрогу. – Ты слишком торопишься выпускать их, но едва ли проживешь достаточно, чтобы научиться на ошибках.

Осторожно вступив в покой, Турин встал за спиной старого гнома:

– Что случилось, Мим? Я немного владею искусством врачевания, может быть, я могу помочь?

– Разве что повернуть время вспять и отсечь руки твоих жестоких людей, – ответил Мим, повернувшись, и глаза его горели алым. – Это мой сын, пронзенный стрелой. Он умер на закате – ваши путы не позволили мне исцелить его.

– Увы! – воскликнул Турин, и давно забытая жалость захлестнула его сердце, как вода из горного родника. – Я бы удержал эту стрелу, если бы только мог. Воистину, Жилищем Выкупа будет зваться теперь этот дом – я обещаю выплатить виру за твоего сына полновесным золотом, пусть и не утешит оно больше твоего сердца.

Мим встал с колен и смерил Турина долгим взглядом.

– Я услышал тебя. Ты говоришь, как гномьи короли древности, и я дивлюсь этому. Теперь мое сердце остыло, хоть и нет в нем радости. Так что мой собственный выкуп я заплачу: живите здесь, если желаете. Но я добавлю вот что: тот, кто выпустил стрелу, пусть сломает свой лук и стрелы и

сложит их у ног моего сына. Если же он вновь возьмется за лук, то от стрелы он сам и погибнет. Такое проклятие я налагаю на него.

Андрог испугался, услышав проклятие, и неохотно исполнил требуемое. Но, выходя из комнаты, он бросил на Мима злобный взгляд и процедил:

– Говорят, проклятие гнома никогда не умрет. Но и проклятие человека, бывает, находит свою цель: пусть не окажется у тебя под рукой лука в час нужды!

***

Убежище Мима пришлось изгоям весьма по душе: сухое, просторное и теплое. Во внутреннем зале обнаружился очаг с дымоходом, прорубленным в скалах и тщательно укрытым в расщелине холма. Отдохнув, люди принялись чинить свое оружие и одежду. Гном выделил им три огромных котла и дрова, а потом принес мешок со съедобными кореньями. Когда разбойники сварили их, они оказались хороши на вкус, немного похожи на хлеб, и изгои были рады угощению: они давно не видели хлеба, разве что иногда удавалось украсть его где-нибудь.

– Как они называются? – спросил Турин.

– У них нет имени, – ответил Мим, глядя на него исподлобья. – Только на гномьем языке, которому мы не учим. И как отыскать их, тоже не учим: люди жадны и не успокоятся, пока не изведут их все. Дикие эльфы не знают о них, а гордецы из-за моря слишком горды, чтобы копаться в земле. В голодную зиму они дороже золота, ведь их можно хранить, как белка запасает орехи. Но мои запасы к

вашим услугам, пока вы ведете себя вежливо и не пытаетесь шпионить и воровать. Глуп тот, кто считает, что я не поделюсь малым даже для сохранения собственной жизни.

– Но ты ведь не поделился, – заметил Ульрад, который успел заглянуть в мешок Мима, пока тот был связан. – Оттого и удивляюсь я все больше и больше.

Мим повернулся и вперил в него мрачный взор:

– О таких глупцах, как ты, весна не пожалеет, если они не переживут зиму. Я дал слово и вернулся бы, с охотой или без, с мешком или без мешка, что бы ни думали обо мне беззаконные бродяги! Но мне не по нраву, когда мое имущество отбирают силой, будь то хотя бы шнурок от ботинка. Думаешь, я позабыл, что и твои руки были среди тех, кто вязал меня, кто не дал мне увидеть вновь моего сына? Так вот: когда я буду делить земляной хлеб из моей кладовой, на твою долю не выдам ничего. И если тебе и достанется что-то, то по милости твоих товарищей, но не моей.

С этими словами Мим ушел прочь. Ульрад, опешив от его гнева, пробурчал вслед:

– Гордые речи! Но у старого прохвоста явно было и что-то другое в его мешке, тверже и тяжелее корешков. Наверняка что-то еще из того, что эльфы не нашли, а людям знать не положено.

– Может, и так, – осадил его Турин, – но в одном гном был прав – когда назвал тебя глупцом. Неужели так трудно придержать язык за зубами? Если добрые слова застревают в твоей глотке, то

молчание послужит нам всем куда лучше.

Остаток дня прошел спокойно, и ни у кого из разбойников не возникло желания выходить наружу. В залы и коридоры пещеры выходило множество комнат, пригодных для житья или работы. Кладовые полнились сосудами и сундуками, каменными и деревянными, а на стенах висели ржавые запыленные топоры и прочий инструмент. В одном из покоев, также снабженном дымоходом, располагалась маленькая кузня: Мим работал там один и не впускал туда никого. Имелась даже потайная лестница, ведущая на самую вершину холма – на нее случайно наткнулся Андрог, пытаясь отыскать тайники гнома, но он не рассказал о ней Турину, пока не пришла беда.

Сам Турин часто выходил на зеленую лужайку на карнизе, прохаживаясь туда-сюда от края до края и удивляясь, насколько далеко видно отсюда в ясные дни. Все чаще его взгляд притягивал зеленый лес Бретиля, хотя, казалось бы, сердце должно было звать его на северо-запад: там, на краю горизонта, высились горы Тени, за которыми был его дом. По вечерам же воитель смотрел на запад, где закатное солнце опускалось в дымку над дальними берегами моря, а на равнине в тенях пряталась глубокая долина Нарога.

До конца года разбойники не ходили больше в набеги, разве что выбирались иногда на охоту малыми отрядами. Андрог тоже участвовал в этих вылазках – презрев проклятие гнома, он снова взялся за лук и стрелы. Но большинству изгоев было слишком сложно запомнить дорогу обратно: кроме

самого Турина, едва шестеро могли найти ее без труда.

Снова зарядили проливные дожди, и листья берез у серого холодного пруда облетели, а люди стали мало-помалу уставать от полумрака темных пещер. Многим к тому же было не по себе оттого, что приходится делить их с Мимом: гном то и дело возникал внезапно из темных закутков и проходов, когда люди думали, что его нет рядом, и они взяли за обычай всегда говорить шепотом. К их удивлению, с Турином все было наоборот: он подружился с гномом и все больше прислушивался к его советам, и не спорил с ним, когда тот плохо отзывался об эльфах. Его одного Мим допускал в свою кузню, и долгими зимними вечерами Турин часто сидел там со старым гномом, слушая его истории, пока Андрог и остальные разбойники ревниво шептались по углам.

***

Однажды в зимних сумерках у входа показался чужак в белом плаще и белом капюшоне – не кто иной, как сам Белег, и Турин был счастлив этой встрече. Белег принес ему драконий шлем Дор-Ломина и подарок от королевы Мелиан, запечатанный в серебряные листья печатью белого воска с цветком Тельпериона. Но когда Турин увидел листья в алых отблесках костра, его глаза потемнели:

– Что это у тебя там?

– Величайший дар от той, кто до сих пор любит тебя, – ответил Белег. – Это *лембас*, дорожный хлеб эльфов, который не пробовал еще ни один из

смертных.

– Шлем моих предков я приму, – сказал Турин. – Благодарю за то, что сохранил его. Но подарков из Дориата мне не надо.

– Тогда верни обратно твой меч и все оружие, верни все, чему тебя научили в юности! Можешь не есть, если он застрянет у тебя в горле, но другие здесь могут быть более голодны и менее горды.

Турин устыдился и на этот раз смирил свою гордость, а Белег поделился дорожным хлебом с его людьми и помог исцелить больных и раненых. Тогда Мим решил, что *лембас* сможет вернуть ему силу молодости, и тоже притворился больным, чтобы выпросить у эльфа хоть кусочек. Но Белег отказал ему, и гном возненавидел его еще больше, в том числе и из-за дружбы между эльфом и Турином. Однако Белег так и не смог убедить Турина вернуться в Дориат:

– Я буду вождем своего собственного войска, – отвечал Турин. – И если мне суждено пасть – значит, так суждено. Но здесь я стою на пути Моргота, и пока я стою, он не пройдет на юг. За это Нарготронд должен быть благодарен мне. Я хочу править страной, но не этой: здесь я только соберу силы, а потом вернусь в землю моего отца, в Дор-Ломин – туда зовет меня сердце.

Турин взял себе новое имя «Гортол», Шлем Ужаса, и слава его меча и лука Белега гремела и среди эльфов, и среди орков. Все больше и больше обездоленных скитальцев стекались под руку Двух Вождей, а король Нарготронда помогал им припасами, и к концу лета слуги Ангбанда были изгнаны

из окрестных лесов и холмов. Однако говорят, что на самом деле Мелькор нарочно ослабил хватку и совершал лишь притворные атаки, чтобы усыпить бдительность своих противников и внушить им ложную уверенность. Кругом по-прежнему шныряли его шпионы, и надо же такому случиться: однажды Мим выбрался из убежища поискать съедобных корешков и попался к ним в лапы. Так он во второй раз пообещал провести врагов в свое убежище, но попросил пощадить Гортола, с которым успел подружиться.

– Конечно же, Турина, сына Хурина, мы не убьем! – с ухмылкой уверил его главарь гоблинов.

Так Амон Руд был окружен войском орков втрое больше числом, чем его защитники, и Мим показал им путь. Они напали в ночи, когда огонь погас и лишь немногие остались бодрствовать. А из тех, кто спал, многие уже не проснулись – сраженных во сне, их не разбудил ни лязг стали, ни шум боя, ни крики и проклятия. Лишь теперь открыл Андрог Турину и Белегу тайную лестницу гнома: они и еще несколько воинов успели выбежать из пещеры и дали последний бой на вершине холма, и их кровь пролилась на красные цветы *серегона*. Орочья стрела нашла там и самого Андрога, который бился отважнее прочих.

Израненный Белег потерял сознание и остался лежать под телами павших. Турин сражался, как высокий медведь посреди стаи гончих, и разил врагов, невзирая на раны. Но те помнили приказ Мелькора – взять его живым, и все больше мерзких волосатых лап вцеплялось в него, пока наконец

орки не опутали его сетью и не одержали верх.

***

Когда все затихло, Мим выбрался из темного закоулка и вышел к груде бездыханных тел. Солнце поднялось над туманами Сириона, и он понял, что не все из них мертвы: эльф Белег поймал его взгляд. Гном с ненавистью потянул меч Англахел, что лежал под одним из убитых, но Белег, спотыкаясь, отобрал у него оружие и замахнулся на Мима. Тот в ужасе бежал прочь, а эльф крикнул ему вслед:

– Месть рода Хадора еще настигнет тебя!

Раны Белега были глубоки, но он был могуч среди эльфов, да и к тому же опытный целитель. Восстановив силы, он бросился разыскивать тело Турина, чтобы похоронить его. Но тела нигде не было, и эльф понял, что сына Хурина живым увели в Ангбанд. Белег немедленно направился по следу шайки гоблинов: ведь никто, кроме самого Хуана, не мог превзойти его в мастерстве следопыта.

Мало-помалу эльф стал нагонять врагов – он не тратил времени даже на сон, а орки не спешили, да еще и охотились по пути. Так он добрался до мрачного леса Таур-ну-Фуина: высоки и темны были его сосны, и даже остроглазые гоблины не всегда могли отыскать в нем дорогу. Беззвездная ночь обитала там под мрачными низкими ветвями среди необъятных серых стволов, а сосновые ароматы наполняли сумрак сонной одурью. Потеряв след в чародейском лабиринте чащоб, Белег заплутал и прилег отдохнуть у могучего дерева. Он слушал ветер в далеких верхушках сосен, и его завывания и

треск сучьев наполнили его усталое сердце мрачными предчувствиями.

Вдруг Белег увидел словно бы светлячка в ночи – а подкравшись, понял, что то был светильник нолдоров, кристалл в серебряной оправе с волшебным огоньком внутри. На опавшей хвое под сосной рядом с ним спал эльф, и Белег разбудил его. Тот вскочил в ужасе, и выяснилось, что его звали Гвиндор и он бежал из плена в рудниках Мелькора. Радуясь встрече, он рассказал о своем отчаянном побеге сквозь пламя, дым и выжженные пески пустыни, и закончил так:

– Очутившись на свободе, в дне пути отсюда я наткнулся на лагерь орков, и с ними было много добычи и пленник, жестоко привязанный к дереву: он проклинал Моргота и взывал к именам Хурина и Морвен. Кто же из рабов Ангбанда не знает Хурина Стойкого – единственный из всех людей он отвергает власть Моргота, хоть и прикован пыткой к вершине горы.

– Это же Турин, которого я так долго ищу! – воскликнул Белег, вскочив на ноги. – Веди меня скорее к их лагерю.

– Ты с ума сошел, лучник! Слух орков острее, чем у кошек, их глаза видят сквозь ночь, их стрелы летят без промаха, а добычу охраняют волки и злое чародейство. Лучше помереть прямо здесь, в лесу, чем возвращаться в их лапы. И вообще, я не помню дороги.

– Уж не дрожат ли колени у свободного нолдора? Или он так и остался скрюченным рабом? Твой светильник поведет нас, и я спасу Турина из

жадных вражьих лап. Вспомни славу нолдоров Нарготронда!

Переборов свой страх, Гвиндор приоткрыл светильник и они двинулись вперед сквозь темные лабиринты, спотыкаясь о жесткие сплетенные корни. Вдруг Белег насторожился:

– Я чую смех, топот волков и звон цепей!

– Ничего не слышу, – опасливо возразил Гвиндор. – Тебе показалось.

– Тогда иди следом, – ответил Белег, сгибая лук, и Гвиндор спрятал фонарь. Они вышли к краю леса и остановились перед аркой из выжженных молнией древних стволов, воздевших свои покрытые лишайником ветви, как костлявые пальцы прокаженных. Здесь лежала натоптанная орками дорога через Таур-ну-Фуин: сквозь арку с тонким писком влетали и вылетали летучие мыши, а далеко на севере в неверном сумеречном свете виднелись громовые пики Тангородрима. Двое эльфов поспешили вперед через трясину и скалистые овраги, укрываясь под густыми зарослями тиса. Далеко внизу, где холмы переходили в пыльные дюны, уже виднелись дымные огни факелов врагов и слышался волчий вой.

Над туманами взошла луна, заострив тени скал, но чернота в глубоких долинах стала еще непроглядней. Огни в лагере погасли. Все орки погрузились в сытую дрему, но вокруг в зарослях вереска светились бессонные очи волколаков. Спрятавшись за валуном, Белег достал лук и свою любимую стрелу Даилир: как бы далеко он ни пускал ее, она никогда не терялась и всегда находилась целехонь-

кой. Лучник натянул тетиву до самого уха, отпустил с негромким звоном – и одним бессонным стражем стало меньше. Так он продолжал стрелять, пока в кольце волков не появилась широкая брешь.

– Пойдешь со мной или останешься на страже? – спросил он затем Гвиндора. – Если не вернусь, доставишь весть Тинголу…

– Я привел тебя сюда, друг мой, пойду с тобой и дальше!

Прокравшись в лагерь, они нашли скованного пленника, лежащего без сознания в грязной луже. Но как только они исхитрились вынести его наружу, Белег споткнулся о камень и рухнул под тяжестью тела. А когда он поднялся, стрела Даилир осталась лежать на земле, сломанная пополам. «Плохая примета», подумал лучник, но нужно было двигаться дальше.

Отойдя на лигу от лагеря врагов, они уложили Турина на землю посреди зарослей терновника и уселись рядом, задыхаясь от усталости. Затем Белег достал свой меч и наложил на него заклятие остроты, шепча заветные имена: он помянул сверкающую глефу Гаурина, что рассекла скалы чертога Родрима; Наргил, кинжал Севера, творение гномов Ногрода; меч Саитнара и серебряные лезвия, выкованные заколдованными детьми из цепей в глубоком подземелье; и наконец – изогнутый фальшион Келег Айторн, клинок бури и молнии, что разрубит весь мир. Закончив заклинание, он трижды три раза пронзил мечом темноту, и края лезвия зажглись зловещим синим пламенем.

Внезапно жуткий призрачный хохот раздался

над эльфами в сумерках, и их ноги подогнулись от страха. Гвиндор укрыл светильник плащом, а Белег принялся резать оковы: заговоренный клинок рассекал их легко, как конопляные веревки. Но в темноте он поранил Турину ногу, и тот проснулся в ужасе, решив, что это один из орков пришел снова пытать его. Отобрав меч, он пронзил горло Белега насквозь и бросил боевой клич, проклиная гоблинов и желая продать свою жизнь подороже.

Отскочив, Гвиндор уронил светильник, и в бледном свете Турин увидел мертвое лицо Белега у своих ног. Он не сказал ни слова, но так жуток был его окаменевший вид, что и у Гвиндора отнялась речь. Однако в лагере тем временем затрубили рога, и эльф встряхнул Турина:

– Хватит убивать своих друзей! Сейчас явятся орки, бежим! И возьми этот меч – ты еще насытишь его гнев кровью врагов.

Поднялся ветер, словно пробужденный громом в далеких подземельях, и удар молнии рассек черные тучи. Начался ливень с жестоким градом, и гоблины блуждали наугад во тьме, утопая во вздувшихся потоках воды и оглашая криками безвидные склоны. Наконец наступил рассвет, и песчаные дюны Анфауглита шипели и пенились, вздымая вихри дымного пара. Орки ушли, так и не отыскав пленника – но горе Турина было куда тяжелее, чем их оковы.

Гвиндор и Турин похоронили Белега, положив лук с ним рядом, а потом эльф увел безутешного воителя прочь. Турин послушно следовал за ним, горько оплакивая смерть друга, что вызволил его из

пут и пал от его руки. Волосы его покрылись сединой в тот час, а память об этом несчастье, как и о прежних, осталась с ним на всю жизнь.

***

Нолдорское королевство Нарготронд еще стояло в те дни – там в пещерах ковали оружие, и пели старинные песни, и женщины пряли и плели узоры при свете тайных огней. Но эльфы той страны теперь избегали выходить на открытую битву с орками, разве что выпадал шанс заманить их в ловушку и перебить всех до одного – чтобы никакой вести о скрытой твердыне не достигло слуха Мелькора.

Нолдоры боялись своих родичей, что возвращались из плена, ибо пытки и страх нередко заставляли их творить предательство и злые дела. Владыка Ангбанда накладывал на них Заклятие Бездонного Ужаса, и они бродили как во сне, верша его злую волю, и им казалось, что взгляд Мелькора обжигает их даже издалека. Лишь испив воду из родников Ульмо, могли иные из беглецов стряхнуть наваждение Железного Князя.

Оттого Гвиндор повел Турина к озеру, которое знал издавна: туда до сих пор проникал шепот Ульмо из далекого океана, и благословение Владыки Вод лежало на нем. Сперва они долго шли вдоль кромки леса – казалось, его нависающие черные ветви пытаются утащить их души в безмолвную тьму. Вдалеке среди утесов и скал то и дело раздавался все тот же демонический хохот – «не иначе, сам Моргот следит за нами», тревожно ежился эльф.

Но потом путники выбрались из зловещих долин и отыскали тихое озеро Иврин, прохладное и кристально-чистое посреди камышей, тростника и древних серых буков. Они пили его воду до самого вечера, а потом разожгли костер и сидели на берегу, глядя на заходящее солнце над багряными вершинами гор, и боль уходила из их сердец и душ.

– Кто ты, нолдор? – спросил наконец Турин. – Я не знаю ни имени твоего, ни цели. Что привязало тебя к безумному скитальцу, погубителю Белега, моего брата по оружию?

Осторожно, опасаясь вновь пробудить гнев своего спутника, эльф рассказал ему историю их встречи – но лишь горькие беззвучные слезы катились по лицу Турина, пока он слушал, впиваясь пальцами в прибрежный песок.

– А видел ли ты в Ангбанде Хурина, воителя из Дор-Ломина? – спросил он Гвиндора, когда тот закончил рассказ.

– Сам не видел, но слухом о нем полнится весь Ангбанд: он отказался служить Морготу, и тот наложил проклятье на него и весь его род.

– Вот уж чему я готов поверить, – заключил Турин.

Вскоре Гвиндора сморила дрема: страх наконец оставил его, и сон его был глубок и спокоен. Однако на исходе ночи его разбудил звук песни, и он прислушался в изумлении. Костер совсем догорел, а у берега озера высилась у истока водопада фигура его спутника: он пел погребальную песнь о Белеге, печальную и торжественную. Слова суровой скорби возносились к звездным небесам, пробуждая деревья

и воды, и скалы отвечали гулким эхом – не раз еще потом вела эта песня армии нолдоров на битву с Врагом.

Вернувшись к товарищу, Турин опустился наземь и забылся сном. Ему привиделась зловещая ложбина в колючем терновнике и безлистые ветви черного тиса, выжженные молнией, воздетые в ледяной сумрак. Он звал: «Где ты, брат мой Белег, где твоя могила в этих диких краях?», и лишь эхо отвечало ему. Но потом в ночи раздался голос из-за морской тиши, тихий и далекий: «Не ищи больше. Мой лук сгнил в могиле, и никакой гоблин не осквернит ее и не пройдет больше этой дорогой. Но моя душа унеслась на крыльях в чертоги долгого ожидания, в чертоги луны за могучими волнами. Пусть храбрость пребудет с тобой, одинокий друг!»

Утром Турин проснулся потрясенным, но вполне бодрым и здоровым: его рассудок исцелился, и храбрость вернулась к нему. Солнце отражалось серебряными стрелами на волнах, а над водопадом светилась яркая радуга.

– Куда теперь, Гвиндор? – спросил Турин. – Или так и останемся жить у этого славного озера?

– В Нарготронд, крепость нолдоров, где Ородрет еще правит своим подземным царством вопреки мощи Врага. Его дочь Финдуилас – свет этих темных пещер, я любил ее когда-то и хочу увидеть снова.

Двое путников направились вниз по течению бурного Нарога, пробираясь через валуны и гальку, и солнце улыбалось им, а в ветвях лесистой долины переливалось щебетание птиц. Заросли станови-

лись все гуще, и река с ревом неслась меж высоких крутых берегов. Вдруг нога Турина запуталась в переплетенных корнях, и он растянулся плашмя на земле. Это спасло ему жизнь: тонкая стрела с белым оперением скользнула по его волосам и задрожала в стволе дерева сзади.

– Кто здесь не глядя стреляет в своих? – гневно закричал эльф. – Я Гвиндор из Нарготронда, а со мной сын Хурина, мой верный товарищ!

Ни слова, ни эха не ответило ему. Ни единый листок не шелохнулся в чаще, ни сучка не хрустнуло в зеленом сумраке. Они продолжили путь, чувствуя на себе невидимый взгляд и шарахаясь от каждой тени и дрожащего куста. Земли вокруг становились все более ухоженными: цветущие луга вдоль речных заводей, покосы и возделанные поля между рекой и холмами. Вокруг ни души – но вот на пашне лежит позабытая мотыга, а в высокой траве посреди роскошных садов виднеется упавшая лестница… Не видать было ни хижины, ни чертога, но тропа была хорошо утоптана, и ноги Гвиндора словно бы сами собой вспоминали дорогу. Казалось, каждое дерево поворачивает ветвистую крону и наблюдает за ними, а в стеблях трав таятся внимательные уши и ступают неслышные шаги – и холод пробирал путников, несмотря на яркое солнце в вышине.

***

Наконец Турин и эльф явились к воротам в отвесной скале, высоко над бурным потоком. Из подземных чертогов донесся призрачный зов трубы,

и створы исполинского портала со скрежетом отворились. Стражники-копьеносцы окружили усталых странников и без лишних слов повели их вглубь пещеры по гулким пустынным коридорам – только эхо шагов отдавалось под невидимой крышей. Впереди показался свет факелов и послышались неясные голоса. Путники миновали поворот и остановились: под высокими темными сводами стояло в ожидании многочисленное собрание эльфов. На полу чертога журчали ручейки, а поодаль у трона из резного камня вздымался высокий фонтан, переливаясь алыми отблесками в свете подземных огней.

Голос короля нарушил тишину, гулко раскатившись в просторном чертоге:

– Кто вы, что явились с ненавистного Севера? Нолдор-раб и безымянный смертный? Здесь не привечают бродячих изгоев, и смерти повинен тот, кто узрел наше убежище!

– Разве уснула стража в лесах Нарога? – спокойно ответил Гвиндор. – Разве не услышал твой тайный лучник наши имена, и оттого приберег свои стрелы? Не по твоей ли воле нас пропустили сюда?

– Значит, это правда? – зашушукались в толпе. – Нашелся тот, кто исчез так давно! Он и верно родился и вырос здесь, если сумел отыскать узкую тропу в Нарготронд.

– Сын Гуилина пропал много лет назад, – возражали другие. – Какие доказательства, что вернулся тот же, кто ушел? Неужто этот оборванный, сутулый беглец когда-то был самым отважным вождем нашего народа, что всегда рвался вперед,

презирая опасность?

– Вести дошли до нас, – молвил наконец и Ородрет. – Но мы не спешили верить. Если ты и впрямь, единственный из тех, кого орки Ангбанда утащили в подземелья, смог вырваться из мрачного рабства, то какие доказательства ты предъявишь нам? И по какой причине ты привел в наше скрытое царство этого смертного?

Не иначе, проклятие Резни в Альквалонде двигало сердцем короля, сомнения и страх предательства, – но Гвиндор отрезал сурово:

– Неужели сыну Хурина, что прикован к вершине жутким бессмертным роком, нужна причина, чтобы его не сочли врагом и шпионом? Далек был мой путь, отчаяние плена и огненная пытка балрогов исказили мое лицо и тело, но не о такой встрече в родном доме мечтал я в часы долгого рабского труда! Разве в новый Ангбанд превратилась эта твердыня нолдоров?

Гнев поднялся в душе Ородрета, и толпа ответила многоголосым ропотом. Но вдруг поверх криков и гомона послышалась дивная песня, взметнувшись звучной мелодией под туманными куполами и разбудив чистое хрупкое эхо в скалистых арках: песня-приветствие, что утешала измученных странников с тех пор, как нолдоры впервые познали скитания и нужду. Эльфы притихли: все знали этот нежный голос, помнил его и Гвиндор, что так и стоял молча у ног короля, с камнем на сердце. Но Турин, словно пробужденный чудом и неясной мечтой, всмотрелся в тени за троном – там промелькнул мерцающий отсвет белого платья.

Это была Финдуилас, что когда-то, смеясь, играла в лугах с быстроногим юным Гвиндором, а теперь выросла в стройную, статную красавицу. Ее глаза блестели от радости – и от набежавших слез при виде глубоких суровых морщин на лице Гвиндора, но никакие шрамы не могли обмануть ее.

– Откуда эти сомнения, отец? – воскликнула она. – Это же Гвиндор, сын Гуилина, который никогда и никому не давал повода усомниться в своей верности. А этот мрачный, одинокий человек рядом с ним, как он говорит, сын самого Хурина: неужто кто-то здесь откажет ему в доверии и приязни? Разве нет здесь никого, кто знал его могучего отца, неужели никто не узнает эти черты? Не такова повадка слуг Моргота – терпеть голод и жажду в одиноких скитаниях. Его взгляд бесстрашен, и в нем нет фальши!

Сердце Турина встрепенулось навстречу доброте и мудрости этой девы, и Ородрет, обычно не склонный к милосердию, прислушался к словам любимой дочери. Немало нашлось вокруг и тех, кто бился на роковом поле, где Фингон пал от огненных вражьих мечей, а Хурин прорубал темные легионы орков – а тут и сам Гуилин, отец Гвиндора, подоспел, чтобы заключить сына в объятия.

В чертогах Гуилина закатили славный пир по поводу возвращения потерянного сына и Турина, его верного товарища: зажгли светильники и накрыли стол из черного полированного дерева. Звучали песни, и в достатке было там яств, кубков и кувшинов с вином, украшенных драгоценной чеканкой. Гуилин наполнил крепким темным медом изящную

резную чашу: казалось, в узорах седого серебра сверкает все блаженство фаэри времен Полудня Валинора – танцы на неувядающих лугах, волосы, вьющиеся на ветру, сияющие Древа, белоснежный город и башня на холме, чей хрустальный светильник пронзает сумрак над морями. Сквозь хаос и мрак, отягощенные гневом богов, эльфы-изгнанники принесли эту чашу, скованную в радости и хранимую в горе, и лишь в самых торжественных случаях Гуилин наполнял ее – как в этот раз, чтобы дать обет верной дружбы.

– О наследник Хурина и князь Хитлума! – обратился он к Турину, что сидел рядом. – Выпей же ради моего сына, друг мой. Пусть эльфийский мед развеет твою печаль и вернет надежду! Оставайся с нами: если этот чертог не слишком мрачен для тебя, пусть он будет и твоим домом.

Сделав глубокий глоток, Турин искренне поблагодарил хозяина, и чародеи-менестрели завели свои песни, дикие и грозные, гоня прочь страхи и тревоги, а все кругом смеялись и праздновали вовсю. Когда долгое веселье наконец утихло, гостя проводили к его кровати. Снаружи виднелся серпик луны, тонкий и холодный, и шумел бессонный бурный Нарог, эльфийская река, а высоко в переплетенных ветвях ухали охотницы-совы.

***

Так было суждено Турину поселиться в чертогах Гуилина, князя одного из четырех кланов Нарготронда. Он трудился и сражался бок о бок со своими друзьями, постигая забытую мудрость наро-

да, что видел лица богов и помнил еще свет и славу древних дней. Месяц пролетал за месяцем, и его темный рок, казалось, уснул на время, пока он охотился в лесах с Гвиндором, радуясь новым знаниям и союзникам.

Лето сменилось осенью, и западные шторма оборвали листья с упрямых ветвей, укрыв лесные корни глубоким золотым и бурым покрывалом – только неумолчные шорохи блуждали теперь между рядами обнаженных стволов, да луна выплывала в призрачном свечении из туманных гаваней за гранью Вечера, полная серебряного огня, словно бы забрала к себе все тепло ушедшего лета. Но Турин все так же бродил по лесам, и нипочем ему были ни слякоть, ни дождь, ни снег, что сыпались в изобилии с серых бессолнечных небес, – он искал опасности и находил ее, и ничто не могло насытить его ненависть к порождениям Ангбанда.

Ледяные потоки переполнили Нарог, и его тускло-серые воды бурлили, унося водовороты пены и переломанные сучья. Потом все стихло – вечера мерцали бледными льдинками под бескрайним хрустальным куполом над безветренными пустошами и тихими, как морозные призраки, лесами. Лишь когда жестокие метели зимы обрушились на дикие холмы и гранитные кряжи и замели все тропы, Турин стал чаще оставаться в чертогах Нарготронда. Теперь он упражнялся в ремеслах, а еще – в музыке, песнях и поэзии, и слушал диковинные сказки эльфийских златоустов. Не раз пировали они с Гвиндором и у очага в чертоге самого короля – туда звала их Финдуилас, уговорив своего гордого отца.

Суровый и непреклонный в своей неутолимой ненависти к созданиям Ада, Ородрет постепенно оттаял к Турину – он чувствовал родственную душу в этом мрачном и задумчивом воине, одержимом той же яростной враждой. Вскоре Турин стал участвовать в королевских советах и совершил немало славных и дерзких подвигов в дальних вылазках, заслужив себе славу среди лучших бойцов и бесстрашных лучников. Их отравленные стрелы летели из тайных засад в туманных долинах, как крылатые змеи, но Турин все больше скучал по круглому щиту и закаленному мечу – ведь он не смел взяться за рукоять с тех самых пор, как погиб Белег.

Иной раз эльфы заводили баллады о былых временах и славных битвах, полузабытых победах и незажившей печали, и просили Турина спеть и о Дориате. Тогда он вспоминал тенистые леса, и тихие заводи между корней деревьев под бессветными берегами, и глубокие водовороты быстрого Эсгалдуина напротив грозных врат королевского дворца. Но неизменно возвращалась его память к Белегу-лучнику, что водил его еще мальчиком по косогорам, прогалинам и болотистым зарослям под зачарованными деревьями, – и песня замирала у него на устах.

Дева Финдуилас была тронута суровым одиночеством Турина и гадала, что за печаль сокрыта в сердце воина: ведь ни он, ни его друг ни словом не обмолвились ни о роковой гибели Белега, ни об их тяжких скитаниях в северных пустошах. Любовь к Гвиндору мало-помалу угасла в ее душе, сменившись глубокой жалостью: так страшны были его

шрамы, так убога сутулая спина, так ничтожны теперь его силы. Постаревший до срока, он был мудр и добр, но его прежний смех сменился редкой грустной улыбкой, и он уже не блистал отвагой в битвах, хоть и не уклонялся от них: саван пережитого страха до сих пор окутывал его сердце. Против ее воли и рассудка сердце Финдуилас теперь обратилось к Турину: она искала его в сновидениях, чтобы любовью утешить его горькое горе, чтобы эти глаза снова зажглись улыбкой, – а он радостно называл ее по имени, и они бродили под светом неземных светил, взявшись за руки, среди волшебных цветов бесконечной весны до самого края черной бездны пробуждения.

Сам Турин был тоже рад видеть принцессу: ее золотые волосы напоминали ему о девушках его родной страны. Но он не позволял себе открыться в ответ: ведь он изгой, отягощенный кровью Белега, и тяжкий рок преследует его.

– Мало ты уже зла натворил? – говорил он себе. – Неужели теперь предашь еще и своего брата по оружию, который исцелил тебя, который привел тебя в свою страну? Разве посмеешь ты украсть его любовь своими нечистыми руками?

Оттого Турин отвечал деве холодной учтивостью, и она плакала по ночам – а он забывался глубоким сном без сновидений: не снилось ему ни цветка, ни огонька, ни войны, ни дружбы, одна лишь беспросветная тьма.

Но любовь Финдуилас разгоралась все сильнее, и она вспоминала историю Берена и Лютиэн – хоть и понимала, что Турин совсем не похож на Берена.

Она часто встречала сурового воина, словно бы случайно, и всегда защищала его, когда другие шептались за его спиной. Все вокруг дивились, почему так бледны теперь ее пальцы на струнах арфы, и отчего так взъерошены ее волосы, и что за огнем горят ее мечтательные задумчивые очи. Но один лишь Гвиндор замечал робкие улыбки Финдуилас, когда Турин проходил мимо, и его суровые вздохи, когда ему казалось, что она не видит, – замечал и не говорил ни слова.

***

Зима сменилась весной, но никого не радовали цветы и зеленые листья: бессчетные орки и прочие лихие твари разоряли границы королевства. Никакие засады и отравленные стрелы уже не могли остановить их, и лучники оставляли одну долину за другой. Шелест речных струй и ночные сновидения шептали эльфам оставить пещерную крепость, но на каждом королевском совете Турин говорил иначе:

– Ваше оружие надежно и прекрасно, так отчего же вы храните его от крови врагов? Разве вы забыли всех павших в Битве Бессчетных Слез? Встаньте и сражайтесь!

– Я был в Ангбанде и видел мощь Врага! – возражал ему Гвиндор. – Мелкие победы бесполезны, так Моргот лишь узнает, где собрались храбрейшие из его противников, и сокрушит их. Только в тайне наша надежда, пока не придут валары.

– Валары? Они оставили вас, а людей и вовсе презирают! – горячился Турин. – Что толку смот-

реть на запад, на бесконечное море? Победа есть победа, пусть даже маленькая, иначе Моргот так и захватит весь Белерианд. Ты говоришь о тайне, но мы все равно не сможем выследить всех до единого шпионов Врага, кто-нибудь да принесет вести в Ангбанд. И сколько из вас тогда успеет ускользнуть на юг, мыкаться на берегу в ловушке между Морготом и Оссэ? Жизни смертных короче ваших, но мы предпочитаем пасть в битве, чем бежать или сдаться. Подвиг Хурина Стойкого останется велик, даже если сам он будет сражен, и ни Моргот, ни Манвэ не сотрут его из летописей Арды.

– Ты рассуждаешь о высоком, сразу видно, что вырос среди эльфов. Но тьма говорит в тебе, если ты ставишь рядом Моргота и Манвэ. И потом, что ты знаешь о наших надеждах? Есть пророчество, что однажды посланец из Средиземья доплывет через сумрак в Валинор, и Манвэ услышит его, а Мандос смягчится. Кирдан строит корабли на юге, но что ты знаешь о море? Ты думаешь только о своей славе, но как же наши близкие, которые не могут сражаться?

– Вот и отправьте их на свои корабли! По крайней мере, жены аданов не удерживали своих мужей перед Битвой Бессчетных Слез.

Немало смелых воинов вдохновил этими словами Турин, и король теперь тоже прислушивался к нему, а на немощного Гвиндора уже никто не обращал внимания. По совету Турина эльфы выстроили могучий мост через реку прямо от врат Нарготронда, чтобы быстрее перебрасывать войска, а сам он снова взялся за привычное оружие – и множество

орков сразил его черный меч со светящимися краями. Турин назвал его «Гуртанг»: он часто сам прыгал в ладонь хозяина, желая крови врагов – а иногда, как говорят, нашептывал ему темные речи.

Одним весенним днем в Нарготронд явились двое эльфов-нолдоров, Гельмир и Арминас, и рассказали, что пришли по важному делу к повелителю крепости. Их провели к Турину, но Гельмир заявил:

– У нас поручение лично к самому королю.

Дождавшись Ородрета, гость продолжил:

– Мы долго блуждали по землям севера после битвы Дагор Браголлах, а теперь живем среди подданных Кирдана-корабела в устьях Сириона. Он и отправил нас к тебе, государь. Сам Ульмо, Владыка Вод, явился ему и предупредил, что великая опасность грозит Нарготронду.

– А что за дела были у вас на севере? – подозрительно спросил Ородрет.

– Мы искали скрытое царство Тургона, но не нашли ни его, ни вестей о нем, – ответил Арминас. – Есть предсказание, что оно дольше всех выстоит против Моргота.

Ородрету совсем не понравились такие речи, и он сказал:

– Тогда вам незачем задерживаться в Нарготронде: вестей о Тургоне вы здесь не найдете. А о том, что Нарготронду грозит опасность, я и без вас знаю.

– Не сердись, государь, – вступил Гельмир. – Ведь мы всего лишь правдиво отвечаем на твои вопросы. Услышь же теперь слово Владыки Вод:

«Зло с Севера осквернило источники Сириона, и моя власть уходит из струящихся вод. Но худшее еще впереди. Пусть король Нарготронда затворит двери и не выходит наружу, пусть бросит камень своей гордыни в бурную реку, чтобы ползучее зло не нашло его врат».

Не в силах разгадать темных слов послания, Ородрет, как уже повелось к тому времени, повернулся за советом к Турину. Но тот ответил недоверчиво и презрительно:

– Что Кирдан понимает в наших войнах? Мы живем куда ближе к Врагу. Пусть моряк следит за своими кораблями! А если Владыка Вод и вправду хочет дать нам совет, то пусть говорит яснее. В нашем положении разумнее собрать все силы и встретить врагов в открытую, пока они не подобрались поближе.

– А ты, как я слышал, из Дома Хадора? – гневно произнес Арминас. – Не очень-то ты похож на своих родичей.

– Да что ты знаешь о них? – осведомился Турин. – Если мои волосы черны, а не светлы, то мне нечего стыдиться: я не первый из сыновей, кто пошел в мать, а она – Морвен из Дома Беора и в родстве с Береном Одноруким. А ты, я смотрю, любишь поговорить о чужих тайнах, дружище Арминас? Хорошо, что тайна Тургона скрыта от тебя, иначе о ней давно бы узнали в Ангбанде.

– Я говорю не о разнице черного и золотого. Твои родичи учтивы и прислушиваются к доброму совету, и почитают Владык Запада. А ты заносчив и советуешься, видно, только с самим собой да со

своим мечом. Если продолжишь в том же духе, то не такой будет твоя судьба, какой желал бы человек из рода Хадора или Беора.

– Она уже давно не такая. Но если я должен терпеть ненависть Моргота из-за доблести моего отца, то это не значит, что я буду сносить насмешки и дурные пророчества от бродяги-дезертира. Вот мой совет вам: возвращайтесь-ка побыстрее к безопасным берегам моря.

***

Ородрет был обеспокоен словами посланцев, но Турин стал лишь более воинственным и упрямым, и ни за что не позволил бы разрушить огромный мост – по крайней мере, этот совет Ульмо был истолкован верно. В то время мощь Нарготронда выросла, и все слуги зла были отброшены от его границ, ибо эльфы уже не таились в засадах, а выходили на открытый бой. Эльфы дали Турину прозвище «Могучий медведь», но за воинское мастерство его чаще называли Мормегил – «Черный Меч Нарготронда». Вдобавок к своему драконьему шлему он носил теперь гномью кольчугу, и эльфы говорили: «ничто не возьмет его, разве что случайная стрела издалека». Все больше беглецов-нолдоров стекалось в тайное королевство, и они гордились своей свободой и счастьем – но теперь оно больше не было тайной для Мелькора.

Так и случилось, что в зените радости и благоденствия огромная орда орков и волков обрушилась на Нарготронд. Войско эльфов вышло навстречу, и сердца бойцов были полны надежды: ведь Турин,

высокий и грозный, ехал по правую руку от короля. Но врагов оказалась куда больше, чем доложили разведчики, а вел их сам дракон Глаурунг. Никто не мог устоять против него, кроме Турина в его закрытом шлеме, и эльфы были отброшены назад и прижаты к реке. Король Ородрет пал на поле той битвы, как и все его воины – кроме тех, что были схвачены живыми. Гвиндор тоже был смертельно ранен, но Турин пришел на помощь и вынес его из боя.

– Я вынес тебя, а ты вынес меня, так что мы в расчете, – сказал ему эльф напоследок. – Но я сделал это на погибель себе, своей любви и своему народу, а ты рисковал напрасно: мое тело изранено и не сможет уже исцелиться. Теперь только Финдуилас стоит между тобой и твоим роком. Если ты не спасешь ее, он найдет тебя. Прощай…

Турин поспешил назад, а листья осени летели вокруг него навстречу ранней зиме. Новый крепкий мост сослужил дурную службу в тот день: Глаурунг прошел по нему и обрушил двери Фелагунда, и орки ворвались в пещерный чертог, грабя и убивая всех на своем пути. Турин встал с обнаженным мечом, защищая жилище Финдуилас. Она бросилась к нему на шею и прильнула к груди, и в тот момент он понял, что тоже любит ее.

Много врагов полегло от черного меча в проеме дверей – пока не пришел дракон. Мудры и коварны эти создания Мелькора, и говорят, что тот, кто съест сердце дракона, будет понимать все языки богов и людей, зверей и птиц, и ему будут доступны шепоты валаров или голос Мелькора, коих он

никогда не слышал раньше.

– Да ты не иначе как мой вассал, раз носишь мое изображение на шлеме. Неужели ты не смеешь взглянуть мне в глаза? – лукаво спросил Турина Глаурунг. Не выдержав издевки, воитель откинул забрало шлема и занес для удара Гуртанг – края лезвия тотчас полыхнули ярким белым пламенем. Но стоило Турину поднять взгляд, как заклятие дракона сковало его, и не мог он шевельнуть ни рукой, ни ногой, лишь смотреть и слушать. Напрасно Финдуилас протягивала к нему руки из скорбной толпы пленниц – воля его была сломлена волей дракона, и насмешки сводили с ума:

– Что же ты уронил меч? Боишься нанести удар за своих друзей?

И правда – меч выпал из безвольной руки Турина, и сердце его горело в агонии, а орки смеялись вокруг, и многие из пленных проклинали его. Тогда орки начали выгонять пленников наружу, и бледное лицо Финдуилас исчезло вдали, и лишь ее голос взывал к нему:

– Где твое сердце, Турин, любимый? Отчего ты оставил меня?

Такова была боль Турина, что даже лихое колдовство не удержало его – он дотянулся до меча и хотел ударить, но горячее дыхание змея настигло его, и он рухнул без чувств. Дракон тем временем позволил оркам расправиться с защитниками и увести пленников, но все сокровища, собранные ими в закоулках пещер, забрал себе – орки не посмели ослушаться его, да и не смогли бы.

***

Когда Турин очнулся, он увидел, что лежит на груде золота, а сквозь двери светит луч солнца.

– Знаешь ли, почему я пощадил тебя? – раздался рядом голос дракона. – О Турин, которого прежде называли храбрым?

Тотчас вспомнил Турин все несчастья, что постигли его, и произнес:

– Смейся сколько хочешь, презренный червь! Мне все равно суждено умереть.

– Злая судьба сплетена вокруг тебя, Турин, сын Хурина, – отвечал Глаурунг, – и никогда ты не избегнешь ее, куда бы ни пошел. Оттого и не сразил я тебя, чтобы не избавился ты до срока от этого горя.

Турин вскочил, поднимая свой меч, и вскричал:

– Никогда больше не назовут меня так! Я беру себе новое имя – Турамбар, «победитель судьбы»!

Он вновь замахнулся на змея, целя ему в глаза, но тот лишь рассмеялся, изогнувшись над воителем:

– Я не убил тебя во сне, и ты не убьешь меня наяву. Но ты и вправду храбрец, и пусть никто не говорит, что мы не уважаем храбрость наших врагов. Смотри: я дарую тебе свободу. Ступай прочь, Турамбар – ты должен встретить свою судьбу, прежде чем одолеешь ее.

Переполненный стыдом и гневом, Турин почти решился убить себя – но тут он вспомнил лицо Финдуилас, и мысль отыскать и спасти ее посетила его. Но не таков был замысел дракона – он читал в сердце Турина и не собирался позволить ему ускользнуть от злой судьбы и заслужить так свое

новое имя.

– Хвастаешься доблестью перед людьми, а сам в сердце трус, – укорил он. – Бежишь спасать деву чужого народа, когда твоя собственная мать и сестра страдают под игом орков в Хитлуме? Напрасно Морвен ждет тебя: она же не знает, что ее сын – изгой, заливший кровью двор короля, убийца своих товарищей!

Горе и стыд вновь охватили Турина, ибо в словах змея ложь была смешана с правдой. Из-за заклятия дракона он был обречен верить всему, что говорил Глаурунг, да и его старое желание увидеть мать и сестру снова ожило в нем. Так он вложил меч в ножны и направил свои стопы в Дор-Ломин, хоть его сердце и разрывалось беспокойством за Финдуилас. Дракон же свернулся кольцами на горе золота, вынашивая хитрые и злобные замыслы, и дым поднимался струйками из его ноздрей, пока он спал.

***

С первым льдом зимы Турин добрался до озера Иврин, которое исцелило его когда-то. Но там побывал дракон, и теперь вместо озера осталось только замерзшее болото. Турин направился вверх, к заснеженным перевалам Эред Вэтрин. Двадцать три года прошло, но он помнил эту тропу: каждый шаг был высечен в памяти горем разлуки с матерью. Когда он наконец добрался в родные края, отчий дом стоял пустой и без крыши, а делянка заросла травой. Прохожие боялись говорить с ним: вид у него был дикий и заросший, а лицо – покрыто морщинами неисцелимой муки. Но при этом грез-

ное пламя светилось под его косматыми черными бровями, на шее висела золотая цепь, а сбоку – могучий меч.

Неподалеку от родного дома стоял чертог вастака Бродды – того самого, что насильно взял в жены тетушку Аэрин. Измученный горем и дорогой, Турин постучался, и ему разрешили отдохнуть у огня вместе со слугами: благодаря Аэрин добрые старые обычаи еще соблюдались здесь.

– Орков здесь нет, а госпожа Морвен ушла, – шепотом рассказал ему старый слуга в ответ на расспросы. – Хозяйка Аэрин знала ее тайны, но тебя не пустят к ней: вастаки изобьют тебя, а ей влетит за то, что болтает с чужаками.

– Меня изобьют и не пустят?! – рассвирепел Турин. – Это мы еще посмотрим!

Откинув капюшон, он вошел в главный зал, расшвыривая всех на своем пути, пока не добрался до стола, где сидел Бродда с женой и другие знатные вастаки:

– Прошу прощения, что врываюсь так, госпожа Аэрин, но у меня срочное дело. Я ищу Морвен, владычицу Дор-Ломина, и ее дочь Ниэнор.

Аэрин побледнела от страха, а Бродда вскочил с кресла, красный от пьяной злости:

– Нет никакой Морвен, владычицы Дор-Ломина! Морвен из рабского племени бежала прочь, и ты проваливай поживее, нищеброд, не то повешу тебя на дереве!

Турин прыгнул вперед, выхватывая свой черный меч. Он ухватил Бродду за волосы и задрал его голову, обнажив шею.

– Никому не двигаться, иначе эта голова слетит с плеч. Госпожа Аэрин, я бы извинился снова, но думаю, что этот невежа не причинил тебе ничего, кроме зла. Я ли не князь Дор-Ломина? Приказываю, ответь на мой вопрос!

– Она ушла год и три месяца назад, когда благодаря доблести Черного Меча Нарготронда открылись дороги на юг, – сказала Аэрин. – Бродда и другие вастаки жестоко притесняли ее. Ее сын долго звал ее в потаенный Дориат, и наконец она решилась отыскать его. Но если ты – это он, то я боюсь, что все пошло вкривь и вкось.

– Вкривь и вкось? – горько рассмеялся Турин. – Да уж, криво, как сам Моргот!

Внезапно черная ярость охватила его: драконье заклятие рассеялось, и он понял, что его провели. Он схватил Бродду и бросил его через весь стол, сломав ему шею, и тут же зарубил еще троих вастаков – они оказались без оружия. В зале началась потасовка: вастаки пытались добраться до Турина, но слуги из прежнего народа Дор-Ломина восстали на них, хоть у них и были только ножи для мяса против мечей и кинжалов. Немало людей погибло с обеих сторон, пока Турин не спрыгнул со стола и не зарубил последних вастаков. Он прислонился к столбу, переводя дух, и от его гнева остались только тлеющие угли.

– Ты узнал, что хотел. Теперь уходи поскорее и утешь Морвен, иначе как мне простить все это бесчинство? – укорила его Аэрин. – Вастаки отомстят за эту ночь, ведь многим удалось бежать отсюда. Пусть моя жизнь была скверной, но ты

навлек на меня смерть своим безумством.

– А ты осталась такой же робкой, тетушка Аэрин. Когда-то даже непоседливый пес мог напугать тебя. Ты была создана для лучших, добрых времен. Но пойдем же со мной, я отведу тебя к Морвен!

– Белый снег лежит повсюду, а моя голова бела сединой. Я погибну в глуши так же верно, как и от рук этих дикарей. Ты не исправишь того, что сделал. Уходи, иначе все было без толку.

Низко поклонившись тетушке, Турин вышел из зала и вместе с уцелевшими мятежниками устремился обратно в горы. Обернувшись с высокого склона, он увидел яркое пламя далеко позади.

– Они подожгли дом? Но зачем? – удивился он.

– Не они. Она, – ответил один из бывших слуг. – Многие воители путают терпение и покорность. Она не была робкой и сделала много добра для нас, хоть и дорогой ценой. А теперь на нас объявлена охота, и враги будут куда более жестоки, чем до твоего прихода. Поэтому уходи, князь Дор-Ломина, и не возвращайся больше, пока у тебя не будет войска, чтобы вызволить нас. Прощай!

***

Переждав снегопад в тайном укрытии в горах, Турин направился обратно на юг. Спустившись с перевала, он долго мучился в сомнениях: теперь у него было три цели вместо двух, ведь его угнетенные подданные ждали его помощи. Наконец он решил так:

– Где же еще я мог поселить сестру и мать, даже если бы явился раньше? Пусть уж лучше Завеса

Мелиан хранит их, ведь мой гнев и опрометчивость приносят беду повсюду, куда бы я ни шел.

Так Турин вернулся к берегам Сириона и долго прочесывал тамошние дебри, но его попытки отыскать Финдуилас были напрасны: дожди и снега смыли все следы. Спустившись вниз по течению реки Тейглин, он оказался неподалеку от леса Бретиль, где обитали еще аданы из народа Халет. Война забрала многих из их числа, а уцелевшие таились в глубинах леса: их вождь, Брандир, был хром с детства и чужд воинскому делу, но зато он любил и знал все, что живет и растет на земле. Однако некоторые из его народа еще выходили на границы поохотиться на орков, и теперь Турин услышал звуки боя – небольшой отряд охотников отбивался от наседающих врагов. Воитель принялся кричать и топать под деревьями, притворяясь, что ведет большое войско:

– Вот мы и нашли их! Все за мной! Вперед, рази без пощады!

Орки обернулись и увидели, как некто с пламенеющим мечом бежит на них из леса и зовет людей в атаку. Слишком хорошо знали орки этот меч: они бросились врассыпную, а люди Бретиля присоединились к погоне. Вместе они загнали орков в реку, и лишь немногие из них сумели переправиться на тот берег. Остановившись на берегу, Дорлас, предводитель отряда, сказал:

– Ты славный боец, княже, но что-то твои люди не торопятся за тобой.

– Напротив, – отвечал Турин, – мы все как один, никогда не расстаемся.

Охотники рассмеялись и сказали:

– Такой воин и один стоит многих. Мы в долгу у тебя! Но кто ты и что делаешь в этих краях?

– Я – Турамбар, а ремесло мое – охота на орков, и я иду туда, где есть для меня работа.

– Тогда оставайся с нами! В наших лесах найдется дело для такого мастера, и мы будем рады тебе.

Турамбар смерил их странным взглядом и проговорил:

– Неужели есть еще те, кто позволит мне омрачить их порог? Увы, друзья, у меня сейчас другая цель: найти Финдуилас, дочь короля Ородрета из Нарготронда.

Они посмотрели на него с жалостью, и Дорлас ответил:

– Не ищи больше. Наши лучники подстерегли войско орков на пути из Нарготронда, но они успели перебить пленников, а дочь Ородрета пригвоздили к дереву копьем. Мы знаем это наверняка: ее последние слова были «скажите Мормегилу, что Финдуилас здесь». Ее похоронили в кургане у переправы через Тейглин, на берегу реки, и имя ему Хауд-эн-Эллет, «курган эльфийской девы». Уже месяц прошел с тех пор.

Тьма охватила душу Турамбара – он рухнул наземь, и многие вокруг посчитали, что он мертв, а Дорлас, глядя на его распростертое тело, сказал:

– Как жаль… Это и есть сам Мормегил, прославленный военачальник: мы могли бы догадаться по его мечу, как догадались орки.

Лесовики положили воителя на носилки и

принесли назад в деревню, и Брандир вышел им навстречу. Отвернув покрывало, он увидел лицо сына Хурина, и черная тень пала на его сердце.

– О жестокие, – вскричал он. – Зачем вы не позволили смерти забрать этого человека? Вашими стараниями вы принесли сюда последнее проклятие нашего народа.

– Да нет же, – удивились охотники. – Это Мормегил из Нарготронда, гроза орков, и он будет большим подспорьем нам, если выживет. В любом случае, разве могли мы оставить убитого горем человека лежать, как падаль у дороги?

– Не могли, – вздохнул Брандир. – Судьба не позволила этого.

Он забрал воителя в свой дом и выхаживал его, пока не пришла весна. Когда Турамбар очнулся, за окном светило солнце и зеленые почки набухали на ветвях, и доблесть Дома Хадора вернулась к нему.

– Темны и лихи были мои деяния, но здесь я найду мир и все начну сначала, – решил он. – Я оставлю свою тень позади и не позволю ей больше омрачить тех, кого люблю.

***

Дела Морвен и Ниэнор тем временем шли совсем не так, как рассказал дракон. Вастаки донимали их все больше, а их вождь Лорган, узнав о красоте Ниэнор, вознамерился взять ее силой, – поэтому наконец они решились бежать. Перейдя перевал, они нашли королевство Тингола, и немало скорбела Морвен, узнав, что натворил ее сын. Тут подоспели и вести из Нарготронда – немногие уцелевшие

искали убежища при дворе Тингола, и стражи границ проводили их к королю. Кто-то говорил, что враги вернулись на север, кто-то – что Глаурунг так и живет в чертоге Фелагунда; иные твердили, что Мормегил убит, другие – что он попал под заклятие дракона и так и стоит там, заколдованный, как камень.

– Эти сомнения – от самого Моргота! – терзалась Морвен в горе и ужасе. – Как же нам выяснить правду, пусть даже самую жестокую?

Тингол и сам стремился узнать больше о судьбе Нарготронда – в том числе и о том, нельзя ли заполучить себе долю от его сокровищ. Он считал, что Турина уже не спасти, но не хотел приближать тот скорбный день, когда Морвен узнает это наверняка. Поэтому он посоветовал ей так:

– Это опасное дело, о госпожа Дор-Ломина. Нужно все хорошенько обдумать. Твои сомнения – и правда дело рук Моргота, чтобы толкнуть тебя на поспешный, опрометчивый шаг.

– Поспешный шаг, государь!? – вскричала она в тревоге. – Если мой сын бродит по лесу голодный, или страдает в оковах, или его тело лежит непогребенным, то я поспешила бы из всех сил, чтобы отыскать его! Ни минуты бы не теряла!

– Это уж точно не то, чего хотел бы сын Хурина, – возразил король. – Он согласился бы и сам: здесь, под охраной Мелиан, ты в большей безопасности, чем в любой другой стране из тех, что еще остались. Ради Хурина и Турина я не могу допустить, чтобы ты отправилась в странствия в эти опасные дни!

– Ты не удержал Турина от опасности, а теперь надеешься удержать меня от него! – воскликнула Морвен. – «Под охраной Мелиан», да уж, как пленницу ее Завесы. Долго я колебалась, прежде чем прийти сюда, а теперь вижу – лучше бы и не приходила.

– Нет, госпожа Дор-Ломина, – ответил Тингол. – Завеса открыта для тебя. Ты свободно пришла и свободна уйти.

– Не покидай нас, Морвен, – молвила Мелиан, что прежде хранила молчание. – Ты верно сказала: это сомнение от Моргота. Если ты уйдешь, ты свершишь его волю.

– Страх Моргота не встанет между мной и моим сыном, – настаивала Морвен. – Но если ты боишься за меня, государь, то одолжи мне своих воинов.

– Я не государь тебе, – сказал король. – Но мои воины подчиняются мне одному, и я сам решаю, куда отправлять их.

Морвен ничего не сказала на это и ушла со слезами на глазах. Тяжко стало на душе короля: ему казалось, что опасное безумие овладело его гостьей.

– Нельзя ли как-то принудить ее остаться? – спросил он королеву.

– Против нашествия зла извне я могу многое, – ответила Мелиан. – А вот удерживать и принуждать тех, кто хочет уйти, – это по твоей части. Но боюсь, это совсем повредит ее рассудок.

Морвен тем временем вернулась к Ниэнор, чтобы попрощаться:

– Я ухожу искать моего сына или хотя бы прав-

дивые вести о нем, раз никто здесь не решится на это, пока не станет слишком поздно. Жди меня здесь, пока я не вернусь – если случится вернуться.

Ниэнор в страшном беспокойстве попыталась остановить ее, но Морвен, не сказав больше ничего, ушла в свою комнату. Утром она оседлала лошадь и ускакала прочь. По приказу Тингола никто не пытался преградить ей путь, но сам он собрал отряд закаленных бойцов и поставил Маблунга во главе:

– Следуйте за ней и не выдавайте себя, пока опасность не станет явной. Если не удастся уговорить ее вернуться, охраняйте ее, насколько это возможно. Часть из вас должна пройти вперед и разведать, как обстоят дела.

***

Морвен направилась на юг и добралась до Сириона у Полусветного Озерья. Но река здесь была широка и быстра, и она не знала, как переправиться на другой берег. Эльфам поневоле пришлось явить себя, и она спросила:

– Тингол решил остановить меня? Или это он посылает запоздалую подмогу, в которой отказал сначала?

– И то, и другое, – ответил Маблунг. – Может, все же вернешься?

– Нет.

– Тогда придется помочь тебе, – вздохнул Маблунг. – Хоть это и против моей воли. Сирион здесь глубок и опасен для любого пловца.

– Тогда перевези меня тем путем, которым переправляются эльфы, – потребовала Морвен. –

Иначе я поплыву сама.

Так Маблунг повел ее к Полусветному Озерью. Среди заводей и тростника там были спрятаны паромы, которыми пользовались когда-то гонцы между Тинголом и Нарготрондом. Переждав звездную ночь, перед самым рассветом они переправились через реку в густом белом тумане. Над Синими горами поднялось солнце, прогнав утренним ветром сырую хмарь, и эльфы-стражники поднялись на западный берег, выйдя из-под Завесы Мелиан. Морвен следила за ними с парома, молчаливыми, укутанными в серые плащи и капюшоны поверх кольчуг, – и вдруг вскрикнула, указав на последнего в строю:

– А этот откуда взялся? Вас было тридцать, когда вы догнали меня, а теперь тридцать один!

Воины обернулись и увидели, как солнце сияет на золотых волосах: это была Ниэнор, а ее капюшон как раз сдуло ветром. Оказалось, что она последовала за отрядом и присоединилась к нему под покровом тьмы на переправе. Эльфы растерялись, и Морвен – больше всех:

– Возвращайся назад! Я, твоя мать, велю тебе!

– Если жена Хурина отправляется искать родную кровь, то чем дочь Хурина хуже? Если ты не боишься, то и я не боюсь! Разве что ты доставишь меня сама во владения Мелиан – не мудро отвергать ее совет.

Ниэнор втайне надеялась, что мать прислушается и вернется – и Морвен действительно заколебалась, видя в серых глазах дочери упрямство Хурина. Но потом гордость победила – еще чего, быть

приведенной обратно родной дочерью, как выжившая из ума старуха.

– Я иду вперед, как я решила. Если хочешь, присоединяйся, хоть это и против моей воли.

– Так тому и быть, – заключила Ниэнор.

– Если отчего и навлекает на всех беды родня Хурина, то явно не от недостатка храбрости! – сказал Маблунг своим спутникам-эльфам. – Зря они не слушают доброго совета. И с Турином то же самое, хоть его предки и не были такими. Но теперь их упрямство доходит до безумия, и мне это совсем не нравится. Сдается мне, это задание короля опаснее, чем даже охота на Волка. Что же делать?

Морвен тем временем выбралась на берег и подошла поближе.

– Делай то, что приказано королем, – отозвалась она, услышав последние слова Маблунга. – Ищи известий о Нарготронде и Турине. Разве не за этим мы все направились в дорогу?

– Дорога трудна и опасна. У нас есть запасные лошади – садитесь обе и не удаляйтесь ни на фут от остальных!

Медленно и осторожно, не разводя костров по ночам, они направились на запад, оставив позади камыши и приземистые ивы: перед ними лежали серые леса Нарготронда. Все кругом было пустынно и тихо, но Маблунгу казалось, что земля вокруг застыла от ужаса. Этим же путем шел Берен много лет назад, и тогда леса полнились тайными охотниками. Но сейчас эльфы Нарготронда сгинули, а орки, похоже, еще не забирались так далеко на юг.

Утром четвертого дня путники поднялись на

высокий холм в лиге к востоку от Нарога: он тоже зарос лесом, но на самой вершине деревьев не было. Оттуда открывался вид на все земли окрест, и на дороги, ведущие к мосту, и на бурое всхолмье по ту сторону реки. Эльфийский взгляд Маблунга узрел террасы Нарготронда на крутом западном берегу и выжженный черный проем на месте дверей Фелагунда. Дракона было не видать, никаких других врагов – тоже.

Тогда Маблунг оставил десять стражей на вершине холма с Морвен и Ниэнор, а также с наказом в случае опасности немедля увезти их на восток, к Дориату, а одного всадника послать вперед доставить вести и просить помощи. Сам же он с остальными воинами осторожно и скрытно спустился через редколесье к берегу Нарога. Мост был разрушен, и вода в глубокой расселине бурлила среди упавших камней после недавних дождей на севере. А в тени высокого туннеля, что вел внутрь пещер от разрушенных врат, затаился дракон.

Глаурунг давно заметил приближающихся лазутчиков, как и тех, что остались на холме, хотя очень немногие в Средиземье могли бы увидеть их. Но его злобные глаза были зорче глаз эльфа или даже орла. Поэтому стоило Маблунгу спуститься, чтобы поискать брод через реку по развалинам моста, дракон появился из врат, выпустив исполинскую струю огня. Он вполз в реку, подняв шипящие клубы зловонного обжигающего пара, и спутники Маблунга бежали обратно к холму, пытаясь угадать направление в горячем тумане. Сам Маблунг остался, укрывшись под скалой: он знал теперь, что

дракон поселился в Нарготронде, но оставалось еще выяснить судьбу Турина. Нужно было дождаться, пока дракон пройдет, и обыскать пещеры – дракона ведь должны были заметить с холма, и всадники наверняка уже мчат Морвен и Ниэнор обратно в Дориат.

Однако стоило всадникам спуститься с холма на равнину, как ветер окутал их зловонными испарениями, и лошади, обезумев от запаха дракона, понесли седоков неведомо куда. Стражи были рассеяны, и многие из них разбились о деревья или понапрасну искали друг друга в тумане. Один из эльфов, пытаясь совладать со своей лошадью, заметил рядом Морвен: она пронеслась вскачь с криком «Ниэнор!», как серый призрак на безумном коне, и никто не видел ее после этого. Ржание и крики донеслись и до Глаурунга, к его вящему удовольствию. Могучий змей прополз мимо Маблунга огромной тенью в клубах пара и проворно двинулся вперед.

Лошадь Ниэнор, тоже поддавшись слепому ужасу, споткнулась и сбросила ее в траву. Девушка осталась невредимой, но когда она поднялась на ноги, она была одна в туманной мгле. Она не испугалась и, поразмыслив, решила не искать спутников, что еле слышно кричали тут и там, а выйти на вершину холма. Пока она карабкалась вверх, туман почти развеялся, и на вершине ее встретил солнечный свет. А еще там был дракон собственной персоной: он как раз поднялся на холм с другой стороны, и его недобрый взгляд подкосил ее колени и затуманил разум.

– Делай со мной, что хочешь, змей Мелькора, – крикнула дева из последних сил, – но знай, нам дела нет до тебя и твоего золота, мы ищем только Турина, что жил здесь когда-то.

– Ты лжешь! – ответил дракон, да так, что земля задрожала вокруг. – Вы были бы рады избавиться от меня, ты и вся ваша шайка, что теперь с криками носится по лесам. Лжецы, трусы, глупцы – не выйдет у вас ни убить, ни ограбить Глаурунга, что сразил и пожрал все войско короля Ородрета!

– Но может быть, хотя бы Турина не было среди них? – в отчаянии воскликнула Ниэнор.

– Никто, кто звал бы себя Турин, не ушел отсюда живым – а я помню все имена, – отвечал коварный змей. Драконы ведь любят сплетать слова в лукавую вязь с двойным смыслом, и ныне хвастовство Турина сыграло против него. – Здесь имя Турина, труса и предателя, навеки исчезло с лица земли!

С этими словами он распахнул свои очи во всю ширь – и свет погибели горел в них, и разум девы, что стояла перед ним, обрушился в бездонные туннели мрака.

***

Когда Ниэнор очнулась, рядом не было никого, и вся память о прошлой жизни покинула ее. Вокруг был лес, и сумерки, и платье ее было все изорвано, а ноги – босы. Долго она бродила по лесным чащам в слезах, не ведая куда и зачем, и ее терзали голод и жажда, и только заклятие дракона удерживало ее в живых. Наконец она наткнулась на лагерь созданий,

которых сперва приняла за людей: но они были уродливы и угловаты, и вооружены кривыми саблями и луками из рога, и лица их были злы, а смех – как лязганье металла. Ниэнор не знала, что то были орки – но они заметили ее и с гиканьем бросились в погоню, а один выпустил стрелу, что со звоном вонзилась в дерево рядом с ней.

Вдруг, словно в ответ на ее отчаянный крик, из густой чащи выступил воин: волосы его тронула седина, и лицо было измучено каким-то былым горем, а в руке был длинный черный клинок. Он атаковал, рубя направо и налево, и пятеро орков остались лежать мертвыми на земле, а остальные сбежали. Девушка рухнула без сил на зеленый пригорок: начался ливень, и она дрожала от страха, слыша раскаты грома. Яркий проблеск молнии осветил ее, и Турамбар прикрыл глаза, словно увидев призрака, – девушка лежала на том самом кургане, в котором была упокоена Финдуилас. Видя, что она промокла насквозь, он обернул ее в свой плащ и долго смотрел на нее, дивясь нежданной красе посреди лесной глуши. Потом он спросил:

– Как зовут тебя, милая лесная дева, и откуда ты взялась здесь?

– Я не знаю, – всхлипнула она. – Должно быть, я ушла от моего дома и народа. Наверно, что-то недоброе случилось со мной, но ничего, кроме тумана, не осталось в памяти.

– Тогда я назову тебя Ниниэль, «дева слез», – решил воин. Она же подняла заплаканное лицо и вгляделась в него в растерянности:

– Нет! Не Ниниэль, совсем не Ниниэль... – но

ничего иного не смогла она вспомнить, как ни старалась, и потому спросила сама:

– А как твое имя, лесной воитель, и что тебе до меня?

– Я Турамбар, скиталец без роду и племени, – ответил он. – А теперь осуши свои слезы: со мной ты в безопасности, насколько это возможно сейчас. Я живу с небольшим лесным народом, и сегодня наша охота обернулась охотой на орков – на твое счастье.

Они вернулись к спутникам Турамбара, он посадил деву впереди себя на лошадь и повез домой. Тропа шла вдоль реки в глубокой ложбине под деревьями, пока они не вышли к броду – а за ним была запруда из скал, и пенный водопад низвергался в пропасть. Через бурлящий поток вел деревянный мостик, с которого открывался вид на ущелье Тейглина, а у водопада располагалась зеленая лужайка в окружении берез: летом усталый путник мог отдохнуть там и напиться студеной воды.

– Это водопад Серебряной Чаши, и мы совсем близко к дому! – сообщил деве Турамбар, а она поежилась, сама не зная отчего. Густой лес расступился, и показался могучий дуб в мягкой траве, а вокруг него – деревня ладных домиков за частоколом и фруктовый сад. Турамбар привел ее к дому посреди цветов, украшенному странной грубой резьбой, и сказал:

– Смотри, эта хижина не занята, и ты пока поживешь тут. В домах вокруг живут другие женщины и девушки, и у тебя, думаю, здесь все наладится.

Так Ниниэль поселилась среди лесных охотни-

ков, и все вокруг любили и жалели ее: она часто бывала печальна и встревожена, словно пыталась найти что-то, только что потерянное. Она спрашивала названия того и этого, как дитя, объясняя: «я потеряла это во тьме», и Брандир рассказывал ей обо всем, что живет вокруг, пока они гуляли вместе по садам и полянам. Но только рядом с Турамбаром ей было спокойно и весело, да и он сам полюбил ее всем сердцем – и так хотелось ему навеки забыть злую судьбу, и просто жить с любимой и детьми в деревне посреди леса. «Хауд-эн-Эллет! Дева с зеленого холма, – размышлял он, – наверняка это знак мне. Но как же прочитать его?»

– Что означает твое имя? – спросила его Ниниэль однажды.

– «Победитель лихого рока». Я ведь тоже потерял во тьме многое из того, что мне дорого, но теперь я наконец одолел его.

– Ты тоже убежал от него в эти дивные леса? Когда же ты спасся, Турамбар?

– Да, – ответил он. – Я бежал много лет. А спасся тогда же, когда и ты: я нашел тебя во тьме, но с тех пор в моей жизни стало светло. Кажется, теперь я обрел то, чего так долго искал.

***

Золотая осень сменилась мягкой зимой, а потом настала новая весна. Вокруг было спокойно: орки собирались в темном царстве Глаурунга на юге или шпионили на границах Дориата, и держались подальше от Бретиля. К тому же друаданы, что были в дружбе с людьми Дома Халет, поставили у

переправы Тейглина свои охранные камни: орки боялись скрытой в них зловещей силы и не смели прикасаться к ним, и при виде их поворачивали обратно. Сами же лесовики держались тихо и не выходили за пределы своих владений, и никакие вести из других стран не тревожили их слух.

Ниниэль тем временем совсем исцелилась, и ее красота и силы вернулись к ней. Не в силах больше ждать и сдерживать себя, Турамбар просил ее руки. Но девушка не говорила ни «да», ни «нет», сама не зная почему – ведь сердце ее переживало за него, куда бы он ни шел, и билось счастливо, когда воитель был рядом. О предложении Турамбара узнал Брандир, и на душе его заскребли кошки: он тоже был влюблен в Ниниэль, хоть она и называла его не иначе как братом.

– Не торопись! – посоветовал он ей. – Не думай обо мне плохо, но лучше бы тебе обождать.

– Ничего из того, что ты делаешь, я не назову плохим, – откликнулась Ниниэль. – Но откуда такой совет, мудрый брат мой?

– Мудрый брат? Хромоногий брат, скорее, убогий и нелюбимый… А откуда совет, я и сам не пойму. Но на этом воителе лежит тьма, и я боюсь ее.

– На нем была тень, он сам сказал мне об этом. Но он спасся от нее, так же, как и я. И разве он не достоин любви? Дорлас говорил мне, что он был раньше великим вождем, и все враги бежали, лишь завидев его.

Брандир нахмурился: Дорлас был предводителем тех, кто желал войны с орками, тогда как сам он

надеялся охранить народ Бретиля сдержанностью и тайной.

– Это правда, но не вся правда. Он был прежде военачальником Нарготронда, но до этого он пришел с Севера, и он – сын Хурина из воинственного Дома Хадора.

При этих словах тень промелькнула на лице Ниниэли, и Брандир, неверно истолковав ее, добавил:

– Подумай, Ниниэль: такой воитель рано или поздно вновь отправится на войну, и возможно, далеко от этой страны. И как ты выдержишь это? Будь осторожна: я чувствую, что если Турамбар опять выйдет на битву, то не он, а тьма одержит победу.

– Выдержать будет трудно, но незамужней не легче, чем замужем. И как жена, быть может, я смогу удержать его и сохранить от тени.

Тем не менее слова Брандира обеспокоили Ниниэль, и она просила Турамбара подождать, и он был огорчен и подавлен. Но время шло, и вокруг начались разговоры, что глупо откладывать свадьбу, если нет на то веской причины, – и Ниниэль наконец согласилась. В день середины лета лесной народ закатил веселое пиршество, и много песен было спето на нем, а молодая жена поселилась отныне в доме Турамбара.

Их дни вместе потекли радостно и благополучно – Турамбар редко ворошил прошлое, и ни слова не говорил о смерти Белега и своем бегстве из царства Тингола, а имя Финдуилас он похоронил в самых дальних глубинах памяти. Лишь иногда

заводил он рассказ о своих родителях и сестре, которая выросла, пока его не было, и тогда жену охватывало странное беспокойство, но он не знал тому причины. Ниниэли же и вовсе нечего было рассказать – лишь порой холодное предчувствие накатывало на ее сердце, и темные сновидения посещали ее, но сам Турамбар был совершенно счастлив:

– Славно я выбрал себе новое имя – и так победил злую судьбу, что плелась за мной!

***

Глаурунг тем временем все рос и раздавался вширь, управляя всем Нарготрондом, как король-дракон. Множество орков теперь служило ему, так что владения его и богатства приумножались все больше. На самом деле, многие драконы в те времена поступали так, основывая собственные королевства ужаса здесь и там, и преуспевали под сенью верховной власти Мелькора.

Постепенно над Бретилем вновь нависла угроза: Глаурунг и его властелин помнили, что там обитает последнее из трех племен аданов, что еще сопротивляется власти Севера. Вести о появлении орков на границах достигли Турамбара, но сперва он остался дома, вняв мольбам Ниниэль. Она напомнила, что и до его прихода гоблинские набеги случались нередко, но лесовики умели управляться с мелкими шайками. Однако эти орки были свирепой породы, жестокие и хитрые, и на этот раз защитники Бретиля были побеждены, а враги перешли Тейглин и все дальше продвигались в леса. Дорлас

пришел к Турамбару, показал свои раны и сказал так:

– Смотри, господин, настал час нужды после ложного мира, как я и предсказывал. Разве ты не просил, чтобы мы считали тебя одним из нас, а не чужаком-бродягой? Разве тебя не касается эта опасность?

Тогда Турамбар вновь взялся за свой черный меч Гуртанг и вышел на битву, и воодушевленные лесные жители собрались под его начало. Они переловили всех орков, прокравшихся в лес, и развесили их на деревьях у переправы Тейглина, а когда пришло новое войско, заманили его в ловушку и тоже разбили наголову. Лесовики разложили огромные костры и сожгли в них тела убитых орков, и дым их мщения поднялся высоко в небеса, а ветер унес его на запад. Немногие выжившие вернулись в Нарготронд с вестями, и Глаурунг был немало разгневан, но долго не двигался с места, размышляя об услышанном. Зима прошла в мире, и лесной народ славил имя Черного Меча, считая, что теперь все их враги побеждены. Люди стекались к Турамбару и слушались его, как вождя, и в чертогах его царили музыка и веселье – а Ниниэль тем временем уже ждала ребенка.

Наконец в Бретиль пришли вести из-за реки о великих огнях на юге: Глаурунг покинул свою пещеру и самолично отправился в путь, и леса пылали под его поступью. Тогда самые наивные решили:

– Его армия разбита, и он выучил урок и возвращается туда, откуда пришел! Будем надеяться, что

он обойдет нас стороной.

Но Турамбар не верил в такие надежды: он знал, что дракон идет за ним.

– Жребий брошен, – сказал он себе. – И я не побегу больше. Посмотрим, чего стоит моя похвальба: время победить судьбу или сгинуть навеки. Но так или иначе, Глаурунг падет от моей руки.

И действительно, вскоре к нему прибыли гонцы с новыми известиями:

– Дракон идет прямо сюда, никуда не сворачивая! Он жжет деревья на своем пути, а его смрад невозможно выдержать. Что же делать?

– Выбора у нас почти нет. Если Глаурунг явится сюда, бегите во все стороны: он разорит наши укрепления и жилища, но не останется здесь надолго. Он вернется в глубокие чертоги Нарготронда, где лежат его богатства, где он может залечь и расти дальше в безопасности. Числом мы не возьмем его, только оставим наших жен беззащитными: здесь надобна хитрость. Но если он идет прямо и не сворачивает, то у меня есть идея для храбрых духом.

С тем Турамбар послал наблюдателей следить за драконом, а сам с сильнейшими бойцами отправился ему навстречу. Он знал, что река Тейглин течет в глубоком скалистом ущелье, и самое узкое место находится как раз на пути дракона. Ниниэль упросила мужа взять ее с собой – он рассудил, что все равно никто, кроме него самого, не защитит ее от змея, и теперь она ехала рядом, смеясь и болтая, и сердца воинов зажглись уверенностью.

Они спустились к подножию холма, где звонкий водопад, пенясь серебром, выточил глубокую

чашу в серых скалах посреди зеленой поляны – именно этим путем Турамбар когда-то впервые привез заплаканную девушку из леса в ее новый дом. Деревья и кустарник плотно окружали ложбину, но солнце проглядывало сверху, и кругом росло множество цветов. Вдруг Ниниэль, поддавшись накатившему мраку, в слезах бросилась Турамбару на шею:

– Не искушай судьбу! Бежим отсюда, бежим подальше со всем народом!

– Не бойся, моя Ниниэль, – ответил он, глядя ей в лицо, – не достанут нас ни вражьи клинки, ни драконье пламя.

Сам он не ведал тогда, как сбудутся его слова, а Ниниэль вытерла слезы и притихла. На другом берегу Тейглина уже виднелась проложенная драконом прогалина – стволы там были переломаны, а земля выжжена дочерна. Среди уцелевших деревьев ближе к берегу реки поднимались в воздух тонкие струйки густого черного дыма.

– Там залег змей! – сообщили разведчики.

– Мы не сможем победить его в открытом бою, – засовещались лесные охотники. – Ни ночью, ни днем, пусть даже он и спит.

– Верно, – ответил Турамбар. – Он выжег пустошь вокруг себя, не подкрасться и не спрятаться. Но те, в ком еще осталась смелость, пойдут со мной: мы поднимемся по скалам от водопада вдоль русла и укроемся под высоким берегом. Иные из вас заманят дракона, чтобы он переполз эту глубокую расщелину, а мы в это время ударим снизу, где от его брони будет мало толку. В Битве Бессчетных Слез Азагхал

проткнул брюхо Глаурунга так глубоко, что змей убежал обратно в Ангбанд – говорят, будь у короля гномов не кинжал, а настоящий меч, победа осталась бы за нами. Но вот шип подлиннее гномьего кинжала!

С этими словами он достал Гуртанг из ножен и воздел его над головой, и всем показалось, что из руки Турамбара вырвалось пламя на много футов вверх.

– Черный шип Бретиля! – крикнули воины, а Турамбар продолжил:

– Черный шип Бретиля, и пусть дракон боится его. Ибо такова участь драконов: сверху их чешуя крепче железа, но снизу каждый из них обречен оставаться змеей. Так кто же отправится со мной? Мне нужно лишь несколько крепких рук и храбрых сердец.

– Я пойду с тобой, господин, – выступил вперед Дорлас. – Слушайте, люди Бретиля! Чего стоят советы Брандира в эти лихие времена? Скрытность не спасет нас. Разве не найдется смельчаков, неужели мы опозорим Дом Халет?

Сам Брандир тоже был там, опоясавшись мечом, что случалось крайне редко, и ему стало горько на душе – ведь Турамбар ничего не возразил Дорласу. Тем не менее, больше добровольцев не находилось: ужас Глаурунга шествовал впереди его самого, и страх в словах тех, кто видел его воочию, приумножался при каждом пересказе. Но тут поднялся Хунтор, родич Брандира:

– Как смеешь ты, Дорлас, унижать так своего князя, которому лишь злое увечье не позволяет

выйти на битву, на которую зовет его сердце? Как ты можешь говорить так о его советах, если к ним ни разу не прислушались? Глаурунг идет на нас, как прежде он пришел в Нарготронд, именно потому, что наши деяния выдали нас. Но раз эта беда уже подступила к нам, то я пойду от имени Дома Халет.

– Вас двоих мне хватит. Я думал, здесь больше отважных… Но теперь мне больше и не надо, трусы только задержат нас, – решил Турамбар. – А тебя, княже, я не осуждаю. Однако сейчас нам важны скорость и сила, а твое место среди твоего народа. Ты мудр и владеешь даром целителя, и нам, похоже, скоро понадобится и то, и другое.

С этими словами Турамбар поцеловал Ниниэль на прощанье, и ее сердце окаменело от горя – она присела у воды и долго смотрела им вслед. Горько корила она оставшихся охотников, и они ушли, не выдержав упреков; один лишь Брандир остался незаметно охранять ее.

***

Солнце уже клонилось к закату, отбрасывая долгие тени, когда Турамбар повстречал последних двух разведчиков.

– Ты как раз вовремя, господин, – сказали они. – Дракон уже добрался до берега реки. Он движется по ночам, наверняка он нападет завтра перед рассветом.

– Добрые вести! Я опасался, что он пойдет в обход, к броду в низине – там бы и конец всем нашим надеждам. Однако теперь ярость, гордыня и злоба гонят его напрямик, – ответил Турамбар, а

про себя подумал: «Хауд-эн-Эллет! Похоже, это злобное и жестокое создание избегает переправы Тейглина. Неужели Финдуилас до сих пор лежит между мной и моим роком?»

Турамбар и его бойцы прокрались по каменистому руслу реки и вскарабкались вверх к самой кромке ложбины, спрятавшись под нависающими ветвями. Всю ночь они таились там, слыша рядом тяжелый храп дракона и содрогаясь от ужаса, когда он ворочался и рассыпал искры во мгле. Воины ждали, и лишь одна-единственная яркая звезда светила им во тьме с узкой полоски неба над ущельем. То было опасное место: восточный берег реки представлял собой отвесный утес в сорок футов высотой; западный, чуть более пологий, был укрыт кустарником и деревьями, а внизу вода бешено бурлила среди камней. Постепенно Турамбара сморил сон: в нем вся его воля была отдана тому, чтобы удержаться, а черный прилив плескался у его ног, пытаясь затянуть его и поглотить без остатка.

Вдруг раздался грохот, и стены ущелья содрогнулись и наполнились эхом: Глаурунг пробудился и медленно пополз к расщелине, сотрясая землю и обжигая листья вокруг горячим дыханием. Воины увидели его чудовищную морду в лунном свете, и слюну, что капала с клыков, и семь языков пламени в отверстой пасти. Дракон изготовился переползать пропасть, но не над их укрытием, а чуть ниже по течению. Внезапно он извергнул огненную струю, и вся лощина озарилась багровым светом, а среди скал заплясали черные тени. Деревья перед змеем истлели и обратились в дым, а валуны с берега градом

посыпались в реку. Теперь он прянул вперед, ухватившись за дальний берег могучими когтями своих передних лап, и начал подтягивать себя через расщелину.

Воины скатились обратно к воде, что бушевала среди скал и валунов, но жар дракона его и чудовищное зловоние были вблизи так невыносимо сильны, что они не смели вновь забраться вверх. Турамбар первым бросился вперед и, волею судьбы одолев опасную переправу, обернулся посмотреть, кто идет следом. Темный силуэт показался рядом.

– Дорлас? – позвал он.

– Нет, это я, Хунтор. Дорлас побоялся переправиться – сидит там, видно, и дрожит от страха на берегу. Многие любят войну, но и их найдется чем испугать. Пусть ему будет стыдно за те слова, что он сказал моему родичу.

Презрев опасность, Турамбар поспешил вдоль берега реки, стремясь поскорее оказаться прямо под брюхом чудовища. Вдруг он пошатнулся и упал бы вниз, если бы Хунтор не схватил его за руку и не удержал его.

– Храброе сердце! – похвалил его Турамбар. – Славно, что я выбрал тебя в помощники. Бей изо всех сил: ведь теперь двое должны ударить за троих.

Но стоило ему сказать так, сверху свалился камень и ударил Хунтора прямо в голову, и он свалился мертвым в бурный поток.

– Увы! Горе тем, кто ходит в моей тени. Зачем надо было брать других? – сказал сам себе Турамбар. – Теперь ты один, Победитель Судьбы, как оно и должно было быть. Так побеждай же один!

Он пополз вверх – камень за камнем, корень за корнем, чувствуя себя сильным и бодрым, как никогда раньше. Добравшись до края, он уцепился за тонкое молодое деревце: его вершина была сожжена дотла, но корни крепко держались в земле. Стоило воителю устроиться в развилке его ветвей, как прямо над ним показалось туловище дракона, провиснув под тяжестью своего веса. Оно было бледным и морщинистым снизу, все сплошь покрыто влажной серой слизью, на которую налип всякий мелкий мусор, и от него пахло смертью. Тогда Турамбар достал из ножен Черный Меч Белега и ударил вверх всей мощью своей руки и своей ненависти – и смертоносное лезвие, алчное и длинное, вошло в драконье брюхо по самую рукоять.

Смертный рев дракона раскатился по окрестным лесам, и дикие судороги скрутили его огромное туловище. Могучим рывком он перебросил себя через ущелье, вырвав меч из рук воина. Он бился в агонии, сплетаясь в кольца, рыча от боли и круша деревья вокруг – так что никто уже не ждал увидеть отважных драконоборцев в живых. Сердце Ниниэль сжалось от страха, а Турамбар укрылся в расщелине, бледный до дрожи, ибо силы его иссякли. Наконец, буйство змея утихло, и только облачка дыма плыли в воздухе – Глаурунг был при смерти.

Когда Турамбар взобрался наверх и увидел поверженного врага, его сердце взыграло от радости. Грозные челюсти дракона были распахнуты, но весь его огонь уже выгорел и погас, а злобные очи были закрыты. Он лежал на боку, вытянувшись во всю длину, а в животе его торчала рукоять Гуртанга.

Змей еще дышал, но воитель решил поскорее вернуть свой меч, который был теперь для него дороже всех сокровищ Нарготронда. Истинным оказалось пророчество, изреченное в час, когда он был скован: ни малый, ни великий не останется в живых после его удара. Турамбар подошел к дракону и, упершись ногой в неподвижное тело, выдернул меч из раны:

– Вот мы и встретились снова, Глаурунг: ты и я, Турамбар, которого прежде называли храбрым! Сдохни, и пусть тьма заберет тебя. Так отомщен Турин, сын Хурина.

Однако в тот же миг ядовитая кровь дракона, брызнув из раны, обожгла его руку, и он закричал от боли. Глаурунг открыл глаза, и воитель рухнул без чувств под его жутким взглядом.

***

Ниниэль неподвижно сидела у водопада, но при этом вся дрожала и никак не могла успокоиться: от звука голоса Глаурунга сердце ее ушло в пятки, и ей казалось, что тьма снова захлестывает ее с головой. Брандир подошел и встал рядом, вглядываясь в ночь и прислушиваясь. Он накинул на девушку свой плащ, но не нашел, что сказать, и она молчала тоже. «Наверняка Черный Меч мертв, – размышлял он, – а дракон уже пробрался в Бретиль. И поделом им всем, раз не слушались моих советов. Но Ниниэль жива, и у меня будет время увести ее отсюда». Куда именно, Брандир представлял смутно: он никогда не был за границами Бретиля. Наконец он тронул девушку за руку:

– Пора идти, Ниниэль. Если ты позволишь, я поведу тебя.

Она встала и взяла его за руку, и они направились через мост над водопадом по дороге к переправе Тейглина. Так они шли под молчаливыми деревьями, пока луна, поднявшись над холмом, не залила серым светом лесные поляны. Тогда Ниниэль остановилась:

– Разве это наша дорога?

– А какая дорога наша? Надежды в Бретиле больше нет, но мы можем спастись от дракона, бежать подальше, пока есть еще время, – ответил Брандир.

Ниниэль посмотрела на него удивленно:

– Ты пытаешься обмануть меня? Черный Меч – мой возлюбленный и мой муж, и все, чего я хочу – найти его. Что еще ты мог подумать? Делай, как хочешь, а мне надо спешить.

Брандир замер в ошеломлении, а девушка унеслась прочь, словно кровь, еще недавно студившая ее жилы, теперь вскипела в ней обжигающим огнем.

– Подожди, Ниниэль, не ходи одна! Ты не знаешь, что найдешь там! Я пойду с тобой, – крикнул он, но она не слушала, и он поспешил следом, опираясь на костыль.

Ниниэль тем временем выбежала к переправе. Курган Хауд-эн-Эллет бледно маячил перед ней, отбрасывая длинную черную тень в лунном свете, а из могилы накатывала мертвящая жуть. Девушка отшатнулась с криком и устремилась вдоль реки, отбросив плащ, словно пытаясь стряхнуть подсту-

пившую тьму. Она блуждала в своем белом платье под холодной и яркой луной, исцарапав лицо о колючий терновник, пока не обнаружила прогалину между переломанных стволов. Посреди дымящегося разорения девушка увидела серое тело дракона, а неподалеку от него лежал человек, и лицо его было белым, как смерть.

Заметив мужа, Ниниэль бесстрашно бросилась к нему, не обращая внимания на огромное чудовище, распростертое рядом. Она поцеловала героя и смазала его обожженную ядом руку целебной мазью – у нее была с собой маленькая коробочка как раз на такой случай, а потом перевязала ее, оторвав полоску ткани от своего платья. Однако Турамбар все не просыпался, и она воскликнула, боясь, что он мертв:

– О Турамбар, очнись: злобный змей повержен, убит, и здесь только я одна!

Но тут дракон пошевелился в последний раз, уставив на деву гибельный взор:

– Радуйся, Ниэнор, дочь Морвен, – сказал он. – Долгим был путь, но теперь ты нашла своего брата. Вот он – убийца исподтишка, бесчестный с врагами, предающий друзей, проклятие своего рода: Турин, сын Хурина. Но худшее его деяние ты носишь в себе.

С тем он закрыл жуткие очи навсегда. Ниэнор же замерла, как громом пораженная, дрожа от боли и ужаса: со смертью змея его заклятия развеялись, и она кристально ясно вспомнила все, что случилось с ней прежде. Наконец она поднялась на ноги, как неверная тень в лунном сиянии, глядя на Турамбара широко открытыми глазами:

– Прощай, о дважды любимый! Теперь твой рок избыт до конца – и смерть нашла тебя. «Победитель судьбы», побежденный судьбою…

Обезумев от горя, она пустилась бежать подальше от этого жуткого места, а Брандир все ковылял следом, взывая:

– Подожди! Подожди, Ниниэль!

На мгновенье она остановилась и обернулась, уставив на него взор:

– Подождать? Да, ты всегда советовал подождать. Нет бы мне прислушаться… Но теперь уже слишком поздно, и мне нечего больше ждать в Средиземье.

Она снова ринулась вперед, сама не зная куда – пока на заре нового дня ноги не привели ее обратно к скалам над ревущим водопадом:

– Куда бежишь ты, лесная река? Очистишь ли меня белой пеной? О, глубока должна быть вода, чтобы смыть это безымянное проклятье с моей памяти! Унеси меня прочь – прочь, до самого беспамятного моря!

Вдруг она замолчала и бросилась с края прямо в пропасть, туда, где белая пена вскипает далеко внизу на серых скалах Серебряной Чаши. Брандир видел и слышал все это – но из-за хромой ноги никак не мог догнать быстроногую деву, и свет восходящего солнца был черен для него, и он проклял свое увечье. Он побрел обратно по крутому косогору, с содроганием обходя место гибели дракона. Внезапно в тени деревьев показалось чье-то лицо – и, завидев его, отпрянуло обратно в сумрак.

– А, это ты, Дорлас, – крикнул он. – Какие но-

вости? Как это ты сумел остаться в живых, и что с моим родичем?

– Понятия не имею, – угрюмо буркнул Дорлас.

– Однако же это странно, – не отступал Брандир. – Выходит, они пошли на дракона без тебя? Но ты же был рядом, ты должен был видеть, как все произошло?

– Если тебе угодно знать, Черный Меч затеял переходить Тейглин вброд в темноте, – процедил Дорлас, глядя на Брандира налитыми злобой глазами. – Я умею обращаться с секирой, но я не горный козел, чтобы прыгать по скалам.

– Позор тебе, Дорлас! – воскликнул Брандир. – Это от тебя все наши беды. Сначала подстрекал Турамбара, устроил эту заваруху с драконом, оскорбил меня, потом послал Хунтора на смерть, а сам сбежал и прячешься тут в лесу! В конце концов, ты мог хотя бы доставить нам вести. Тогда госпоже Ниниэль не пришлось бы искать их самой, не пришлось бы встречаться с драконом. Она могла бы остаться жить. Как же я ненавижу тебя!

– Оставь свою ненависть при себе – от нее толку не больше, чем от твоих советов. Если бы не я, орки бы давно уже повесили тебя как пугало в твоем собственном саду.

С этими словами Дорлас, подгоняемый стыдом и гневом, замахнулся на Брандира своим могучим кулаком. И это было последним его деянием: он едва успел удивиться, как Брандир выхватил меч и пронзил его насквозь. Мгновение вождь стоял, шатаясь, потрясенный видом крови, а потом, выронив меч, двинулся дальше своей дорогой. Так он

вернулся к людям, собравшимся у моста, и рассказал им историю жуткого проклятья детей Хурина, брата и сестры, и их души преисполнились жалостью, горем и трепетом.

***

Тем временем Турамбар очнулся – со смертью дракона черное забытье отпустило его, и утро щипало холодом, а в бок впивалась рукоять меча. Он вскочил на ноги, вспомнив о своей победе и о жгучем драконьем яде. Но взглянув на перевязанную руку, он удивился: «кто же позаботился обо мне и при этом оставил лежать здесь, посреди драконьего смрада и разорения?» Турамбар позвал вслух, но никто не ответил. Вокруг висел жуткий сумрак и запах мертвечины. Воитель поднял свой меч: он был целехонек, и края его все так же светились немеркнущим светом.

– Мерзок яд Глаурунга, – проговорил Турамбар. – Но ты сильнее меня, Гуртанг! Ты выпьешь любую кровь, и вот твоя победа. Но теперь надо пойти поискать помощи: я слишком устал, а кости сводит стужа.

Повернувшись к дракону спиной, воитель двинулся прочь, и каждый новый шаг казался ему тяжелее предыдущего. Медленно и устало, опираясь на меч, он вышел наконец к людям, которые уже готовились идти за его мертвым телом, и они отпрянули в ужасе.

– Что же вы не рады? – спросил он. – Разве я не сразил дракона, которого вы так боялись? И где Ниниэль, где моя Ниниэль, отчего не встречает

меня? Ей первой я хочу рассказать обо всем, что случилось ночью.

Но люди лишь отвернулись, чтобы скрыть свою растерянность и слезы.

– Отвечайте же, не мучайте меня: что за новое зло приключилось здесь? – вопросил он вновь, и тогда кто-то ответил:

– Она мертва. Она упала в глубины водопада.

Горько и отчаянно вскричал тогда Турамбар, проклиная валаров и судьбу, но Брандир добавил негромко:

– Нет, она сама прыгнула туда.

– Что за гнусные речи, хромоногий! – вскинулся Турамбар. – Знаю, ты давно завидовал, что она со мной. Так что за новую ложь ты замыслил теперь? Отвечай, не то отрежу язык!

Тогда весь гнев и вся боль отвергнутой любви переполнили сердце Брандира, и он ответил:

– Зря дал ты новое имя той деве, что нашел в лесу. «Дева слез»... Дурная шутка, поистине: ведь она бросилась в водопад, не желая больше видеть тебя, Черный Меч черной судьбы. Имя ее – Ниэнор, дочь Хурина, и ее слез не смоет теперь вся вода Серебряной Чаши.

– Ты лжешь! – взревел Турамбар, схватив его за горло.

– Нет, проклятый! Так сказал дракон Глаурунг, который заколдовал вас обоих, и Ниниэль знала, что это правда, – прохрипел Брандир.

– Ну так ступай в Мандос к своему дракону! – выкрикнул Турамбар и тотчас рассек Брандира мечом на глазах у всех собравшихся. В безумии он

пустился прочь, повторяя «Лжец! Лжец! Она в Дориате, она в безопасности!» – но в сердце своем осознавая ужасную истину и тот рок, что наконец настиг его сполна. Он мчался, не разбирая пути, проклиная Средиземье и весь род людской, пока не выбежал из леса к переправе Тейглина и зеленому кургану Хауд-эн-Эллет.

– Зачем, ну зачем я послушал дракона? И как же горька расплата! Что мне делать теперь, Финдуилас?

Вдруг он заметил на переправе двенадцать эльфов, а вел их его давний знакомый – Маблунг, главный охотник Тингола:

– Турин, наконец-то! Как же я рад тебя видеть, хоть и тяжки, смотрю, были твои годы.

– Тяжки, как стопы Моргота: вы, наверно, последние в Средиземье, кто рад меня видеть. Зачем вы здесь?

– Мы следили за драконом и знаем, что он повернул в Бретиль. И слухи о Черном Мече Нарготронда в этих лесах не миновали нас, так что мы поспешили предупредить тебя и помочь.

– Плохо спешили. Глаурунг мертв.

Эльфы воззрились на него в изумлении:

– Ты сразил Великого Змея? Вечной будет твоя слава среди эльфов и людей!

– Мне все равно, ведь мое сердце тоже погибло. Но раз вы недавно из Дориата, расскажите о моей сестре и матери. Я слышал в Дор-Ломине, что они добрались туда.

– Так и было, – произнес Маблунг после долгой паузы. – Но они отправились в Нарготронд,

разыскать тебя, и не слушали никаких уговоров. Глаурунг разогнал их охрану, и они потерялись в глуши.

К удивлению и ужасу эльфов, Турин рассмеялся, громко и страшно:

– Ах, красавица Ниэнор! Из Дориата к дракону, от дракона – ко мне, вот ведь какая удача. Смуглая, темноволосая, маленькая и стройная, как эльфийка – любой бы узнал ее.

– Здесь какая-то ошибка, – в недоумении возразил Маблунг. – Она была высокой, глаза ее были голубыми, а волосы – золотыми, как у отца. Ты не мог ее видеть!

– Не мог, Маблунг? Не мог?! Ну конечно же, не мог! Ведь я же слеп, слеп с самого детства, так и плутаю в тумане Моргота. Возвращайтесь в Дориат, будь он проклят, и пусть зима заморозит его! А теперь настает ночь.

Он снова бросился бежать, быстрый, как ветер, и никто не посмел остановить его. Так он добрался до поляны у водопада – казалось, что осень настала там посреди лета, ибо все листья и цветы увяли вокруг. Там Турамбар остановился и вытянул из ножен свой черный меч:

– Привет, Гуртанг, приносящий смерть! Ты – все, что у меня осталось. Ты выпьешь любую жизнь, и никто не ускользнет от тебя – пока сильна разящая рука. Выпей теперь и мою: ведь она – одно лишь проклятие, все мои деяния – зло, и все, что я любил, обратилось в ничто.

– С удовольствием, – ответил меч. – Кровь есть кровь, и твоя, верно, так же сладка, как и та, которой

ты поил меня прежде. Так я забуду кровь Белега, моего хозяина, и кровь Брандира, несправедливо убитого. Я подарю тебе быструю смерть.

Тогда Турамбар бросился на острое лезвие, и черный клинок выпил его жизнь.

Великий курган возвели после над его могилой, и поставили высокий серый камень, а на нем начертали рунами эльфов: «Турин Турамбар, победитель Глаурунга». Ниже высекли также имя «Ниниэль», но на самом деле ее не было там – и никто не знал, куда унесли ее тело беспокойные воды».

***

Эльтас умолк, и в глазах слушателей стояли слезы. Но потом кто-то спросил:

– А как же Хурин и Морвен, и что было дальше?

И он продолжил:

«Каждый рассказывает свое, но все сходятся в одном: волей магии Мелькора все эти деяния были открыты взору Хурина, прикованного к ледяной горной вершине. Долго этот злой дух убеждал вождя людей склониться перед его волей – но безуспешно; и тогда он, замыслив новую хитрость, молвил так:

– Никогда не пойму я, отчего люди – даже мудрые и великие – так наивно верят до сих пор в дружбу эльфов, отчего ждут от них помощи. Разве сбылись бы мои замыслы, если бы не трусость и малодушие короля Тингола? Разве не жила бы еще Ниэнор, разве Морвен не нашла бы сына? Ну что же – ступай на свободу, упрямец, подбирать крошки

милостыни в чертогах твоих дивных друзей!

Согбенный годами, но не сломленный духом, Хурин покинул царство Мелькора – однако паутина сомнений и полуправды окутала его сердце, и горько было у него на душе. В сопровождении почетной стражи Ангбанда он явился в Хитлум, опираясь на могучий черный посох: борода его была длинна и седа, но в глазах светилось суровое пламя. Разгадав замысел своего повелителя, Лорган приказал вастакам не трогать бывшего князя, и поступил мудро: остатки его собственного народа чурались Хурина, считая его в дружбе с Мелькором, и он не смог бы поднять восстание, даже если бы захотел.

– Как же изменились люди, – сказал он. – В рабстве они обрели рабские сердца. Я не желаю больше власти ни здесь, ни где-либо в Средиземье; одна цель осталась у меня – отомстить за сына.

Собрав в лесах и холмах немногочисленных изгоев, что таились там со времен прихода Турина, Хурин покинул Дор-Ломин и добрался мало-помалу до руин Нарготронда. Рабы дракона разбежались после его смерти, и только гном Мим, прокравшись в опустевшие пещеры, восседал там одиноко на груде сокровищ, распевая черные колдовские песни. Он-то и встретил Хурина у дверей чертога:

– Что за дело у вас ко мне, беззаконные бродяги?

– Я Хурин, вернувшийся из Ангбанда. Мы пришли забрать то, что и так не твое.

– Не ждал я увидеть тебя, Хурин, князь людей, среди всякого отребья. Уходите прочь и не касайтесь этого золота: долго возлежал на нем дракон

Глаурунг, и зло его пропитало сокровища, как ядовитый огонь. Не принесет оно добра ни эльфу, ни человеку: я и только я, гном Мим, вправе хранить его, и многими темными заклинаниями приковал я его к себе.

Люди Хурина тем не менее собрали все золото, а Мим, беспомощно глядя на это, разразился жуткими и злобными проклятьями. Тогда Хурин сразил его со словами:

– Мы пришли забрать то, что не твое – но за твою злобу заберем и твое, а именно твою собственную жизнь. Помнишь моего сына Турина? Думаешь, я не знаю, кто выдал его оркам?

– Смерть гнома Мима не останется безответной, – проговорил гном, умирая. – Смерть теперь последует всюду за этим золотом, пока пребудет оно на Земле, и даже самая маленькая монетка понесет с собой в полной мере это проклятие.

Хурин содрогнулся, но другие лишь рассмеялись. Тогда он велел отнести золото в чертоги Тингола, замыслив свою месть. Его спутники пытались спорить, но он одернул их:

– Вы что, тоже превратились в драконов? Что толку от золота в пустошах и чащах? Алчный король оценит такой дар, и ваша жизнь при дворе будет куда краше.

Так они унесли сокровища с собой в Дориат, упрятав их в мешки и деревянные сундуки – но золота было так много, что часть его потерялась по пути, и каждого, кто нашел и подобрал хоть монетку, зло потом преследовало всю оставшуюся жизнь.

Наконец люди остановились перед мостом, и

Хурин возгласил:

– Сообщите королю, что Хурин Стойкий пожаловал с дарами!

С великой радостью приветствовал его Тингол, и все придворные встали в честь князя людей. Но Хурин, изнеможденный годами пытки и обманутый коварством Мелькора, ответил так:

– Не нужно приветствий, о король, скажи лишь, где Морвен, моя жена, и что случилось с моей дочерью?

– Это мне неизвестно, – ответил король. Тогда Хурин в жестокой обиде рассказал им о судьбе своей семьи, и эльфы вокруг не знали, куда деваться от горя и жалости.

– Вот твоя плата за то, как позаботился ты о моей жене и детях! – завершил он рассказ, бросая сокровища к ногам короля. – Вот золото Глаурунга, купленное жизнью Ниэнор и кровью Турина!

– Зря ты упрекаешь меня, – не выдержал король. – Я растил твоего сына, как своего, прощая ему все лихо, я дал воинов твоей жене для ее дикой затеи, и теперь жалкое дитя человеческое смеет укорять меня, короля эльфов! Убирайся прочь, Хурин – Мелькор помутил твой рассудок, и забери с собой свое золото.

Тогда Хурин ушел, но к золоту не прикоснулся больше. Говорят, что на кургане над водопадом Серебряной Чаши он встретил перед смертью Морвен, голодную и измученную, и два их призрака, взывая к погибшим детям, долго наводили ужас на окрестные леса».

На этом Эльтас закончил горькую повесть, и

никто больше не задавал вопросов. Линдо напомнил всем поблагодарить его за рассказ, и Эльтас заметил:

– Нет, ну если хотите, можно еще много чего рассказать о золоте дракона и о том, как его проклятие исполнилось. Но это уже история про Наугламир, Ожерелье Гномов, и ее лучше отложить на потом, а вообще-то у меня есть сказки и повеселее.

– Расскажи, расскажи сказку про Наугламир завтра! – загомонили вокруг.

– Нет, – ответил он. – Знаете вы про Туора, и про плавание Эарендила, и про подвиги Берена Однорукого? Эти истории лучше послушать сначала.

– Про Берена знаем отлично, – ответили слушатели. – А про Эарендила почти ничего и не рассказывают.

– И очень зря, – заключил Линдо. – Это ведь знаменитая история нолдоров, тем более в этом самом доме живет Ильверин, сын Воронвэ, который знает ее лучше, чем кто угодно из живущих в мире.

В тот самый момент вошел Хранитель Гонга, и Линдо обратился к нему:

– Слушай, Ильверин, все хотят повесть о Туоре и Эарендиле – и чем раньше, тем лучше!

Ильверин был очень польщен, но сказал так:

– Это очень длинная история, на семь ночей сказок у камина хватит. И еще – она так переплетена с легендами о Наугламире и Походе Ингвэ, что неплохо бы послушать и Гильфанона, и саму Мериль – владычицу острова, как раз она давно не гостила в этом доме.

Падение Гондолина

На следующий же день были отправлены посланцы – передать сообщение в *корин* вязов о том, что Линдо и Вайрэ будут счастливы видеть королеву в своем жилище на большом празднестве эльфийских сказок, пока их гость Эриол не убыл в Тавробэль. Три дня после этого в Каминном зале не было никаких сказок, поскольку все обитатели Дома Проигранной Игры были заняты приготовлениями. А на четвертую ночь прибыла сама Мериль со своей свитой фрейлин, и весь чертог озарился веселыми огнями. После вечерней трапезы большая компания собралась перед Тон-а-Гведрин, Камином Сказок, и спутницы Мериль спели самые прекрасные песни острова. Когда певицы умолкли, Мериль, что сидела в этот раз в кресле Линдо, молвила:

– Теперь начинай, Ильверин, свою длинную повесть, и расскажи ее во всех возможных подробностях.

И он начал рассказ:

«Туор был охотником из Дор-Ломина и умело обращался как с луком, так и с топором, а еще он любил играть на деревянной арфе со струнами из медвежьих сухожилий. Его вырастили темные эльфы, потому что его отец Хуор, брат Хурина, пал от отравленной стрелы в Битве Бессчетных Слез, а мать умерла, не выдержав потери. Земли Хитлума Мелькор отдал вастакам в награду за их службу, и

уцелевшие эльфы осторожно таились в горах и пещерах к западу от озера Митрим. Когда Туору исполнилось шестнадцать лет, он решил отомстить оркам и вастакам за горе своего народа, но Аннаэл, его приемный отец, запретил это:

– Судьба заведет тебя далеко, Туор, сын Хуора, но эта страна останется под властью Мелькора, пока сам Тангородрим не падет. Поэтому мы решили оставить ее и уйти на юг, и ты отправишься с нами.

– Но как же мы избежим ловушек врагов? Большой отряд обязательно заметят!

– Мы не пойдем в открытую. Если нам повезет, мы отыщем Врата Нолдоров, тайный путь, построенный еще в стародавние времена при короле Тургоне.

При звуке этого имени сердце Туора встрепенулось, хоть он и сам не знал, почему. Он принялся расспрашивать Аннаэла, и эльф ответил так:

– Это сын Финголфина, и он теперь верховный король нолдоров. Ему удалось спастись из Битвы Бессчетных Слез, пока Хурин и твой отец прикрывали переправу Сириона, и сам Мелькор боится его.

– Тогда я должен отыскать его, – решил Туор. – Он ведь наверняка поможет мне, ради моего отца?

– Ты не найдешь его, – возразил Аннаэл. – Его твердыня сокрыта от глаз эльфов и людей, и мы не знаем, где она находится. Иные из нолдоров знают, быть может, но они не скажут никому. Но ты можешь спросить их сам, если пойдешь с нами: в гаванях Юга бывают посланцы из Сокрытого Королевства.

Так эльфы покинули свои пещеры, и Туор от-

правился в путь вместе с ними. Но враги выследили их: как только отряд спустился с холмов на равнину, орки и вастаки напали на эльфов, и они бежали врассыпную в надвигающуюся ночь. Однако сердце Туора зажглось огнем битвы, и он не стал спасаться бегством, но принял бой и многих сразил своей секирой. Наконец вастаки одолели его и привели связанным к своему вождю Лоргану, что правил теперь всем Дор-Ломином как вассал Мелькора.

Горьки и тяжелы были дни Туора в рабстве – Лорган стремился сломить его волю, зная, что он из рода прежних князей. Но Туор терпеливо сносил все побои и насмешки, и поскольку он был силен и мастеровит, со временем его участь облегчилась – по крайней мере, он не умер от голода, как многие другие рабы. Три года спустя Туору представилась возможность бежать: его послали с другими рабами валить лес, но внезапно он напал на охранников, перебил их топором и был таков. Вастаки спустили вслед ему собак, да все зря: он успел подружиться с гончими Лоргана, и они лишь ластились к нему и убегали назад.

Еще четыре года Туор жил изгоем в землях своих отцов, суровый и одинокий. Его имя теперь внушало ужас: он нередко выходил на охоту, и немало вастаков пало от его топора. За его голову была назначена награда, но враги не отваживались искать его в пещерах – они боялись эльфов, что жили когда-то в горах. Сам же он скитался не ради мести, но продолжал искать Врата Нолдоров, о которых говорил Аннаэл – однако те немногие эльфы, что еще оставались в том краю, не слышали

о них ничего.

***

Ульмо тем временем собирал все вести из Средиземья, и каждая река и ручеек, что впадали в море, были его посланцами. Издавна он был другом Кирдана и его корабельщиков, а теперь замыслил миссию и для Туора из Дома Хадора в помощь изгнанникам-нолдорам: ведь Аннаэлу и его спутникам удалось бежать и добраться до гаваней Кирдана на далеком юге.

И вот однажды Туор сидел у родника, что журчал рядом с его пещерой, глядя, как закатное солнце погружается в тучи на западе.

– Сколько можно ждать! – вскричал он вдруг. – Пришло время мне покинуть этот серый край моих предков, которых нет больше. Уйду испытать свою судьбу. Но куда же идти? Так долго я искал Врата, но так и не нашел их.

Он взял арфу, что всегда была при нем, и запел эльфийскую песню севера, громко и звонко, наперекор опасности. Внезапно родник у его ног забурлил и переполнился водой, и она полилась шумным водопадом вниз по каменистому склону. Туор понял, что это знак, и тотчас бросился вослед потоку, что вел его по равнине все дальше и дальше на запад.

Три дня спустя впереди показалась скалистая стена, а ручеек юркнул в глубокую расщелину и ушел в подземный туннель. «Моя надежда обманула меня», заключил Туор и угрюмо присел на камни на берегу. Опасаясь врагов, он не разжигал огня и не

спал всю ночь: весна еще не пришла в этот северный край, и ледяной ветер задувал с востока. Но едва восходящее солнце осветило далекие бледные туманы Митрима, он услышал голоса и с удивлением увидел двух эльфов в серых плащах и кольчугах, идущих вброд по мелководью. Он позвал их, и они тут же выхватили мечи и бросились к нему. Но, видя, что он один и не обнажает оружия, да еще и говорит по-эльфийски, странники вложили мечи в ножны и обратились к нему учтиво:

– Нас зовут Гельмир и Арминас. А ты не один ли из тех аданов, что жили в этих краях до Битвы Бессчетных Слез? Должно быть, ты из рода Хадора – твои золотые волосы выдают тебя.

– Да, я Туор, сын Хуора из рода Хадора. Но сейчас я пытаюсь покинуть эти края, где я всего лишь одинокий изгой. Может быть, вы знаете, где найти Врата Нолдоров? Мой приемный отец рассказывал мне о них.

– Твой поиск окончен, – ответили эльфы, с улыбкой указывая на арку, в которую убегала вода ручья. – Мы только что прошли через Врата.

Они спустились обратно в воду, и Туор последовал за ними в тень под аркой. Там Гельмир достал один из тех светильников, которыми так славны нолдоры: чистый синий свет, заключенный в белом кристалле. Такие делали когда-то в Валиноре, и ни вода, ни ветер не могли погасить их. При его свете Туор увидел, что река уходит вниз в туннель через пороги и водопады, но в скале вырублены длинные пролеты ступеней.

– Не бойся, – ободрил его Гельмир. – Через

тьму ты выйдешь к свету. А мы должны спешить – у нас срочное поручение, великие опасности грозят Белерианду.

– Не пришло ли время Тургону явить себя? – поинтересовался Туор.

Эльфы взглянули на него удивленно:

– Это дело нолдоров, а отнюдь не людей, – молвил Арминас. – Что ты знаешь о Тургоне?

– Немного. Мой отец помог ему выйти с Битвы Бессчетных Слез, и говорят, что в его тайной твердыне живет надежда нолдоров. Не знаю почему, но его имя вечно приходит мне на ум и вертится на языке. Я бы с удовольствием отыскал его, вместо того, чтобы пускаться этим жутким темным путем. Хотя, может, эта дорога и ведет к его жилищу?

– Никто не знает. Жилище Тургона скрыто, как и все пути к нему. Я не знаю дороги, хоть и искал ее очень долго. Но даже если бы знал, то не сказал бы ни тебе, ни кому другому из людей.

– Но я слышал, что твой Дом в чести у Владыки Вод, – добавил Гельмир. – Если его замысел – привести тебя к Тургону, то ты найдешь дорогу к нему, куда бы ни свернул. Следуй путем воды, что привела тебя с холмов, и не думай, что наша встреча была случайной – Владыке Вод еще подвластно многое в этих землях. Я вижу великий рок на твоем челе: когда-нибудь он уведет тебя не только из этой страны, но и из самого Средиземья. Доброго пути!

Собравшись с духом, Туор медленно двинулся вперед под темными сводами под гул рокочущих водопадов. Путь казался бесконечно долгим, но он, хоть и устал, не хотел останавливаться в этой пеще-

ре. Наконец впереди показался свет: небо было ясным, и заходящее солнце, казалось, зажгло желтым огнем стены ущелья, а вода реки переливалась золотом, вскипая пеной на гладких камнях.

***

День за днем Туор шел вдоль реки, и все больше воды наполняло ее, стекая прозрачными водопадами с окрестных утесов. Ему даже не хотелось есть, хотя в реке было полно рыбы, сверкающей разноцветной чешуей. Он любовался яркими радугами и слушал журчание воды, а однажды ночью вновь тронул струны арфы и запел песню под яркими звездами. Звучное эхо пробудилось в ночных холмах, отражаясь от камня и перекатываясь туда и обратно, пока вся долина не наполнилась этой музыкой. Удивившись, Туор перестал петь и в наступившей тишине услышал вдруг в вышине странные крики.

– Это голоса фей! – решил он. – Нет, это стонет какой-то зверь в глуши… Да нет же, это ночная птица, имени которой я не знаю.

Голос казался тоскливым, но его хотелось слышать еще и еще – он звал за собой в неведомые края, и Туору не терпелось идти следом. Следующим утром он увидел их – трех белых чаек над ущельем, а свежий ветер с запада был похож на пьянящее вино. Туор продолжил путь, пока река не завилась вдруг быстрыми водоворотами между скалистых островков среди белого песка, и тогда он забрался на высокий черный утес. Там он замер в бесконечном изумлении и долго стоял, раскинув

руки: впереди раскинулся штормовой океанский простор, и бурлящие волны прилива под ним шумно боролись с течением реки – а далеко на горизонте закатное солнце опускалось могучим костром за край моря и мира.

Так Туор поселился в пещере на берегу и долго жил там, наблюдая за изменчивым морем и слушая шум волн. Недостатка в провизии у него не было – кругом занималась весна, и воздух переполнял шум бесчисленных птиц, что гнездились у берегов моря и на заросших тростником болотах в долине, однако ни эльфа, ни человека не встречалось ему. Но однажды Туор услышал шум могучих крыльев над головой и, взглянув вверх, увидел стаю из семи белых лебедей, что летели клином на юг. Они сели на воду и забили по ней крыльями, громко крича на него, а потом сделали круг над его головой и полетели дальше.

– Это знак, что я медлил слишком долго! – воскликнул Туор, и тоже направился на юг вдоль берега. Деревьев в том скалистом краю не росло, а все травы и кустарники клонились неизменно к восходу из-за постоянного ветра с запада. Сам того не ведая, Туор вышел к границам страны Нэврaст, где жил когда-то встарь король Тургон: посреди высоких источенных морем утесов таились укромные бухты и заливы, и там уходили в море полуразрушенные причалы, сложенные из огромных каменных плит – у них швартовались когда-то эльфийские корабли. Пляжи сверкали белоснежным песком посреди черных валунов, а вверх извивались высеченные в скалах винтовые лестницы. Семь дней

шел Туор вдоль побережья, и каждое утро его будил шум крыльев: лебеди поднимались в воздух и летели дальше, и он следовал за ними. Утесы становились все ниже, укутанные цветами и травой, но впереди вставала темным силуэтом высокая гора, замыкающая цепь холмов: она выдавалась далеко в море, как увенчанный облаками зеленый мыс.

Наконец Туор набрел на забытую дорогу, едва заметную среди зеленых курганов и покосившихся обелисков. На закате дня она привела путника к Виньямару, старинному чертогу нолдоров, покинутому, но до сих пор могучему. Он был возведен под склонами горы Тарас на широких террасах, обращенных к морю. Годы пощадили его, и слуги Врага обходили его стороной, но дожди и морозы оставили свой след. Среди высоких стен крепости гулял ветер, а на парапетах и из-под черепицы на крыше буйно пробивалась серо-зеленая поросль, что выживает в соленом воздухе даже в трещинах бесплодных камней. Ни тени зла и страха не было вокруг, но Туор замер в благоговении, задумавшись о тех, кто жил здесь прежде и ушел неведомо куда: гордые пришельцы из-за моря, бессмертные, но обреченные. Он смотрел на море, как и их глаза смотрели когда-то – на бесконечное мерцание неспокойных волн до самого горизонта.

Тем временем лебеди приземлились на самой верхней террасе перед западными вратами дворца и забили крыльями, словно приглашая путника войти. Туор поднялся по широкой лестнице, теперь наполовину скрытой зарослями смолевки и армерии, и вошел в темный чертог, опасаясь потревожить

шумом просторную пустоту. Ничего было не различить внутри, кроме высокого трона на возвышении в восточном конце зала, и Туор осторожно направился к нему – но шаги его все равно звенели по вымощенному полу, отдаваясь эхом между высокими колоннами, словно поступь судьбы.

***

Туор встал перед троном в сумраке: тот был вырезан из цельного камня и покрыт странными письменами. В этот момент солнце поравнялось с высоким окном в западном фронтоне, и луч света упал на стену перед ним, рассыпавшись брызгами на сверкающем металле. Изумленный Туор увидел, что на стене за троном висит щит и длинная кольчуга-хауберк, а рядом – шлем и меч в ножнах. Кольчуга сияла, как чистое серебро, а закатный солнечный луч переливался на ней золотистыми искорками. Форма щита показалась Туору необычной: длинный и сужающийся книзу, он был украшен белым лебединым крылом посреди синего поля. Тогда Туор нарушил молчание, и голос его раскатился под крышей гулким вызовом:

– По сему знаку я беру это оружие себе, а с ним и тот рок, что лежит на нем!

Он снял щит со стены – тот был, вопреки ожиданиям, легким и удобным: похоже, мастера-эльфы сработали его из дерева и оковали металлическими пластинами, прочными, но тонкими, как фольга, и они сохранили его и от жучка, и от непогоды. Затем Туор облачился в кольчугу, надел шлем и опоясался мечом – его ножны были черны, а пояс украшен

серебряными пряжками. Он вышел и встал на высокой террасе, глядя на запад в алых лучах заката, и в этот миг что-то изменилось в нем – словно величие коснулось его сердца. Лебеди поклонились ему, и каждый выдернул перо из крыла и подал ему, вытянув длинные шеи на камне у его ног. Туор поднял семь перьев и вставил их в гребень шлема, и тотчас лебеди взмыли ввысь и улетели прочь на север, и Туор не видел их больше.

Ноги казалось, сами понесли его к морю, и он спустился к пляжу по длинным лестницам. Солнце тем временем почти совсем погрузилось в черную тучу на краю темнеющего моря, полыхая, как дымный пламень с грозных небес. Повеяло холодом, и море зашумело, как будто надвигалась буря. Туор встал на берегу, и ему показалось, что огромная волна поднялась вдали и покатилась прямо к нему, но изумление сковало его на месте. Вот она подобралась совсем близко, увенчанная туманной тенью – и, разбившись, отхлынула, протянувшись длинными потоками пены.

На месте, где разбилась волна, стояла теперь по колено в воде некая фигура, темная и величественная посреди нарастающего шторма. Чело Обитателя Глубин венчала серебряная корона, а из-под нее ниспадали длинные пряди, поблескивая в сумерках, как морская пена. Вот он отбросил назад серую мантию, что укутывала его, словно туманной дымкой: под ней была броня глубокого зеленого оттенка, похожая на чешую огромной рыбы, и она мерцала и переливалась подводными огоньками. Увидев свет его глаз и услышав голос, как будто исходив-

ший из бездонных глубин у самого основания мира, Туор пал ниц на песке: перед ним был сам Ульмо, Владыка Вод.

– Встань, Туор, сын Хуора, – промолвил Ульмо. – Не нужно бояться моего гнева, хоть и долго взывал я к тебе и не был услышан. Ты слишком медлил в пути: весной должен был ты стоять здесь, а теперь уже лютая зима надвигается из пределов Врага. Поэтому легкий путь, что я готовил тебе, придется изменить – ибо мои советы были отвергнуты, и зло теперь шествует по долине Сириона, и войско врагов стоит между тобой и твоей целью.

– Какова же моя цель, о Владыка? – спросил Туор.

– Та самая, к которой ты стремился все это время, – ответил Ульмо, – найти Тургона и узреть тайный город. Ты уже облачен, как мой посланец, но ты должен пройти под тенью и преодолеть опасность. Обернись в мой плащ и никогда не снимай его, пока не дойдешь до конца пути.

С этими словами Ульмо оторвал часть своей серой мантии и накинул его на Туора, укутав его, словно широким плащом, с головы до пят.

– Теперь ты пойдешь под моей сенью, но не медли более, ибо в землях солнца и в Мелькоровом огне этот плащ не выдержит долго. Ты принимаешь мое поручение?

– Да, Владыка! – отвечал Туор.

– Тогда я вложу слова в твои уста, и ты передашь их Тургону. Но сперва я научу тебя вещам, что неведомы ни людям, ни эльфам.

И Ульмо поведал Туору о Валиноре и его за-

тмении, и об исходе нолдоров, и о Проклятии Мандоса, и о сокрытии благословенного царства, а после добавил:

– Но знай: даже в доспехах судьбы всегда найдется щель, а в стенах Рока – трещина, до самого завершения мира, которое вы зовете Концом. Так будет, пока я жив – тайный голос противоречия, луч света там, где заповедано править тьме. Пусть ныне и кажется, что я иду против воли моих братьев, владык Запада – такова моя судьба, предначертанная от начала времен. Но ныне Рок властен, и тень Врага растет, а я уменьшился до тайного шепота в водах Средиземья. Реки, что бегут на запад, иссыхают, а их источники отравлены, и моя власть уходит из этих мест – силой Мелькора и эльфы, и люди теперь глухи ко мне. Но Рок Мандоса уже близится к исполнению, и скоро все труды нолдоров падут, и все их надежды обернутся прахом. Все, кроме одной, нежданной и негаданной, и эта последняя надежда – ты, ибо я так решил.

– Так неужели Тургон не устоит против Моргота, как надеются все эльфы? – воскликнул Туор. – И в чем же моя цель, о Владыка, даже если и доберусь я до Тургона? Хотя я и мечтаю стать рядом с ним в час нужды, как и мой отец когда-то, но много ли толку будет от меча одного смертного среди стольких храбрых рыцарей высокого народа Запада?

– Раз я выбрал тебя, Туор, сын Хуора, не думай, что твой меч не стоит такой миссии. Доблесть аданов эльфы будут помнить долгие эпохи, удивляясь, как смело отдавали свои жизни те, чья жизнь столь коротка. Но не только за храбрость я выбрал

тебя: через тебя придет в мир надежда, которой не предвидит никто, и свет, что пронзит тьму.

Пока Ульмо говорил, шум моря разыгрался до штормового грома – ветер все крепчал, а небо совсем почернело, и мантия Владыки Вод развевалась, как туча над волнами.

– Теперь ступай, – велел Ульмо, – не то море поглотит тебя: оно подвластно Оссэ, а он послушен Мандосу, и его ярость вершит назначенный рок.

– Как прикажешь! – ответил Туор. – Но что мне сказать Тургону, если суждено мне увидеть его?

– Не бойся – слова сами придут к тебе, и ты скажешь то, что сказал бы я. А после – делай то, что твое сердце и честь подскажут тебе. Моя мантия защитит тебя, и еще я пошлю тебе проводника, спасенного от гнева Оссэ: последнего моряка с последнего корабля, что искал Запада до восхода Звезды. Теперь возвращайся на сушу!

Раздался раскат грома, и яркая молния озарила море – а Ульмо стоял посреди волн, как серебряная башня, и быстрые искры пробегали по его броне.

– Я иду, Владыка! – прокричал Туор сквозь порывы ветра. – Но мое сердце стремится к морю!

Тогда Ульмо поднял огромный рог и выдул единственную могучую ноту, по сравнению с которой грохот шторма был все равно что рябь на озере. И Туор был подхвачен этой нотой, и наполнен ей целиком – и показалось ему, что берега Средиземья растворились, а все воды мира проявились в бескрайнем видении: от ручейков в земле до устьев рек, и от берегов до морских глубин. Он видел неспокойные области Великого моря, наполненные

загадочной жизнью до самых бессветных глубин, где посреди вечной тьмы раздавались эхом голоса, жуткие для людского уха. Бесконечные просторы океана открылись ему быстрым взором валара, безветренные под лучами солнца или мерцающие под рогатой луной, а где-то и вздыбленные яростными громадами, что обрушивались на Зачарованные острова – пока на самом краю окоема, в немыслимой дали он не увидел гору, что взметнулась ввысь, в сияющее облако, а у ее подножия шептало море на длинном побережье. Туор так силился различить шорох тех волн и вглядеться в далекий свет – но тут нота умолкла, и он остался стоять под громовыми раскатами бури, а ветвистые молнии рвали на части темное небо над его головой. Ульмо ушел, и море бушевало вокруг – дикие волны Оссэ обрушивались на береговые утесы.

С трудом Туор забрался вновь на верхние террасы – ветер пытался оторвать его от скалы, а наверху швырнул его на колени. В поисках убежища он снова вошел в темный и пустой зал, и всю ночь просидел на каменном троне Тургона. Даже колонны чертога дрожали от порывов бури, и Туору казалось, что ветер полнился тоскливыми и дикими криками. Усталость все же иногда погружала его в сон, и многие сновидения посещали его, но проснувшись, он помнил только одно из них: остров, и высокую гору посреди него на фоне заходящего солнца, и единственную яркую звезду в вышине.

***

Проснувшись в предрассветном сумраке, Туор обнаружил множество морских птиц, загнанных штормом в темный чертог. Ветер утих, унеся тучи на восток, и последние звезды угасали на западном небе. Волны ночью перехлестывали даже через прибрежные утесы, и все кругом было покрыто водорослями и щепками. И тут на нижней террасе Туор увидел эльфа: тот сидел в мокрой серой одежде, опершись на стену посреди камней и обломков, и молча глядел на длинные гребни волн. Туор вспомнил слова Ульмо, и имя само родилось на его губах:

– Привет тебе, Воронвэ! Я ждал тебя.

Эльф повернулся, и его глаза серого морского цвета встретились с взглядом Туора. Минуту они смотрели молча друг на друга – страх и удивление отразились в глазах нолдора при виде странной фигуры в широком плаще и эльфийской кольчуге.

– Кто ты, господин? – спросил наконец эльф, отвесив глубокий поклон. – Долго я трудился в безжалостном море… Скажи мне, что случилось на суше с тех пор, как я оставил ее? Тень повержена? Вышел ли на битву Сокрытый Народ?

– Нет, – ответил Туор. – Тень растет, а Сокрытые – сокрыты.

– Но кто же ты? – спросил Воронвэ снова, помолчав. – Много лет назад мой народ покинул этот край, и никто не жил здесь с тех пор. Но ты не один из них, как я подумал сперва, – ты ведь из числа людей.

– Так и есть. А ты не тот ли последний моряк с последнего корабля, что отправился на запад из гаваней Кирдана?

– Да, это я, – ответил эльф. – Воронвэ, сын Аранвэ, – мое имя. Но откуда ты знаешь его и мою участь?

– Владыка Вод говорил вчера со мной, – объяснил Туор. – Он обещал, что спасет тебя от гнева Оссэ, чтобы ты был моим проводником.

– Ты говорил с самим Ульмо Могучим?! – вскричал Воронвэ в трепете и удивлении. – Воистину, велика, должно быть, твоя стать и судьба. Но куда же мне вести тебя, господин? Ты ведь наверняка король над людьми, и многие повинуются твоему слову.

– Нет, я беглый раб и одинокий скиталец в этом пустом краю. Но у меня есть дело к Тургону, сокрытому королю. Знаешь ли ты, как найти его?

– Многие сейчас стали рабами и скитальцами из тех, что не были рождены таковыми, – заметил эльф. – Все равно мне кажется, что ты – вождь людей по праву. Но и будь ты королем своего народа, нет у тебя права искать Тургона: даже если я приведу тебя к его вратам, ты не сможешь войти.

– Я и не прошу вести меня дальше, – произнес Туор, сам удивляясь своим словам. – Отведи меня к вратам, и пусть совет Ульмо встанет против Рока Мандоса. И если Тургон не примет меня, значит, Рок победит, и моя миссия будет окончена. Что же до моего права искать Тургона: я Туор, сын Хуора и родич Хурина, а эти имена Тургону не забыть. И я ищу его по воле Ульмо – разве он забыл предсказа-

ние, что последняя надежда нолдоров грядет с моря? Я и есть тот, кто должен предупредить его, и его доспехи ждали меня для этой миссии.

Воронвэ, конечно, был потрясен куда больше – слова Ульмо, сказанные Тургону при его уходе из Нэвраста, были известны лишь Сокрытому Народу. Но он повернулся к морю и вздохнул:

– Увы! А я-то надеялся никогда не возвращаться – сколько я клялся в морских просторах, что если суждено мне снова ступить на твердую сушу, то поселюсь подальше от Тени Севера, в дивных лугах Тазаринана, где весна прекраснее любой мечты. Но если мощь зла выросла во время моих странствий и величайшая опасность грозит моему народу, то долг зовет меня к ним. Я поведу тебя к тайным вратам. – сказал он, повернувшись вновь к Туору. – Мудрый не отринет совет Ульмо.

– Тогда мы пойдем вместе и исполним совет, – откликнулся Туор. – Но не спеши грустить: мое сердце говорит, что путь твой долог, и он уведет тебя прочь от Тени, и твоя надежда вернется в море.

– И твоя тоже, – ответил Воронвэ. – Но теперь нам надо поспешить.

– Верно. Но куда ты поведешь меня, и долго ли идти? Может, сначала обдумаем, каким путем одолеть глухоманье, как выдержать зиму в безлюдных краях?

Но Воронвэ не стал говорить о дороге ничего определенного:

– Силы людей тебе лучше знать. А я – нолдор, и холоду и голоду придется немало постараться, чтобы сломить потомка тех, кто прошел лед Хелка-

раксэ. А иначе как бы нам трудиться год за годом в бескрайнем соленом море? Кстати, слышал ли ты о дорожном хлебе эльфов? У меня еще осталось то, что все моряки хранят до последнего.

С этими словами он показал запечатанную котомку, пристегнутую к поясу.

– Ни вода, ни ветер не повредят его, пока он запечатан. Но лучше сохранить его на самый черный день: наверняка охотник найдет достаточно добычи, пока не началась зима.

– Может, и найдет, – согласился Туор. – Но не везде нынче безопасно охотиться, даже если встретится дичь, и охота отнимает время в пути.

Так двое путников собрались в дорогу. Туор прихватил с собой малый лук и стрелы, что были с ним с начала путешествия, вдобавок к снаряжению из чертога короля. Но свое копье он укрепил на стене в знак того, что он был здесь: его имя было нанесено на древке эльфийскими рунами Севера. У Воронвэ же из оружия был только короткий меч. Прежде, чем поднялось солнце, они вышли из древнего жилища Тургона, и Воронвэ повел Туора западнее крутых склонов горы Тарас через долгий мыс по старинной заросшей дороге между уложенных дерном насыпей.

***

Так путники вступили в Белериand, стараясь держаться вблизи отрогов Эред Вэтрин. Пройдя немного, они укрылись до вечера, поскольку край полнился шпионами Мелькора – тот опасался кораблей Кирдана, которые совершали набеги на

берега, объединяясь с войсками из Нарготронда. Пока они сидели, как две тени, завернутые в плащи, Туор вновь принялся расспрашивать спутника о Тургоне. Но Воронвэ предпочитал рассказывать вместо этого о Лисгарде, тростниковой стране в устьях Сириона:

«Все больше эльфов всех племен собирается там, устав от войны и спасаясь от тени Моргота. Но я оставил свой народ не по своей воле. После битвы Браголлах и прорыва осады Ангбанда Тургона посетили сомнения – Моргот может оказаться слишком силен. Тогда он выслал гонцов с тайной миссией: спустившись вниз по Сириону, они с помощью моряков Кирдана строили корабли, чтобы искать защиты у Владык Запада.

Но вышло так, что я задержался в пути: мы пришли в Тазаринан весной, а эта страна чарует сердце и исцеляет от жажды странствий. Река Нарог впадает там в Сирион, и они текут сквозь луга вместе, спокойные и широкие, а разноцветные ирисы раскинулись кругом цветущими лесами. Цветы в траве – словно самоцветы, и колокольчики, и алые и золотые огоньки, как будто россыпь звезд любых оттенков на зеленом небосклоне.

А какие там ивы! Серебристо-зеленые, они шепчут на ветру бессчетными листьями, как волшебная музыка – и я был зачарован, и совсем позабыл про море, пока дни и ночи незаметно пролетали мимо. Сколько я бродил там, давая имена новым цветам, или дремал под гудение пчел и птичьи напевы… Так бы и остался в этом блаженстве, забыв свой род, и корабли телэри, и мечи нолдоров, – но

не таков был мой рок. А может, на то была воля самого Ульмо? Его власть сильна в той стране. Однажды я соорудил плот из ивовых ветвей, и тут внезапный порыв ветра унес меня вниз по реке – так последним из гонцов я прибыл к Кирдану.

Соленый морской воздух и волны разбередили мое сердце, и я ждал отплытия с нетерпением – сам я родился в Средиземье, но если верить нолдорам, за морем есть луга, где весна не кончается никогда. Но море так жестоко, Туор, сын Хуора, и оно ненавидит нолдоров, повинуясь Року валаров. Бывает участь куда хуже, чем просто утонуть и сгинуть в пучине: тоска, и одиночество, и безумие, и ужас штормов, и молчание штилей, и тени, в которых исчезает надежда и иссякает сама жизнь. Много берегов омывает оно, злых и чуждых, и много островов таит, исполненных страхом и лихом.

Семь лет мы скитались от севера до самого юга, но так никогда и не достигли запада: он закрыт для нас. В черном отчаянии мы повернули назад – и рок, что хранил нас так долго, под конец обрушился во всей своей беспощадности. Я уже заприметил гору Тарас издалека, но тут грозовые тучи накатились с запада, и волны охотились на нас, как живые, и молнии били в наш корабль – пока не остались лишь жалкие обломки. Сам я, как видишь, был спасен – огромная, но спокойная волна вынесла меня на прямо на вершину утеса и обрушилась вниз могучим водопадом. Так я и сидел там оглушенный, горюя об погибших друзьях, пока не появился ты».

– Но как же ярки звезды на западе, на самом краю мира, когда облака отступают прочь… –

вздохнул Воронвэ, говоря уже, казалось, с самим собой. – Так далеки горы Валинора над берегами нашего древнего дома, и никто из смертных земель, думаю я, не найдет больше пути туда.

Эльф замолчал, ведь была уже ночь, и студеные звезды зажглись в небесах. Вскоре путники поднялись и продолжили свой путь в темноте, через леса и скалы, поля и болота. Тень Ульмо хранила Туора, и никто не замечал осторожных странников на их сумеречном пути. Зябким ноябрьским утром они вышли к озеру Иврин, но некогда прекрасная долина была осквернена и опустошена: деревья сожжены или выкорчеваны с корнем, а над обледенелым болотом витал гнусный запах разложения.

– Что за лихо случилось здесь? – вскричал расстроенный Воронвэ.

– То, что и говорил мне Ульмо: «источники вод отравлены, и моя власть уходит из этих мест», – ответил Туор.

– Здесь было что-то похуже орков, страх висит над этим местом, – задумался Воронвэ и пошел разведать берега топи.

– Да, великое зло! – крикнул он и подозвал Туора. В замороженной грязи виднелась широкая борозда и отпечатки могучих когтистых лап. – Здесь прошел змей Ангбанда, нам надо поспешить!

Вдруг в лесу раздался крик, и они спрятались за серыми валунами. Из-за деревьев показался высокий воин, весь в черном и с длинным мечом наперевес: клинок тоже был черен, но края лезвия светились холодным сиянием. Лицо воина избороздило горе, и при виде погубленного озера он воскликнул:

– Иврин!.. Здесь я исцелился когда-то, но никогда больше не испить мне мира и покоя.

Он поспешно устремился дальше на север, и они так и не узнали, что Нарготронд пал, а перед ними был Турин, сын Хурина. Так единственный раз пересеклись пути двух родичей, Турина и Туора. Выждав немного, путники нашли себе убежище – ведь уже наступил день. Спали они мало и беспокойно; к вечеру пошел снег, а к ночи ударил мороз.

Так началась лютая зима: не успели опасть последние листья, как налетели ледяные ветра, и глубокий снег лег на вершинах гор и заструился поземкой через перевалы. Жестокий холод теперь беспрестанно терзал двух путников, а снег скрывал опасные буераки, и они продвигались все медленнее и труднее. Девять дней спустя они пересекли три родника – истоки Тейглина, и свернули на восток, оставляя горы позади. Добычи не попадалось уже давно, наоборот, снег грозил выдать их врагам; дорожный хлеб эльфов заканчивался, и наваливалась тяжкая усталость.

– Сколько еще идти? – спросил наконец Туор. – Этот холод убьет меня, если не нас обоих. Я провел немало зим в горах, но у меня была пещера и огонь. Может, хватит уже этой скрытности? Мне нужно знать, что свои последние силы я потрачу не зря.

– Лихое дело – попасть в жернова между Роком валаров и злобой Врага, – ответил Воронвэ. – Может, и сам я спасся в море лишь затем, чтобы упокоиться под снегом? Но я веду тебя так прямо, как могу. Твердыня Тургона – на севере эльфийских

краев, хоть и мало кто верит этому. Мы уже близко, но еще немало лиг осталось, и нам надо пересечь Сирион. Скоро придем к старинному тракту из крепости на Тол Сирионе в Нарготронд, и за ним наверняка следят враги. Но другого пути нет – разве что упасть и заснуть в снегу.

Они продолжили путь и в сумерках того же дня вышли к тракту в глубокой, заросшей лесом ложбине. Вдруг послышались голоса и показались алые проблески: орки устроились прямо на середине дороги вокруг большого костра.

– Вот и пришло время поработать мечу, а не плащу! – пробормотал Туор. – Я рискну жизнью ради этого костра, да и мясо орков нам пригодится.

– Нет! – возразил эльф. – Только плащ спасет нас на этом пути. Забудь про костер – или забудь о Тургоне. Эта шайка тут не одна: неужто твои смертные глаза не видят другие посты к северу и к югу? Шум навлечет на нас целое войско. Послушай меня, Туор: запрещено являться к тайным вратам, если враги идут по пятам, и этот запрет я не нарушу даже ради Ульмо. Потревожишь орков – и я оставлю тебя.

– Ну что же, пусть живут, – вздохнул Туор. – Дожить бы до дня, когда не придется прятаться от горстки орков, как трусливому псу.

– Тогда хватит спорить и пойдем дальше, не то они учуют нас. За мной!

Они прокрались сквозь чащу на юг, под ветер, и надолго замерли посередине между двух орочьих костров, прислушиваясь. Все было тихо, лишь поземка шуршала по камням древней дороги. Тогда

Туор набросил на них обоих серую мантию Ульмо, и они, как облачко тумана, перебежали тракт и нырнули в густой кустарник на восточной стороне. Тотчас раздался дикий клич, и другие ответили ему издалека – орки не увидели их, но учуяли и услышали. Грубо протрубил рог, и раздался топот: охота началась.

Туор и Воронвэ, спотыкаясь, отчаянно поползли вперед и вверх по долгому склону сквозь заросли дрока и черники под узловатыми ветвями рябин и невысоких берез. На гребне ложбины поднимался валун, возвышаясь среди вереска и плетей ежевики, а у его подножия нашелся темный закуток, в каких загнанный зверь может укрыться от погони или принять последний бой, чтобы продать свою жизнь подороже. Туор утянул туда эльфа, и они залегли бок о бок, накрывшись серой мантией и тяжело дыша, как загнанные лисы, и молча вслушивались в гомон орков в подлеске внизу. Крики стали тише: орки не очень-то хотели лезть в колючки и лишь сновали туда-сюда по тракту. Так прошла ночь, и угрюмая тишина вновь окутала землю. Туор задремал под мантией Ульмо, но Воронвэ выбрался наружу и стоял безмолвно и неподвижно, как камень, пронзая сумерки своим эльфийским взором.

***

Рано утром эльф разбудил Туора, и тот, поднявшись из убежища, увидел, что погода изменилась и мрачные тучи отнесло прочь. Занимался красный рассвет, и далеко впереди вершины незнакомых гор сверкали в лучах восхода.

– Это Окружные горы Криссаэгрим, горы моего дома! – шепотом проговорил Воронвэ.

Под ними в затененной долине текла река Сирион, воспетая в песнях, а за ней серая земля, окутанная туманом, поднималась к скалистым предгорьям.

– Вот бы нам оказаться на той стороне… – заметил эльф. – Враги редко появляются там – по крайней мере так было раньше, пока власть Ульмо была сильна в Сирионе. Сейчас все могло измениться, кроме самой реки: она была и осталась опасной, быстрой и глубокой, и даже эльфу непросто переплыть ее. Но я вел тебя правильно: вон там южнее белеет брод Бритиаха, где раньше была дорога от горы Тарас на восток. Сейчас почти никто пользуется ей, ни эльфы, ни люди, ни орки, разве что по крайней нужде: она ведет в Нан Дунгортеб и давно одичала и заросла колючими сорняками.

Они осторожно спустились к реке у древней дороги. Вода вырывалась здесь из глубокого ущелья и растекалась множеством мелких журчащих проток по широкой равнине, усеянной валунами. Ниже по течению река сужалась вновь и прокладывала себе новое русло в туманном лесу Бретиль – там лежала северная граница Дориата, укрытая тенью Завесы Мелиан. Туор бросился к броду, но Воронвэ удержал его:

– Мы не можем переправляться через реку при свете дня, пока есть риск погони.

– Да что же мы будем сидеть здесь, пока не рассыплемся в труху? – вспылил Туор. – Такой риск будет всегда, пока стоит царство Моргота. Пошли! У

нас есть плащ Ульмо, и мы должны двигаться вперед.

Но Воронвэ все колебался, поглядывая назад. Дорога была безлюдна, и только шум воды нарушал тишину вокруг. Небо было серым и пустым, и даже птиц было не видать. Вдруг лицо эльфа озарилось радостью, и он воскликнул:

– Отлично! Враги нашего Врага еще стерегут Бритиах, и орки не пойдут сюда. Под плащом Ульмо мы переправимся без лишних сомнений.

– Что нового ты увидел? – осведомился Туор.

– Слабы же глаза людей! – ответил эльф. – Там орлы Криссаэгрима, и они летят сюда. Погоди немного.

Туор стоял и смотрел в изумлении: три тени на могучих крыльях парили в небесах, медленно спускаясь широкими кругами с далеких горных пиков, уже вновь укрытых облаками. Они на миг зависли над путниками – но прежде, чем Воронвэ успел окликнуть их, орлы шумно взмахнули крыльями и улетели вдоль реки на север.

– Теперь пойдем, – заключил эльф. – Если и есть тут какие орки в окрестностях – лежат сейчас уткнувшись носом в землю, пока орлы не улетят.

Они быстро спустились по склону и пошли вброд, переступая по плоским камням или проходя по отмелям, где поток был не глубже колена. Вода была чистой и студеной, а мелкие пруды здесь и там покрывала корочка льда. Но даже в эту лютую зиму главное русло Сириона не поддавалось смертному морозу с севера. На другой стороне реки они нашли высохший овраг, где когда-то вода проточила глубо-

кий туннель и вынесла множество гальки на отмели Бритиаха.

– Наконец-то мы отыскали ее, превыше всякой надежды! – возвестил Воронвэ. – Смотри, это устье Сухой Реки, и нам сюда.

– Неважная дорога для уставшего путника, – проворчал Туор, спотыкаясь в сумраке о камни в высохшем русле: стены ущелья поднимались кругом все выше.

– Но это дорога к Тургону, – ответил Воронвэ.

– Тем более странно – вход открыт и не охраняется? Я ожидал увидеть могучие врата и грозную стражу.

– Еще увидишь, мы только подходим. Открыт, говоришь? Мастерство нолдоров и чары Ульмо хранили этот путь скрытым триста лет, и как бы ты нашел его, не будь у тебя нолдора-проводника? Ты бы принял его за работу ветра и воды в этой глуши. И разве ты не видел орлов? Будь мы орками, нас бы схватили и швырнули на острые скалы с высоты. Но чтобы пройти Врата, недостаточно того, что мы не орки. Не говори потом, Туор, что я не предупреждал тебя: ты не осознаешь опасности, и надеюсь, сила Ульмо проявит себя. Доверившись ей, я привел тебя сюда, и если она подведет, то смерть наша будет куда более верной, чем от превратностей зимы и бездорожья.

– Довольно мрачных пророчеств, – ответил Туор. – В глуши мы погибнем наверняка, а насчет Врат я так не думаю, несмотря на все твои страхи. Веди меня дальше.

Они шли много миль по камням Сухой Реки,

пока вечер не наполнил мраком глубокое ущелье, и они не могли идти дальше. Горы возвышались над ними, как гладкие ровные стены, ряды крутых утесов один над другим – Туор не видывал таких раньше. День уходил, и серые туманные сумерки наполнили долину Сириона. Воронвэ привел Туора в неглубокую пещеру, где они укрылись и доели последние крошки еды. Холод и усталость мучили обоих, но ни один не заснул: ведь они пришли к порогу Тургона, избежав волей Ульмо и Рока, и Зла.

***

С первым проблеском дня путники осторожно спустились обратно в долину Сухой Реки и вскоре остановились перед высокой острой скалой: она вырастала внезапным лезвием из крутого склона, покрытого густым терновником. В эти колючие заросли и вел их каменный туннель: терновник разросся далеко вдоль оврага, и его переплетенные ветви смыкались плотной крышей над их головами, так что им временами приходилось ползти, как зверям в свое логово. С немалым трудом они выбрались к самому подножию утеса, и там был проход – словно вода из самого сердца гор проточила здесь твердый камень. Воронвэ уверенно направился вперед, а Туор шел следом, положив ему руку на плечо и слегка пригнувшись – потолок туннеля был низковат. Какое-то время они шли так вслепую, пока не почувствовали, что поверхность стала ровной и на ней не было больше случайных камней. Они остановились, прислушиваясь: воздух казался свежим и бодрящим, и кругом чувствовался про-

стор, но все так же стояла тишина, и ни единая капля воды не нарушала ее. Туору показалось, что эльф в сомнениях, и он спросил:

– Где же Врата и стража? Или мы уже прошли их?

– Нет, но это странно, что мы смогли пройти так далеко, и никто не остановил нас. Я боюсь удара в темноте.

Но их шепот пробудил спящее эхо, и оно раскатилось, отражаясь от потолка и невидимых стен и шелестя, как множество тихих голосов. И только лишь оно утихло, из темноты раздалась команда на эльфийском языке:

– Стоять и не двигаться! Иначе – смерть, будь вы враги или друзья.

– Мы друзья, – отозвался Воронвэ.

– Тогда делайте, как сказано.

Эхо голосов вновь сменилось тишиной, но путники стояли неподвижно. Туору казалось, что минуты тянутся как никогда медленно, и страх прокрался в его сердце, какого не было за все их путешествие. Вдруг тишину нарушила поступь шагов, словно тролли маршировали в пустом чертоге. Кто-то снял колпак с эльфийского светильника, и яркий луч света упал на Воронвэ. Теперь Туор не видел ничего, кроме ослепляющей звезды во тьме, и он понял, что не сможет бежать ни вперед, ни назад, пока этот луч светит на него.

– Откройте ваши лица! – скомандовал голос.

Воронвэ отбросил свой капюшон, и его лицо засияло под лучом света, суровое и ясное, словно точеный камень – Туор вдруг подивился его красоте.

– Разве вы не узнаете, кто перед вами? – гордо произнес эльф. – Я Воронвэ, сын Аранвэ, из Дома Финголфина. Неужто меня забыли в моей стране всего за несколько лет? Далеко от Средиземья я плавал, но я помню твой голос, Элеммакил.

– Тогда Воронвэ наверняка помнит и закон своей страны. По приказу он отправился в путь, и имеет право вернуться. Но не привести сюда чужака! Теперь его право ничтожно, и он должен быть приведен пленником на суд короля. А чужак будет сражен или схвачен, на усмотрение Стражи. Подведите его ближе, чтобы я мог решить!

Воронвэ вывел Туора на свет, и множество нолдоров в кольчугах и с обнаженными мечами выступили из темноты вокруг них. Элеммакил, начальник Стражи, который и держал светильник, долго всматривался в лица путников.

– Не ожидал от тебя такого, Воронвэ, – сказал он наконец. – Мы долго были друзьями. Почему же теперь ты ставишь меня так жестоко перед этим выбором: дружба или закон? Да приведи ты даже нолдора из другого Дома, и то было бы достаточно для наказания. Но ты же привел на тайный путь смертного! По глазам я узнаю его расу. Теперь, зная наш секрет, он никогда не выйдет на свободу, и как чужака я должен казнить его, пусть он и твой друг и дорог тебе.

– Странные вещи случаются со странниками во внешнем мире, Элеммакил, – ответил Воронвэ. – И они возвращаются не такими, какими вышли в дорогу. Я не искал этой судьбы, но принял ее по той воле, что превыше закона Стражи. Только король

вправе судить меня и того, кто пришел со мной.

– Я пришел с Воронвэ, – заговорил и Туор, преодолев свой страх, – ибо он был назначен моим проводником по воле Владыки Вод. Рад этого он был спасен от ярости моря и Рока валаров. Я несу весть от Ульмо сыну Финголфина, и только ему я открою ее.

– А ты, собственно, кто таков? – изумленно воззрился на него командир эльфов. – И откуда взялся?

– Я Туор, сын Хуора из Дома Хадора и родич Хурина. Мне говорили, что эти имена известны в Сокрытом Королевстве. Из Нэвраста через многие опасности я добрался сюда.

– Из Нэвраста? – переспросил Элеммакил. – Я слышал, что никто не живет там с тех пор, как наш народ ушел оттуда.

– Так и есть. Пусты и холодны стоят ныне чертоги Виньямара. Но все же я пришел оттуда. Теперь веди же меня к тому, кто воздвиг когда-то ту древнюю обитель.

– Не мне судить о таких великих делах, – решил Элеммакил. – Я отведу вас наружу, на свет, и сдам Хранителю Великих Врат.

Он отдал приказы, и путников окружили высокие стражи, двое перед ними и трое сзади. Затем командир повел их вперед из пещеры Внешней Стражи, и они долго шагали по ровному коридору, пока вдалеке не показался бледный свет. Наконец путники вышли к широкой арке, по бокам которой в скале были высечены высокие колонны. Между ними висела массивная решетка из скрещенных

деревянных балок, скрепленная железными гвоздями и покрытая искусной резьбой. Элеммакил коснулся ее, и она бесшумно поднялась вверх. Они прошли через врата, и Туор понял, что стоит у начала глубокого ущелья, каких он не видел никогда раньше, да и вообразить не мог, хоть и немало пространствовал в горах Севера. Здесь руки самих валаров раздвинули могучие горы в древних войнах на заре мира: стены расщелины были гладки, как будто высечены топором, и возносились вверх на немыслимую высоту. Там наверху вилась синяя ленточка неба, обрамленная острыми зубчатыми пиками, но зимнее солнце не могло достигнуть дна ущелья, и хоть было уже позднее утро, бледные звезды до сих пор мерцали над вершинами гор. Внизу же было темно, и лишь белесый свет фонарей у тропы рассеивал полумрак.

– Вы прошли первые врата, Деревянные, – сказал Элеммакил. – Там дорога, и нам надо поспешить.

Начался крутой подъем, и слева у русла ручья Туор увидел мощеную камнем дорогу, что уходила серпантином все выше и выше, исчезая в сумраке. Тяжелая усталость опустилась на него, как туча, а спереди подул знобкий ветерок, шурша по камням. Он поежился, опуская капюшон:

– Холоден же ветер Сокрытого Королевства!

– Что есть, то есть, – отозвался Воронвэ. – Страннику может показаться, что гордыня сделала слуг Тургона безжалостными. Тяжки лиги Семи Врат для голодных и усталых.

– Не будь наш закон так суров, давным-давно

коварство и злоба прокрались бы сюда и уничтожили всех нас, – отрезал Элеммакил. – И ты, Воронвэ, знаешь это не хуже меня. Но мы не так уж безжалостны. Здесь еды нет, и прошедший врата не может вернуться назад. Но потерпите еще, и у Вторых Врат вас ждет привал.

– Что ж, неплохо, – откликнулся Туор и зашагал дальше. Оглянувшись, он увидел, что теперь Элеммакил сопровождает их в одиночку.

– Охрана больше не нужна, – пояснил начальник стражи, догадавшись о невысказанном вопросе. – Из Орфальк Эхора не сбежать ни эльфу, ни человеку, и возврата отсюда нет.

***

Путники продолжали подниматься вверх, иногда по длинным лестницам, иногда по извилистой дороге под нависающей тенью утеса. Через поллиги после Деревянных Врат Туор увидел, что путь преграждена высокой стеной от края до края ущелья, а по обе стороны стоят внушительные каменные башни. Над дорогой был предусмотрен арочный проход, но он был заперт, как казалось, единственной могучей каменной плитой. Когда они приблизились, ее поверхность, темная и отполированная, отразила свет белого фонаря, что висел посредине арки.

– Это вторые врата, Каменные, – сказал Элеммакил и, подойдя поближе, легонько толкнул каменную плиту. Она повернулась на невидимой оси, и ее край обратился к путникам, а по обе стороны открылся проход. Он вел во дворик, где стояли

вооруженные воины в сером облачении. Никто не произнес ни слова, но Элеммакил повел своих подопечных в комнату под северной башней. Туда им принесли еду и вино и позволили перевести дух.

– Трапеза скудновата, – обратился Элеммакил к Туору. – Но если твоя миссия подтвердится, будет время попировать после.

– Вполне достаточно, – ответил Туор. – Кому не хватит такого славного привала?

И действительно, еда и питье нолдоров так освежили его, что он уже с нетерпением стремился снова в путь. Вскоре они прибыли к новой стене, еще выше и мощнее прежней, а в ней размещались третьи, Бронзовые Врата. Щиты и пластины из бронзы на этих вратах были украшены фигурами и письменами, а стену над ними венчали три квадратные башни. Их крыши были покрыты медью и сияли ярким огнем в свете алых фонарей, укрепленных в стене наподобие факелов. Путники вновь миновали врата в полном молчании: во дворе за ними стояла стража в кольчугах, что отливали тусклым огнем, а лезвия их секир были красными.

Теперь настала самая трудная часть пути: дорога шла круто вверх, а впереди над ними уже маячила очередная стена. Это были четвертые врата, Врата Сплетенного Железа: стена, увенчанная четырьмя железными башнями, была высока и черна, и ни один фонарь не освещал ее. Между двумя внутренними башнями был изображен орел, выкованный из железа: то был сам король орлов Торондор, слетающий с небес на горную вершину. Когда Туор встал перед вратами, ему показалось, что он смотрит

на бледную луну сквозь переплетение сучьев и стволов деревьев: свет проникал через ажурный переплет, скованный в виде извивающихся корней и ветвей с листьями и цветами. Проходя сквозь врата, он понял, в чем дело: там была не одна решетка, но три, одна за другой, и каждая составляла часть узора – а свет был просто сиянием дня.

Они поднялись высоко над долиной, с которой начинали путь: теперь дорога шла ровно, а ущелье расширилось, и его склоны были уже не так круты. Цепи гор, увенчанных снегом, спускались к внутренним холмам, и дневной свет отражался в снежных полях сквозь сверкающую морозную дымку. Путники прошли сквозь ряды Железной Стражи, что выстроились за вратами: облаченные в черные плащи и кольчуги, они держали длинные щиты, а их лица были скрыты забралами в форме орлиных клювов. Теперь Элеммакил шел впереди, а вдоль дороги появилась зеленая трава, в которой светились белые звездочки цветов *уйлоса*, что цветут в любое время года и никогда не вянут.

Так, повеселев и приободрившись, они пришли к Серебряным Вратам. Стена их была возведена из белого мрамора, низкая и широкая, а по парапету вилась серебряная решетка между пятью большими мраморными шарами, и за ней стояли лучники, все в белом. Ворота формой напоминали три четверти круга, скованные из серебра и украшенные перламутром из Нэвраста наподобие луны. Над вратами на центральном шаре возвышалось Белое Древо Тельпериона из серебра и малахита, а цветы на нем были из огромных жемчужин. Двор за вратами был

вымощен белым и зеленым мрамором, и с каждой стороны стояла сотня лучников в серебряных кольчугах и шлемах с белыми навершиями. Путники миновали их молчаливые шеренги и продолжили путь по белой дороге к шестым вратам – зеленые лужайки вокруг стали шире, а между белых звездочек *уйлоса* замелькали глазки крошечных желтых цветов.

Золотые Врата были похожи на предыдущие, только стена была из желтого мрамора, а шары и парапет выполнены из червонного золота. Шаров было шесть, а в середине на золотой пирамиде стоял Лаурелин, Древо Солнца, и его длинные топазовые соцветия спадали вниз на золотых цепочках. Сами врата были украшены золотыми дисками со множеством лучей посреди узоров из граната, топаза и желтых бриллиантов. За вратами стояли триста лучников с длинными луками, круглыми красными щитами и в позолоченных кольчугах, а над их шлемами реяли высокие золотые плюмажи.

Путь теперь освещало яркое солнце, и холмы по обе стороны были невысоки и зелены, а снег лежал только на их верхушках. Элеммакил спешил, ведь до седьмых врат оставалось совсем недалеко. То были Стальные Врата, и вокруг них не было стены, но с обоих сторон стояли высокие круглые башни со множеством окон, по семь этажей каждая, а между ними шла грозно сверкающая изгородь из нержавеющей стали. Ее составляли семь стальных шпилей, высотой и обхватом как крепкие молодые деревья, но их навершия сужались до острия иглы.

Между ними крепились семь поперечных стальных брусьев, а в каждом промежутке смотрели вверх семижды семь стальных лезвий, подобных широким наконечникам копий. Над центральным шпилем было установлено изображение королевского шлема, Короны Сокрытого Королевства, инкрустированное алмазами.

Ни врат, ни двери не мог разглядеть Туор в этой жуткой стальной преграде, но из-за нее струился яркий свет, так что он прикрыл рукой глаза и остановился в трепете и удивлении. Элеммакил вышел вперед, но врата не открылись и ему. Изгородь отозвалась на его удар, как арфа со множеством струн, и гармоничные ноты покатились перезвоном от башни к башне. Тотчас из башен выехали всадники, и один из них, на белой лошади, спешился и подошел к путникам. Это был Эктелион, Князь Фонтанов, высокий и благородный, – он в то время служил Хранителем Великих Врат. Он был одет в серебро, а сверкающий шлем венчал острый стальной шип с алмазом на конце. Оруженосец принял у него щит, усыпанный искрами хрусталя, словно каплями дождевой росы. Элеммакил отдал ему честь и доложил:

– Здесь Воронвэ, сын Аранвэ, вернувшийся с морских берегов. С ним чужестранец, которого он привел сюда, и он требует видеть короля.

Эктелион повернулся к Туору, но тот лишь надвинул капюшон и молча стоял лицом к лицу с Хранителем Врат. Воронвэ показалось, что его окутал туман и он возвышался над эльфийским князем, как гребень серой морской волны, мчащейся

к берегу. После паузы Эктелион сурово произнес:

– Ты пришел к последним вратам. Знай же, что ни один чужак не пройдет их обратно, разве что через врата смерти.

– Не пророчь лиха! Если посланец Владыки Вод пройдет этими вратами, то все живущие за ними последуют за ним. Князь Фонтанов, не задерживай посланца Владыки Вод!

Воронвэ и все кругом застыли в изумлении: казалось, могучий голос доносится откуда-то из далекой дали. А Туору почудилось, что другой говорит его голосом, а он лишь слушает сам себя. Эктелион долго стоял молча, но постепенно благоговение проступило на его лице – как будто под серым плащом Туора он узрел некие видения издалека. Он поклонился, подошел к изгороди и возложил на нее руки. Врата открылись вовнутрь по обе стороны шпиля, и Туор миновал их и вышел на травянистый холм, с которого открывался вид на долину впереди. Там посреди белого сияния снегов стоял город Гондолин, как завораживающее видение из его долгожданной мечты.

***

Туор долго не говорил ни слова, очарованный и не способный отвести взгляд. Воины Гондолина молча стояли вокруг, глядя на него – как вдруг его мантия упала наземь, и все увидели грозный доспех из Нэвраста. А ведь среди них были и те, кто когда-то своими глазами видел, как Тургон разместил его над своим троном в Виньямаре.

– Какое еще доказательство нужно? – нарушил

тишину Эктелион. – даже имя его значит меньше, чем этот ясный знак: он пришел от самого Ульмо.

По приказу Хранителя Врат горны на башнях протрубили сигнал. Им отозвалось эхо в холмах, а потом донеслось и пение труб с далеких стен города впереди. Туору и его спутнику привели лошадей (Туору досталась серая), и они выехали на равнину, что лежала в окружении гор. Поверхность была удивительно ровной, но тут и там стояли круглые и гладкие валуны посреди зеленой травы, и иногда рядом с ними виднелись пруды в каменистом ложе. Равнину пересекало множество ухоженных дорог, так что вскоре они подъехали к подножию холма, спешились и начали подниматься по извилистым лестницам к городским воротам. Ворота, откованные из серебра и снабженные железными засовами, были обращены на запад и отливали золотом в лучах заходящего солнца, и множество народа смотрело на путников из-за парапетов зубчатых стен и бастионов.

Туор, в свою очередь, потрясенно взирал на каменные стены и высокие башни, сверкающие шпили и стройные балюстрады, мраморные лестницы и прозрачные водопады, что струились на равнину внизу из многочисленных фонтанов – и казалось ему, что он шагает в каком-то божественном сне. Они прошли сквозь любопытную толпу через высокие ворота в мраморной арке, а стаи белых птиц кружились и реяли над ними, встревоженные переполохом. Широкие улицы города были вымощены камнем и обрамлены мраморными бордюрами, и на них выходили добротные дома и

дворы с садами, полными ярких цветов. На пригорках росли мэллорны, березы и вечнозеленые деревья, и множество изящных башен из белого мрамора вздымались к небу, радуя глаз тонкой резьбой. На площадях журчали фонтаны и пели белоснежные птицы на ветвях старых деревьев, но самый высокий фонтан был на просторной площади перед королевским дворцом: он бил на двадцать и семь фатомов вверх, а потом осыпался вниз поющим хрустальным дождем.

Высочайшая из башен над аркадой со множеством колонн венчала королевский дворец, а по обе стороны его дверей стояли два дерева с золотыми и серебряными цветами, Глингол и Бансиль, подобные Двум Древам Валинора. На лестнице у дверей путников встречал сам король Тургон, весь одетый в белое. Голову его венчала корона с драгоценными гранатами, а на золотом поясе висел меч в ножнах из слоновой кости.

– Привет тебе, о человек из Дор-Ломина! – обратился король к Туору. – Твой приход был предсказан в наших книгах мудрости, и многие великие перемены знаменует он для нас.

– Внемли, отец Города Камней! – ответил Туор, и Ульмо вновь наполнил мощью и глубиной его голос. – Я послан тем, кто творит музыку в морских безднах, кому ведомы души людей и эльфов. Ульмо известно о твоем граде на холме и о твоей бдительности против зла Мелькора, но я пришел сюда тайным путем сообщить: время исхода близко.

– Я не оставлю свой город, – возразил Тургон.

– Хоть бы Ульмо и все валары просили меня. Я король Гондолина, и я не подверну ни мой народ, ни сотворенное нами никакой опасности, будь то от орков или огня Мелькора.

– Пошли тогда посланцев вниз по реке Сирион, до моря, пусть строят корабли и ищут помощи Валинора, – продолжил Туор. – Забыты пути в тот край, и сокрыт он от мира морями и горами, и неодолимая магия хранит его от лиха. Но есть еще надежда, что твой посланец доберется туда и пробудит сердца эльфов и богов, и они сокрушат Железный Ад под горами Тьмы!

– Год за годом, лишь настанет весна, мы отправляли посланцев к морю, – отвечал король. – Лебеди, и чайки, и могучие крылья ветра несли их корабли на поиски Валинора. Но забыты пути в тот край, и сокрыт он от мира морями и горами, и неодолимая магия преграждает путь и охраняет блаженство обитающих там от лихих вестей. Слишком много моих моряков уже сгинули понапрасну в бездонной пучине. И теперь ни один не выйдет больше в море – мы будем верить в свои силы и в свой город, а от валаров помощи не дождешься.

Тяжело стало на сердце Туора от этих слов. Он присел у королевского фонтана, и его брызги напомнили ему музыку морских волн и зов завитых рогов Ульмо. Мантия Владыки Вод исчезла, как только он закончил свое послание – но Тургон, видя, что на этом смертном лежит благословление валара, пригласил его остаться жить в Гондолине, обещая свою милость и место в королевских чертогах. И Туор, устав от скитаний и дивясь красоте

города, согласился. Не раз с тех пор мечтал он сбежать в пустынные леса и холмы, устав от многолюдного города, и вспоминал шум моря – но в его сердце поселилась теперь любовь к женщине, и то была ни кто иная, как дочь самого короля.

***

Множеству премудростей научился Туор в сокрытом королевстве от верного друга Воронвэ, и от городских умельцев, и от искушенных советников короля. Ему открылись тайные истины, которых он не знал раньше, а иные и до сих пор неведомы смертным людям. Ему рассказали, как долгие века возводился город Гондолин, и как строится и украшается он и поныне, и о Пути Избавления в Орфальк Эхор – нолдоры, бежавшие из рабства Мелькора, могли пройти им, но чары хранили его от шпионов Врага. Неусыпная вооруженная стража стережет горные перевалы, а бдительные наблюдатели несут дозор на вершинах гор рядом с заранее построенными маяками, готовые зажечь их и подать сигнал об атаке орков.

Теперь, однако же, эта стража стояла на Окружных горах скорее по обычаю, чем по необходимости: великими трудами гондолинцы так выровняли все пространство вокруг холма Амон Гварет, что ни эльф, ни птица, ни зверь, ни даже змея не смогли бы подкрасться незамеченными – а глаза у иных эльфов Гондолина были зорче, чем у ястребов Манвэ. Сочтя эту работу завершенной, они теперь занимались добычей металлов и ковкой всевозможных мечей, топоров и копий, а также выделкой

кольчуг, доспехов и шлемов. Стрел же у них было запасено столько, что хватило бы на много лет стрельбы из луков день и ночь без перерыва, и оттого орков в те дни уже почти не опасались.

Туору поведали о мастерстве строителей и о том, как вытесывают камень и мрамор, об искусстве ткачей и прядильщиц, о шитье и окраске, и о работе с металлами. Он постиг изысканнейшую музыку – в ней были наиболее искусны жители южной части города, где журчало множество фонтанов и источников, и научился вплетать ее в свои собственные песни к удивлению и радости всех, кто его слышал. Туора посвятили в тайны эльфийских письмен и древних языков и рассказали сокровенные истории о Солнце и Луне и звездах, и о Земле и всех ее веществах, и о глубинах небес и Илуватаре, Владыке Вечности, что живет вовне мира, и о музыке айнуров, что была спета у его ног в далеком начале времен.

Так Туор вдобавок к своей храбрости и мужеству проявил превосходное мастерство и в ремеслах, и в ученой премудрости, – и со временем стал утешением и опорой королю, у которого не было сына, и народ Гондолина полюбил его. Король заказал самым искусным мастерам доспех Туору в подарок: он был откован из посеребренной нолдорской стали, а шлем украшен по бокам двумя лебедиными перьями из металлов и самоцветов. Из оружия Туор, однако, предпочитал топор, а не меч, и назвал его Драмборлег – его обух оглушал, а лезвие рассекало любой панцирь.

Дом Туору выстроили у южных стен города,

поскольку он ценил простор и недолюбливал тесную застройку. Там он часто встречал рассвет на бастионах, наслаждаясь ветерком, а эльфы радовались, видя, как первые лучи солнца зажигают крылья его шлема. Многие роптали и не прочь были пойти вслед за ним на битву с орками – ведь в городе не забыли о разговоре Туора и Тургона на дворцовом крыльце. Но Туор из уважения к королю не поощрял таких речей, да и слова Ульмо уже почти угасли в его сердце.

Год за годом жил так Туор среди эльфов Гондолина, и любовь к дочери короля все ярче разгоралась в его сердце. И Идриль ответила взаимностью – нити их судеб были сплетены воедино в тот самый миг, когда она увидела его из высокого окна, усталого путника у дверей королевского дворца. Она была прекрасна и смела, и ее прозвали Идриль Серебряножка – ведь она всюду ходила босиком и с непокрытыми волосами, кроме как на процессиях в честь айнуров. У Тургона не было причин противиться их любви – он видел в Туоре надежного родича великой судьбы.

Так обручился сын человеческий с дочерью Эльфинесса – мало кому довелось познать такое блаженство, но и велико было их горе, когда наступил конец. Однако в те дни не было предела всеобщему веселью, когда Туор и Идриль поженились при всем честном народе в храме Гар Айнион, что рядом с королевскими чертогами. С тех пор они жили в радости в его доме над южными стенами, и все в городе улыбались их счастью – все, кроме одного лишь Маэглина.

Маэглин был племянником короля, и его гербом был черный крот. Он был прославлен среди рудознатцев, и многие из них принадлежали к его Дому, но он был смугл и не отличался красотой среди соплеменников, равно как и добрым нравом. Маэглин тем не менее храбро бился в Битве Бессчетных Слез, а по возвращении с нее именно он выковал седьмые, Стальные Врата у входа в Орфальк Эхор. Не раз он просил у короля руки Идриль, но король раз за разом отказывал: он видел, что дочь не любит Маэглина, и считал его сватовство лишь попыткой добиться власти и места у трона. Теперь же Маэглин скрежетал зубами в гневе, видя, что Туор обошел его, и завидовал безмерно, когда у влюбленной пары родился сын Эарендил – прекрасное светлое дитя с глазами синее, чем южные небеса и сапфиры Манвэ.

***

Много лет прошло с тех пор, как Мелькору донесли странные слухи о смертном, друге нолдоров, блуждающем в долине Сириона. Он не боялся расы людей во дни своего могущества – поэтому Ульмо и избрал человека для исполнения своих планов, ведь любые деяния валара или эльфа заставили бы Врага насторожиться. Но все же странное предчувствие мучило его сердце, и оттого собрал он ныне огромное множество шпионов. Среди них были орки с глазами желтыми и зелеными, как у кошек, что видели в кромешной ночи и сквозь любой сумрак и туманы; змеи, что могли проползти в любые закоулки от глубочайших пещер до горных вершин и

услышать малейший шорох в траве и эхо в холмах; там были волки, дикие псы и кровожадные горностаи, что могли учуять запахи месяцы и месяцы спустя даже в проточной воде и увидеть следы на камнях, оставленные много лет назад. Собрались также совы и соколы, чей зоркий взгляд мог различить малейшую пичужку в лесах и каждую мышь, что кралась днем или ночью на просторах Земли.

Всех их созвал Мелькор в свой Железный Чертог, и они явились в бессчетном множестве. Оттуда он направил их выследить человека, что ушел из Дор-Ломина, а также разыскать жилища нолдоров, что избежали его власти – он желал поработить их всех или же уничтожить вовсе. Без устали рыскали они в лесах и долинах, среди скал и вереска, в небесах и туннелях, и множество вестей принесли своему господину, пока Туор жил счастливо в Гондолине.

Когда Эарендилу исполнился год, тревожные новости пришли в город – соглядатаи Врага, тролли и гоблины, появились в Окружных горах. Тогда сердце Тургона омрачилось, и он вспомнил о словах Туора, что были сказаны годы назад у дверей дворца. Король приказал утроить стражу в горах и построить боевые катапульты – ядовитые огни и кипящие смолы, стрелы и огромные камни встретят каждого, кто посмеет штурмовать сияющие стены города. Это успокоило его, но Туор был встревожен куда серьезнее короля. Тяжесть слов Ульмо стала ясна ему паче прежнего, и Идриль не могла утешить его – ведь она сама волновалась еще больше, чем даже он сам. Ей было дано пронзать тьму в сердцах

эльфов и людей и провидеть сумрак грядущего, и однажды она сказала мужу:

– Мое сердце не доверяет Маэглину. Боюсь, он принесет горе нашему прекрасному краю – хоть и не знаю еще, как и когда. Но я опасаюсь, что через него все наши приготовления станут известны Врагу, и он измыслит новое лихо, от которого у нас не будет защиты. Послушай, что мне приснилось ночью: Маэглин построил печь и, застав нас врасплох, бросил туда наше дитя, и хотел туда же бросить и нас с тобой, а я от горя за нашего сына даже не сопротивлялась.

– Не без причины твой страх, – ответил Туор. – Моя душа тоже не лежит к Маэглину, но он – племянник короля, твой кузен, и нам не в чем обвинить его. Придется ждать и быть бдительными.

– Тогда я советую так, – продолжила Идриль. – Собери тайно тех рудокопов, что недолюбливают Маэглина за его дерзость и заносчивость, и пусть понаблюдают за ним, когда он бродит во внешних холмах. Но главное – поручи тем, на кого можешь положиться, построить тайный ход из твоего дома на равнину внизу. Этот путь должен вести не к Пути Избавления, – я больше не верю в его надежность, а к дальнему перевалу, Расщелине Орлов. Да, осторожным и медленным будет этот труд, ведь никто посторонний не должен знать о нем, но чем дальше на равнину выведет потайной ход, тем лучше.

– Скалы холма Амон Гварет тверже железа, и много усилий и терпения нужно, чтобы прорубить их, тем более в тайне от жителей города… – задумался Туор. – Это займет месяцы, если не годы!

– Это правда, но таков мой совет. Время еще есть.

– Ну что же, – заключил Туор, – любой план лучше, чем совсем никакого. Может, я и не понимаю всей глубины замысла, но я сделаю так, как ты просишь.

И надо же такому случиться – вскоре после этого Маэглин отправился на поиски руды в горах и, блуждая в одиночестве, попал в плен оркам, что рыскали кругом, а наблюдатели Туора не прознали об этом. Орки приготовились пытать Маэглина, и белеть бы его костям на дне пропасти после долгих мучений, но он замыслил недоброе и сказал им так:

– Знайте, я – Маэглин, сын Эола и сестры короля Гондолина!

– Что нам с того? – огрызнулись орки. – Тем охотнее и порешим тебя, раз ты родня этому королишке, что перечит воле Могучего.

– Много чего, – отвечал эльф. – Если вы убьете меня, будь то быстро или медленно, то ваш повелитель не получит важных сведений о городе Гондолине, которые он наверняка был бы рад услышать.

– Говори, – остановились орки. – Мы сохраним тебе жизнь, если твои сведения стоят того.

Тогда Маэглин поведал им все о том, как устроен город, о высоте и мощи его стен и врат, и о войске Тургона, его вооружении и метательных устройствах с ядовитыми огнями. Орков так разозлил его рассказ, что они вновь собрались убить пленника – за дерзкое преувеличение, как им казалось, сил его жалкого народца перед великой мощью Мелькора. Хватаясь за соломинку, Маэглин

взмолился:

– Неужели вы не хотите заслужить похвалу вашего господина, доставив к его ногам благородного пленника? Пусть он выслушает меня и сам решит, правдивы ли мои сведения!

Это показалось оркам разумным, и они уволокли Маэглина в темный чертог Мелькора в Железных горах, и он в глубочайшем ужасе склонился перед черным престолом Врага. Жуткие красноглазые полчища стояли вокруг, и их хохот был как скрежет камня о камень, а песни – как мрачный гром, запертый в гулких гробницах. Капители высоких резных колонн уходили в туман, а по их длинным черным изгибам вились ядовитые змеи, наполняя черную пустоту под незримым куполом неумолчным шипением и проблесками огненно-желтых глаз.

Мелькор велел пленнику говорить, и Маэглин повторил весь свой рассказ о городе. Этим предательством он попытался выторговать себе свободу, но Мелькор лишь рассмеялся:

– Вчерашними новостями ты ничего не купишь. Мой взор не так-то просто ослепить – я уже и так знаю, где находится Гондолин.

Так Маэглин был принужден предложить нечто большее: подорвать сопротивление города изнутри и подстроить гибель Туора и Эарендила. Тогда Мелькор заговорил с ним приветливо, и уверенность вернулась в сердце пленника – и с его помощью Враг составил план погибели Гондолина. Мелькор пообещал, что Маэглин станет большим начальником над орками (чего он выполнять не собирался), а Идриль после смерти Туора достанет-

ся Маэглину – уж такие-то обещания Владыка Зла выполнял с удовольствием.

В случае предательства Мелькор пригрозил пленнику пыткой балрогов, демонов с огненными бичами и стальными когтями, – и с тем отправил его домой, пока его отсутствие не стало подозрительным. Но Мелькор сплел над Маэглином Заклятье Бездонного Ужаса – и с тех пор ни радости, ни покоя не было в его сердце, ведь ему постоянно казалось, что Мелькор где-то рядом, и страх владел им отныне. Тем не менее он изображал на лице улыбку и веселье, и кругом говорили «Маэглин стал мягче», и стали относиться к нему получше – но Идриль боялась его такого пуще прежнего.

***

Год шел за годом, и Туор, побуждаемый Идриль, все копал и копал свой потайной ход – но шпионов Врага стало меньше, и тревоги короля поутихли. А Мелькор тем временем трудился без устали, собрав искуснейших кузнецов и чародеев, и призвал огонь из самых глубин Земли, а его рабы-нолдоры добывали все больше и больше руды. Так появились чудища, закованные в железо и бронзу, что несли суровых орков с ятаганами и копьями, и другие – создания чистого пламени, что извивались, как плети расплавленного металла, и даже камень плавился от их прикосновения – а верхом на них ехали балроги.

Когда со дня предательства Маэглина минуло семь лет, Мелькор отозвал всех своих соглядатаев – каждая тропа и закоулок в горах были теперь из-

вестны ему. Эльфы Гондолина посчитали, что он отказался от своих затей и не покусится на несокрушимую мощь их города, и Тургон сократил стражу до прежнего числа и даже меньше.

Прошла осень, и после сбора урожая плодов довольные горожане занялись зимними праздниками. Но у Идриль было темно на душе, и многие дивились ее мрачному настроению. Однажды Туор стоял, как бывало, на бастионах, вглядываясь в Окружные горы – как вдруг заметил, что Идриль пришла и встала рядом. Ее волосы развевались на ветру, и Туор, дивясь ее пронзительной красоте, наклонился поцеловать ее. Но ее лицо было печально, и она сказала:

– Настает время, когда тебе придется сделать выбор.

Туор не понял, что она имела в виду, и пытался утешить – но безуспешно, и она увела его в дом:

– Я боюсь за Эарендила, нашего сына. Великое зло грядет по воле Моргота. Что насчет потайного хода?

– Уже пройдена целая лига под равниной.

– Нужно умножить усилия, – настаивала она, немного успокоившись. – Скорость теперь важнее тайны – времени совсем мало. И вот еще мой совет: выбери тщательно храбрейших и самых надежных из князей и воинов Гондолина, и расскажи им о тайном ходе и месте, где он выходит наружу. Дай им свой герб, и пусть это будет твоя личная дружина – это твое право, ведь ты же родич короля. А я получу у моего отца благословение на это.

Втайне Идриль и сама шептала жителям, что

если наступит для города последняя битва и Тургон падет, то им стоит держаться Туора и ее сына. Горожане смеясь, соглашались, но отвечали:

– Гондолин будет стоять, пока стоит Таниквэтиль и горы Валинора!

Только с Тургоном она не говорила открыто, и не разрешала Туору, как он ни стремился. Они любили и уважали благородного короля, но он доверял Маэглину и был уверен в неприступной мощи города, а Маэглин искусно поддерживал в нем эту веру. Велико было его хитроумие, и он много трудился во тьме, так что кругом говорили:

– Не зря он носит на гербе черного крота.

А по легкомыслию некоторых рудокопов, которым неосторожно доверился Туор, Маэглин прознал об их тайном труде и задумал в ответ на это свой собственный план.

Зима была очень холодна – снег в горах выпал глубоким, как никогда раньше, и равнина покрылась инеем, а пруды на ней сковало льдом. Но фонтаны по-прежнему били на Амон Гварет, и два древа расцвели у дворца, и эльфы веселились, не ведая о дне ужаса, что уготовил для них Мелькор. Весна растопила белые мантии на склонах, и долины напились ручьями и распустились множеством цветов.

***

Наконец настало время великого праздника – он назывался Тарнин Ауста, «Врата Лета». В полночь начинался торжественный обряд, и весь город озарялся серебряными фонарями, но никто не

произносил ни слова до самого утра – только негромкая музыка играла в аллеях, а на деревьях с молодой листвой качались разноцветные светильники. А на рассвете хор на восточной стене встречал солнце древним песнопением – бессчетные годы эльфы встречали так приход лета.

Вот и в этот год, лишь только солнце закатилось за вершины на западе, все жители нарядились для праздника и с нетерпением смотрели на восток. Однако стоило наступить ночи, как небо вновь озарилось светом – не на востоке, но на севере. Эльфы в удивлении собрались на стенах и башнях – сияние становилось все ярче и краснее, и снег на горах засветился, как алая кровь.

Так удивление сменилось сомнением, а сомнение – ужасом: огненные змеи Мелькора шли на Гондолин. По равнине неслись всадники с вестями от стражи на вершинах гор о войсках и драконах Врага, и прекрасный город наполнился страхом и горем. Женщины плакали на улицах и в переулках, и дети кричали, а на площадях собирались воины и раздавался звон оружия.

Все великие Дома Гондолина развернули свои знамена. Грозная дружина короля была в белом, золотом и алом, и на их гербах были солнце, луна и алое сердце. Посреди ее возвышался Туор в серебряной кольчуге, а вокруг него – строй самых крепких бойцов: их шлемы были украшены крыльями, и Белое Крыло выбито на щитах. Но и Дом Маэглина собрался там же: одетые в черное, без гербов, они держали секиры с двумя лезвиями, а их круглые стальные шлемы были покрыты кротовым мехом.

Багровый отсвет плясал на лицах и оружии воинов: все горы на севере были уже в огне, и казалось, реки пламени стекают по склонам на равнину – и в городе уже чувствовался их жар.

На широких площадках на стенах собралось множество лучников из Домов Ласточки и Небесной Арки. Дом Ласточки, одетый в белое и фиолетовое, вел Дуилин, быстрейший из всех эльфов и самый меткий стрелок. На их шлемах развевались веером перья, а гербом на щитах был наконечник стрелы. Дом Небесной Арки был богаче всех, и теперь драгоценные кристаллы на их оружии отражали пламя, озаряющее ночное небо. На их голубых щитах светились гербы из семи самоцветов – рубина, аметиста, сапфира, изумруда, хризопраза, топаза и янтаря, а шлемы украшали огромные опалы. Вождем этого Дома был Эгалмот: он носил синий плащ, вышитый звездами из хрусталя, и изогнутый меч – больше ни у кого из нолдоров не было такого; но чаще он пользовался луком и стрелял из него дальше всех.

Дома Колонны и Снежной Башни вел Пенлод, самый высокий из нолдоров, а Дом Дерева в зеленых одеждах, вооруженный пращами и железными палицами – Галдор Отважный. Вот выстроился Дом Золотого Цветка с лучистым солнцем на щитах – их вождь Глорфиндел носил мантию, узорчато вышитую золотыми цветами, а его оружие было украшено тонкой золотой вязью. С юга города спешили в битву воины Дома Фонтана под водительством Эктелиона, вооруженные длинными яркими мечами. За ними шествовал Дом Арфы – храбрые воины, но

их вождь Салгант был трусоват и заискивал перед Маэглином.

Последний батальон выставил Дом Молота Гнева – их вождя звали Рог, и в нем состояли лучшие кузнецы и мастера ремесел, что почитали Аулэ-Кузнеца превыше всех прочих айнуров. В этот Дом вступали те нолдоры, которым удалось бежать из шахт Мелькора, и оттого их ненависть к Врагу и его балрогам не знала границ. И вот теперь они шли в бой в красном и черном с огромными молотами; и молот, высекающий искры из наковальни, красовался на их тяжелых щитах. Храбрым и многочисленным был этот батальон, и величайшую славу стяжал он в той битве против рока – но увы: никто из них не вернулся живым, и все их знания и умения были утрачены навеки.

В доме Туора над южными стенами Идриль тоже облачилась в кольчугу и поспешила отыскать Эарендила. Мальчика напугали до слез алые сполохи на стенах спальни – нянька Мелет обычно стращала его жуткими сказками про огненного Мелькора, когда он вел себя плохо. Но тут мама одела его в маленькую кольчужку, которую она заказала для него тайно, и он повеселел и гордо издал радостный клич. А Идриль заплакала – ее сердце разрывалось за прекрасный город и их добротный дом, где поселилась их с Туором любовь, ведь все это совсем скоро будет сметено с лица земли. Чего будут стоить ее хитроумные замыслы против мощи и ужаса драконов?

Было уже четыре часа пополуночи, и небо светилось алым на севере, востоке и западе. Огнен-

ные змеи спускались с гор на равнину, а стража на внешних рубежах была захвачена в плен балрогами и подвергнута жестоким мучениям. Король Тургон созвал военный совет, и все князья и военачальники собрались там.

– Мы должны идти на прорыв! – заговорил первым Туор. – Всей нашей мощью, пока жар и свет еще не слишком сильны на равнине.

Многие согласились с ним, но разошлись во мнениях: выходить единым войском, поместив женщин и детей вовнутрь, или отдельными отрядами в разных направлениях (к этому склонялся и сам Туор).

– Нет, нужно защищать город и сокровища, что собраны тут! – возразил Маэглин, вождь Дома Крота, и один лишь Салгант поддержал его. Но Маэглин сказал так из хитрости: он боялся, что кто-то из нолдоров избежит судьбы, которую он уготовил им, спасая свою шкуру, и сможет отомстить ему, когда его измена станет известна. Салгант же боялся выходить на битву на равнине, предпочитая защищаться в неприступной крепости. Тогда Маэглин решил сыграть на слабости короля:

– Послушай, о повелитель! Столько драгоценностей хранит город Гондолин – и самоцветы, и золото, и изделия непревзойденной красоты, сотворенные мастерами-нолдорами. И все это твои военачальники готовы оставить Врагу! Сдается мне, что храбрости в них куда больше, чем мудрости. Ведь даже если мы одержим победу на равнине, балроги разорят город и захватят все ценное в нем.

Король застонал – Маэглин знал его любовь к

богатству и красоте града на холме. А хитрец продолжил с жаром в голосе:

– Разве напрасны были твои труды все эти годы? Разве зря строил ты несокрушимые стены и прочнейшие ворота, копил оружие и стрелы? Чтобы теперь, в час опасности, выходить беззащитными на равнину против стали и огня?

Салгант задрожал от ужаса, представив себе такое, и громко воскликнул:

– Маэглин говорит мудро, государь! Прислушайся к нему!

И король принял совет этих двоих, хотя остальные вожди были против, и даже более того: приказал всем остаться и встречать врага на стенах. Туор, опечаленный, вышел из королевского чертога и направился домой, собирая своих воинов Крыла.

***

Зловещий свет и жар все нарастали, а дороги, ведущие к городу, заволокло смрадным черным дымом. Чудовища уже прошли равнину, и их свечение окрасило башни Гондолина алым. Даже самые отважные трепетали при виде огненных драконов и змеев, закованных в бронзу и железо, окружающих холм – стрелы не причиняли им ни малейшего вреда. Но вот появился проблеск надежды: змеи не могли взобраться на сам холм, настолько он был крут и гладок, да еще и струи воды стекали по его склонам и тушили их огонь. Драконы, однако же, залегли у подножия холма, и кругом поднялся горячий пар: все родники в городе, кроме королевского фонтана, начали закипать, и женщины падали

в обморок, а мужчины мучительно потели под доспехами.

Теперь пришло время Готмогу, князю балрогов и предводителю войск Мелькора, держать совет. Он собрал всех своих железных змеев, что умели извиваться и закручиваться в спирали, и приказал им взобраться друг на друга перед северными вратами. И вот их чудовищные кольца достигли порога врат и ударили всем своим могучим весом в створы и привратные башни – и врата рухнули под их натиском с оглушительным грохотом, хотя стены вокруг остались стоять прочно. Тогда катапульты короля обрушили на безжалостных тварей стрелы, валуны и расплавленный металл – но броню их было не пробить, а огонь стекал с их круглых туловищ.

Бесчисленное войско орков, этих ненавистных гоблинов, рванулось в пролом, сверкая ятаганами и молниеносно разя копьями с широкими лезвиями. Воины Молота Гнева и Дома Дерева встретили врагов ударами молотов и булав, и звон их оружия отражался в Окружных горах, а орки падали, подобно листьям. Эльфы Ласточки и Небесной Арки выпустили шквал стрел – они летели вниз, как черные дожди осени, и убивали в дыму и неразберихе как орков, так и гондолинцев. Но число врагов все прибывало, и храбрых защитников медленно, но верно теснили вглубь – и вот уже гоблины захватили северную часть города.

В это время Туор во главе своих бойцов с трудом пробирался сквозь хаос, царивший на улицах. Наконец он вышел к своему дому – но Маэглин был там раньше его. Рассчитывая, что у северных врат

уже разгорелась битва, а в городе – суета и смятение, он решил, что настало время исполнить свой план. Узнав о тайных раскопках Туора, он ничего не сказал королю, но решил воспользоваться ими в своих целях. Он полагал, что туннель должен вести к Пути Избавления, как самому ближайшему выходу, и направил тайных посланцев к Мелькору, советуя поставить у него стражу. Теперь сам Маэглин вознамерился схватить Эарендила и швырнуть его в пламя, что разгоралось под стенами, и вынудить Идриль показать ему скрытый путь, чтобы увести ее с собой во владения Мелькора. Он опасался, что даже тайный знак, выданный ему Мелькором, не спасет его в этом адском штурме, и желал помочь сему айнуру выполнить его обещание. Что касается Туора, то он уже должен был погибнуть в огне: Маэглин поручил Салганту задержать его в чертогах короля и направить оттуда прямиком в гущу битвы.

Но случилось иначе: Салгант, перепугавшись насмерть, ускакал на лошади восвояси и теперь лежал, дрожа, на собственной кровати, пока Туор двигался домой с воинами Крыла. Гром битвы звал Туора, но он хотел сперва попрощаться с Идрилью и Эарендилом и отправить их с охраной по тайному пути. И тут он увидел строй бойцов Дома Крота у своих дверей, мрачных и суровых. Однако все же это были свободные нолдоры, и на них не было заклятья Мелькора, как на их господине: из верности ему они не вступились за Идриль, но и в его зловещем плане участвовать не желали, несмотря на всю его ругань и проклятия. Тогда Маэглин схватил Идриль за волосы и поволок ее к бастионам, чтобы

она увидела падение ее сына в огонь. Но Эарендил мешал ему, как мог, и Идриль боролась, как тигрица, несмотря на всю ее нежность и хрупкость.

Тут Туор издал такой могучий клич, что даже орки вдалеке услышали его и затрепетали – а стража Крыла обрушилась на воинов Крота и разбила их строй, как ураган. Увидев это, Маэглин попытался проткнуть Эарендила кинжалом, но мальчик вонзил свои зубы глубоко в его левую руку – злодей замешкался и его удар прошел вскользь по кольчужке. В это время подоспел Туор, и гнев его был ужасен: он сломал Маэглину руку, что держала кинжал, а самого его схватил посередине и швырнул со стен подальше вниз. Три раза его тело ударилось о склон холма, прежде чем исчезнуть в пламени, и имя его покрыто позором среди всех эльфов.

Воинов Дома Крота было больше, чем стражи Крыла, и они, верные господину, напали теперь на Туора – но никто не мог устоять перед его яростью, и они тоже отправились в полет со стены или разбежались по своим темным норам. Теперь Туор и его отряд направились на битву к воротам – она разгоралась все жарче, но Туор еще верил, что город можно удержать. С Идрилью он оставил Воронвэ (против его воли) и несколько других мечников, чтобы охранять ее до его возвращения или новых вестей из боя.

***

У ворот тем временем дело приняло скверный оборот. Дуилин-лучник из Дома Ласточки был пронзен огненным дротиком балрогов, что бесно-

вались под стенами, и рухнул вниз с бастиона к своей погибели. Балроги пускали все больше дротиков и стрел, словно огненных змей в небеса – они падали на крыши и сады Гондолина, и трава и цветы горели, а деревья обуглились, и белые стены и колоннады покрылись черной копотью. Хуже того – отряд этих демонов забрался высоко на скрученные кольца железных драконов, и их луки и пращи не знали покоя, пока город не запылал за спинами армии защитников. Тогда Рог воскликнул громовым голосом:

– Да разве убоимся мы балрогов, как бы ужасны они ни были? Вот они, перед нами – проклятые твари, что мучили детей нолдоров долгие столетия, а теперь зажгли наш город позади нас. Вперед, Молот Гнева, проучим их за все злодейства!

Он поднял свою булаву с длинной рукоятью и бросился вперед, пробивая путь к разрушенным воротам, а все его воины бежали за ним клином, и искры ярости сыпались из их глаз. Множество орков было сброшено в огни, полыхавшие внизу, а воины Молота вскочили на спины извивающихся драконов и атаковали балрогов. Завязался жестокий бой – демоны были выше ростом, и у них были огненные бичи и стальные когти, но эльфы молотили их без пощады, а у иных отбирали плети и хлестали их самих, как они когда-то терзали пленных нолдоров. Войска Мелькора трепетали в ужасе – ведь ни эльфу, ни человеку не удавалось раньше победить балрогов.

Тогда Готмог собрал всех своих демонов и приказал им так: часть нападет на войско Молота и

притворно отступит, а остальные замкнут окружение сзади, со стороны ворот, чтобы эльфы не смогли вернуться в город, иначе как ценой огромных потерь. Однако Рог и не собирался отступать: разгадав замысел врагов, он бросился со всеми воинами в атаку – и бегство демонов было уже совсем не притворным. Эльфы наступали, круша и рубя направо и налево, и крики ошеломленных врагов заполонили всю равнину. Но вот огромное войско орков и балрогов окружило храбрецов, и с ними был огненный дракон – и воины Молота не устояли перед железом и огнем. Они пали все до единого, забрав жизни семерых врагов за каждого из своих, и песни об их отважной атаке до сих пор поют среди нолдоров.

Но в тот час тяжкое отчаяние овладело защитниками Гондолина при виде гибели Рога и его батальона. Эльфы отступали все дальше вглубь города, и Пенлод пал, прижатый к стене, и многие воины из Домов Колонны и Снежной Башни погибли рядом. Теперь гоблины держали и врата, и стены по обе их стороны – множество эльфов-лучников было сброшено вниз, а в центре города натиск врагов приближался к Колодцу, что рядом с Дворцовой площадью.

Однако и у ворот, и на улицах мертвые орки уже громоздились бессчетными грудами – враги остановились и засовещались, видя, что их потери куда больше, чем они надеялись. Теперь они составили новый план: удерживать занятую часть города, пока бронзовые драконы с огромными лапами взберутся по извивам железных змеев до уровня стен

и пробьют их, и тогда огненные драконы и балроги верхом на них смогут ворваться в город.

Только успели враги отправить гонцов, как дивная музыка раздалась посреди войска Гондолина. Это пришел Эктелион и Дом Фонтана, которых Тургон до этого держал в резерве – он ведь наблюдал за всей битвой со своей высокой башни. Эльфы Фонтана шагали, играя на флейтах, и кристаллы и серебро на их уборах сверкали посреди багровых огней и черной копоти руин. Вдруг музыка стихла, и Эктелион звонко скомандовал:

– Обнажить мечи!

И прежде, чем орки успели опомниться, блеск светлых лезвий уже снимал жатву в их рядах. Говорят, что бойцы Эктелиона истребили в тот день больше гоблинов, чем пало в любой другой битве эльфов с этой расой, поэтому его имя и по сей день внушает им ужас. А вот и Туор и его стража Крыла подоспели в бой и встали рядом с Эктелионом, и два вождя бились бок о бок, прикрывая друг друга от вражьих ударов. Так они гнали орков почти до самых городских ворот – но тут земля затряслась от тяжкого топота.

Драконы наконец забрались на вершину холма, проломили стену и обрушили сторожевые башни в крошево разбитой кладки. Отряды Ласточки и Небесной Арки все еще отчаянно бились, защищая укрепления, но как раз к приходу Туора бронзовый змей навалился всей тяжестью на западную стену – и она содрогнулась и рухнула. Сквозь пролом вползло огненное создание, а верхом на нем сидели балроги. Пламя вырывалось из пасти змея, и все

стоявшие на его пути сгорали заживо. Крылья на шлеме Туора почернели, но он стоял твердо, собирая вокруг уцелевших лучников Арки и Ласточки, а по правую руку от него Эктелион выстраивал эльфов Фонтана.

С приходом драконов орки приободрились, к тому же теперь среди них шли балроги – и началась новая жестокая атака. Туор сразил Отрода, предводителя орков, разрубив его шлем, и рассек Балкмега и Луга своим топором Драмборлегом – он гудел, как крылья орла, рассекая воздух, и забирал вражью жизнь с каждым ударом. Эктелион пронзил двух военачальников орков одним выпадом и разрубил голову Оркобала, их самого могучего бойца, до самого подбородка. Даже балроги боялись доблести этих двух вождей – их оружие пробивало железную броню демонов и гасило их пламень.

Но вот левая рука Эктелиона повисла, разорванная бичом, и его щит упал на землю – а огненный дракон подходил все ближе, пробираясь сквозь развалины стен. Эктелиону пришлось опереться на Туора, и Туор не мог оставить его, а дракон уже стоял прямо над ними. Там бы они и сгинули, но тут Туор подрубил лапу чудовища – оттуда брызнуло пламя, а змей вскричал от боли и забил хвостом, круша и орков, и нолдоров вокруг. Собрав все силы, Туор взвалил Эктелиона на себя и с остатками бойцов отступил и вынес эльфа из битвы.

***

Драконы и гоблины захватили уже всю северную половину города, и банды мародеров заполо-

нили улицы, грабя и убивая во мраке. Они не щадили ни женщин, ни детей, но иных вязали и уводили с собой пленниками, в рабство Мелькора. Туор вернулся к Колодцу через северный проход и обнаружил там Галдора – он защищал площадь с запада у Арки Ингвэ от орды гоблинов, но воинов Дома Дерева рядом с ним оставалось совсем немного. Теперь Галдор стал его спасением – Туор рухнул под тяжестью Эктелиона, споткнувшись о чье-то тело во тьме, и только палица Галдора отогнала наседавших орков. У Колодца выжившие из пяти Домов собрались вместе в один сильный батальон, но решили отступить оттуда к Дворцовой площади – ее было легче защитить. Вокруг Колодца росло в былые дни множество деревьев, дубы и тополя, а сам он был чрезвычайно чист и глубок – но теперь в грязной воде плавали уродливые трупы гоблинов.

Защитники заняли свою последнюю позицию на Дворцовой площади. Многие среди них были ранены, и сам Туор был изможден битвой в ночи и тяжестью Эктелиона, что был в глубоком обмороке. Когда он наконец привел свой батальон с северо-запада по Улице Арок, отбиваясь от наседающих сзади врагов, с восточной стороны площади вдруг послушался шум, и надо же: это прорвался с боем Глорфиндел с остатками Дома Золотого Цветка. Они шли кружным путем к воротам, чтобы внезапно атаковать врага на его левом фланге – но вместо этого сами попали в засаду орков и балрогов.

Так на Большом Рынке в восточном округе города разразилась жестокая сеча, пока не приполз сквозь пролом в стене огненный дракон: Глорфин-

делу с немногими уцелевшими пришлось отступить, а Рынок со всеми его лавками и изящными изделиями обратился в прах и пепел. Тургон послал было Дом Арфы к ним на выручку, но Салгант скрыл приказ короля, велев воинам охранять вместо этого Малый Рынок на юге города – и они, ворча, подчинились. До поры, до времени – теперь они явились к чертогу короля, презрев приказы Салганта, и как раз вовремя: торжествующая орда преследовала Глорфиндела по пятам. Воины Арфы обрушились на врагов и полностью искупили трусость своего князя, оттеснив орков обратно на Рынок. Но, оставшись без вождя, они опрометчиво поддались гневу и бросились в атаку – и многие пали в пламени змея, что обосновался там.

Туор напился воды из фонтана, и это освежило его. Он брызнул Эктелиону водой на лицо, снял с него шлем и дал ему попить тоже, и только тогда эльф пришел в себя. Тем временем Туор и Глорфиндел собрали всех бойцов, очистили площадь и забаррикадировали все входы, кроме южного. Оттуда как раз подоспел Эгалмот: по плану он отвечал за катапульты на бастионах, но теперь, видя, что битва уже идет на улицах, выбросил прочь свой лук, собрал воинов Арки и Ласточки и пошел врукопашную, отбив у врагов немало пленных. Так он пробился на Площадь и был встречен с радостью: все уже числили его погибшим. Вызволенных женщин и детей разместили в королевском дворце, а воины приготовились к последнему бою. На площади теперь собрались уцелевшие из всех Домов, кроме Молота Гнева, да и королевский Дом

оставался еще нетронут. Не было в том позора: долг королевской стражи – оставаться в резерве до конца и защищать короля.

Но теперь и армии Мелькора собрались вокруг: семь огненных драконов, балроги верхом на них и множество орков повсюду. На баррикадах началась кровавая рубка, и Туор с Эгалмотом бросались то туда, то сюда, но Эктелион все так же лежал у фонтана. Наконец, драконы пробили укрепления с севера: там когда-то была прекрасная Аллея Роз, а теперь на любимом месте прогулок эльфов клубился лишь громовой мрак. Туор встал на пути чудовища, но его отрезали от Эгалмота и оттеснили к центру площади, к самому фонтану.

Явился грозный демон – ни кто иной, как сам Готмог, князь балрогов, – и поверг Туора, измученного удушающим жаром, наземь. Но тут над ним встал Эктелион: лицо его было цвета серой стали, а раненая рука висела неподвижно. Он двинулся на демона, но тот ударил его в правую руку – и меч выпал из ладони эльфа. Готмог занес плеть для удара – но вдруг Эктелион прыгнул прямо на него, целясь остроконечным шлемом в грудь и обхватив врага обеими ногами. Балрог завопил, и оба они рухнули в глубокий бассейн королевского фонтана. Там и нашла вражья тварь свою погибель, но и Эктелион, князь Дома Фонтана, ушел на дно под весом своих стальных доспехов, упокоившись после огненной битвы в холодной воде.

Туор тем временем успел подняться на ноги. Скорбь об отважном эльфе переполняла его, но вокруг кипела битва – и он едва успел прорубить

себе путь к защитникам дворца. Враги заколебались, видя гибель Готмога, предводителя войска, а королевский Дом пошел в атаку – и сам король в величественном уборе сражался посреди них. Они повергли немало балрогов, и более того: загнали огненного дракона, как он ни брызгал пламенем, в тот самый фонтан. Там ему пришел конец, но и фонтану тоже: бассейн испарился, а источник высох напрочь, и лишь густой столб пара поднимался в небеса. Площадь наполнилась слепящим раскаленным туманом, и воины королевского Дома гибли там от жара, от пламени драконов и от ударов врагов и своих соратников во мгле. Но часть их все же спасла короля и отступила к двум древам, а король промолвил:

– Велико падение Гондолина!

Эльфы содрогнулись – таковы были слова древнего пророчества, но Туор воскликнул громко и яростно:

– Не пал еще Гондолин, и Ульмо не допустит этого!

Они стояли теперь точно так же, как и во время их первой беседы: Туор – под Древами, а король – на лестнице. Но Тургон ответил:

– Злую долю уготовил я Цветку Равнины, презрев волю валара – и теперь Ульмо оставил его увянуть. Увы… Нет больше надежды для моего прекрасного города, но придет еще время победы нолдоров!

Воины Гондолина, что стояли во множестве рядом, ударили мечами в щиты, но Тургон продолжил:

– Не стоит противиться року, дети мои. Спа-

сайтесь бегством, ведь есть еще время: пусть Туор ведет вас.

– Ты – наш государь! – возразил Туор.

– Но я не стану больше биться, – отвечал Тургон, и с этими словами он швырнул свою корону к корням Глингола. Галдор, стоявший рядом, подхватил ее – однако Тургон не принял ее обратно. С непокрытой головой он поднялся на самую вершину белой башни, что венчала его дворец. Оттуда прогремел его голос, словно рог протрубил в горах:

– Велика победа нолдоров!

Все соратники под Древами и все враги в тумане на Площади услышали его – но кругом стояла глухая ночь, и только орки отозвались издевательским смехом.

***

Теперь эльфы стали обсуждать прорыв, но мнения разделились. Многим казалось, что вырваться из города уже невозможно, не говоря уже о том, чтобы пробиться через равнину к горам – так что лучше уж погибнуть, защищая короля. Но Туору была невыносима мысль о погибели стольких женщин и детей, и он рассказал всем о тайном ходе и предложил молить Тургона переменить решение и вести их на юг. Но Тургон был непоколебим:

– Уходите сами, пока не поздно. Пусть Туор ведет вас. Но я не оставлю свой город, даже если придется сгореть вместе с ним.

– Повелитель, но что есть народ Гондолина, если ты погибнешь? – настаивали посланцы. – Веди нас!

– Я останусь здесь. Если я король, то не спорьте со мной и повинуйтесь моему приказу.

Тогда эльфы приготовились к безнадежному прорыву, и лишь Дом короля выстроился вокруг королевской башни и не слушал никаких уговоров:

– Если остается Тургон, то и мы останемся здесь.

Сердце Туора разрывалось между верностью королю и любовью к Идриль и его сыну, но драконы тем временем уже собрались вокруг площади, ступая по телам убитых и умирающих, и враги в тумане изготовились для последнего натиска. Пришел час делать выбор. Туор собрал женщин, девушек и детей, что рыдали во дворце, расставил воинов вокруг и повел их всех на юг, по улице Процессий к Святилищу богов. Оттуда он рассчитывал пробиться по улице Родников мимо Южных Фонтанов к своему дому у южных стен, но он все еще не был уверен, как им всем удастся пройти тайным ходом. Заметив их отход, враги атаковали с левого фланга и сзади, но справа отступающих прикрывал королевский дворец, а авангард уже вышел на улицу Процессий.

Тогда крупнейший из драконов, пламенея в туманной мгле, напал на эльфов сзади – но Глорфиндел отчаянно бился в арьергарде, и многие из его воинов сложили головы в тот час. Беглецы тем временем вышли к Гар Айнион, Святилищу богов – это было открытое место на самой вершине холма, и Туор приготовился к отчаянной битве. Но, о чудо! Силы врага тоже иссякали, и погоня отстала, а на месте их свадьбы Туора встречала сама Идриль.

Волосы ее были распущены, как в тот самый день, когда они поженились, и Туор остановился в восхищенном изумлении. Рядом с ней стоял Воронвэ, но она смотрела мимо Туора – вниз, на королевский дворец, и все войско обратило взоры туда же.

Дракон свернулся кольцами на ступенях дворца, осквернив их белизну, а орды орков прорвались внутрь, упиваясь грабежом и вытаскивая наружу забытых женщин – потому-то и не преследовали они отряд Туора. Одиноких защитников дворца убивали на месте, а Два Древа были обуглены до черноты, и жуткие крики возносились в небеса. Высоко на башне еще виднелась фигура короля, но вокруг ее основания свернулся железный змей, стегая хвостом и изрыгая языки пламени, а рядом с ним собрались балроги.

– Горе той, чей отец ожидает рока на своей высокой твердыне! – вскричала Идриль, преисполнившись отчаянием долгой ночи. – Но семижды горе той, чей муж ушел на битву и не вернется больше домой.

– Я жив, Идриль, я здесь, – откликнулся Туор. – А теперь я приведу твоего отца, пусть даже из Мелькорова Ада!

Он ринулся было вниз по холму, мучимый страданиями любимой, но она, придя в себя, успела остановить его, обняв за колени:

– Муж мой! Мой княже!

Тут грозный гул и вой раздался снизу: драконы сокрушили основание башни – и она рухнула, охваченная пламенем, и так погиб Тургон, король Гондолина, и все, кто был с ним; а Мелькор в тот

час одержал победу.

– Печальна слепота мудрых… – тяжело произнесла Идриль.

– Печально упрямство любимых, – ответил Туор. – Однако это был доблестный конец.

Он подхватил ее на руки и поцеловал – она значила для него больше, чем все эльфы Гондолина, но сейчас она горько оплакивала отца.

– Нужно уходить отсюда так быстро, как только возможно, – обратился Туор к командирам эльфов. – Иначе нас окружат.

И они поспешили прочь, пока орки упивались разорением королевского чертога и падением величественной башни Тургона. Им попадались только разрозненные шайки грабителей, что тут же бежали врассыпную, но повсюду был огонь и гарь разорения. Воронвэ рассказал Туору новости – Идриль отправила стражу с Эарендилом по тайному пути, а сама осталась с несколькими охранниками, направляя в туннель заплутавших женщин и беглецов и отгоняя мародеров собственным клинком. Тем временем они добрались до дома Туора – он превратился в дымящиеся руины, и Туор был в гневе при виде этого бесчинства. Но уже приближались шумные орки, и Туор направил свой отряд вниз, в тайный туннель.

Часть воинов, оставшись сзади, замуровали вход, а после спустились вслед за остальными по лестнице на нижний уровень под равниной. Туннель здесь шел неглубоко, и мучительный жар от драконьего пламени достигал беглецов, а валуны, потревоженные грохотом битвы, срывались со

сводов и погубили многих эльфов – и Туор переживал за судьбу Эарендила. Воздух был настолько наполнен испарениями, что даже факелы и фонари в руках воинов погасли, и они бежали во тьме, спотыкаясь о тела павших.

***

Два часа отряд шел под землей – ближе к концу туннель был едва закончен, неровен и невысок. Он выходил в небольшую ложбину, где раньше стояла вода, а теперь рос густой кустарник. Посреди равнины позади беглецов возвышался холм Амон Гварет, коронованный пламенем, и они не могли сдержать слез от горя и усталости. Там бушевали огненные змеи, и орки с балрогами наслаждались грабежом, но это давало и надежду: чем больше врагов собралось в городе, тем меньше их будет на равнине.

– Мы должны спешить к Окружным горам, – настаивал Галдор. – Скоро утро, и времени осталось мало, ведь сейчас уже лето.

Снова начался спор: многие считали глупостью бежать к Кристорну, Расщелине Орлов, как предлагал Туор.

– Солнце поднимется раньше, чем мы доберемся даже до предгорий, и демоны с драконами перехватят нас на равнине, – говорили они. – Направимся к Пути Избавления, ведь это вполовину ближе! Среди нас много раненых и измученных, для них это единственный шанс выбраться.

– Нельзя больше рассчитывать на магию, что прежде хранила Путь Избавления сокрытым, –

возразила Идриль. – Разве волшебство устоит, если Гондолин пал?

Тем не менее, множество беженцев отделились от отряда Туора и поспешили к Орфальк Эхору – и попали там прямо в пасть чудовищу, которое Мелькор поставил у выхода по наущению Маэглина. Остальные же, презрев усталость, пустились в путь по равнине и не останавливались, пока не ушли далеко вперед. Занялся печальный серый рассвет, но вся равнина была наполнена туманом – причиной тому, как видно, стало разрушение королевского фонтана.

Под покровом пасмурной дымки эльфы и Туор отдохнули и продолжили путь в безопасности до самых отрогов гор – никто не разглядит их теперь с разрушенных стен. Солнце поднялось выше над восточными холмами, огромное и багровое, и туман начал рассеиваться, но руины Гондолина были укрыты плотной пеленой пара. Вдруг беглецы увидели другой отряд, преследуемый странными всадниками – орками верхом на волках, вооруженными копьями.

– Смотрите, там мой сын, Эарендил! – воскликнул Туор. – Его лицо светится во мгле, и мои воины Крыла рядом с ним – кажется, они попали в переделку.

Отобрав полсотни наименее уставших, Туор бросился на выручку, крича соратникам впереди остановиться и держаться: ведь волчьи всадники разделяли их и убивали поодиночке. Тогда эльфы встали спина к спине – их осталось всего шестеро, а Хендор, домашний слуга Идрили, что нес Эаренди-

ла на плечах, очутился посередине. Всадников было два десятка, и Туор выстроил своих бойцов полумесяцем, чтобы окружить их и не дать никому ускользнуть. Это ему удалось: сбежать сумели только двое, оба раненые и без волков, так что их вести пришли в город слишком поздно. Эарендил был счастлив встретить отца, и Туор не меньше, но мальчик тут же заявил:

– Я хочу пить, папа! Я долго бежал сам, и не нужно было Хендору нести меня.

На это Туору было нечего сказать – воды у него не было, и он задумался об остальном своем отряде. А Эарендил продолжил:

– Хорошо, что Маэглин погиб – он напал на мою маму, и он мне совсем не нравился. Но я не полезу больше в туннели, хоть бы все волчьи всадники Мелькора гнались за мной!

Туор улыбнулся и посадил сына на плечи. Вскоре подоспели остальные, и Идриль возрадовалась – но Эарендил не пошел к ней на руки:

– Ты устала, мама, а воины Гондолина не ездят верхом, разве только старый Салгант.

Идриль рассмеялась, позабыв на миг свои тревоги, а Эарендил спросил:

– Кстати, а где он сам?

В былые времена Салгант часто играл с ним, смешил и рассказывал затейливые сказки, когда заходил в гости к Туору – эльф ценил славное вино и добрую трапезу в его доме. Но никто не знал, да и посейчас не знает, что случилось с Салгантом – быть может, сгорел в пожаре, не вылезая из собственной постели, но кое-кто считает, что он был

уведен в чертоги Мелькора и превращен там в придворного шута: печальная участь для благородного нолдора. Эарендил загрустил и дальше шел рядом с матерью в молчании.

***

Добравшись до предгорьев, отряд устроил привал в небольшой долине, окруженной деревьями и орешником – многие сразу повалились спать от усталости, но сам Туор стоял на страже. Из остатков еды сообразили завтрак, а Эарендил напился воды и устроился поиграть у ручейка.

– Вот бы Эктелион был здесь, – сказал он маме. – Он сыграл бы на флейте, а может, смастерил бы мне свисток из веточки ивы… Вдруг он ушел вперед раньше нас?

– Нет, – ответила Идриль и рассказала, что случилось с Эктелионом.

– Глаза б мои больше не видели улиц Гондолина! – воскликнул Эарендил, горько заплакав.

– Ты не увидишь их, – отозвался Туор. – Гондолина больше нет.

Солнце покатилось к закату, и Туор велел отряду подниматься – и они двинулись по нелегким тропам вперед, в горы. Скоро трава уступила место мшистым валунам, и деревья остались внизу – только редкие сосны и ели еще попадались вокруг. Перед самым закатом тропа повернула вокруг холма, и беглецы остановились бросить последний взгляд на свой город. Равнина была чиста и улыбалась последним лучам света, как в былые дни – но вдруг далеко на севере яркая вспышка огня озарила тем-

неющие небеса: то рухнула последняя башня Гондолина. Она стояла прежде у южных врат, надежная и прочная, и тень ее падала на стены дома Туора. Затем солнце село, и Гондолина они не видели больше никогда.

Тьма быстро сгущалась вокруг, когда опасная тропа привела отряд к перевалу Кристорн, Расщелине Орлов, – справа отвесная стена взметнулась к острым пикам, увенчанным орлиными гнездами, а слева на дне пропасти виднелся тонкий горный поток. Беглецы вытянулись длинной колонной, не рискуя зажечь светильники во мраке, – Галдор и копьеносцы впереди, женщины и дети посредине, затем шли Туор, Эгалмот и воины Крыла, поддерживая тяжелораненых, а золотоволосый Глорфиндел и оставшиеся бойцы замыкали строй. Женщин было мало – родичи старались спрятать их в тайниках города, и поисковым отрядам редко удавалось их отыскать и спасти. Там они и сгорели, или же были схвачены и уведены в рабство – девы светлые, как солнце, и прекрасные, как луна и звезды.

Холодный ветер, завывая, налетел с севера и беспощадно жалил путников, сдувая снежные вихри с горных вершин прямо им в глаза. Вдруг раздался боевой клич, разносясь эхом по суровому краю, – и тут же темные силуэты поднялись из-за скал впереди и бросились на Галдора. Сверху полетели камни, нанося эльфам немалый урон, а вскоре лязг оружия раздался и сзади – орки напали на воинов Глорфиндела, и с ними был балрог: враги следили за отрядом от самой долины орешника и успели подготовить засаду. Эльфы сражались отважно, и многие

орки были сброшены в бездну на острые утесы – но сверху продолжали сыпаться валуны, и положение беглецов при всей их храбрости казалось безнадежным.

***

Над перевалом взошла луна, осветив бледным светом окрестности. Тут пробудился орел Торондор, который после Битвы Бессчетных Слез переселился с Тангородрима на Криссаэгрим. У него были свои резоны ненавидеть Мелькора: тот приковывал его сородичей к скалам, пытаясь выведать заклинание полета, чтобы соперничать с Манвэ и в воздушных просторах. Не добившись желаемого, он отрезал упорным птицам крылья, чтобы сделать пару крыльев и себе – да все без толку. Теперь до гнезда Торондора донесся шум битвы на тропе, и он воззвал:

– Да что же это такое – орки, эти гнусные твари, взобрались почти до моего трона, а нолдоры стенают в страхе перед порождениями Врага?! Поднимайтесь, орлы, чьи клювы как сталь, чьи когти – мечи!

Орлиная стая с шумом обрушилась на орков, что засели над тропой, изодрали им лица и сбросили их в пропасть, где текла река. Галдор одолел орков, которые закрывали дорогу, и отряд двинулся было снова вперед – но тут балрог могучим прыжком перемахнул Глорфиндела и приземлился посреди женщин и детей, хлестая кругом своей огненной плетью. Глорфиндел метнулся следом, призрачно поблескивая золотыми доспехами под туск-

лой луной. Он ранил демона мечом, но тот отскочил на огромный валун над тропой, и эльф бросился вверх за ним.

Жестокая схватка развернулась над отрядом, и почти все были поневоле ее свидетелями – вот воитель ударил в железный шлем балрога, вот отсек ему руку с огненным бичом, а самого Глорфиндела кольчуга защищала и от пламени, и от когтей. Но тут балрог, мучимый болью, прыгнул прямо вперед и обхватил своего противника, и они качались на краю уступа туда-сюда. Глорфиндел нащупал левой рукой кинжал и вонзил его врагу в живот на уровне своего лица – демон ведь был вдвое выше ростом. Балрог издал жуткий крик, завалился назад и рухнул в пропасть, ухватив Глорфиндела за его золотые кудри. Грохот их падения раскатился по всей долине, и орки в ужасе разбежались прочь. Торондор слетел вниз и поднял тело героя на тропу, а балрог остался лежать в ручье, и вода его много дней текла на равнину черной. Туор возвел над любимым нолдорами воителем пирамиду из камней, и посреди угрюмого края на ней расцвели желтые цветы, но эльфы из Дома Золотого Цветка не могли сдержать слез.

Горький и опасный путь лежал у беглецов впереди – холод, голод и бессонные вахты, ведь кругом рыскали слуги Врага. До Ульмо в далеких океанах докатились вести об их побеге, но он пока не мог помочь им – они блуждали далеко от рек и родников и немало страдали от жажды. Наконец они набрели на ручей, и Воронвэ различил шепот Ульмо в бегущей воде. Так беглецы вышли к реке

Сирион и долго продвигались на юг посреди трясин и вересковых пустошей, а злобные мухи донимали их болезнями и лихорадкой.

Много дней спустя странники добрались до спокойных ласковых озер Тазаринана, Страны Ив, и там смогли отдохнуть в цветущих лугах и исцелить свои раны. Но не хотелось им не петь, ни смеяться – множество их родичей томились в рабстве в Ангбанде, и лишь немногим больше пяти сотен спаслись из многолюдного города.

Пришло время, и раковины Ульмо вновь позвали Туора в путь, а страсть к морю разгорелась в его сердце после долгих лет сна – и тогда он увел свой народ дальше, к Устью Сириона. Там они все и поселились у волн Великого моря, но не назывались больше гондолинцами – это имя было слишком горьким в их памяти, а история Туора на этом приближается к концу».

– Увы Гондолину, – добавил Ильверин, закончив рассказ, и все вокруг замерли в молчании.

Ожерелье Гномов

Долгое время в Дровяном Чертоге царила тишина. Но наконец слушатели зашевелились, и послышались новые пожелания:

– Про Эарендила! – просили одни.

– Нет, давайте сейчас про Наугламир, Ожерелье Гномов, – настаивали другие.

– Про Ожерелье лучше поведает Гильфанон, – сказал тогда Ильверин, освобождая кресло рассказчика. Гильфанон огляделся кругом и с явным удовольствием приступил к рассказу.

– Помните, как Хурин Стойкий швырнул золото дракона под ноги королю Тинголу, а сам ушел и не тронул его больше? – спросил он собравшихся.

– Помним, недавно же рассказывали! – отозвались все вокруг.

– Ну так слушайте дальше.

«В глубокой печали смотрел король вслед Хурину, сокрушаясь о зле Мелькора, что смутило столько сердец. А золото лежало на полу чертога, переливаясь загадочно в свете факелов – и так могучи были заклятия, сплетенные гномом Мимом над этим сокровищем, что души всех, кто смотрел на него, мало-помалу очаровывало их тонкое коварство. Поэтому спутники Хурина начали роптать, и один из них обратился к королю:

– Наш вождь, сумасшедший старик, ушел. Но мы не намерены отказываться от своей доли!

– Ну уж нет, – ответил Тингол, которого тоже не миновали чары золота. – Эти сокровища принадлежат эльфам: народ Нарготронда добыл их из земли, Хурин отказался от них, а Турин, победитель дракона, был моим подданным. Уходите и не ищите ссоры с лесными эльфами, а я награжу вас за ваш труд: пусть каждый подойдет и возьмет, сколько поместится в руках, и уйдет с миром.

Теперь уже эльфы были недовольны: они слишком долго смотрели на золото, а люди Хурина подходили и дважды, и трижды, набирая себе все больше сокровищ. Тогда гневный шум наполнил чертог: эльфы попытались остановить жадных смертных, а короля уже никто и не слушал. Люди, народ лихой и бесстрашный, обнажили мечи и начали разить направо и налево – а оружием они владели отлично, закаленные в боях с орками. Битва докатилась до самого трона короля, и он, видя, что миром больше не разойтись, призвал свое войско и соткал волшебство, чтобы сбить противников с толку. Так люди заплутали в темных лабиринтах дворца и были все перебиты в жестокой сече, а золото осталось лежать перед троном Тингола, разбросанное по полу и запятнанное кровью.

– Не прикасайся к этому золоту! – посоветовала Мелиан мужу, явившись в королевский чертог. – Трижды проклято оно: дыханием дракона, и пролитой кровью, и чем-то еще более темным и опасным, чего я пока не вижу.

Тингол помнил о мудрости жены и решил последовать совету – он приказал собрать все сокровища и утопить их в водах реки Эсгалдуин перед

вратами дворца. Тела людей были тем временем выброшены прочь, а погибших эльфов похоронили в огромном кургане, и назвали его «Курган жадности». Но заклятие все не отпускало лесного короля, и он сказал сам себе:

– Я взгляну на эту красоту последний раз, прежде чем расстаться с ней навсегда.

По приказу короля золото отмыли от крови и разложили перед ним: драгоценные кубки, и чаши, и множество необработанных слитков, а среди них – прекрасные самоцветы, что эльфы Нарготронда принесли из самого Валинора.

– Как же они прекрасны! – проговорил король. – У меня и десятой доли нет такого богатства, а валинорских кристаллов и вовсе ни одного, только Сильмарилл, что Берен добыл из Ангбанда.

– И он драгоценнее всего, что здесь лежит, будь этого богатства хоть втрое больше, – возразила Мелиан, что стояла рядом.

Тут поднялся один из эльфов, именем Уфеддин: он был родом из нолдоров и пострансствовал по свету больше, чем любой из подданных короля, но сейчас оставил свой народ и жил среди длиннобородых гномов Синих гор, помогая им в кузнечном деле и торговле. Гномий город Ногрод вовсю торговал тогда мечами и кольчугами и с эльфами, и с орками, и Уфеддин как раз привез в Дориат партию товара. Но теперь чары золота пронзили его сердце, как никого другого, и сама мысль о том, что драгоценностям суждено быть брошенными в темную лесную реку, была невыносима ему.

– Лихое дело задумал ты, король Тингол! Разве зря говорят, что эльфы ценят и любят красоту, если ты решил отдать все это великолепие рыбам? Молю тебя, позволь лучше гномам показать свое мастерство – тогда твоя сокровищница прославится по всей земле, а за работу они попросят невеликую плату, лишь бы это золото не пропало втуне.

Король вновь залюбовался золотом, что сверкало все более заманчивым блеском, а затем перевел взгляд на Уфеддина. Тот был одет весьма богато – туника с серебряным воротником покрыта золотой вышивкой, пояс усеян драгоценными камнями, а меч изукрашен искусной вязью: даже одеяние самого короля меркло по сравнению с гостем в его чертоге.

– Кстати, государь, а в каком виде ты хранишь Сильмарилл, о котором так наслышаны все? – поинтересовался Уфеддин.

Мелиан хранила его в деревянной шкатулке, заклепанной железом, и Уфеддин устыдил короля:

– Такой кристалл достоин касаться лишь чистого золота! Я знаю кузнечное мастерство гномов, а сам добавлю к нему изящество нолдоров – королева Мелиан получит такое сокровище, какого еще не создавал ни гном, но нолдор. А о цене поговорим после – гномы много не возьмут.

И король сдался. Договорились так: часть золота отправится в Ногрод с нолдорами из отряда Уфеддина и вернется в виде искусных изделий, и если работа гномов понравится Тинголу, то они примутся за остальное. Но тут королю стало не по себе оттого, что золото покидает его чертог на долгие месяцы, хотя и хотелось ему воспользоваться

мастерством гномов. Внезапно он приказал схватить Уфеддина и сказал так:

– Ты останешься заложником, пока сокровища не вернутся назад.

– Гномы – не воры, о король! – возмутился нолдор. – И их друзья тоже!

– Золото сделало ворами многих из тех, кто не был ими раньше, – отрезал Тингол, и Уфеддину пришлось согласиться, но в сердце своем он затаил обиду.

***

Потянулись месяцы ожидания: хоть с Уфеддином и обращались вполне любезно, он маялся вынужденным бездельем, и злость росла в его душе. Он представлял, сколько красивых вещей мог бы сотворить для короля – но только лишь для того, чтобы заманить того глубже в ловушку, и строил темные замыслы, полные алчности и мести. Наконец на исходе седьмого месяца стражи у моста закричали:

– Смотрите, в лесу идет большой отряд, согбенные бородачи под тяжкой ношей!

– Это гномы, они держат свое слово! – отозвался король. – Теперь ты свободен, Уфеддин: пойди и встреть их, и веди прямиком в мой чертог.

Уфеддин повиновался с радостью – ведь так он сможет втайне переговорить с гномами и поделиться с ними своими замыслами: потребовать с короля плату побольше, чтобы унизить его, а то и вовсе как-нибудь умыкнуть в Ногрод все золото целиком. И вот гномы перешли мост и разложили перед

троном Тингола свои изделия, завернутые в шелковую ткань или упакованные в резные шкатулки из редкого дерева – так непохожие на грубые мешки и сундуки Хурина. Когда же золото вновь увидело свет, все кругом ахнули в изумлении: работа гномов оказалась куда искуснее, чем даже старинные орнаменты Нарготронда. Кубки с двойными чашами и чудно переплетенными ручками, рога причудливой формы, кувшины и блюда, достойные королевского пира, подсвечники и канделябры, кольца и браслеты, ожерелья и золотые диадемы – все было сработано так утонченно и изысканно и украшено так филигранно, что Тингол был счастлив более, чем Уфеддин мог надеяться. Но тут планы Уфеддина постигла неудача – Тингол и помыслить не мог, чтобы позволить ему и гномам унести оставшееся золото в Ногрод:

– Как можно допустить, чтобы после столь тяжкого пути я отослал вас прочь так скоро, что скажут о манерах короля? Оставайтесь здесь, отдыхайте и веселитесь, а после можете работать в свое удовольствие, а мы поможем вам всем, что понадобится в ваших трудах, и заплатим за них более чем щедро.

Гномы поклонились королю, хоть и знали, что попали в ловушку: все выходы, как они выяснили, надежно охранялись. Однако на лицах гномов редко можно прочесть, что они думают. Отдохнув, они принялись за работу в кузне, отведенной им в подземельях дворца, и Уфеддин участвовал во всех их трудах.

Так гномы выковали золотую корону для Тин-

гола вместо венца из багряных листьев, а еще роскошный шлем, кольчугу и меч из гномьей стали, украшенный золотой вязью. Она изображала охоту на волка Кархарота и сияла даже ярче, чем меч Уфеддина, которому так завидовал король. Сердце Тингола возрадовалось, но гномы заявили:

– Это еще не все.

С помощью Уфеддина они сработали для Мелиан серебряную корону и туфельки из серебряных чешуек, инкрустированные алмазами и прилегающие к ступням, как мягкая кожа. Помимо этого, создали они великое множество иных прекрасных вещей, и никакая сказка не перечислит их все. И вот, когда все было готово и вручено королю, Уфеддин осведомился:

– О Тингол, богатейший из царей, нравится ли тебе наша работа?

– О да! – воскликнул король.

– Знай же, что мы отложили самое чистое золото, чтобы просить твоего позволения сотворить прекраснейшее из всех сокровищ на Земле. Это будет ожерелье, в которое мы вложим все свое умение и искусство, величайшее творение эльфов и гномов – и пусть Сильмарилл, который ты так ценишь, просияет дивно в Наугламире, Ожерелье Гномов!

Тогда Тингол снова усомнился в намерениях Уфеддина, но решил так:

– Я даю свое позволение на это – с условием, что я сам буду присутствовать при работе.

Не только наивысшее искусство кузнецов было вложено в это дивное творение, но и магическая

сила жила в нем: на любой шее, будь то могучей или стройной, оно смотрелось изящно и блистательно, легкое, как будто сотканное из льна – хоть и уйма золота ушла на его создание. Бессчетные самоцветы усеивали это золотое ожерелье, но они лишь обрамляли и подводили взгляд к сокровищу, что красовалось в центре: Сильмарилл Феанора, божественный источник чистого и прозрачного пламени. Но увы – не будь даже проклятия на золоте, из которого было сковано это ожерелье, гномы, что создавали его, были полны горечи, и каждое звено его было пропитано их злобными мыслями. Однако настало время, когда они преподнесли его королю, роскошное и сверкающее, и радость лесного владыки в этот момент была безмерна. Он замкнул ожерелье на своей шее – и тотчас проклятие Мима настигло его. А Уфеддин напомнил:

– Теперь, государь, раз ты доволен превыше ожиданий, не пришло ли время заплатить искусным мастерам, да и отпустить их с миром восвояси?

Тинголу, зачарованному блеском золота и злой порчей, совсем не понравилось напоминание об уговоре. Но он призвал мастеров явиться перед ним и лукаво воздал им хвалу за труды, а после добавил:

– Уфеддин обещал, что вы не запросите много, ведь вашими трудами это сокровище спасено от уничтожения. Чего же вы желаете в награду?

– Мне ничего не нужно, государь, – презрительно ответил Уфеддин. – Твоего гостеприимства за все эти месяцы мне более чем хватило.

– А мы просим вот что, – вступили гномы. – За наши труды в течение семи месяцев – каждому семь

самоцветов из Валинора, и семь волшебных плащей, какие умеет ткать Мелиан, и по мешку золота. Но за три месяца, что мы трудились в твоих чертогах поневоле, мы просим каждому по три мешка серебра, и по золотой чаше, чтобы выпить за твое здоровье, и каждому – по прекрасной деве из числа лесных эльфов, которые уйдут с нами в наши дома.

Король пришел в ярость не только из-за размера платы (ведь артель гномов была весьма велика), но и из-за унижения – как можно было отдать эльфийских девушек сутулым гномам? А гномы, видя его гнев, продолжили:

– Это еще не все. В уплату за плен Уфеддина в течение семи месяцев семь крепких эльфов тоже отправятся с нами в наши жилища и семижды семь лет будут нашими слугами.

Тингол поднялся со своего трона и кликнул своих придворных и вооруженную стражу, и те окружили гномов и нолдоров Уфеддина. Затем он сказал так:

– За вашу наглость каждый из вас получит три удара жгучими розгами, а Уфеддин – все семь, а после поговорим об оплате.

Когда экзекуция закончилась, наполнив сердца пленников жестокой обидой и жаждой мщения, король продолжил:

– За ваш труд в течение семи месяцев каждому причитается по шесть золотых монет и одной серебряной, а за три месяца работы в моих чертогах – по три золотых монеты и по одному маленькому драгоценному камушку, каких мне не жалко. В честь вашего путешествия мы закатим великий пир, и

каждый из вас выпьет эльфийского вина за мое здоровье. Но за содержание Уфеддина в течение семи месяцев я вычту с каждого из вас по золотой монете и по две серебряных, потому что сам он заплатить не сможет: он ведь ничего не просил для себя, но все же мне кажется, что именно он – причина вашей дерзости.

Так гномы получили свою плату, как рядовые кузнецы по железу и бронзе, да еще и вынуждены были заплатить за Уфеддина. Они сидели на пиру, скрывая свою обиду, а под конец выпили за здоровье Тингола, проклиная его в свои бороды – но Уфеддин выплюнул вино на порог. Затем они отправились восвояси, сжигаемые жаждой золота и оскорблением, нанесенным им королем, а дома их встретили насмешками – поработали, выходит, за гроши и глоток вина, да еще и так унижены на прощанье.

Наугладур, король Ногрода, собрал тогда тайный совет, чтобы решить, как отомстить Тинголу, а заодно и прибрать к рукам золото. Но ничего придумать не получалось: эльфы Дориата были сильны и многочисленны, а волшебная Завеса Мелиан хранила их край, так что любое вражье войско заплутало бы в лесах и не достигло бы цели без проводника изнутри.

***

Пока гномы предавались этим размышлениям в своих темных пещерах, грызя свои бороды, раздался звук рогов: явились послы от Бодруита, короля гномов соседнего города Белегоста. Они принесли

вести о гибели Мима от рук Хурина и о разорении сокровищницы дракона: в Ногроде раньше не знали всей истории, ведь Хурин умолчал о ней в зале Тингола. Так новый гнев добавился к алчности гномов:

– Не знать мне отдыха, пока Мим не будет отомщен трижды! – поклялся король Наугладур. – А золото, я считаю, по праву принадлежит народу гномов.

И случилось так, что вскоре появился при дворе Наугладура некто Нартсег, нолдор из Дориата: его тоже снедала жажда драконьего золота, и оттого он вызвался тайно провести гномов через волшебную Завесу. Так проклятие Мима свило первое предательство среди подданных Тингола, а Наугладур горько улыбнулся: он знал, что теперь Тингол у него в руках. В городах гномов ковалось оружие и готовились войска, а Наугладур вдобавок собрал великое множество бродячих гоблинов. Им он пообещал щедрую плату, богатую добычу и к тому же расположение их Властелина, да еще и снабдил их всех гномьим оружием.

В Дориате же близилось время большой охоты и лесного празднества, которое король Тингол устраивал каждый год в честь знаменитой охоты Берена. От Нартсега Наугладур узнал, что охота назначена на полнолуние следующего месяца, и тотчас послал Бодруиту оговоренный знак – окровавленный кинжал. Войска собрались на окраинах леса, и ни слова о том не достигло ушей короля эльфов.

Тингол в урочный час отправился на охоту, и

наряд его был роскошен, как никогда раньше: золотой шлем венчал развевающиеся кудри, и золотом блистала упряжь коня, а рядом с ним на почетном месте ехал Маблунг, что вернулся недавно вместе с Хуаном. Солнечный свет падал сквозь листву на лицо короля, и всем казалось, что это лик самого рассвета: ведь на его шее красовался Наугламир, Ожерелье Гномов. Хуан бежал впереди, и его повадка казалась странной: должно быть, что-то в воздухе не нравилось ему. Рога охотников утихли вдали, а Мелиан осталась в своем будуаре, и темные предчувствия переполняли ее.

– Что тревожит тебя, госпожа моя, в час торжества короля? – спросила ее фрейлина Ниэльти.

– Лихо грозит нашей стране, – вздохнула королева. – И сердце мое подсказывает, что дни ее сочтены. Если суждено мне потерять Тингола, то стоило ли вообще покидать Валинор?

– Но разве не защитит нас Завеса, что ты соткала вокруг? – удивилась Ниэльти.

– Увы, какая-то крыса завелась внутри: она грызет сейчас волшебные нити, и вся сеть распадается на части.

***

В этот самый момент за дверями прозвучал клич, и тут же шум и лязг оружия послышался снаружи. Мелиан бесстрашно вышла из будуара, и жуткое зрелище открылось ей. Все кругом было в крови: орки и гномы захватили мост, и битва шла у врат пещеры, а множество эльфов лежали убитыми, настолько внезапной была атака. Так королева

поняла, что предчувствие не обмануло ее и предательство прокралось в ее королевство. Но она воодушевила немногих оставшихся защитников, и они храбро удерживали дворец короля, пока наконец рати врагов не одолели их числом и не заполонили огнем все залы и подземелья великой крепости эльфов.

Орки и гномы бросились грабить палаты, разыскивая сокровища, но один из чужаков с громким хохотом уселся на королевский трон. Мелиан увидела, что это Уфеддин собственной персоной: он издевательски предложил ей сесть на ее древнее место рядом с троном мужа.

– Как смеешь ты, отступник, осквернять трон моего государя? – воскликнула она, и он молча опустил глаза под ее пронзительным взглядом. – Грабитель, запятнанный кровью, предатель своего народа! Думаешь, совершил славное дело, вломившись сюда, пока хозяина нет дома? Убирайся прочь вместе со своими орками, не то Тингол вернется и отплатит сполна!

Уфеддин нервно засмеялся, глядя мимо королевы и прислушиваясь к звукам снаружи:

– Но ведь он уже вернулся.

В этот миг в зал как раз вошел Наугладур во главе воинства гномов: на его шее было сияющее Ожерелье, а в руках – голова Тингола в золотом шлеме. Так Мелиан прозрела в боли своего сердца все, что случилось, когда проклятье золота обрушилось на Дориат, и никогда больше не пела и не танцевала с тех пор. Наугладур же приказал собрать все золото, серебро и самоцветы:

– Это отправится в Ногрод, а что останется из добра или пленных, пусть забирают себе орки и делают, что хотят. Но королева Дориата пойдет со мной.

– Вор и убийца, какой же ты глупец! – произнесла Мелиан, провидя теперь своей мудростью феи проклятие Мима и все, что оно принесет еще. – Ты не видишь, какой рок навис теперь над твоей собственной головой.

Король гномов рассмеялся так, что аж борода затряслась, и приказал схватить ее. Но никому не удалось сделать это: все, кто пытался приблизиться к королеве, шарахались, ослепленные тьмой, или спотыкались и падали друг на друга. Мелиан вышла из дворца и побрела сама не зная куда, не замечая никого вокруг, и ее безутешный плач наполнил лес.

Хуан же, не успел еще стихнуть гром битвы, устремился в Оссириандс, где обитали в ту пору Берен и Лютиэн. На закате он прибежал к жилищу Берена: тот сидел на корне дерева, любуясь, как жена танцует на зеленой лужайке, и очень удивился, увидев пса – давненько они с Хуаном не охотились вместе. Но Тинувиэль вдруг заметила, что Хуан ранен и весь в крови, а в его широких глазах застыла некая страшная повесть.

– Что за беда постигла Дориат? – спросила она вдруг.

– Огонь, смерть и ужас орков, – отвечал Хуан. – Король Тингол убит.

Мучительно горько было Берену и Лютиэн слушать его жуткий рассказ: дружина охотников Тингола была окружена в лесу войском гномов и

орков, которых привел Нартсег. Битва под деревьями продолжалась долго, и сам предатель был в ней сражен, но в конце концов враги одолели. Маблунг и Тингол пали бок о бок, и Наугладур отрубил голову короля с мертвого тела: пока Тингол был жив, он не смел приблизиться, страшась его яркого меча. И теперь орки жгут леса Дориата, а гномы уносят домой богатую добычу.

Дослушав, Берен в гневе вскочил и подул в рог, что висел у него на поясе, и все окрестные холмы пробудились эхом. Тотчас, как по волшебству, явились эльфы всех окрестных рощ, ручьев и полян, все в зеленом и коричневом. Из оружия у них были только луки и кинжалы, но на подмогу к Берену пришли и энты, могучие духи в обличье ходячих деревьев.

– Скорость нам сейчас важнее всего, – решил Берен и направил самых быстрых эльфов в разведку, а сам на рассвете выступил следом с остальным войском. Тинувиэль же осталась оплакивать Тингола и Мелиан, которую тоже посчитала погибшей.

***

Тем временем тяжко нагруженное воинство гномов двигалось домой из разоренной страны, а Наугладур, Уфеддин и Бодруит ехали впереди. Уфеддин все никак не мог забыть страшных глаз Мелиан, и всякая радость покинула его, но не только это терзало его сердце: на сморщенной шее Наугладура сверкало Ожерелье Гномов, и при взгляде на него исчезали любые мысли, кроме страстного желания обладать им. Наконец Уфеддин не мог

больше терпеть. Ночью во время привала он прокрался к спящему Наугладуру, рассчитывая зарезать гнома и завладеть дивным Наугламиром.

Но стоило ему замахнуться, как чьи-то руки сомкнулись сзади на его горле: Бодруиту пришла в голову такая же мысль, но сперва он решил убить Уфеддина – все-таки Наугладур был его родичем. В темноте Уфеддин наугад ударил назад тонким и длинным кинжалом, который он припас для Наугладура, и пронзил Бодруита насквозь. Король Белегоста рухнул замертво на Наугладура, вновь окропив кровью чародейское ожерелье, и тот пробудился с ужасным криком. Уфеддин же, хрипя и задыхаясь, бежал прочь – длинные пальцы гнома почти задушили его.

Принесли факелы, и Наугладур решил, что именно Бодруит в одиночку покусился на его сокровище. Он подивился, кто же так вовремя зарезал вора, и назначил убийце богатую награду, лишь бы услышать рассказ о случившемся. Но в суете никто не заметил, что Уфеддин исчез: между гномами Ногрода и Белегоста началась ссора, а вскоре и битва, и немало их полегло, прежде чем жители Белегоста, меньшие числом, были рассеяны и бежали восвояси с малой толикой сокровищ. С той поры и пошла легендарная вековая вражда между этими племенами гномов, которая распространилась на многие земли, хоть люди и эльфы почти не слыхали о ней. Так проклятие Мима вернулось домой и поселилось среди его собственного народа, и пусть бы ему никогда больше не возвращаться к эльфам.

Тем временем стало известно и о бегстве

Уфеддина. Наугладур в гневе приказал тогда перебить всех оставшихся в войске нолдоров, а после сказал:

– Вот мы избавились и от нолдоров, и от гномов-предателей, и нам некого больше бояться!

Сам же Уфеддин скитался в глухоманье в ужасе и тоске, понимая, что он теперь поистине предатель своего народа и кровь эльфов на его руках. Горящие очи Мелиан преследовали его повсюду, и ни крупицы драконьего золота не досталось ему. Терзания и алчность сжигали душу изгоя, но кому было пожалеть его? Однако случилось так, что Уфеддин наткнулся на разведчиков Берена: притворившись эльфом из разоренного Дориата, он рассказал им точное число и путь гномьего войска. Берен подивился трусоватому беглецу, но с ним обошлись хорошо, а сам Берен замыслил устроить засаду гномьему воинству.

Мало-помалу Наугладур со своими воинами подошел к Каменистому Броду – нигде больше нельзя было пересечь быструю реку Гелион на пути к Синим горам путнику с тяжкой поклажей, да и там это было непросто. Первыми переправились вооруженные воины авангарда, за ними вошли в воду носильщики с грузом сокровищ, растянувшись на отмелях длинными медленными цепочками, а Наугладур восседал позади на лошади Тингола – странное зрелище, учитывая, что ноги гномов коротки и крючковаты. Вот уже первые гномы взобрались на крутой дальний берег, поросший густым лесом, и король гномов спешился, готовясь к переправе, а арьергард позади него расположился передохнуть.

***

Внезапно в лесу раздался чистый высокий звук эльфийских рогов, и тотчас воздух наполнился градом тонких стрел: эльфы в зеленом били без промаха и без устали из-за каждого дерева и валуна, а колчаны их были полны. Паника и суматоха охватила гномье воинство: носильщики бросали золото прямо в реку, стремясь добраться до хоть какого берега, но многие падали под безжалостными стрелами вместе со своей ношей, окрашивая чистую воду темной кровью. Вооруженные гномы на дальнем берегу бросились в атаку – но эльфы проворно отступили, продолжая осыпать врагов стрелами, и гномы гибли один за другим.

Вот уже битва сомкнулась вокруг Наугладура и его воевод: отряды гномов держались отважно, но не могли настигнуть врага, а смерть дождем косила их ряды. В конце концов гномы дрогнули и бросились врассыпную, и лишь звонкий смех эльфов преследовал их: зрелище неуклюжих фигур с седыми бородами, развевающимися на ветру, так развеселило лучников, что они перестали стрелять. Теперь-то пришло время Наугладуру вспомнить слова Мелиан: сам Берен вышел ему навстречу, отбросив лук и вытаскивая длинный яркий меч. Он был выше ростом, но зато Наугладур – мощнее и шире в плечах.

– Сражайся за свою жизнь, кривоногий убийца, не то я заберу ее! – воскликнул Берен.

– Отпусти меня, и можешь забрать Наугламир, чудо-ожерелье! – взмолился король гномов, но Берен отрезал:

– Я возьму его сам, когда ты падешь мертвым.

Однако старый гном защищался доблестно, и эльфы вокруг натянули тетивы луков, боясь за своего вождя – но Берен, продолжая биться, приказал им не вмешиваться. Он получал одну рану за другой, а от его ударов было мало толку: кольчуга гнома была не только крепка, но и заговорена. Так они бились три часа, и рука Берена начала уставать – в отличие от его противника, привычного орудовать тяжелым молотом в кузне. Наугладур наседал все сильнее, и наконец, ухватив меч покрепче, нанес могучий удар, крикнув:

– Встречай свою судьбу, лесной щенок!

Но надо же – в этот самый миг он споткнулся об острый камень и подался вперед, а Берен ускользнул из-под удара, хватаясь за его бороду. Тут его руке подвернулось золотое ожерелье, и он дернул за него, сбив гнома с ног. Меч Наугладура выпал из его руки, а Берен схватил его и пронзил им своего врага, сказав:

– Нет нужды пачкать мой клинок твоей черной кровью.

Затем он поднял ожерелье, отмыл его и залюбовался Сильмариллом – тем самым, что он вынес когда-то из Ангбанда:

– Никогда еще я не видел Светоч Фаэри и вполовину таким прекрасным, как сейчас, когда магия гномов поселила его посреди золота и самоцветов!

Берен не знал еще о злой силе Ожерелья Гномов и забрал его с собой в леса, а золото дракона так и осталось лежать под водой быстрой реки, омрачая Каменистый Брод лихим чародейством. Лютиэн

была рада возвращению мужа, но весть о гибели Наугладура и его гномов ничуть не уменьшила ее скорбь по отцу. Тогда Берен обнял ее, утешая, и застегнул сверкающий Наугламир на ее шее – и все кругом поразились ее ослепительной красоте.

– Вот камень Феанора, что мы с тобой добыли из самого Ада, – сказал он, и Лютиэн улыбнулась, вспоминая начало их любви и трудные странствия в диких краях. Затем Берен послал за Уфеддином и щедро наградил его за достоверные сведения о войске гномов, предложив ему остаться и жить среди лесных эльфов. Уфеддин с радостью согласился, но вскоре случилось то, чего он желал меньше всего. Однажды утром в лесу раздалось грустное пение, и на поляну вышла Мелиан, печальная и потерянная, и все кругом умолкли при виде ее.

– Мама! – вскрикнула вдруг Лютиэн, разрываясь между горем и радостью. – Куда несут тебя твои ноги, мама? Я думала, ты погибла!

Мать и дочь нежно приветствовали друг друга на зеленой лужайке, а Уфеддин в ужасе бросился прочь: он не смел снова взглянуть в глаза Мелиан, и безумие охватило его, и никто не знает, что с ним случилось дальше. Мелиан же удивленно оглянулась на его крик, и тут память обо всем происшедшем вернулась к ней. Потрясенная, она вскрикнула, видя Ожерелье Гномов на белой шее дочери:

– Что это значит, Берен? Как ты допустил, чтобы эта проклятая вещь коснулась Тинувиэль?

– Кто же еще достоин носить самоцвет богов теперь, когда Тингол отправился в Валинор? – удивился Берен и пересказал ей всю историю Хуана

и свой поход к Каменистому Броду.

– Лихо дракона лежит на нем, и кровь, пролитая в королевском чертоге, и могучее проклятие превыше того, – настаивала Мелиан. – Да и работа гномов, сдается мне, не обошлась без злокозненных заклинаний.

– Сильмарилл светел и свят, – рассмеялся Берен, – и он преодолеет любое лихо, как он сжег чрево Кархарота. И никогда еще я не видел Лютиэн такой прекрасной, как сейчас, в этом золотом сиянии.

– Но Сильмарилл обитал в короне Мелькора, – ответила Мелиан. – Разве не черной злобой скована она?

– Мне не нужны ни сокровища, ни самоцветы: ничего, кроме лесного счастья эльфов, – откликнулась Лютиэн, снимая драгоценный дар.

Берен нахмурился и не разрешил выбросить Ожерелье, но Мелиан была довольна решением дочери. Она пожила с ними в рощах Оссирианда какое-то время, а после вернулась в Валинор, и никогда больше не слышали о ней на Земле.

***

Диор, сын Берена и Лютиэн, взял себе жену из числа лесных эльфов Оссирианда. Тот край знаменит быстрыми реками, что бегут в долины с крутых склонов Синих гор, и дом самого Диора был выстроен у высокого водопада. Имя ему было Лантир Ламат, что значит «Перезвучье голосов», а когда ясной звездной ночью там родилась дочь Диора, ее назвали Эльвинг – в честь звездного света, что сияет

и переливается на тонкой водяной дымке.

После победы над гномами Диор поселился в Дориате как наследник трона Тингола и правил теми эльфами, что еще оставались там. Однажды ночью к нему явился посланец и принес драгоценное ожерелье: так эльфы поняли, что Берена и Лютиэн настиг смертный рок, назначенный Мандосом. Говорят, что Сильмарилл ускорил их конец, а может, и здесь тоже не обошлось без проклятия Мима.

Диор любил леса не меньше отца, но песни славили его богатство, ведь он теперь был хозяином дивного самоцвета и Ожерелья Гномов. Малопомалу рассказы родителей истерлись в его памяти: он начал носить Наугламир открыто, привязываясь к его красоте все больше и больше, и на всем Севере заговорили:

– Сильмарилл Феанора снова сияет в лесах Дориата!

То было счастливое время и спокойное: магией Сильмарилла Дориат возродился, а с гномами и даже с Мелькором был мир – все его мысли были тогда заняты Гондолином. Но горько стало на сердце у семерых сынов Феанора – они помнили свою клятву. После Битвы Бессчетных Слез они скитались беженцами в лесной глуши у подножия Синих гор, смешавшись с темными эльфами и позабыв былую славу. Но теперь Маэдрос созвал братьев и завел такую речь:

– Сильмариллом нашего отца владеет Диор из южных долин, и его дочь Эльвинг носит его повсюду. Но не забудьте – мы поклялись вести войну как

против Моргота, так и против любого на Земле, кто утаит от нас Сильмарилл. Разве ради того мы терпим изгнание и скитания, правители позабытого племени, чтобы другие присваивали наше наследие?

Так они решили послать с миссией Куруфина Искусного, и он напомнил Диору об их клятве и предложил вернуть самоцвет тем, кому он принадлежит по праву. Но Диор отказался:

– Я не допущу, чтобы Наугламир, прекраснейшее из земных творений, был лишен такой драгоценности.

– Тогда весь Наугламир целиком должен быть отдан сынам Феанора, – настаивал Куруфин.

– Уходи и не смей зариться на камень, который мой отец добыл из пасти Моргота! – в гневе ответил Диор. – Остальные два еще остаются там же, если вашей храбрости хватит на это.

Куруфин вернулся к братьям, но клятва не отпускала их – да и чары дракона и Мима вновь принялись за работу. Так эльфы впервые задумали пойти войной на эльфов, и их имена покрыты позором за это по сей день, несмотря на всю их славу и страдания. Нападение было внезапным и Диор был сражен, но и Келегорм, подбивший сынов Феанора на эту войну, пал от его руки. Еще двое из братьев, Карантир и Куруфин, пали, пронзенные стрелами. Поле боя осталось за Маэдросом, но мало ему было пользы от того: с помощью няньки быстроногая Эльвинг бежала в леса, унося с собой Ожерелье, и сыновьям Феанора не суждено было даже увидеть его. Говорят, что эта битва случилась как раз в день падения Гондолина, и в тот

час все надежды эльфов обернулись прахом.

***

Туор и Идриль с юным Эарендилом тем временем ушли на юг с изгнанниками из Гондолина и поселились в доме из белоснежного камня на островах в устье Сириона. Зеленые струи реки с неумолчным рокотом впадали здесь в серое неспокойное море, а торжественные конклавы белокрылых чаек тоскливо голосили над широкими песчаными дюнами, шелестящими под солнцем и соленым бризом. Галька на берегах сверкала в брызгах морской пены, как жемчуг и перламутр, пока волны накатывались и отступали под порывами ветра. А когда Владыка Океана дул в свои зычные рога в бездонных глубинах, гулкие штормовые валы перехлестывали песчаные всхолмья, как легионы взмыленных лошадей, хрипя и перемалывая водоросли, и с ревом устремлялись вверх по реке, гонимые громовой бурей.

В Лисгарде Эарендил подружился с русалками и часто играл с ними на берегу. Русалки подарили ему чудесную серебряную тунику, которая никогда не промокала – они любили его, назло Оссэ, и научили его плаванию и морским премудростям. В те дни в гаванях Сириона собирались все беженцы из разных краев, эльфы и люди – там нашел пристанище и юный Гил-галад, наследник королей нолдоров, и Андвир, сын разбойника Андрога, единственный уцелевший в битве на Амон Руд. Так Эарендил встретил там Эльвинг, последнюю из рода Берена, что принесла с собой Наугламир из

руин Дориата: они полюбили друг друга еще детьми, а после поженились – и так все великие истории эльфов сплелись в конце концов в одну.

Что же до Мелькора, то он наслаждался триумфом, ничуть не сожалея о потере одного из Сильмариллов: небольшая цена за то, чтобы последние остатки эльфийской расы исчезли с лица Земли. Ни сыны Феанора, ни их клятва отнюдь не беспокоили его – напротив, она оборачивалась неизменно к его наилучшей пользе. Если он и знал о жилищах в устьях Сириона, то не подавал вида, дожидаясь, когда ложь и клятва возьмут свое.

***

К Туору близилась старость, и рога Ульмо из морских раковин все громче звали его из-за западных морей – пока однажды вечером они с Идриль не уплыли в закат в ладье с пурпурными парусами, и не вернулись больше. Но в Эарендиле тоже поселилось беспокойство и жажда странствий в открытых морях – он мечтал найти последний берег и доставить весть богам и эльфам на Западе, чтобы сжалились они над горестями мира и невзгодами людей. По воле Ульмо и с помощью Кирдана он построил дивный корабль Вингилот, воспетый в песнях – весла его сияли золотом, шпангоут был белым, как серебряная луна, а паруса из тонкого шелка – как лепестки вишни.

Много лет Эарендил вместе с Воронвэ скитался по волнам, повинуясь вечному зову моря, что пьянящим заклятием покоряет сердца. Они заплывали в Ледовитые моря, где их корабль скрипел и дрожал

под порывами северного ветра, и находили убежище в извилистых фьордах и гротах за колоннами сталагмитов, владениях тюленей, моржей и нарвалов. Они добирались и до огненных гор юга, где живут пигмеи, ходячие деревья и огры-людоеды, и до пустынь востока, где стоят алые дворцы, обитель Солнца. В тропических водах они бросали якорь у позабытых островков и вдыхали ароматы ночи под бархатный шепот далеких океанов.

Что за проблеск там, на шхере, ловит последний луч пламенеющего закатного светила? Русалка, дочь морского царя, устроившись на выбеленном бивне, играет на флейте бледными пальцами, пока море вокруг погружается в индиговый сумрак. Ее мелодия рождена в зеленых глубинах и синих тенистых гротах; она несет, переливаясь, бездонную магию морского народа, что зачаровывает души всех, кто услышит ее, шепотом холодных заклятий. Музыка флейты навевает сновидения о белоснежной пене и причудливых раковинах, о мерцающих отсветах и прозрачных заводях, о кораллах и полипах, что колышутся в едином ритме с переплетенными морскими травами и стайками серебристых рыб во власти подводных течений. А может, это сны о дворце под чешуйчатыми куполами, где обитает дева в сапфирово-зеленом наряде, напевая старинные морские песни среди розовых коралловых стен, чьи окна струят волшебный свет? Все чаяния сердца утолит ее колдовской кубок моря… Морякам грезится золото, что давным-давно легло на дно морское, а рядом анемоны играют мириадами оттенков под знаменами усыпанных жемчужинами водорос-

лей. Им снится, как их тяжелые ноги шагают по серебряному песку, в котором отражается призрак луны и неверные огоньки звезд, пока безмолвные светящиеся создания проплывают мимо во тьме. Но вот океан подернулся знобкой рябью под свежим бризом, и серые тени заметались по белому полу дворца: сонное солнце уже пробуждается на востоке, и глухой призрачный гул аммонитовых рогов возвещает приближение огненных объятий рассвета.

Но Эарендил неутомимо стремился на запад. Вот уже моряки доплыли до Полусветных островов – там на черной скале посреди вечно бушующих волн стоит одиноко Жемчужная Башня, отражая белым перламутром угасающий свет. Ее окно выходит в небесные моря, где фонтаны созвездий бьются о Дверь Ночи, обрамленную драконами из черного базальта; ветер, дующий между звезд, забредает порой в это окно и шевелит портьеры и хрустальные стекла. Ладьи фаэри подчас проплывают мимо, полные до краев искрами солнечного огня, что добыли эльфийские ныряльщики из океанских глубин. Именно тогда гонг Ильверина разбудил Спящего в Жемчужной Башне – то был один из посланцев, которых отправлял Тургон из Гондолина давным-давно. Он был пленен магией острова, и даже проснувшись, не смог покинуть его – но предупредил моряков о чародейской опасности. Однако Эарендилу так и не удалось достичь берегов Валинора – проклятие Наугламира тяготело над его странствиями, и Оссэ был врагом ему, и не одолеть было тени, чары и встречные ветра, и наконец в тоске по Эльвинг он повернул назад.

***

Тем временем новое зло приключилось в гаванях Сириона: сыновья Феанора прознали, что там теперь обитает Эльвинг, хранительница Наугламира. Они вновь собрались вместе со своих скитальческих троп и отправили ей послания дружеские, но повелительные. Однако Эльвинг и ее народ не отдали Сильмарилл, ради которого был убит Диор, – они верили, что его целительный свет благословляет их дома и корабли. Так случилось третье братоубийство эльфов эльфами, плод пагубной клятвы: сыновья Феанора напали на изгнанников Гондолина и беженцев из Дориата. Даже некоторые из их собственных воинов восстали против них, и еще двое из братьев были убиты, но Маэдрос и Маглор все же одержали победу – и Маэдрос объявил себя государем всех эльфов Средиземья.

Однако и в этот раз Маэдросу не достался Сильмарилл: Эльвинг, видя, что битва проиграна, с Ожерельем на груди бросилась в морские волны, и все посчитали ее погибшей – и только тогда проклятие Мима утолило свою жажду. Эгалмот из Гондолина пал в этом набеге, а сыновья Эарендила, Элронд и Элрос, попали в плен, но Маглор приютил их и заботился о них, хоть сердце его и было иссушено тяжестью клятвы.

Эльвинг же Ульмо превратил в большую белую чайку, и она помчалась над водой искать любимого. Ночью, когда он стоял у руля, она упала на палубу, как светлое пламя на крыльях шторма, загнав себя почти до смерти. Эарендил взял ее к себе за

пазуху, а утром – о чудо! – его жена в собственном обличье лежала рядом с ним, а ее кудри разметались по его лицу, и она спала.

Эарендил и Эльвинг горевали о разорении гаваней, не зная, что дети их еще живы, – казалось, нет больше надежды в устьях Сириона. В отчаянии Эарендил вновь повернул на запад, а Эльвинг стояла на палубе рядом с ним, и чем дальше они плыли, тем ярче разгорался свет Сильмариллa. Так они миновали Зачарованные острова и избегли их чар, приплыли в Тенистые моря и прошли насквозь их тени, узрели Одинокий остров – и продолжили свой путь, пока наконец не бросили якорь на самом краю света, в заливе Фаэри. Телэри дивились свету Сильмариллa, что сиял издалека немыслимо ярко, и посланцы были отправлены в великой спешке, а в Валмаре вовсю звонили колокола.

Один из всей команды, Эарендил ступил на бессмертный берег, чтобы ни на кого больше не пал гнев богов. Он не знал, что прибыл во время праздника, как Мелькор и Унголиант много веков назад, и большинство эльфов были в чертогах Манвэ на Таниквэтили. Он поднялся на холм, но улицы Тириона были пусты, и никто не откликался на его зов, лишь алмазная пыль оседала на его одежде и башмаках. Потеряв всякую надежду, Эарендил вернулся к кораблю и хотел уже было взойти на борт – но тут с берега раздался голос:

– Привет тебе, Эарендил, посланник предвиденный, но нежданный! Привет тебе, звезда заката, ясный, как утро, гордость детей Земли!

Это был Эонвэ, герольд Манвэ, и он призвал

моряка в чертог богов. Эарендил последовал за ним и изложил перед валарами послание двух народов, эльфов и людей, и просил прощения изгнанникам-нолдорам и помощи обездоленным людям в час нужды. Боги собрали совет, призвав Ульмо из морских глубин, и Мандос молвил так:

– Смерти повинен тот, кто ступил на запретные берега.

– Разве не для этого он был рожден в мир? – возразил Ульмо. – Он дитя двух племен: сын Туора из рода Хадора и Идриль, дочери Тургона из эльфийского Дома Финвэ. Так какая же половина должна умереть?

– Так же запрещено и нолдорам, что ушли в изгнание по своей воле, возвращаться сюда, – ответил Мандос.

– Для Эарендила я снимаю запрет, – вынес Манвэ свое решение. – Он пошел на риск ради любви к народам эльфов и людей, а Эльвинг разделила этот риск из любви к нему. И его молитва будет услышана. Но никогда отныне не суждено им вернуться к людям и эльфам в смертные земли.

***

Боги благословили корабль Эарендила, и он наполнился трепетным и святым пламенем, а Эльвинг придумала для него крылья. Он был поднят в океаны небес, а сам Эарендил стоял у руля, и Сильмарилл сиял на его венце.

От высоких холмов и тихих фонтанов Вечного Вечера он отплыл блуждающим огоньком через могучую стену гор в Вечную Ночь. Его алмазные

дротики, как пламя, пронзили тьму – там обитала Унголиант в своем паучьем логове Руаморе, бесконечные годы плетя свои сети, чтобы уловить в них Солнце и Луну. Тотчас она опутала его целиком своими удушающими черными нитями, и семь раз ударила в его кольчугу отравленным жалом. Но Эарендил сокрушил сверкающим мечом ее мерзкую паутину и отсек паучихе ядовитую морду, а после вознесся из мрачной темницы, как восходящее светило, и умчался прочь на крыльях ветра.

После прибыл странник к Вечному Полудню – миновал холм, окруженный пламенем, где без отдыха строят для Мелинэт колодцы золота ее неутомимые работники; и узрел древо молний о семи ветвях на Небесных полях, цветущее от своих переплетенных корней – и живой плод огня был на древе том. Глаза Эарендила зажглись тогда огнем, и лик его озарился светом молний; но он повернул оттуда к своему дальнему дому, родной гавани среди папоротников у реки, поднявшись бродячей звездой высоко над туманами. Однако неодолим был рок, что лежит на нем: пока не угаснет Луна и звезды, вовек не суждено ему отдохнуть на смертных берегах.

Эльвинг не было рядом с ним в его странствиях: у нее не было сил выдержать холод неизведанных пространств, ведь она так любила свежий ветер на море и в холмах Земли. Для нее построили белую башню на берегу северных морей, и все птицы мира время от времени слетались туда. Эльвинг выучила их языки и сама иногда принимала обличье чайки, и взмывала на серебристо-серых

крыльях, когда Эарендил подлетал поближе к тем краям – точно как в тот раз, когда он спас ее в море. В такие моменты самые зоркие из эльфов Одинокого острова видят ее, белую птицу, сверкающую розовым в лучах зари, радостно летящую навстречу Вингилоту.

***

Тем временем воинство Валинора готовилось к походу под водительством Эонвэ – Манвэ отдал ему свой меч, и под его белые знамена встали также ваньяры и те нолдоры, что не покидали Валинора. Телэри, помня о кровопролитии и разбое, не хотели идти на войну – однако Эльвинг пришла к ним и рассказала об их родичах в Дориате, и о прекрасной Лютиэн, и они преисполнились удивления и жалости. Так она уговорила их дать моряков и корабли, чтобы перевезти армию через море, но сами они оставались на своих ладьях и не ступили на землю Средиземья.

Когда Вингилот впервые поднялся в небесные моря, яркий и светлый, обитатели Земли увидели его издалека и решили, что это знак надежды, а Мелькор задумался в сомнениях. Маэдрос же, увидев новую звезду на западе, сказал брату:

– Неужели это Сильмарилл сияет нынче в небесах?

– Если и вправду это Сильмарилл, который мы видели канувшим в море, – ответил Маглор, – и боги подняли его в небеса, то будем же радоваться: теперь его великолепие открыто всем, но недоступно никакому злу.

Мелькор, однако же, не ждал нападения – он был уверен, что навсегда поссорил нолдоров и богов, и никогда валары не покинут свое блаженное царство ради открытой войны с ним, ведь для безжалостного деяния милосердия всегда странны и непостижимы. Но в урочный час воинство Эонвэ явилось с Запада, юные и грозные в своих валинорских обличьях, и вызов их труб наполнил небеса, а горы дрожали под поступью их шагов.

Встречу войск Запада и Севера назвали Войной Гнева и Грома: силам Трона Ненависти не было числа, и равнина Анфауглит не могла вместить их – весь Север был объят огнем войны. Эонвэ разбил лагерь у реки Сирион и призвал под свой штандарт всех эльфов, людей и гномов, а также зверей и птиц. Но могущество и ужас Мелькора были столь велики, что многие не откликнулись на этот призыв. Сражение за переправу шло долго: войско Салмара и Вальвэ было так очаровано красотой Тазаринана, что гоблинам Врага удалось застичь их врасплох.

Наконец после жестокой сечи Эонвэ удалось пересечь Сирион, и он погнал вражье воинство обратно в Ангбанд. Балроги были уничтожены, кроме лишь немногих, что бежали и укрылись в недоступных пещерах у корней Земли, а бессчетные легионы орков сгорали, как солома в огне, как жухлые листья, несомые обжигающим ветром. Тогда Мелькор в отчаянии бросил в бой последнее, что у него осталось: из бездн Ангбанда взмыли ввысь крылатые драконы. Никто и никогда раньше не видел, чтобы порождения его черной мысли осмеливались штурмовать небеса, и так ужасен был

громовой натиск этой жуткой огненной стаи, что даже самому Эонвэ пришлось отступить.

В этот час явился Эарендил, и его корабль сиял, как белое пламя, а все великие птицы во главе с Торондором собрались вокруг него. Битва шла в небесах весь день и всю черную ночь сомнений, но перед самым рассветом Эарендил сразил Анкалагона Черного, могущественнейшего из драконов, и поверг его с небес – и в падении тот разрушил пики Тангородрима. Тогда войско валаров вступило в подземелья и билось там с Врагом, и земля дрожала и расступалась пропастями, разрывая Белерианд на части. Наконец твердыня Мелькора была сокрушена, а сам он – повергнут ниц и скован вновь цепью Ангайнор, которая дожидалась его так долго; а железную корону его превратили в ошейник.

Так злое царство Ангбанда обратилось в ничто, и бессчетное множество рабов вышло на свет, потеряв уже всякую надежду. Их глазам открылся изменившийся мир: столь велика была ярость могучих противников, что весь северо-запад мира был разрушен, и море шумно рвалось вглубь сквозь множество разломов.

***

Эонвэ собрал уцелевших нолдоров и прочих эльфов, что не видели Валинора раньше, и призвал их готовиться к отплытию. Боги решили так: Земля отныне остается во владение людям, а эльфы, что не уплывут на запад, обречены истаять и угаснуть. Но Маэдрос не собирался подчиняться. Превозмогая усталость и отчаяние, он готовился исполнить

клятву и дать бой за Сильмариллы – даже против победоносного воинства Валинора, даже один против всего мира. Он отправил послание Эонвэ, но ответ был таков:

– Ваше право на творение Феанора, что прежде принадлежало вам, отныне ничтожно – из-за безжалостных деяний в ослеплении клятвой, особенно после убийства Диора и нападения на Эльвинг. Свет Сильмариллов теперь отправится к богам, от которых он и произошел когда-то, а вам, Маглор и Маэдрос, должно вернуться в Валинор и ждать суда валаров – только по их указу камни могут быть возвращены.

Маглор был готов подчиниться, так горько ему было на сердце:

– Клятва ведь не говорит, что мы не можем подождать? Быть может, в Валиноре все будет прощено и забыто, и мы мирно получим свое наследие.

– А если мы вернемся, но боги не будут благосклонны? – настаивал Маэдрос. – Клятва останется на нас, но уже не будет никакой надежды исполнить ее. И кто знает, какой ужасный рок падет на нас, если мы не подчинимся Стихиям в их собственных владениях, или вновь принесем войну в их священное царство?

– Но если сами Манвэ и Варда снимут с нас клятву, данную их именем, разве не потеряет она силу?

– Мы взывали к Илуватару за гранью мира и к Вечной Тьме, если не сдержим слова. Кто освободит нас?

– Если некому освободить нас, то Вечная Тьма

– наш удел, сдержим мы клятву или нарушим. Но меньшим злом будет, если мы отречемся от нее, – заспорил Маглор, но в конце концов подчинился воле Маэдроса. Составив вместе план, они изменили обличье и прокрались в лагерь Эонвэ. Сразив стражу, они завладели камнями и приготовились умереть, защищаясь до последнего, но Эонвэ удержал своих воинов и братья беспрепятственно бежали прочь. Сильмариллы они поделили поровну, рассудив так:

– Один потерян для нас, и только два остались, как и мы – двое живых из всех братьев, так что сама судьба предназначила нам поделить наследство отца.

Но самоцвет жег ладонь Маэдроса нестерпимой болью, и он понял, что Эонвэ был прав: их право на камни утрачено, и клятва была напрасной. В муках отчаяния он бросился в огненную пропасть и так закончил свои дни, а Сильмарилл, что был с ним, упокоился в глубинах Земли. Маглор тоже не мог вытерпеть страдания, которые Сильмарилл причинял ему – он выбросил камень в море и долго скитался по берегам, распевая песни боли и сожаления. Так Сильмариллы и обрели свои давно предсказанные обиталища: один в небесах, один в морских глубинах, и последний – в огненном сердце мира.

В те дни великие флоты строились на берегах западного моря, особенно на огромных островах, что остались от Белерианда после разрушения севера – но страна, где жила когда-то Лютиэн, не утонула и теперь называлась Линдон. Возвращались

нолдоры – им было суждено поселиться на Одиноком острове; возвращались ваньяры, но их радость победы была неполной: их король Ингвэ пал в битве, и они знали, что Сильмариллы, кристаллы древнего света, не будут теперь найдены и собраны вместе прежде, чем сам мир не будет разрушен и создан заново. Самого же Мелькора боги извергли из мира через Дверь Ночи в Пустоту Безвременья, и на веки вечные поставлена стража у той Двери, а Эарендил хранит грань небес. Но ложь, что Мелькор, Стихия Ужаса и Ненависти, посеял в сердцах эльфов и людей, продолжает жить и дает новые всходы.

Однако не все эльфы еще желали покинуть Средиземье, где они вынесли столько невзгод, и некоторые остались на многие эпохи – особенно на западных островах и в стране Лютиэн. Среди них были Кирдан и Галадриэль, Маглор и Элронд Полуэльф, а после и Глорфиндел из Гондолина: за самопожертвование в битве с демоном его дух был выпущен из Мандоса и воплощен заново, и много лет спустя он вернулся в Средиземье. Но эпохи мира проходят одна за другой, и увядание настигает эльфов Земли, и в вечерних сумерках все больше и больше их пускается в плаванье от западных берегов».

Вечер в Тавробэле

Праздник сказок закончился, и Эриол отправился в Тавробэль – там он вновь встретился с Гильфаноном и поселился в его Доме Ста Каминов. То было место памяти, волшебства и чуда, хранимых эльфами со времен их прихода из Валинора. В чародейских лесах вокруг города среди вековечных дубов поднималась юная поросль буков и стройных берез: дни напролет кружились там пчелы вокруг душистого дрока и кустов черники, наполняя ульи Тавробэля ароматным медом. Когда майский вечер переходил в июньскую ночь и цветущий боярышник наполнял воздух миндальным ароматом, а заходящее солнце наливало лютики светом, как чистым ярким вином, маленькие мерцающие духи выходили танцевать среди цветов, смакуя из кубков-лепестков золотое сияние. Ночью же, когда капли росы высыпали прозрачными кристаллами на листьях и стеблях, они, смеясь, любовались отражениями звезд в незаметных прохладных прудах в траве и, устав от танцев, пили этот сок полнолуния из крошечных и хрупких кувшинов.

В Доме Ста Каминов Эриол выполнил последнее условие: Гильфанон предложил ему записать в книгу все сказания, что он услышал. Тогда и пришло время скитальцу сделать желанный глоток *лимпэ*, и волшебный напиток снова сделал его молодым. А Гильфанон рассказал ему о том, что грядет – о Конце Света и Дагор Дагорат, Последней

Битве:

– Придет день, когда мир состарится и сами Стихии устанут. Тогда Мелькор вновь вырвется на свободу, ибо Тевильдо долгие эпохи грызет его оковы. Эльфы острова выйдут в тот час в Последний Поход и отыщут всех потерянных фаэри, что увядают в мире с древних времен, и возьмут людей с собой в Валинор – тех, кто пожелает этого. Мелькор же, видя, что стража спит, вернется обратно через Дверь Ночи и уничтожит Солнце и Луну, но Эарендил жгучим белым пламенем прогонит его с небес. Так на равнинах Валинора грянет великая битва с Мелькором и его драконами, и исход ее – в руках людей. Если люди встанут за эльфов, то Два Древа зажгутся заново волшебным солнцем от огня Сильмариллов, стена гор будет разрушена и мягкое сияние зальет весь мир. Все пути в Валинор откроются вновь, и тени уйдут с Тенистых морей – люди и эльфы постигнут тогда блаженство богов, и все их мертвые воскреснут, и опустеет Мандос. Если же люди встанут за Мелькора, то гибель ожидает богов и фаэри, а вслед за этим, наверное, наступит и Конец Света.

Не раз блуждал Эриол с тех пор по колдовским тропам Тавробэля, где музыка и магия сплетались воедино и клубились вокруг. А когда Гильфанон с эльфами выезжали на охоту и летели по лесу королевской погоней, их лица светились на солнце, как юный рассвет, и ветер трепал их золотые волосы, словно яркие цветы нового дня. Мелодия их голосов была как море, и звонкие трубы, и множество скрипок и золотых арф. Ночью народ Тавробэля выхо-

дил танцевать при свете луны в долину, где серый мост вздымается над слиянием двух рек. Их движения были быстры, как мимолетная мечта, а одеяния усыпаны самоцветами, словно серыми каплями росы на траве. А когда они мчались вскачь под луной, их белые плащи светились ее бледным сиянием, и серебристое пламя переливалось на копьях.

Однако пришло время, и все случилось так, как и предсказывала когда-то Мериль: настал осенний день, и ветер принес случайную чайку с океанских просторов. Ее плач в вышине вновь наполнил сердце моряка позабытым томлением, и черные утесы родных берегов позвали его в путь. Измучившись вконец, на исходе дней Эриол вернулся в Средиземье, в страну Лютиэн, откуда он и был родом: там он закончил свою рукопись и назвал ее «Книга Утраченных Сказаний». У его дома выросла высокая сосна – из семечка той самой сосны Белаурин из Тавробэля, и она растет там до сих пор; но неутолимая тоска по эльфам так никогда и не отпустила его сердце.

– Осень – их любимое время, как и для них самих пришла осень их дней, – дописал он, прежде чем запечатать книгу. – Что же станет со всеми мечтателями в нашем мире, когда наступит зима? Протрубят рога, и призрачные тени промелькнут на ветру, как будто Гильфанон и его охотники снова загоняют эльфийского оленя под тускнеющими небесами. Музыка невидимых шагов, странный отблеск в листве, шорох примятой травы, печальные шепоты на мосту – и их больше нет.

КОШКИ КОРОЛЕВЫ БЕРУТИЭЛЬ

Королева Берутиэль была женой Тараннона, двенадцатого из королей Гондора. Она держалась нелюдимо, характер имела порочный, а мужа и вовсе не любила. Сам же король любил море и корабли и построил флот, стремясь расширить границы своего царства вдоль побережий. Он воздвиг для себя и жены дворец южнее Пеларгира, и арки его уходили глубоко в воды широкого Этира, устья реки Андуин.

Берутиэль, однако, возненавидела море: ей были противны и шум волн, и запахи рыбы, и крики чаек, и оттого она вернулась жить во внутренние земли. Она поселилась в Королевском дворце Осгилиата, и покои ее были пусты, ибо не терпела она никаких изделий и изысканных украшений. Ненавидела Берутиэль и все цвета, и носила лишь черное с серебром; а сад ее дворца в Осгилиате наполнился странными скульптурами, которые словно бы корчились в боли и страданиях в тени тисов и кипарисов.

А еще Берутиэль не любила кошек. Знаете, есть такие люди – кошек терпеть не могут, зато сами кошки тянутся к ним и следуют за ними повсюду? Берутиэль же в ответ мучила их и истязала в свое удовольствие, но некоторых оставила при себе жить; и научила их шпионить за ее врагами и наводить на них ужас в ночи. Всего было у нее девять черных кошек и одна белая, ее верные рабыни; и она говорила с ними, и читала в их памяти, и посылала их

вынюхивать все мрачные тайны Гондора – а белую кошку отправляла шпионить за черными. Немало узнала она из того, что люди королевства предпочли бы сохранить сокрытым. Никто во всем Гондоре не осмеливался тронуть тех кошек, все боялись их и шептали проклятия, стоило лишь кошкам показаться на пути. Так мало-помалу ступила Берутиэль на путь зла – а может, всего лишь вернулась к нему: ведь она, как говорят, была из рода Черных Нуменорцев, что издревле служили силам тьмы.

В конце концов король посадил злую королеву на корабль, одну-одинешеньку, а вместе с ней посадил и всех ее кошек. Дождавшись северного ветра, он отправил тот корабль прямо в открытое море. В последний раз его видели летящим мимо берегов Умбара при свете тонкого месяца, а на мачте его сидела кошка, и еще одна – как резная фигура на носу корабля.

Так Тараннон остался первым владыкой Гондора, у которого не было детей, а имя его королевы было вычеркнуто из Книги Королей. Но не только в книгах живет память людская, и кошки королевы Берутиэль, что находили путь домой в самую непроглядную ночь, остались в памяти людей навеки.

ПОСЛЕДНИЙ КОРАБЛЬ

Когда Фириэль выглянула из окна, было три часа пополуночи. Серая ночь шла на убыль, где-то вдалеке раздался чистый и звонкий крик золотого петуха. Среди темных деревьев щебетали просыпающиеся птицы, встречая бледный рассвет. В тусклых листьях шелестел прохладный ветерок. Она смотрела, как пробуждается за окном сияние нового дня, пока длинные лучи не засверкали на земле и листьях и не зажглась светом серая роса на траве.

Тогда Фириэль осторожно ступила на лестницу, быстрым промельком ссыпалась вниз и побежала танцевать в траве, а капли росы тотчас усыпали ее белоснежные ножки и загорелись самоцветами на кайме убора. Так она сбежала к реке, и, опершись на ствол ивы, загляделась на дрожащие струи. Синей вспышкой ринулся вниз зимородок, камнем нырнув в реку. Ветер мягко покачивал камыши, по воде раскинулись листья кувшинок. Фириэль стояла в утреннем свете, и ее распущенные волосы сияли, растекаясь по плечам свободной волной.

Вдруг донеслась до нее музыка: то были флейты, и арфы, и еще была песня – как звонкий голос юного ветра и далеких колокольчиков. Вслед за песней появился на водной глади белый корабль – высокий форштевень и весла его горели золотом, а впереди плыли лебеди, словно прокладывая курс. На веслах сидели гребцы из дивного народа эльфов, одетые в серебристо-серое, а рядом стояли трое, и

головы их венчали короны. Перебирая струны арфы, они пели протяжную песню в ритм медленным взмахам весел:

«Зелена здесь трава
и длинна листва,
птичий гомон звонок в ветвях.
Много солнечных дней
жить цветам полей,
но наступит время жнивья…»

– Куда же вы плывете, прекрасные странники? – воскликнула Фириэль. – Вниз по реке, в тайное укрывище под ивой, дубом и вязом, в сумерках великого леса? Или к островам Севера, к каменным берегам понесут вас могучие лебеди, поселиться у холодных вод, где кричат белые чайки?

– Нет, – отвечали эльфы. – Наш путь нынче далек, последняя из всех дорог ждет нас: из серых гаваней Запада по опасным Тенистым морям поплывем мы назад в Страну Эльфов. Там растет Белое древо, и Звезда горит над пенными волнами у последнего берега, и чистый колокол зовет с высокой башни. Здесь, в Средиземье, трава увядает, и листья опадают, и солнце с луной светят все тусклее. Мы услышали зов, и пришло время оставить смертные земли.

Эльфы остановили весла и повернулись к девушке.

– Услышь и ты, Фириэль! На нашем корабле есть еще место – только одного можем мы взять с собой. Отправляйся с нами! Ты прекрасна, как эльф,

о земная дева, но дни твои пролетают здесь все быстрее. Услышь последний зов!

Фириэль взглянула с берега реки и осторожно шагнула вперед. Но тотчас ее ступни провалились в глубокую глину, и она замерла, пока эльфийский корабль медленно проплывал мимо сквозь шепчущие волны.

– Я не могу с вами! – услышали эльфы ее крик. – Я рождена быть дочерью Земли, и Земля не отпустит меня...

Она протянула белую руку, провожая ладью, и слезы застили ее глаза, пока голоса один за другим не стихли вдали.

Не было больше росинок-самоцветов на кайме ее убора, когда Фириэль вернулась с лугов и вошла через темные двери в сумрак своего дома. В восемь утра она спустилась к завтраку, оставив позади ночное видение – вся в белом и зеленом, а волосы заплетены в косы. На столе ждали желтое масло и белый хлеб, и варенье, и молоко, и фрукты с ягодами. Громкие веселые голоса болтали о том и о сем – шутки и дела, работа и деньги, тот подстрелил птицу, этот срубил дуб, а кто-то попросил:

– Передайте мед, пожалуйста!

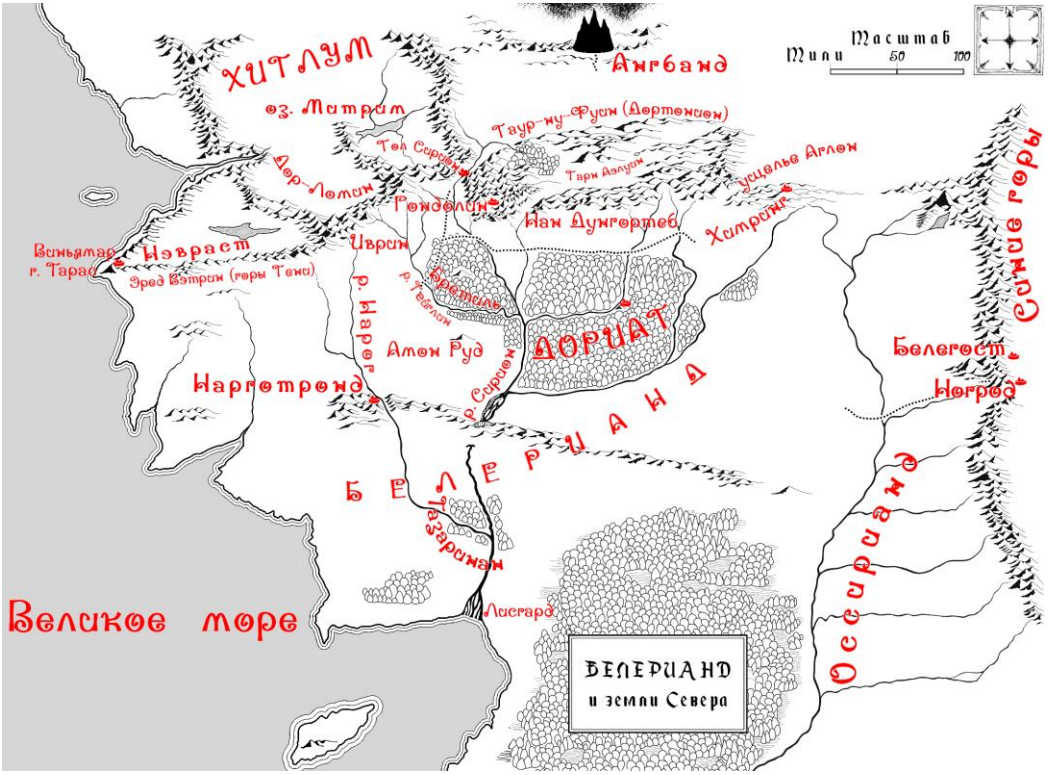
Солнце поднялось выше, и дом гудел, как муравейник: топот ног, метлы и ведра, выбить ковры, помыть посуду… Фириэль надела привычный рыже-бурый халат и принялась за работу, пока дневной свет совсем не угас.

Так потекли год за годом, как будто воды Семиречья один за другим уносили их прочь. Утро сменяло вечер, пасмурные дни – солнечные, трост-

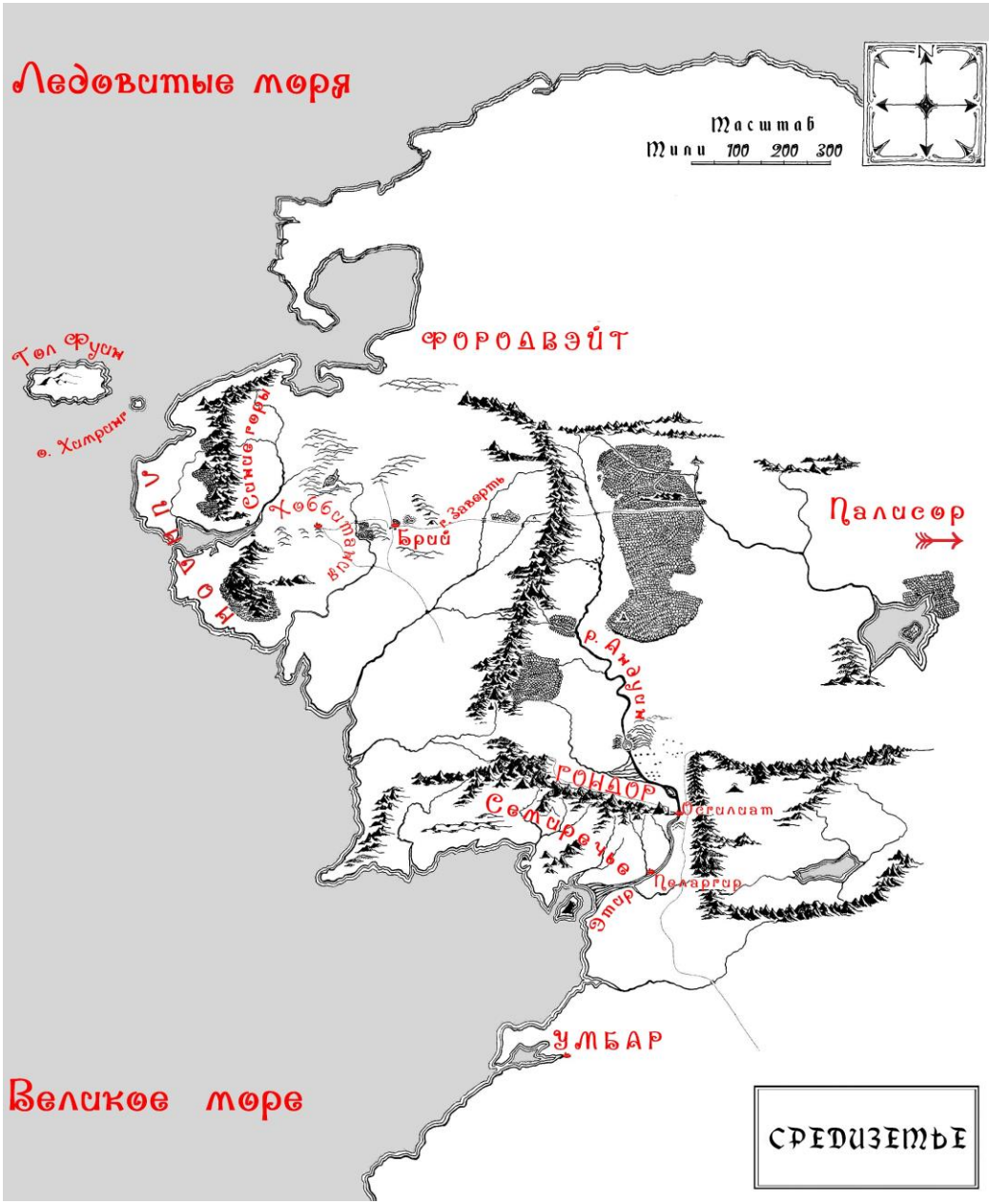
ник и ивы все так же шелестели у реки. Только никогда больше не отправлялись корабли эльфов на запад из смертных земель, и песни их навсегда умолкли.

Приложение: Карты Средиземья

Белерианд и земли Севера



Средиземье после разрушения Белериандa



Запад Средиземья: Хоббитания и окрестности